АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

16+

Приокские зори

ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

1

2018

ЗА ВЕРНОЕ СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ ЕЕ ТРАДИЦИЙ ЖУРНАЛ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ» УДОСТОЕН СЛЕДУЮЩИХ НАГРАД:

Орден Гаврилы Романовича Державина — знак литературно-общественной премии «Живи и жить давай другим...» (Г. Р. Державин «На рождение царицы Гремиславы» Л. А. Нарышкину)

Медаль «300 лет Михаилу Васильевичу Ломоносову» — в честь 300-летия со дня рождения великого русского ученого-энциклопедиста и основоположника современной русской поэзии

Медаль к 190-летию со дня рождения великого русского поэта Николая Алексеевича Некрасова — знак лауреата Некрасовской литературной премии

Тульские зори

ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ИЗДАЕТСЯ В ГОРОДЕ-ГЕРОЕ ТУЛЕ

ЖУРНАЛ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ

ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 2005 ГОДУ

2018 — 1(50)

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
Соцреализм — пробный ход социальной эволюции в литературе «к правде святой» (к юбилею А. М. Горького) ... 3
К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ КЛАССИКА РУССКОЙ И СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ АЛЕКСЕЯ МАКСИМОВИЧА ГОРЬКОГО
Евгений Трещев. Предвестник бури ... 21
Сергей Лебедев. «Кто в Самаре не бывал...» ... 26
Михаил Майоров. Максим Горький и Тула: литературные перекрестки ... 32
Юрий Мартишин. А нашу жизнь склевали свиристели ... 38
КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР
Игорь Карлов. Дважды Краснознаменная повесть имени Генерального секретаря ЦК КПСС, президента СССР Горбачева М. С. ... 43
Яков Шафран. Гришино детство (главы из повести) ... 56
ПРОЗА МАГИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА
Алексей Яшин. Сватовство на Итаке (повесть) ... 71
СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ
Федор Ошевнев. Самосуд ... 105
Игорь Нехамес. Галапагосский спасатель ... 122
Евгений Скоблов. Второй звонок ... 132
Николай Макаров. Водительские права ... 136
Вячеслав Михайлов. Политолог Любаня ... 138
Александр Евсюков. Гранатовое дерево ... 141
Олег Каширин, Виктор Федюшкин. Стоговы ... 148
Анатолий Коновалов. Ливенка ... 155
Андрей Фурсов. Тупик попаданцев ... 160
Иерей Николай Толстиков. Маэстро. Ильинка ... 165
Элина Рудая. Венский сувенир ... 173
Арарат Пашаян. Рассказы ... 175
ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ
Анатолий Аврутин. Новые стихи ... 183
Игорь Лукьянов. «Поэт не пишет под чего изволите» ... 191
Николай Еремин. Вера, Надежда, Любовь ... 197
Елизавета Баранова (Весина). Новые стихотворения ... 201
Ахмет Ваулин. «Зачем шумишь, волна морская...» ... 205
Константин Струков. «Идет война, без правил, без законов...» ... 207

Павел Рославский. Жизнь в тени..... 211
Ольга Андреева. Стихотворения..... 212
Андрей Линник. «Дождик легкий осенний...»..... 216
Александр Тихонов. «Я распахнул окно...»..... 220
ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА
Владимир Чисников. Приключения агента «Блондинки»..... 224
Борис Рябухин. О киноповести писателя Игоря Нехамеса «Бородатые боги»..... 230
Геннадий Маркин. Тугие узлы Валерия Кулешова..... 235
Ольга Козэль. Умейте жить и умейте видеть: интервью с поэтом и прозаиком Ефимом Гаммером..... 245
ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ
(Материалы авторов и об авторах: Сергей Сенин, Яков Шафран, Иван Стариков, Валерий Румянцев, Алексей Молодцов, Ирина Кедрова, Елена Аверьянова, Владимир Резцов, Геннадий Маркин, Николай Боев, Валерий Ходулин, Валерий Маслов, Игорь Нехамес, Леонид Ханбеков, Евгений Скоблов, Ольга Карагодина, Алексей Яшин, Людмила Авдеева, Геннадий Авдеев, Николай Иванов)..... 249

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Рукописи принимаются отпечатанными с приложением файла на CD-RW-диске и публикуются с фотографиями авторов. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи не возвращаются. Требования к рукописям — см. последнюю страницу. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены. По электронной почте материалы принимаются: проза — markingennady@yandex.ru; поэзия — sensei419@yandex.ru; заказ журнала — elisafine@yandex.ru

Адрес редакции: 300025, Тула, а/я 920; e-mail и телефон главного редактора: *priok.zori@mail.ru*; (4872)25-47-42

Главный редактор Алексей ЯШИН (Тула), член Правления Академии российской литературы
Зам. главного редактора — ответственный секретарь Яков ШАФРАН (Тула)
Зам. главного редактора — зав. отделом прозы Геннадий МАРКИН (Щекино)

Редколлегия:

Людмила АВДЕЕВА (Москва)
Анатолий АВРУТИН (Минск, Белоруссия)
Виктор БУЛАНИЧЕВ (Бийск, Алтай)
Ефим ГАММЕР (Иерусалим, Израиль)
Валерий ГАНИЧЕВ (Москва)
Олег ЗАЙЦЕВ (Минск, Белоруссия) — председатель Беллитсоюза «Полоцкая ветвь»
Игорь КАРЛОВ (Эль-Кувейт, Кувейт) — зав. отделом международных связей
Валерий КСЕНОФОНТОВ (Тула)
Сергей ЛЕБЕДЕВ (Тольятти) — зав. отделом литературы Поволжья
Вячеслав ЛЮТЫЙ (Воронеж)
Николай МАКАРОВ (Тула)
Игорь НЕХАМЕС (Москва) — президент Академии российской литературы
Олег ПАНТЮХИН (Щекино)
Сергей ПРОХОРОВ (Красноярский край) — зав. отделом литературы Сибири
Владимир РЕЗЦОВ (Тула) — зав. отделом поэзии
Владимир САПОЖНИКОВ (Тула)
Сергей СЕНИН (Тула)
Валентин СОРОКИН (Москва)
Вадимир ТРУСОВ (Мончегорск) — зав. отделом критики и литературоведения
Александр ХАДАРЦЕВ (Тула)
Леонид ХАНБЕКОВ (Москва) — Почетный президент Академии российской литературы

Зав. редакцией Марина БАЛАНЮК (Тула)
Художник Олеся ЯНГОЛ (Юрмала, Латвия)
Редактор Валерий ДЕМИДОВ (Тула)
WEB-мастер Виктор ХРОМУШИН (Тула)
Секретарь Елизавета БАРАНОВА (Тула)

Информационная поддержка:

— Литературное агентство «Московский Парнас»
— журнал «Истоки» (Красноярский край)
— журнал «Бийский вестник» (Бийск, Алтай)
— журнал «Новая Немига литературная» (Минск, Белоруссия)
— «Общеписательская литературная газета» (Москва)
— газета «Тульская правда»
— газета «День литературы» (Москва)

Журнал издается при организационной поддержке Академии российской литературы, Тульского госуниверситета и Тульского регионального отделения Союза писателей России (председатель Н. А. Жуков)

Полный текст журнала публикуется в электронном виде на сайте Интернета: http://www.pz.tula.ru (в PDF формате). См. также на сайте «Русское поле»: http://priokskie.ruspole.info и на сайте «Мегалит: евразийский журнальный портал»: http://www.promegalit.ru/magazines/priokskie-zori.html

Альманах «Ковчег» журнала «Приокские зори» публикуется в электронном виде на сайтах: http://www.pz.tula.ru/pzBgr.html, http://www.promegalit.ru/magazines/kovcheg.html и http://priokskie.ruspole.info

Адреса журнала «Приокские зори» и альманаха «Ковчег» в «Журнальном мире» — едином ресурсе русскоязычных литературных журналов и альманахов: http://журнальныймир.рф/zhurnaly/priokskie-zori http://журнальныймир.рф/zhurnaly/kovcheg

Адреса страниц журнала «Приокские зори» и «Ковчега» в Фэйсбуке: https://www.facebook.com/PRIOKZORI2017/ https://www.facebook.com/groups/830445600458209/?fref=ts

© «Приокские зори», 2018

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

СОЦРЕАЛИЗМ — ПРОБНЫЙ ХОД СОЦИАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ В ЛИТЕРАТУРЕ «К ПРАВДЕ СВЯТОЙ»

К 150-летию со дня рождения классика русской и советской литературы Алексея Максимовича Горького

♦ ...Как учили нас мудрые наставники в Литературном институте им. А. М. Горького Союза писателей СССР (про нынешний «Тверской бульвар, 25» ничего сказать не могу...), если название художественного или литературно-публицистического произведения содержит более двух-трех слов, то дотошный читатель тотчас начинает искать в нем, то есть в собственно названии, некий скрытый смысл, завуалированный подтекст и так далее. А в наше, будь оно не к ночи помянуто, славное время превалирования в маскультуре, в литературе тож, детективного начала, а также всего содержания и окончания с лейтмотивом «хэппи энда», и вовсе искушенный знающий грамоте затаит про себя догадку конспирологического характера... А какое это удовольствие для литературного критика, творческий подход которого суть «ловля блох»?!

Эта преамбула имеет целью и назначением сообщить читателю: в названии настоящего очерка «как пишется, так и читается», а слова «к правде святой» закавычены исключительно по правилам русской грамматики, как взятые из пьесы «На дне» Максима Горького, столь памятные (слова) со школьных уроков литературы: «Если к правде святой мир дорогу найти не умеет, честь безумцу, который навеет человечеству сон золотой». То есть «ловцы блох», а особливо конспирологи, далее по тексту очерка могут отдыхать: «правда святая» в его названии никак не соотносится с «безумцем» и «сном золотым».

Господи! Как надоело порой (и часто!) все разжевывать, почти что оправдываться, говоря на темы, в нынешнее (см. выше) время малопопулярные, а Алексей Максимович сейчас забыт основательно и почти что «директивно от СМИ». Но это почти обязательное добровольное бремя для главного редактора незапиаренного «толстого» литературного журнала. Увы. Ведь не следовать же, упрятав литературную совесть в карман, той же статье-персоналии о Горьком в популярнейшей «Википедии», где упор сделан на «гиперсексуальности Горького» и его неумеренной тяге к роскоши: здесь и житье-бытье на Капри, и каюта люкс-класса на пароходе, идущем в Америку...

Что здесь сказать? По части «гипер» разве что напомнить уже вековой с гаком анекдот, бытовавший в кухонных посиделках слегка диссидентвовавших «под пузырек очищенной» интеллигентов, в котором на прогулке по тенистым аллеям Ясной Поляны Горький интересуется у Льва Николаевича (шел 1900-й год) о его грехах молодости по женской части, на что тот отвечает, что-де все было в принятой норме. Алексей же Максимович признается: «А я в молодые годы отменным был кобелем!» «Википедия» пошла намного дальше, продлив «гипер» пролетарского писателя до его смертного одра — о Марии Будберг речь идет... Воистину, используя термины науки психологии, в современном литературоведении происходит *сдвиг мотива на цель*, когда собственно анализ творчества писателя подменяется копанием в его

«окололитературном белье». И далеко не только в литературе; здесь сто очков вперед дает телевизионное кино- и театроведение, особенно в исполнении того чернопатлатого молодца, кумира пожилых домохозяек, что каждый божий вечер мельтешит на экране. Кстати, в самое «смотровое» время. И добрый наш народ, как библейские гадаринские свиньи, послушно и даже охотно бежит вослед этим сдвигателям мотивов в глубокую пропасть того полнейшего бескультурья, по части которого мы вот-вот «догоним и перегоним» Америку со всем Западом-Востоком вкупе... Но — это все к слову сказано, хотя и по делу.

Что же касается упреков Горького в тяге к роскошной жизни, то, во-первых, естественное желание человека с босяцким детством — юностью почувствовать во взрослой жизни расслабление; во-вторых, роскошь-то пролетарского писателя была сугубо относительной, на уровне какого-нибудь адвоката или чиновника средней руки, еще и на революцию грядущую изрядно давал; наконец, и в главных, не следует забывать истоки этой сомнительной «роскоши»: это не миллиарды $ и € современных наших (а наши ли они?) *олигархеров*, разворовавших все, что Россия создала за свою 1000-летнюю историю: и материальные ценности сталинского и послесталинского периода, и сведя к нулю «личным примером», через продажные СМИ и пр. всю духовную составляющую, выработанную в русском народе от времени крещения Руси: от христианской морали и нравственности до образования и искусств. Литературы в том числе. Горький же не воровал, не занимался каким-либо видом спекуляции, не играл в карты и на бирже, но жил («роскошествовал») сугубо писательским трудом. А то что он оплачивался достаточно высоко, то здесь «виновата» отпущенная им от природы мера таланта, огромное трудолюбие и неустанное самообразование...

Заметим — по аналогии с Горьким — что как-то вскользь касаются Некрасова, признанного обличителя тягот трудового русского крестьянства. А ведь этот выдающийся русский поэт, значительную часть своей творческой жизни проведший в самой отчаянной нищете, в одночасье, говоря словами Пушкина, «стал наследником всех своих родных», к тому же обнаружил в себе необыкновенно счастливое (без шулерства!) везение в картежной игре. И став самым богатым из русских литераторов, Николай Алексеевич совести не потерял: выписывая коллекционные охотничьи ружья и собак из Англии, задавая самые роскошные в Петербурге обеды, словно компенсируя голодную молодость, бóльшую часть наследных и выигранных денег тратил на развитие русского литературного процесса: через свои «Отечественные записки» он де-факто и завершил создание великой нашей (вот это точно — нашей!) литературы XIX века и задал темп ее совершенствования на почти весь последующий век.

...Любого нормально, самодостаточно мыслящего человека бесит нынешняя ситуация с теми редкими Нобелевскими премиями, что сейчас получают ученые, преимущественно физики, из России. Как к новоиспеченному «нобелисту» липнут навязчивые корреспонденты: «А какую часть премии вы вложите в развитие своего института, научных фондов?» и так далее в той же тональности. Но никому из них в голову не придет с теми же дурацкими вопросами о пожертвованиях обратиться к любому торгашу, перекупщику и прочим представителям пресловутого класса «предпринимателей средней руки», у каждого из которых на текущем счету лежит не один такой «нобелевский миллион»... Почему-то считается, что достаточно скромная премия, полученная выдающимся ученым за полувековую и более лет сверхнапряженную работу ума, или, как в случае с Горьким, за истощающую голову и тело творческую и литературную деятельность, отмеченную — от природы — немалым талантом, есть некая дармовщина навроде выигрыша в лотерею, которой «по совести» надо делиться! А вот торгашество-спекуляция есть кровно заработанное и дележу не подлежащее... Чуден мир твой, Господи.

Вот что опубликуют к грядущему юбилею Горького периодические литературные издания — не трудно догадаться: все та же «роскошь и гиперсексуальность». Пример тому свежайший: главной кинопремьерой, да еще телевизионной сериальной, то есть на массового зрителя, прошедшего года 100-летия Великой Октябрьской социалистической революции стал, конечно же, фильм о Ленине... но сугубо в контексте его торговли с Парвусом в части германских денег на революцию и доставки Владимира Ильича в Россию в опломбированном вагоне... Ни много, ни мало. Ради справедливости отметим, что ни одна революция в мире — по крайней мере после Великой Французской 1789-го года — не совершалась без поддержки извне: глобализация не сегодня родилась.*

...В отношении же Горького, как минимум, «акулы публицистического пера» добавят о возвращении писателя в СССР, объясняя это исключительно тем, что на Западе Горького начали забывать, тиражи, а значит и гонорары его упали, «роскошествовать» не на что стало... А то, что так долго держал его на Адриатике климат, более всего подходящий для хронического туберкулезника Горького (наследие «безроскошной» молодости...), это для «акул» довод третьестепенный. Болезнь же писателя была очень серьезной. Отец мой, Афанасий Андреянович, начинавший в тридцатые годы воинскую службу на Северном флоте, рассказывал о приезде Горького в те края со специфически суровым климатом. Едва Алексей Максимович сошел с поезда на перрон мурманского вокзала, как он стал задыхаться. Его на ближайший аэродром и — на Большую землю. Вот так-то, а они все о «роскоши» и нехватке гонораров!

Могу еще инвективу для «акул» подкинуть. Все мы, бывшие советские школьники, помним фотоиллюстрацию из учебника литературы, на которой Горький играет в шахматы с Лениным на острове Капри. На заднем же плане снимка стоят болельщики. В те же школьные годы один знающий много чего по жизни старший родственник обратил мое внимание на явную пустоту в шеренге болельщиков. «Подчищенная фотография,— объяснил он,— мне же довелось видеть ее в очень давнем издании: на нынешнем пустом месте стоял... Бенито Муссолини, тогдашний лидер итальянских социалистов. И не просто стоял, а чему-то хохотал, уперев руки в боки!»

...Впрочем, хватит нам подсказывать «акулам». Они и не то посочиняют или из архивов извлекут. Это мы все написали к тому, что в отношении Горького сейчас действует, не только в масс-медиа СМИ, но и к сожалению в сугубо литературной периодике, общая идеология «свержения советских кумиров»: оболгать и смешать с грязью. Тому же служит и пресловутая «академическая объективность». Во всяком случае, даже робкие попытки объявить «годом Горького» 2018-й не предпринимались. Все четко расставлено по регламенту нынешнему... Но мы обращаемся ниже к теме очерка, заявленной в его названии.

♦ Мы не щегольства ради и «профессорского снобизма» сделали выше ссылку на свою, сугубо научную, впрочем, свободно читаемую любым образованным человеком, книгу о существе современного процесса глобализации мира. И позволим <пользы для> дать из нее краткое определение, скорее пояснение, термина «пробный ход социальной эволюции» — из названия настоящего очерка. Любой эволюционный процесс, который мы «сузим» для большей понятийности до жизни на Земле, от собственно эволюции по Дарвину — Ламарку и до его вершины — социализации *homo sapiens* в эпоху цивилизации и культуры — движется во времени методом тупиковых, ложных и пробных ходов, на общем фоне которых природа, то есть законы Ми-

---

* Интересующиеся см. книгу: Яшин А. А. Феноменология ноосферы: Глобализм, или высшая и завершающая стадия империализма: Монография «Живая материя и феноменология ноосферы». Т. 12 / Предисл. А. И. Субетто.— Тула: Изд-во ТулГУ, 2016.— 460 с. (В электронном виде — на разных сайтах Интернета; набрать по поисковику Ф. И. О. автора и название книги).

роздания, выверяет магистральный путь. Тупиковые и ложные ходы отсекаются от этой магистрали, а вот пробные, как правило, в какие-то временные периоды опережают в своей действенности магистральное устремление. То есть они как бы «подсказывают»: хотя мы и опередили верный путь эволюции, но она учтет их в своем дальнейшем <тоже верном> движении. И вовсе не беда, что до этого «дальнейшего» времени опыт пробного хода вроде как забывается... Каждый из вас, уважаемый наш читатель, тотчас и особо не задумываясь вспомнит множество ситуаций — от личных бытовых до прочитанного из сферы истории и высокой политики — подобного рода.

Если же вспомнить из курса школьной — желательно советской, объективной в рассмотрении событий мирового ареала — истории о последовательности смены общественно-экономических формаций, от первобытно-общинной стадии до социально ориентированной (социализм — коммунизм в тогдашней терминологии) фазы социальной эволюции человечества, то станет понятной роль пробных ходов. Здесь классический пример Франция: прикиньте, сколько раз после революции 1789-го года республика (она у них по счету сейчас официально именуется пятой...), то есть буржуазный строй, «чередовалась» с монархией, как отголоском феодализма?

Поэтому величайшую в мировой истории «контрреволюцию» (она же первая в новейшее время и самая впечатляющая «цветная революция») в СССР и во всем мировом лагере социализма, исключая Кубу, Китай, Вьетнам и КНДР, в самом начале завершающего двадцатый век десятилетия вовсе не следует понимать как признание социалистической формации тупиковым ходом эволюции. Абсолютно нет — это было грандиозным пробным шагом. Во-первых, потенциал империалистической стадии капиталистической формации к началу двадцать первого века оказался еще не исчерпанным; во-вторых, и в главных: все же прав оказался Маркс об одновременности перехода *всего* мира к социалистической формации. На начальном этапе создания СССР в том же был убежден Троцкий (как бы мы не относились к «Иудушке», используя ленинское прозвище). Ленин же был поставлен перед фактом социалистической единичности СССР, поэтому и появилась его корректировка Маркса «о возможности победы социализма в отдельно взятой стране».

Великий практик и стратег строительства в СССР социализма в его советской форме Сталин, вне всякого сомнения, понимал правоту Маркса, поэтому, упразднив не оправдавший себя Коминтерн, использовал победоносные для СССР итоги Великой Отечественной войны и вообще ситуацию, сложившуюся после Второй мировой войны, для создания мирового социалистического сообщества государств, далее продолженное его преемниками, хотя бы «волюнтарист и пробебелист»* Хрущев едва не погубил начатое Вождем дело. Однако перманентная социализация мира не смогла преодолеть мобилизовавший все свои немалые еще возможности империализм. В итоге СССР подчистую проиграл Третью («холодную», информационную и пр.) мировую войну. И сейчас имеем то, что имеем... Пробный ход социализации в советской ее форме завершился, ибо магистральный путь социальной эволюции, как человечество осознало его только в последние два десятка лет, завершением которого является создание (уже прямо по Марксу) бесклассового мирового сообщества, прообразом которого в пробном ходе явился СССР, так «запрограммирован» законами Истории — Мироздания, что это мировое объединение должно состояться в рамках... глобализации (?!) Да-да, именно сам империализм в высшей и завершающей своей стадии подготовит социально-экономическую базу для грядущего всемирного бесклассового общества. Сам же он как общественная формация отомрет. И что в этом

* Так характеризовался Никита Сергеевич после его снятия со всех постов осенью 1964-го года в советских СМИ. Последние и тогда были слабограмотными, поэтому часто путали слово «пробебелист» — от имени Августа Бебеля, имевшего «терки» с Марксом — с веселым «пробабелист». Народ усмехался.

удивительного? Достаточно знать историю, которая и не такие «выкрутасы» при смене формаций являла человечеству.

Словом, *per aspera ad astram* (через тернии к звездам — в пер. с лат.), ибо уже начавшийся этап глобализации, который продлится — по различным авторитетным (и не очень...) прогнозам — от восьмидесяти до двухсот лет, явится величайшим испытанием для человека. И, понятное дело, сложившееся к окончанию периода глобализации мировое социально ориентированное сообщество, да и сам человек, почти ничем не будут напоминать не только общество и его членов в произведениях добрых старых писателей-утопистов навроде Мора, Кампанеллы, Этьена Кабэ, нашего князя В. Ф. Одоевского, но и реалии прошедшей советской эпохи. Но и не надо особо жалеть наших далеких потомков: человек обладает выработанной гибкостью приспособления к жизненным ситуациям; как говорится, внук — это уже не его дед, хотя внешне и схожи.

Но все же мы, захватившие в своем жизненном движении изрядное число советских лет, должны гордиться: ни до нас, ни после, в том числе в постглобалистском бесклассовом *человейнике* (термин нашего выдающегося ученого и писателя-социолога А. А. Зиновьева), *никому в мире* не выпадет жить в подлинно бесклассовом обществе с полностью заглушенным атавизмом частнособственничества — особенно в «золотые» 60—80-е годы*! При этом в полной мере чувствуя себя индивидуальной личностью, чего вовсе не будет в воспоследующем человейнике — то есть Марксовом мировом коммунизме. Пусть члены одноименной партии на нас не обижаются: законы Истории — Мироздания исправлению не подлежат...

♦ Приведенное выше пространное пояснение вовсе не авторская прихоть, ибо оно на уровне современного знания объясняет предтечу возникновения соцреализма как литературного (других отраслей советского искусства, культуры и пр. мы здесь не касаемся, учитывая конкретику заданной темы очерка) отражения того *пробного* хода социальной эволюции, который мы называем периодом советского социализма в истории России.

Опять же уточним терминологию. Соцреализм, как принятое сокращение, однозначно читается как социалистический реализм, то есть это определение сужено до «привязки» к конкретной общественно-экономической формации, к социализму. Еще большее сужение подразумевает действовавший с СССР вариант последнего: советский социализм. Уточнение существенное, ибо формы социализма могут быть различными, доходя до полного взаимного антогонизма. Так в 20—40-е годы прошлого века наряду с <интернациональным> советским социализмом миру были явлены германский национальный социализм (нацизм) и итальянский социализм Муссолини, особенно в последний его период — республика САЛО (фашизм). И сейчас, когда уже нет Советского Союза, наблюдаем различные формы социализма в мире: тот же «шведский социализм», китайский социализм, чем-то напоминающий госкапитализм. А еще совсем недавно в <ныне разгромленной империалистами> Ливии Муаммар Каддафи создал арабский вариант социализма: Арабская социалистическая джамахирия...

Но вернемся к советскому соцреализму, причем не вызовет особого возражения читать это сокращение как *социальный реализм*, в нашем случае с прибавлением определения *советский*. Это вовсе не логико-грамматическая казуистика, но терминологическое уточнение, в рамках которого советский социальный реализм суть литературный (см. выше: речь идет только о литературе) метод, в полной мере воспринявший основные творческие традиции и высокий художественный уровень русской

---

* См. книгу: Алексей Яшин. Зато мы делали ракеты: Воспоминание о будущем (седьмая книга рассказов Николая Андреяновича): Роман-новеллино / Предисл. Л. В. Ханбекова: Академия российской литературы.— М.: «Московский Парнас», 2015.— 441 с. (В электронном виде на сайте www.pz.tula.ru).

классической литературы XIX — начала XX века, в особенности периода доминирования критического реализма, осознанно переориентированный в ситуации бесклассовой* социальной среды, из обихода которой директивно и воспитательно полностью изъят атавизм частной собственности, на художественное отображение процессов создания исторически новой социалистической формации, а главное — человека нового типа с душевной, морально-этической и интеллектуальной организацией, понимающего личную свободу как осознанную необходимость (по Гегелю и Марксу), жизненные личные устремления которого гармоничны в рамках социума, а степень достижения (реализации) которых обусловлена двумя основными факторами: данными природой и воспитанием, в том числе <волевым> самовоспитанием, личностными качествами и степенью коррелирования и векторизации этих качеств с потребностями социума, в данном случае государственно монолитного.

...Вроде как не особо коряво сказано, хотя бы мы убрали принятую в советское время этакую «цветистость» в определениях такого вида.

Коль скоро выше сопоставляются — соподчиняются русский критический реализм и соцреализм, то естественен вопрос: если в первом все художественные средства литературы использовались в ситуации коллизии борьбы добра со злом, или хорошего с малохорошим, или... и так далее, то кто с кем «борется» в рамках метода соцреализма? Те же старинные наши — и добрые в общем-то в душе — «кухонные диссиденты» иронизировали, дескать, соцреализм — это художественное отображение борьбы лучшего с еще более лучшим... Почему-то авторство такого лихого определения приписывали замечательному русскому советскому писателю Федору Васильевичу Гладкову, кстати, родоначальнику жанра так называемого производственного романа, автору «Цемента» и «Энергии». Кстати, великолепно написанных книг, памятных мне с отроческих лет. Но... все же его автобиографическая тетралогия о детстве-отрочестве-юности с ее колоритными сценами из мещанско-купеческого быта еще более художественна. Именно за нее Гладков и получил с перерывом в год аж две Сталинские премии... Впрочем, на Федора Васильевича много чего понавешали. Даже одесские классики Ильф с Петровым его не обошли в эпопеи об Остапе Бендере; помните? — «Толстовка-гладковка» (это о покрое мужских рубах навыпуск).

Все это, конечно, чушь окололитературная — навроде масла масляного, оно же сражение «лучшего с еще более лучшим». В отличии от определенной прямолинейности отрицания добром зла в методе русского критического реализма, в советском соцреализме диалектически, то есть основанное на трех законах диалектики Гегеля (и Маркса — Энгельса, впрочем, скорее последнего), обусловленное противостояние имело не отрицающий, но скорее поощряющий характер. В центре внимания этого творческого метода была вовсе не *система* (это опять от диссидентствования на московских кухнях), но человек нового типа, уже упомянутый выше. А как развивается телом, умом, душой любой человек? — Правильно, он вырастает из прежних «одежд» (для тела — без кавычек) и обретает все новые и новые. Для советского же социума дополнительно требуется еще *общественная гармония*. И сущность конфликта, как стержня сюжетной организации литературного произведения, в соцреализме переносится в духовную сферу, проще говоря, в аспект «догоняющей» моральной организации человека — члена общества с декларируемой высокой степенью этой организации. То есть устремление к идеалу — маяку, в основе которого лежит христианская мораль, хотя бы она в СССР и именовалась «Моральным кодексом строителя коммунизма», а не <как в первоисточнике> Нагорной проповедью

* Официальное разделение населения СССР на классы рабочих и крестьян с межклассовой прослойкой интеллигенции во многом являлось формальным, особенно начиная с 60-х годов.

Христа или заповедями блаженств Нового Завета.* Места удивлению и иным эмоциональным проявлениям здесь нет. Более того, как и советский социализм, христианство — речь идет о его морали, а не об институте христианской церкви — также является своего рода, хотя и растянувшимся на два тысячелетия, пробным ходом социальной эволюции. Увы, сейчас, «на взгорке» глобализации, от морали Христа мало что остается... Так что совсем не популистскими звучат слова Г. А. Зюганова, что Иисус Христос был первым коммунистом.

Надеемся, что изложенное выше краткое определение соцреализма, лишенное догматичности советских учебников истории, напомнит читателям, заставшим советскую эпоху в сознательном возрасте, о том времени, когда литература искала путь «к правде святой», а не только жаждала пиара-гонорара!

♦ Переходя собственно к формированию творческого метода соцреализма, роль Горького в котором если не решающая, но — направляющая, нельзя не вспомнить положение дел с литературным творчеством и литполитикой в СССР в первые десять послереволюционных лет. А творилось очень даже похожее — в части той же литературы — на наше время, включающее последние двадцать с небольшим лет. С одним «малозначительным» отличием: если сто лет назад русский литературный мир кипел, вырывался паром многочисленных талантов — от поэтического хулиганства до литературно-философской прозы *все были талантами*! — то сейчас, говоря словами одного из тех давнишних <в третий раз не будем употреблять в одном предложении то же слово>, «мы — умы, а вы — увы!» Причем 100 %-ый акцент ставим на последнем слове... Увы. Хотя страсть к тем же эпатажным названиям книг воскресла в полной мере. Не моя задача рекламировать одну нынешнюю частную премию и кандидатов на получение оной, но не могу отказать себе в удовольствии и в контексте с означенным выше сравнением литературных эпох привести название номинированных на премию 2017-го года книг. А именно: «В Советском Союзе не было аддерола», «Не боюсь Синей Бороды», «Ленин. Пантократор солнечных пылинок», «Конец Покемаря», «Заххок», «Голомяное пламя», «Лампа Мафусаила, или Крайняя битва чекистов с масонами», «Петровы в гриппе и вокруг него», «Манарага», «Головастик и святые» и так далее.

Еще раз — это не упрек и не порицание авторам, несомненно уважаемым людям, а названные их произведения вовсе не случайно отобраны в «длинный список» еще более высокочтимой премии. «Разоружаясь перед партией», как говорили на партчистках тридцатых годов, и себя включу в череду диковинных названий со своим романом «Задушевные беседы об умозамещении»... Итак, история повторяется, ибо она циклична и в области литературы. Точно также в 1920-м году в изданном сборнике самых «истовых» имажинистов Александра Кусикова и Вадима Шершеневича «Коробейники счастья» первый представлен «Коевангелиераном (Поэмой причащения)», а другой ни много ни мало «Песней песней». Но ведь это была поэзия с большой буквы! Вчитайтесь в строфу «Песни песней»:

Что трансатлантик речными между,
Ты женщин остальных меж
Мной и полночью славлена дважды
Шуршащего шопота мышь.

---

* См. книгу: Яшин А. А. Феноменология ноосферы: Апология христианства: монография «Живая материя и феноменология ноосферы». Т. 15 / Предисл. А. И. Субетто.— М.: «Московский Парнас», 2018.— 506 с. (В электронном виде — на разных сайтах Интернета; набрать по поисковику Ф.И.О. автора и название книги).

...И у Кусикова:

Полумесяц и Крест,
Две Молитвы,
Два Сердца,
(Только мне
— никому не дано)
В моей душе христианского иноверца
Два Солнца
А в небе одно.

Первые послереволюционные годы на фоне грохочущей со всех четырех сторон света вокруг Новой России, сжавшейся до размеров Московского княжества, фронтов Гражданской войны в литературе вылились в эклектическое поэтическое соревнование в стенах Политехнического музея. Но уже семимильными шагами вступала в советский мир новая проза — предвестник соцреализма. Уже комиссар Фурманов, как положено, оболганный в новом телеварианте фильма о Чапаеве, работал над своей книгой о легендарном командире 25-й дивизии на Колчаковском фронте. «На подходе» были Серафимович, Алексей Толстой, Борис Лавренев, Овадий Савич с их темой великой послереволюционной войны. Двадцатые годы — разноцветье русской и советской (во многом еще порознь...) литературы, издававшейся как в России, так и в Берлине, Праге, Париже, Белграде, в «русском» китайском городе Харбине. А что происходило в «двоюродном брате» литературы — в театре? Неиствовал Мейерхольд с его интермодернизмом. Опять же читай у наших выдающихся одесских классиков карикатурное, но верное описание «трудовых будней» вымышленного театра «Колумб», на представления которого в глубоко традиционалистском тогда городе Тифлисе билеты не были распроданы.

И так далее. Образованному в советское время читателю и объяснять-то не надо, а нынешним генерациям? — Мы с ними на разных языках говорим. Они — «*on line*» в переписке по «инту» типа (по Мише Задорнову): «Ты че?» — «Я ни че, а ты?» А мы-то все о высоком, исторически значимом талдычим... Именно так они, юные «строители» Новой России, и понимают всякие историко-литературные реминисценции: от слова *талдонить*, то есть говорить зазря (по Владимиру Далю)...

Меж тем, победив в Гражданской войне врагов внутренних и интервентов Антанты, но только проиграв, «благодаря великому стратегу» поручику Тухачевскому Польскую кампанию, выслав идеолога всемирной революции (опять же вспомните стихи выдающегося поэта Велимира Хлебникова, участника похода Красной Армии по созданию Персидской советской республики...) Льва Давидовича Троцкого сначала в Ташкент, а затем и вовсе — по «нансеновскому паспорту» — в Норвегию, советская власть начала задумываться об отечественной литературе, благо соответствующий наркомат возглавлял Луначарский, сам видный публицист. И роль «жены и друга вождя мирового пролетариата» Надежды Константиновны здесь не следует преуменьшать. Во всяком случае <уже позднее> появившийся «проскрипционный список» нежелательных для прочтения советским человеком книг, кстати, действовавший в базисе своем до окончания СССР, именовался как список Луначарского — Крупской... Но — может и на пользу действовал, разумея реалиями нынешнего дня. Во всяком случае, все эти издания «под запретом» хранились во всех библиотеках областного уровня в советское время. Если читатель знал их библиотечный номер <а они в кругах интеллигенции из рук в руки передавались>, то их безропотно выдавали для ознакомления в читальном зале. Еще проще — коробка конфет «Птичье моло-

ко»... До изумления проста и народна была советская власть! Все было можно и возможно, но только с джентльменским условием: «не трогать за вымя» советскую власть и *лично* Первого и Второго Ильичей...

♦ Задумалась советская власть и об упорядочении творческих устремлений писателей. Первой пробой оказался Пролеткульт. У его истоков стояли весьма разномастные люди. В который уже раз вспомним бессмертных одесских классиков. Из их знаменитой дилогии: «Вышел старик Ромуальдыч в поле, понюхал портянку и аж весь заколдобился». И, разумеется, как подзаработки для в спецпоезде на сострыковку рельс Турксиба Остап Ибрагимович сочиняет для слабо грамотных пролетарских литераторов универсальный справочник-руководство для написания романов, эпических поэм и народных сказаний... Это как у нас в девяностые — начале двухтысячных годов каждую неделю на полках тогда еще не упраздненных (за нерентабельностью) книжных магазинов появились свежеотпечатанные оптом десятитомные собрания сочинений сексуально-детективного содержания под звучными, обязательно женскими, «псевдонимами», скороспело написанными «литературными неграми» по переведенным «с американского» компьютерным программам, в которые — по избранному из прейскуранта сюжету и фабуле — оператор вычислительной техники «вбивал» русскоязычные имена персонажей и антураж действия «ин рашен». После того как «комп выплевывал» уже готовый текст с заданным числом страниц, профессиональные еще с советских годов редакторши, горестно вздыхая о нынешнем воспитании своих детей и внуков, приводили машинный язык к нормам русской словесности, а правленый текст передавали в типографию...

Но советский Пролеткульт принципиально отличался от нынешнего «Буржкульта» своим устремлением к заорганизованности, понятно дело, сочетаемой с традиционной русской административной бюрократией. Как и во всех послереволюционных (в мире) ситуациях, молодая и энергичная власть и еще не потерявший восторженного энтузиазма народ (электорат по-нынешнему) гипертрофированно усиливают как положительные свои национальные качества, так и сугубо негативные...

И «у руля» создания и дальнейшей действенности Пролеткульта, оговоримся, были приверженцы и пропагандисты идей нового, советского искусства, литературы в первую очередь, как вида культурного развития масс, не требующего больших материальных затрат, весьма своеобразного, различного характера. Интеллигенты старого запала, тот же Луначарский, понимая нужность и своевременность задачи координации творческой деятельности, порой делали хорошую мину при игре, которая не совсем им была по нутру. Конкретно и четко определил ситуацию Владимир Ильич <даем полную, не привычно обрезанную цитату>*: «Пока наши массы темны и безграмотны, важнейшими из искусств являются кино и цирк».

...Скандировал со всех возможных трибун пролетарский поэт Маяковский. Строчил километры своих стихов — впрочем, все по *тогдашнему* времени не в бровь, но в глаз! — Демьян Бедный, «мужик вредный»... Были и вовсе одиозные руководители Пролеткульта. Достаточным будет вспомнить композитора и вообще мастера <в искусстве> на все руки Арсения Авраамова (это подчеркнуто библейский псевдоним; на самом деле был он сыном донского казачьего генерала...), сочинившего к пятилетию Октябрьской революции «Симфонию гудков», во всем мире признанную самым модернистским музыкальным произведением.

Главное, рассуждая о времени Пролеткульта, следует постоянно держать в голове, что на этот период отечественной литературы пришлось сосуществование, причем в совершенно различных коллизиях — от добрососедства до откровенного взаимонепри-

---

* Это как с известными словами Ленина о нашем городе: «Значение Тулы для республики огромно, но массы там далеко не наши».

знания — наследников русской классической литературы, причем в десятках имен первой величины, те же Бунин, Леонид Андреев, сам Горький, Куприн, Алексей Толстой, Дмитрий Мережковский и многие другие — неважно, «у себя дома» или в эмиграции, и выходящих на сцену литературного процесса писателей и поэтов, что в скором времени составят костяк горьковского метода соцреализма: Шолохов, Леонид Леонов, Борис Лавренев и так далее — и сейчас их имена еще держатся на слуху в России.

Мы намеренно назвали только прозаиков по преимуществу, ибо еще более пестрая картина наблюдалась в стане поэтических талантов. Здесь еще далеко было до умиротворяющего штиля в мощнейшем, увы, последнем, великом всплеске русской поэзии — речь идет о Серебряном ее веке. Наряду с ее классиками до пролеткультовых времен, вовсе не «прокрустовых» на рубеже десятых-двадцатых годов, уверенно дошел поэтический модернизм. И не только дошел, но получил новое дыхание, ибо революции (только не нынешние «цветные»!) и битвы гражданских послереволюционных войн всегда являлись катализаторами поэтического вдохновенья... каким бы кощунственным это не представлялось в более мирные времена. В чем-то это сродни расхожему про «кому война...» Но у массового поэтического всплеска свои социальные движители.

Таким образом, роль Пролеткульта, как изначально ограниченного во времени своей действенности образования идеологически — творческого характера, являлась двойственной. С одной стороны, он был смешением всех творческих сил России, то есть уже СССР, где каждый — классик русской словесности, поэт-модернист и начинающий пролетарский писатель от станка или сохи — имел право... ну-у, скажем осторожно, *совещательного* голоса; с другой же — явно просвечивалось сугубо директивное сито. Заметим, что по старинному и всегда вечно новому и не отменяемому, русскому административно-бюрократическому обычаю, размеры ячеек этого сита уменьшались по мере удаления от столицы. Каждый чиновник, в том числе от литературы, чем меньшим рангом он обладает, тем более он «борзеет» по принципу: как бы чего не вышло... А потом его сын или внук, продолжая трудовую династию чиновничества, все свалят, например, на Сталина. Не забудут и Анатолия Васильевича Луначарского и других наркомов по культурной части. И совсем с восторгом проскандируют про хрущевских «пидорасов». А с особой обидой и до сих пор с телеэкранов долгожители соцреализма поминают достославного руководителя советских масс-медиа (не вспоминается фамилия, вроде как Лапин?), что во всеуслышание заявил, дескать, наше ведомство Госкомтелерадио не фабрика «Красный пролетарий» и трудовые династии нам не нужны! — И разогнал многочисленные когорты детоквнуков знаменитых фамилий по областным театрам, филармониям и пр. ...Только ближе к горбачевщине сумели бедолаги вернуться на вольные столичные хлеба.

Выполнив свою роль, в общем-то положительную, если оценивать ее сугубо объективно, Пролеткульт ушел. Главное, в борениях, страстях и многих ошибках порой, были намечены контуры нового в мире творческого метода, особенно в литературе — соцреализма.

♦ Еще раз подчеркнем, что ставим знак тождественности в понятиях, разно расшифровывающих это сокращение: *социалистический реализм* ≡ *социальный реализм*. И повторимся: в том и существенное отличие соцреализма от <предыдущего по времени> русского критического реализма XIX — начала XX веков, что сугубый критицизм последнего уступил место реализму в анализе социальной среды. Лучше самого Горького никто не обрисовал это различие (из его литературно-публицистической статьи — цитируем по опосредованному источнику): «*Русская литература — самая пессимистическая литература Европы; у нас все книги пишутся на одну и ту же тему — о том, как мы страдаем: в юности и зрелом возрасте — от недостатка*

разума, от гнета самодержавия, от женщин, от любви, от любви к ближнему, от неудачного устройства вселенной; в старости — от сознания ошибок жизни, недостатка зубов, несварении желудка и от необходимости умереть.

Каждый русский, посидев «за политику» месяц в тюрьме или прожив год в ссылке, считает священной обязанностью своей подарить России книгу воспоминаний о том, как он страдал. И никто до сего дня не догадался в ы д у м а т ь (выд. нами.— А.Я.) книгу о том, как он всю жизнь радовался».

...Здесь за примерами ходить не надо, их масса неохватываемая. Даже гений русской и мировой литературы, правда и побывав на каторге большее число лет, Достоевский такую книгу счел необходимым написать. Главная здесь мысль Горького — литература русского критического реализма отображает оный преимущественно в «наклонении страдательном» (это уже не Горького, но наше определение). Выше, цитируя Горького, мы намеренно выделили слово *выдумать*. Вряд ли оно несет у писателя иронический подтекст, кстати, достаточно характерный для художественной прозы и литературной публицистики Алексея Максимовича — и подтекст чисто горьковский. Скорее всего здесь подсознательно «сработала» мотивация мышления, характерного для юношеского романтизма Горького. И не удивительно, что литературно и жизненно умудренный, обдумывая основные каноны грядущего творческого метода соцреализма, его основоположник особо отметил элемент романтизма, своеобразной идеализации — в смысле устремленности к идеалу,— как существенный для литературы в рамках соцреализма. Вряд ли в этом утверждении ошибаемся... Потом ведь в части литтворчества слова *выдумать* и *сочинять* синонимичны, а в отечественном обиходе, во всяком случае в XIX — начале XX вв. такими же синонимами являлись *писатель* и *сочинитель*.

Конечно, не Сталин вызвал в тридцать втором году Горького из заграницы и приказал: а) обосновать творческий метод соцреализма; б) создать Союз писателей. — Это все из тех же кухонно-диссидентских посиделок времен «хрущевской оттепели». Тот же «производственный роман», упрощенно трактуемый вершиной метода соцреализма, за годы до возвращения в СССР Горького уже являлся одним из наиболее распространенных жанров советской прозы. Даже если полагать, что его истоки тянутся из Пролеткульта, все одно произведения, например, Гладкова или Мариэтты Шагинян на сугубо рабочую тему — еще задолго до классики этого жанра, «Журбины» (1952 г.) Всеволода Кочетова — были созданы в период перед «оформлением» соцреализма, как превалирующего творческого метода в советской литературе.

...Поскольку уже начиная с восьмидесятых годов, а вообще-то еще намного ранее в так называемых «интеллигентских кругах», производственный роман — в прозе и «поэзия рабочего удара» были отнесены по категории юмористических насмешек, то здесь можно ограничиться народной присказкой насчет яичка, которое дорого в пасхальный день. Но здесь — и уже безо всякого юмора и насмешек (дескать, не гоже «мысли черпать из забытых газет времен очаковских и покорения Крыма»... последнее не о нынешних событиях, понятно дело) — утверждаем, что роман о рабочем классе был тем самым «мавром, что сделал свое дело»: начиная с первых сталинских пятилеток, он *объективно* отображал все явления *социального реализма* в стране.

...Чтобы не быть голословным, протянул руку к книжной полке, число которых значительно пополнил из тульской «Буккниги», удивительно богатой в семидесятые-восьмидесятые годы на раритеты всех жанров, и почти что наугад достал один из первых производственных романов (написан в 1932 году, издан через год, Москва, ОГИЗ, Молодая гвардия) с трогательной карандашной надписью на титульном листе покупателя этого тома с обозначением даты: *20.III.34*, *Тула*. Это ныне полностью забытый роман Якова Ильина «Большой конвейер» — о строительстве и пуско-наладке

гиганта первой пятилетки Сталинградского тракторного завода. Кстати говоря, «забыт» он был еще во второй половине сороковых годов, сразу после активизации «холодной войны», поскольку в романе, как сугубо *реалистическом*, во всех сюжетных линиях раскрывается роль американцев в строительстве завода, сооружаемого по проекту компании Форда. И руководят стройкой и пуском завода американские инженеры, а если персонажем является инженер советский, то обязательно прошедший двухгодичную стажировку в Америке на конвейерах Форда... Точно также и все первенцы сталинских пятилеток строились по проектам и при участии американских и германских компаний. Ничего зазорного в этом не было: еще Владимир Ильич призывал постоянно использовать научный и промышленный потенциал империализма для индустриализации Советского Союза, что и было блестяще использовано Иосифом Виссарионовичем в ситуации всеобщего народного энтузиазма: «Пятилетку за три года!»... Только парторги в романе Якова Ильина не проходили стажировку за границей. Оно и понятно.

Но в начавшейся «холодной войне» показывать роль империалистов в индустриализации страны было уже не комильфо. Поэтому «Большой конвейер» и не вошел в «святцы» производственного романа в послевоенные годы. Ну-у, это отступление мы сделали, так сказать, к слову.

Предисловие к книге поможет нам избежать многословных пояснений: «*Пролетарская художественная литература настолько молода, что она живет в обществе почти всех своих представителей. Наш писатель имеет возможность следовать по маршруту книги к своему читателю — самому внимательному и самому требовательному читателю, который когда-либо существовал... «Я полагаю,— пишет Ильин,— что читатель, не боящийся рассуждений и описаний, найдет в этой книге пульс нашей жизни, отражение своих интересов, дум, дел».*

Мы уверены, что читатель найдет в этой книге одно из значительных произведений нашей литературы. Значительное потому, что здесь автор сумел с предельной простотой и художественной правдивостью раскрыть и показать движущие силы большого конвейера нашей эпохи.

Не пытаясь выутюжить глубокие складки социальных противоречий, он показывает закономерность классовой борьбы и исторически обусловленную победу пролетариата и его партии на фронтовой линии «догнать и перегнать».

В «Большом конвейере» Ильин мастерски показывает большевистский старт на высоты передовой техники. Он дает художественно ясный и четкий ответ на то, как и почему партия должна была подхлестывать страну, отставшую в своем развитии на сотню лет».

...И так далее, включая триста пятьдесят страниц текста самого романа, в завершении которого один из главных персонажей Газган слушает по радио новости тех дней: «*Голос <диктора> сообщал о строительстве Свирской гидроэлектростанции, о том, что Алюминиевый комбинат уже принял ток с Волховстроя, о том, что в Ленинграде на «Электросиле» строится крупный гидрогенератор...*»

И ведь все это — не фантазия («выдумка» по-горьковски; см. выше) ныне и вообще давно забытого автора, но самая настоящая социальная реальность отображенная в литературно-художественной форме. Тот же соцреализм в его действии. ...Все же, скорее всего, рука не случайно взяла с полки роман Якова Ильина. — Здесь в памяти переплетение времен. Отец мой Афанасий Андреянович перед воинским призывом, на двадцать лет связавшим его жизнь с Северным флотом, работал кузнецом-молотобойцем на упомянутом выше Волховстрое. Намного позднее рассказывал мне, школьнику второй ступени, как в выходные дни приезжал в Ленинград к опекавшему его дядьке и, сидя в теплый июльский день, плавно переходящий в почти светлую

ночь, на ступенях Исаакиевского собора, взахлеб читал только что вышедшую книгу под названием «Большой конвейер» (имя автора за давностью лет где-то глубоко затерялось в памяти...) и про себя с каждым новым эпизодом повествования отмечал: все верно, все как у нас на Волховстрое!

♦ Все сказанное выше с акцентом на «производственном романе», правильнее — на произведениях о рабочем советском человеке, приведено в контексте с утверждением: не Горький <по приказу Сталина по кухонно-диссидентски...>, прибыв поездом через Берлин в Москву, приняв команду на исполнение, на голом месте «создал» соцреализм, Союз писателей СССР и «на десерт» — Литературный институт, позже его имени.

Не устаем повторять, что в социальном процессе все развивается по <гегелевско-марксовой> диалектической спирали, выправляя магистральный путь методом пробных, ложных и тупиковых ходов. Так и здесь: генеральной пробой писательской организации страны явился Пролеткульт; соцреализм еще в конце двадцатых — начале тридцатых годов, как мы только что пространно пояснили, уже находился на этапе *действенности*; даже уникальное и единственное в мире (вроде как в ГДР имелось схожее учебное заведение, но намного меньшего масштаба) писательское образовательное учреждение — Литературный институт имел своих солидных предшественников: Институт философии, литературы и искусства (ИФЛИ), а еще ранее другие писательско-образовательные общественные*, например, курсы Шанявского.

Другое дело, что ЦК ВКП(б), конечно и внимательно «курировавший» культурную жизнь страны Сталин, приняли установку на идейную, организационную и так далее, вплоть до бытовых условий, координацию литературно-творческих сил СССР. Идеологический же аспект однозначно относился к выбору главенствующего творческого метода, получившего далее наименование соцреализма. И, понятно дело, фигура Горького во всех отношениях, исключая только его застарелую болезнь, отвечала насущным обязанностям и общественному реноме организатора и вдохновителя этого процесса соорганизованности. Его талант писателя-реалиста, признанный Европой еще до революции, не убавленный даже «проигрышем» в нобелевском состязании с Буниным, членство в РСДРП с 1905-го года, всемирный литературный авторитет, а главное — понимание сущности, точнее — *насущности*, соцреализма, как творческого метода отображения жизни страны и воспитательного его содержания — все это в итоге поставило Горького в первой половине тридцатых годов на роль фактического, подчеркнем, главы и организатора литературного процесса в стране.

В тридцатые годы, когда Горький непосредственно занимался как организацией Союза писателей СССР, так и — в основном — разработкой концептуальных положений творческого соцреализма, новая советская, русская в своей основе, литература являла стране и миру (см. книги Анри Барбюса, Лиона Фейхтвангера, даже Андре Жида с его заметным негативом, побывавших в эти годы в СССР и написавших о всех сторонах советской жизни свои книги, ставшие на Западе бестселлерами) взлет многочисленных, ярких, самобытных по преимуществу талантов. О новых и еще дореволюционной известности писателях-романистах уже упоминалось выше. Но наиболее впечатляющим был в те годы творческий всплеск в части русского советского рассказа. Почему именно этого жанра многоликой прозы? — Ответ, как нам представляется, заключается в специфике тогдашней читательской аудитории: во-первых, требовалась достаточно сжатая, мотивированная форма художественного произведе-

---

* Де-юре и Литературный институт до начала 90-х годов был... общественной организацией, поскольку находился под юрисдикцией Союза писателей СССР, тоже общественной организации. Но ведь и КПСС по уставу являлась общественной, а Сталинская премия была «частной», говоря нынешним языком, поскольку формировалась из гонораров за книги Вождя...

ния для людей с живой еще памятью о событиях революции, Гражданской войны и начале индустриализации страны — временах стремительных, конкретно очерченных в делах и сроках, словом, «год за три» или то же: «Пятилетку за три года!» Во-вторых, что весьма существенно, страна только недавно стала поголовно грамотной и приохотилась к чтению художественной литературы. Форма же рассказа наиболее имманентна сюжетной разговорной речи, что являлась до недавних еще времен для народа основным способом близкого к художественному мышления и общения. Не будем забывать аксиому: литературное произведение есть по определению субъект коллективного социумного мышления в непреложном единстве с межличностным общением.

Понятно, что не только и не столько «стройки текущего дня» составляли сюжетную доминанту советского рассказа тридцатых годов: слишком живы воспоминания, как было сказано выше, о начале советской страны. И здесь не было никакого лицемерия и литературного подхалимажа. В своем коротком, энергическом рассказе «Сон» Валентин Катаев дает следующую концовку: «*Я представил себе замечательную картину. Степь. Ночь. Луна. Спящий лагерь. Буденный на своем Казбеке. И за ним, в приступе неодолимого сна, трясется чубатый смуглый мальчишка с пучком вялого мака за ухом и с бабочкой, заснувшей на пыльном горячем плече*».

Буденный — сугубая реальность времен как Гражданской войны, так и тридцатых годов. И то, что он один из действующих персонажей рассказа, вовсе не «обязаловка имярек»... как непременным стало в более поздние времена упоминание имен основоположников в любом предисловии к книгам научным и художественным... как в наше время в любом литературном, чаще — окололитературном, «рассуждении от СМИ» из отечественных поэтов назовут обязательно и только Мандельштама, Пастернака и Иосифа Бродского, чуть реже — Ахматову и Цветаеву. — Из числа «жертв сталинизма». *И только*, заметим мы, нисколько, впрочем, не сомневаясь в их талантах.

Такая же «обязаловка имярек» и для современного Запада характерна. Например, вы не найдете ни одной научной книги ихних нобелевских (и ненобелевских) лауреатов без упоминания к месту и не к месту имени Эйнштейна. И не найдете книги, изданной на Западе или у нас в советские годы, где бы было выражено сомнение в теории Дарвина... разве что только в нескольких «сельских» штатах США. Это все к слову, так сказать.

С неугасаемым талантом пишет в тридцатые годы рассказы Горький — те же «Бык» и «Рассказы о героях». Еще раз отметим *многоцветье* рассказов писателей того времени. Какое тут «под одну гребенку суконно-партийного соцреализма»? Наряду с классикой русской словесности Всеволода Вишневского («Гибель Кронштадского полка»), Сергеева-Ценского («Платаны»), Вячеслава Шишкова («Чертознай»), Всеволода Иванова («Лобанов»), замечательными рассказами Константина Федина и Алексея Толстого, особенно его «Марта Рабе», публикуются произведения новаторов русского литературного языка Юрия Тынянова («Малолетний Витушишников»), Павла Бажова (его уральские сказы), «Зеленая лампа» Александра Грина, совершенно самобытные рассказы Андрея Платонова («Фро» и др.), «Рождение человека» Бориса Пильняка, рассказы Юрия Олеши и Исаака Бабеля, «Страдания молодого Вертера» Михаила Зощенко, в полную мощь «расписались» Константин Паустовский, Лидия Сейфуллина, Михаил Кольцов и многие, многие другие советские писатели, имена которых и сейчас, в новом веке, на слуху — при всем и полном оскудении интереса к чтению.

Однако, настоящий очерк приуготовлен к юбилею признанного основателя и <литературного> идеолога социалистического ≡ социального реализма Алексея Максимовича Горького, поэтому и завершим его отпущенными этому выдающемуся рус-

скому и советскому писателю годами жизни. Главное об этом творческом методе и, хотя и кратко, о ведущей роли в его практической реализации великого пролетарского писателя мы сказали. Надеемся, не «суконно-цинковым» языком. Благо, всероссийский ордена Г. Р. Державина литературно-художественный и публицистический журнал «Приокские зори», редактируемый вашим, уважаемые читатели, покорным слугой, объявил 2018-й год Годом чистоты русского литературного языка (см. «Общеписательскую литературную газету», декабрьский номер за 2017-й год, стр. 2).

Законный вопрос: закончился ли с поражением СССР в Третьей («холодной», информационной и пр.) мировой войне творческий метод соцреализма? И более широко: завершился ли вообще метод реализма, любого, с различными определяющими прилагательными, в наше время все более торжествующего глобализма? По здравому разумению и достаточному опыту редактирования «толстого» литературного журнала отвечу скорее отрицательно. Пока человечество полностью не перешло в виртуальную фазу своей эволюции (см. выше ссылку на нашу книгу о глобализации), а до этого еще, слава всевышнему, далеко, реализм был и остается стержневым творческим литературным методом. Поскольку же волею Истории Россия всегда идет своим путем, хотя бы и не в смысле «все в ногу, одни мы не в ногу», в современной нашей словесности реализм сдаваться не собирается. Не боги горшки обжигают, поэтому некоторое время назад мы разработали проект манифеста нового русского критического реализма*. Он ранее был опубликован в ряде изданий литературной периодики, но... повторение — мать учения. Опять же — еще раз скажем в этом очерке — дорого яичко в пасхальный день, то есть по теме юбилея Горького. Поэтому и приводим ниже текст манифеста.

МАНИФЕСТ НОВОГО РУССКОГО КРИТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА

(проект для обсуждения)

Преамбула. Проект настоящего манифеста имеет целью и воспоследующими из нее задачами сформулировать сущность нового критического реализма как основного действенного творческого метода, соотнесенного с современным литературным процессом в творчестве писателей, следующих базовым традициям великой русской и советской литературы XIX—XX веков.

◆ Критический реализм является доминирующим творческим методом в мировой литературе и искусстве, начиная с их оформления в виды творческого самовыражения в античные времена в странах Средиземноморья. Данное определение не исключает аналогичные процессы в Древней Индии, в Древнем Китае, в иных (локальных) центрах цивилизации — принцип полицентричности, свидетельствующий об онтологической априорности доминирования критического реализма в мировой литературе.

◆ Онтологическая априорность метода критического реализма вытекает однозначно и логически непротиворечиво из базовых законов диалектики Гегеля: единства и борьбы противоположностей, отрицания отрицания и перехода количества в качество.

◆ Онтологическая сущность метода критического реализма заключается в социобиологически обусловленном устремлении человека разумного — человека общественного (*homo sapiens — homo publicus*) к социально ориентированному сообществу любой формы: от семьи («ячейки общества») до государства, а в реальной перспективе — глобализованного мира.

---

* Разработке его посвящена основательная книга: Яшин А. А. Пролегомены к новому русскому критическому реализму: Академия российской литературы.— М.: «Московский Парнас», 2015.— 533 с. (В электронной форме см. на сайте www.pz.tula.ru).

◆ Данное устремление является *идеалом*, то есть недостижимой целью, как, например, идеальное государство Платона, утопии Мора, Кампанеллы, Кабэ и пр.; это означает, что сам процесс названного устремления является перманентным, не имеющим останова — естественного или директивного — до того времени, пока творческое самовыражение будет востребовано человечеством. При этом следует учитывать, что в будущем формы такого самовыражения могут значительно отличаться от современных, традиционных.

◆ Из всех видов непатологического и/или предельно неформализованного («Всякая идея, доведенная до совершенства, есть абсурд».— Б. Шоу) творческого самовыражения именно литературное творчество, в силу своей специфики воздействия на сознание и подсознание человека, является наиболее адекватным цели и задачам феномена критического реализма.

◆ Творческий метод критического реализма в русской литературе является исторически и в современной действенности составной частью мирового, прежде всего европейского, опыта данного феномена, в то же время обладая своей, только ему присущей спецификой.

◆ Спецификой русского критического реализма, обусловленной относительной молодостью отечественной литературы, общинной традицией мироустройства русской жизни, врожденной — генофенотипически — идеологией византийского православия, дополненного опытом социально ориентированного государства СССР, является абсолютное неприятие частнособственничества, стяжательства и накопительства, примат коллективизма, вера народа в верховную власть при полярном же неверии власти исполнительной. Это выражено в формуле русского фольклора: «Царь-батюшка дал народу жалованную грамоту, но бояре ее украли и спрятали».

◆ Метод критического реализма, как в русской, так и в общемировой литературе, по своему определению и самоназванию (терминологии) предполагает *конструктивную* лево- или праворадикальную оппозицию явлениям (институтам), составляющим объект художественной критики: государственная власть, исполнительная власть, тенденции общемирового характера, церковь как учреждение, негативные общественные тенденции, антисоциальные проявления, факторы, тормозящие развитие социально ориентированного общества (государства) и так далее. Писатель, по определению, всегда находится в оппозиции к власти.

◆ Для русского литературного критического реализма такими основными объектами являлись и являются: в последней трети XVIII — первой половине XIX века суть институт крепостничества, образованщина (выражаясь словами классика русской литературы), слабость госвласти, которую можно охарактеризовать как устойчивое неравновесие, либо неравновесную устойчивость (термин теоретической биологии); во второй половине XIX — начале XX веков — это самодержавие и огосударствленная церковь — с одной стороны; нигилизм (критики — Писемский, Достоевский, *Лесков*) — с другой. Причем критику этих объектов неправомочно рассматривать как полярную, взаимоисключающую; в итоге-то объектом *ob ovo* у тех и у других оказывался народившийся капитализм, в спешке своего явления в России перескочивший через положенные стадии переходного периода от «задержавшегося» в России феодализма.

◆ В силу указанной выше специфики русского критического реализма конкретным объектом критики нарождающегося капитализма в последней трети XIX века и перехода его в стадию империализма в начале XX века явилось триединство неприемлемых для творчества русских писателей факторов: разрушение патриархальной крестьянской общины, пауперизм городского населения и невиданное ранее в истории России возобладание частнособственнического, накопительского инстинкта. Знаковым произведением явился «Челкаш» Горького.

◆ В период советской государственной оформленности России (1917—1991 гг.), учитывая социальную ориентированность СССР, объектом конструктивного критического реализма до середины 60-х гг. являлись негативные явления, препятствующие построению и функционированию социального государства. Знаковыми, величайшими произведениями здесь являются «Тихий Дон» и «Поднятая целина» (до сих пор недооцененная...) М. А. Шолохова, произведения Андрея Платонова (при всей их аллегоричности), поэзия Маяковского, проза и поэзия писателей-фронтовиков.

◆ В указанный выше период метод критического реализма оставался основным, действенным, но с изменением объектов критики. Инсинуации с перевоплощением критического реализма в «социалистический реализм» — девиз его: «борьба более лучшего с менее лучшим»,— приписываемый то Горькому, то Гладкову, принадлежат Пролеткульту с его экстремизмом («сбросить Пушкина с корабля истории» и пр.), потому во внимание приниматься сейчас не должны.

◆ В советский период истории России с середины 60-х гг. и до окончания существования СССР, то есть время «шестидесятников», объекты критики перманентно перемещаются от объективных негативных явлений, препятствующих функционированию социального государства, к субъективным, обусловленным партократическим перерождением правящей верхушки СССР и административно-партийным слиянием в среднем звене управления, стагнацией многомиллионных партийных масс, уклоном в карьеризм и пр. Все это как следствие нарастающего с середины 50-х гг. дисбаланса между стремительной динамикой экономического развития («сталинский разбег») и отсутствием новой — взамен устаревшего марксизма-ленинизма — общественно-социальной и политэкономической теории, о чем в последние годы свой жизни предупреждал Иосиф Виссарионович. Таким образом, в 60—80-е гг. социализм с советским базисом выродился в социализм троцкистского толка: движение — все, цель — ничто. Хотя бы эта «цель» и декларировалась умозрительно: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме».

◆ Выразителями и наиболее активными движителями этого варианта критического реализма явились в 60—80-е гг. писатели когорты «шестидесятников» (имен называть не будем); кто-то из них действовал художественно-интуитивно, но другие, не декларируя этого, понимали существо изменения объектов критики. Соответственно, в указанный период истории русской, советской литературы критический реализм размывался между конструктивной (Байкал, несостоявшийся поворот сибирских рек в Среднюю Азию и пр.) и глухо-оппозиционной доминантами.

◆ Параллельно развивавшаяся в 60—80-е гг. так называемая диссидентская русская, точнее — русскоязычная, антисоветская литература в СССР и за рубежом методологически не подпадала под действенность критического реализма, поскольку полностью лишена качества критического конструктивизма (см. выше) и преследовала иные, отличные от творческих, цели и задачи. Апофеозом здесь явились сочинения А. И. Солженицына. Впрочем, и в рамках этого течения были исключения, например, в творчестве «двойного диссидента» (в СССР и на Западе) А. А. Зиновьева, у которого превалировал критический реализм.

◆ В последние два десятилетия с момента разрушения (не распада! — это фактологически неверно) СССР в русской, российской литературе наблюдается «разноцветье» творческих методов, в том числе и *неконструктивного* критического реализма. Пояснять это не будем, учитывая, что все происходит на наших глазах.

◆ Отход современной русской литературы, равно как и почти всей мировой, от канонов классического критического реализма XIX и XX веков является симптомом естественной исчерпанности данного творческого метода в названных канонах.

◆ Исчерпанность на рубеже XX и XXI веков классического метода критического

реализма обусловлена кардинальной сменой геополитических ориентиров в планетарном масштабе, а именно: эксперимент истории (имеется в виду целеуказание в эволюции человечества) с постепенным переходом к единому, социально ориентированному планетарному сообществу через социализацию (советского, шведского и пр. типов) отдельных государств и их групп-блоков завершился, показав тупиковость такого хода. Имеется в виду общеэволюционный принцип «отсечения тупиковых ходов».

◆ На нынешнем, активно и экспоненциально усиливающемся этапе изменения биогеохимической оболочки Земли, то есть переходе биосферы в ноосферу (по теории В. И. Вернадского), справедливым все же оказался тезис Маркса об одновременности перехода всего земного сообщества к единому, социально ориентированному, мировому государственному образованию через достаточно жесткий и жестокий процесс глобализации, у истоков которой мы сейчас находимся.

◆ Соответственно, объектом конструктивной критики нового литературного критического реализма являются процессы глобализации, включая национальную (государственную) их специфику. То же самое относится к новому русскому критическому реализму.

◆ Поскольку в эпоху глобализации отсутствует, по определению, «сравнительная база» национальных литератур, то объектом критики, в том числе конструктивной, становится не геополитика, социальные и экологические коллизии, но во главу угла ставится объект *расчеловеченья* человека ноосферного (*homo noospheres*).

◆ Сама методология нового критического реализма в указанном аспекте зиждется на сохранении в реальном временнóм процессе формирования человека ноосферного средствами литературы — художественной и публицистической — тех черт человека личного, общественного и творческого, которые противостоят расчеловеченью, то есть превращению человека в нивелированный винтик глобального механизма ноосферы Земли.

◆ Разумеется, процесс глобализации и перехода к ноосферному единому земному сообществу эволюционно предрешен и неостановим, расчеловеченье неотвратимо, но задача литературы и творчества в целом суть максимально длительно имманентными им средствами конструктивно противостоять этому процессу.

◆ В отличии от западно-восточной (это по И. Гёте) литературы, уже сейчас приобретающей характер «оазисной» и *business*-пиарной, то есть сдающей свои позиции перед натиском глобализма, у классической современной русской литературы, учитывая остающиеся значительными традиции великой литературы XIX и XX веков, имеется намного более прочный и долговременный «запас прочности» для реализации целей и задач настоящего Манифеста.

Резюме. Публикуя настоящий проект Манифеста, приглашаем от имени редколлегии журнала «Приокские зори» широкую литературную общественность страны, русскоязычных читателей и писателей ближнего и дальнего Зарубежья принять участие в его обсуждении, дополнении, критике и пр. для выработки окончательного варианта, который мог бы служить программным документом в рамках отечественного литературного процесса.

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ КЛАССИКА РУССКОЙ И СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ АЛЕКСЕЯ МАКСИМОВИЧА ГОРЬГОГО

Евгений Трещев
(г. Щекино, Тульская область)

ПРЕДВЕСТНИК БУРИ

Трещев Евгений Иванович — лауреат литературных премий имени Л. Н. Толстого и А. Г. Лаврика, лауреат и дипломант литературных конкурсов и фестивалей. Член Союза писателей России. Действительный член Петровской Академии наук и искусств. Почетный работник общего образования РФ. Почетный работник газовой промышленности РФ. Почетный учитель. Почетный гражданин Чернского района Тульской области. Инженер, поэт, прозаик, литературовед, краевед. Автор 28 книг, в том числе двух учебников «История родного края» для 7 и 8 классов, биографического словаря, учебных пособий по краеведению.

Двадцать восьмого марта 2018 года исполняется 150 лет со дня рождения Максима Горького (Алексея Максимовича Пешкова) — великого русского писателя, творившего на рубеже девятнадцатого и двадцатого веков. Он был одним из самых издаваемым в СССР писателей. Общий тираж его произведений превышает 240 миллионов экземпляров, уступая в количестве изданных книг только А. С. Пушкину и Л. Н. Толстому. Это большой и сложный художник слова. Талант Горького ставит его в разряд мировых писателей.

«Родился я,— пишет Горький,— 14 марта 1868 или 9-го года, в Нижнем, в семье красильщика Василия Васильевича Каширина, от дочери его Варвары и пермского мещанина Максима Савватиева Пешкова, по ремеслу драпировщика или обойщика. С тех пор с честью и незапятнанно ношу звание цехового малярного цеха» (уточненная по документам дата рождения Горького — 16 марта по старому стилю).

В раннем возрасте он осиротел, познав чувства одиночества, безысходности, отчаяния, унижения и нищеты. В десять лет этот ребенок стал зарабатывать себе на жизнь.

Когда читаешь его воспоминания (повести: «Детство», «В людях», «Мои университеты») просто ужасаешься: сколько там драк и зуботычин, убийств. Преступники, окружающие его (в том числе близкие родственники), посвящали ребенка во все тайны своего ужасного поведения и ремесла.

Пять лет, начиная с 1891 года, Алексей (часто пешком) странствовал по России, встречаясь с людьми из разных слоев общества. Испробовал множество занятий, в том числе и дело литератора, дебютировав в газете коротеньким рассказом «Макар Чудра». Очень значительную роль в становлении Горького, как журналиста и писателя, сыграл известный уже в то время писатель Короленко.

«Я шел босым сердцем по мелкой злобе и гадости жизни, как по острым гвоздям, по толченному стеклу» (М. Горький).

«Сам выйдя из ада, который называется у нас жизнью народной, пройдя все девять кругов мытарств и страдания, полагающихся по законам нашего общества на долю среднего пролетария, М. Горький вынес оттуда крик бездонного горя»,— отмечал В. Боровский.

Горький утверждает в своих книгах, что жизнь большинства его современников ужасна и отвратительна, что нужно устроить себе новую и более справедливую жизнь. Это и сделало его (задолго до революции) революционным писателем. Он с молодых лет называл себя человеком, который «в мир пришел, чтобы не соглашаться». 12 декабря 1887 года в Казани Алексей предпринял попытку самоубийства. Эту историю автор описал в рассказе «Случай из жизни Макара».

В статье «Максим Горький — старая орфография» А. М. Аничкова писала в 1903 году: «Какой-то босяк, Максим Горький, лишенный всякого сколько-нибудь систематического обучения, неожиданно вторгается в священные ряды литературы, внося в них совершенно свежую, новую особенность своих мыслей и своего характера. Ничего настолько исключительного, ничего настолько нового не появлялось после первых романов Толстого».

«Проза Горького поет величаво и тогда, когда доходит почти до рыдания, и тогда, когда дрожит страстным восторгом. И между этими полюсами, в самом плавном и умеренном рассказе, где как будто нет никаких эффектов, речь Горького идет мужественной стопой, красивая, уверенная, как под марш»,— писал А. В. Луначарский в статье «Максим Горький. Литературно-общественная характеристика».

Персонажами его первых рассказов и пьес в основном были воры, бродяги, проститутки. Достаточно вспомнить пьесы: «На дне», «Мещане», рассказы: «Челкаш», «На плотах», «Супруги Орловы». Он не идеализирует их, не скрывает недостатков, пороков, пьянства и хвастовства.

Разнообразные фигуры выписаны им со свойственным автору знанием среды, выпукло и реально. Все, о чем он рассказывает, прошло через его сердце и ум. Все события взяты им из своих собственных похождений.

Произведения Горького пышны и нарядны. Под его рукой все освещается то жутким, то сияющим светом, что резко отличает его от других писателей. В них целый мир человеческих переживаний, целая философия и звучат вечные вопросы: добро и зло, человек и общество, любовь и ненависть,

В рассказе «Женщина» описан туляк — мужик Конев, где автор подметил особенность местного (тульского) ударения на последнем слоге.

«Босяки Горького откровенны, никогда не лгут себе. Их тяготит мир привязанностей, и они бегут отсюда на простор, предпочитая жить впроголодь и прохолодь, чем жить в тепле и сытом довольстве, но без свободы» (из книги «Корифеи новейшей русской литературы», 1912 г.). Они — колоритны и красочны.

В повести «Трое» представлен богатейший материал для анализа «босяцких» настроений и стремлений. Здесь фигура и поведение Ильи Лунева нарисованы подробнейшим образом, с его психологией, душевными и моральными переживаниями.

«Зачем я рассказываю эти мерзости? А чтоб вы знали, милостивые государи,— это ведь не прошло, не прошло» (М. Горький). Наш мир полон злобы и насилия. Говорить и слышать правду — больно. Но жить можно только с ней.

Все эти босяки (герои произведений Горького) мечутся из стороны в сторону. Им скучно на белом свете. В большинстве случаев они неудачники, «лишние люди», обладающие огромным запасом сил, которым не могут найти достойного применения.

«Жизнь плохая,— возмущается Фома Гордеев. И что вы на жизнь какую-то жалуетесь? Какая жизнь? Человек — жизнь и кроме человека никакой еще жизни нет...»

В такой жизни нет обязанностей и законов, в ней все позволено.

В рассказе «Макар Чудра» главный герой утверждает: «Разве ты сам не жизнь? А другие люди живут без тебя и проживут без тебя. Разве ты думаешь, что ты кому — то нужен? Ты не хлеб и не палка. Смешные они, те твои люди... И все работают. Зачем, кому? Никто не знает».

Один из героев пьесы «На дне» Сатин говорит: «Человек за все платит сам, и потому он — свободен!.. Человек — вот правда! ...Все в человеке, все для человека! Существует только человек, все остальное — дело его рук и его мозга».

И старуха Изергиль проводит ту же философию вольной жизни.

Эта философия составляет фон большинства рассказов и очерков Максима Горького, получив от писателя особую прелесть новизны и жизненной правды. Он вложил в эти произведения самого себя, почти не думая об этом. Мировоззрение писателя зиждется на догмате, что род человеческий болен и его нужно лечить. Он мечтал о «новых людях», свободных и бесстрашных. В нем жило стремление к какой-то счастливой, гордой жизни.

В Горьком таится ненасытный жизнелюбец. Он любит жизнь, любит даже ее темную, отталкивающую сторону. Все равно какая жизнь, лишь бы жизнь! И это находит в человеческом сердце отклик.

Современники отмечали, что его с восторгом читали «и пропавшие, и пропадающие», повторяя — «все в человеке, все для человека».

Художественные дарования писателя разносторонни — он с одинаковым успехом рисует, как пейзажи, так и жанровые картинки, живые портреты людей. Горький всегда любил природу и красоту и не изменял этой любви. Он умел увидеть в человеке то, что определяет его характер. Много писал Алексей Максимович и как публицист, и как критик.

Являясь также автором песен в прозе: «Песни о Соколе» и «Песни о Буревестнике», Горький заслужил репутацию «певца российской революции». Разбудил в людях чувство человеческого достоинства. Эти произведения оригинальны, написаны яркими, живыми красками, музыкальны, отличаются большой напевностью. В художественном отношении они просто совершенны. В них заложена энергетическая гармония слов, сотворенная вдохновенным состоянием человеческой души!

«Песня о Буревестнике» — удивительно живая и образная финальная часть рассказа «Весенние мелодии». Рассказ носил ярко выраженный бунтарский характер и содержит неприкрытый намек на приближающуюся революцию.

«Буря! Скоро грянет буря! Это смелый Буревестник гордо реет между молний над ревущим гневом морем; то кричит пророк победы: Пусть сильнее грянет буря!»...

«Песня о Буревестнике» стала эффективным средством революционной пропаганды. Сам В. И. Ленин неоднократно признавал огромную ценность этого стихотворения, называя Горького «поэтом революции» и «предвестником бури».

«Песня о Соколе» содержит в себе диалог между раненым Соколом и Ужом. В ней традиционно противопоставляются образы революционера (борца за свободу) и обывателя.

«Да, умираю! — ответил Сокол, вздохнув глубоко.— Я славно пожил! ...Я знаю счастье! Я храбро бился! Я видел небо. Ты не увидишь его так близко... Ох, ты, бедняга».

Уж не понимает стремления Сокола взлететь еще хоть раз в небо.

«*Смешные птицы! — говорит он.— Земли не зная, на ней тоскуя, они стремятся высоко в небо и ищут жизни в пустыне знойной. Там много света, но нет там пищи и нет опоры живому телу».*

Каждому свое! Так и в нашей жизни.

Но «*блестело море, все в ярком свете, и грозно волны о берег бились. В их львином реве гремела песня о гордой птице, дрожали скалы от их ударов, дрожало небо от грозной песни: безумству храбрых поем мы славу!»* Эти слова от всего бунтующего сердца их автора. Он считал, что человечество «хочет горячей ласки любви или острия боли — скорее, нежели покоя!»

С 1888 года за связь с революционерами он находится под постоянным надзором полиции. Историю своего первого ареста в 1889 году он описал в очерке «Время Короленко».

В отношении Горького к культуре и науке всегда чувствовалось уважение и преклонение. 21 февраля 1902 года его избирают в почетные академики Императорской Академии наук. Это избрание сразу же было аннулировано правительством.Но несмотря на это, Горький становится законодателем литературной моды.

В нашем мире ничего не дается просто так и за все приходится платить. За дарованный свыше талант — плата особая. Мы видим, что в литературе только самопожертвование и крайняя степень сосредоточения приносят творческое счастье и успех.

В начале 1906 года писатель вынужден был покинуть Россию, став политическим эмигрантом. В эмиграции он провел 18 лет, из них пятнадцать лет в Италии.

В революционных событиях в России место живому босяку, ранее воспеваемому М. Горьким, не нашлось, разве что в погромах и грабежах. Но тут надо иметь ввиду, что уже в романе «Мать» писатель повернулся лицом к пролетариату.

После свержения монархии в России Горький был избран повторно (20.03.1917 года) почетным членом Академии наук. И дальше до самой смерти он в числе самых-самых, мировая величина.

Высокомерным Горький не был. Уважал чужие творческие успехи. Со многими знаменитыми современниками общался и переписывался.

Алексей Максимович снискал огромное уважение Ленина и других партийных и государственных лидеров нашего государства, деятелей культуры и науки.

Ромен Роллан в 1918 году писал Горькому: «Вы были словно высокая арка, переброшенная между двумя мирами — прошлым и будущим, а также между Россией и Западом».

Ужасно коротка наша память. В последние годы имя Горького часто освещается в негативном свете, как «верного лакея тирана Сталина», которым писатель никогда не был. Легко быть мудрым задним числом. Этим качеством в избытке, кажется, обладают те, кто сам не способен ни к творчеству, ни к деянию, ни к подвигу. Конечно же отношение современного читателя к литературному наследию Горького сегодня заметно изменилось. Отчасти это объясняется тем, что люди хотят читать о современниках, а также изменились личные и общественные обстоятельства. Ведь все со временем исчезает. У каждого поколения свои эталоны доброты и жестокости. Стираются от повседневного употребления даже самые неожиданные метафоры, даже самые мудрые истины. Забываются книги и имена людей, их написавших. Но при всем этом талант Горького не подлежит сомнению. Писатель играл и играет в истории русской литературы исключительную роль по значительному содержанию и высокохудожественной форме своих произведений.

Творчество Алексея Максимовича — результат мучительного искания «правды

жизни» и чувства, вызывающего бурю мыслей и настроений. Писатель целостен в своих мыслях.

«Настоящее искусство,— писал М. Горький,— возникает там, где между читателем и автором образуется сердечное доверие друг к другу».

Горький в разные годы возглавлял три крупных издательства: «Знание», «Парус» и «Всемирная литература».

Скончался он 18 июня 1936 года в Горках Московской области.

Его жизнь и его старость были завидны и прекрасны.

«Неправда, что жизнь мрачна, неправда, что в ней только язвы да стоны, горе и слезы!.. В ней не только пошлое, но и героическое, не только грязное, но и светлое, чарующее, красивое. В ней есть все, что захочет найти человек, а в нем — есть сила создать то, чего нет в ней!» (М. Горький).

Он оставил нам не только силу и свежесть своих произведений, традиции большой литературы, но и свою необычную жизнь. Жизнь поистине гениальную, полную тяжкого труда над собой. Он человек действия, жизни, революционной практики.

Подводя итог, хочу напомнить слова Алексея Максимовича: «До той поры, пока мы не научимся любоваться человеком, как самым красивым и чудесным явлением на нашей планете, до той поры мы не освободимся от мерзости и лжи нашей жизни. С этим убеждением вошел я в мир, с ним уйду из него и, уходя, буду непоколебимо верить, что когда — то мир признает: «святая святых — человек!»

Сергей Лебедев
(г. Тольятти)

«А КТО В САМАРЕ НЕ БЫВАЛ...»

Лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» имени Н. С. Лескова. Лауреат-победитель 4-го, 5-го и 6-го Международного поэтического конкурса «Звезда полей — 2013, 2014, 2015» и 1-го Международного поэтического Интернет-конкурса «Звезда полей — 2016» им. Н. Рубцова. Лауреат конкурса одного стихотворения-2016 альманаха «Новый енисейский литератор». Стипендиат Министерства культуры РФ. Член Самарской региональной организации РСПЛ и тольяттинского отделения Самарской областной организации СПР.

«Но вот приходит чудо, нежданное и негаданное: тысячу лет молчавший народ внезапно сам обретает дар речи. Из собственной плоти он сотворил себе уста, из собственного глагола — своего глашатая, из собственной толщи — человека, и этого человека, этого писателя — своего писателя и заступника — он вытолкнул из своего гигантского лона, дабы он всему человечеству подал весть о русской народной жизни, о русском пролетариате, об униженных, угнетаемых и гонимых. ...Родители дали ему имя Алексей Пешков — он назвал себя Максимом Горьким, и сегодня, чествуя его, это им самим созданное имя с благодарностью повторяет весь духовный мир и все, кто подлинно сознает себя народом в семье других народов, потому что горечь его была благотворительна для целого поколения, потому что голос его стал рупором целой нации, слово его — счастьем и великой милостью для духовной жизни нашего времени».

Это слова из речи выдающегося писателя XX века, классика австрийской литературы Стефана Цвейга, сказанные им на чествовании шестидесятилетия русского, советского писателя и общественного деятеля Максима Горького.

В середине девяностых годов XIX века мир еще не знал имени, знаменитого ныне, писателя Максима Горького. Алексей Пешков только начинает свою биографию: одиннадцати лет идет «в люди», с шестнадцати учится в «университетах», в двадцать три отправляется побродить по Руси, чтобы посмотреть, как живут люди различных классов. Пешком Алексей Максимович исходил все Поволжье, Украину, Бессарабию, Крым, Кавказ. Он наблюдает жизнь, и все больше растет его стремление к писательскому труду. «Макар Чудра» — первый рассказ, появившийся в печати в Тифлисе (Тбилиси), был подписан псевдонимом — Максим Горький. С 1893 года в нижегородских газетах начинают печатать очерки и рассказы Горького. В Нижнем Новгороде судьба свела его с известным русским писателем и публицистом Владимиром Галактионовичем Короленко, который приводит его к мыслям, что труд писателя нелегок и ответственен, требует настойчивой и упорной работы над собой.

По совету Владимира Галактионовича Алексей Пешков в 1895 году уезжает в

Самару. Отъезд его воспринимается больше похожим на бегство от полуголодного существования и случайных заработков, от тщетных попыток пробиться в петербургские или московские журналы. Да и в личной жизни надоели ему мучительные отношения с Ольгой Каминской, которая была старше его на восемь лет, и уже имела до встречи с Алексеем Пешковым опыт двух замужеств.

К концу XIX века Самара считалась достаточно развитым городом. «Губернский город на левом берегу Волги, при устье реки Самары, 95216 жителей, торговля хлебом, салом, шерстью, лошадьми, сырыми кожами; 10 крупных мельниц, размалывается до 10 млн. пудов (преимущественно пшеницы), 8 банковских учреждений, 38 церквей, 63 училища (10 средних учеб. завед.). Пристань Самары — одна из лучших на Волге, склад лесных материалов» — это описание Самары в статье Малого энциклопедического словаря, издания Брокгауза и Ефрона, С.-Петербург, 1909 года. Судя по приведенным фактам, дырой Самара вовсе не числилась в государстве Российском.

Но это, так сказать, официальный источник. А вот какие впечатления оставляла Самара при посещении у различных людей в последнее десятилетие XIX века.

«Пошли погулять по городу. Город хоть куда. Единоверческая церковь, оригинальное пение очень мне понравились. Мы достаточно долго останавливались в различных попутных городах, чтобы составить себе о них понятие. Больше всего мне понравилась Самара»,— так отзывался о Самаре крупнейший русский композитор П. И. Чайковский в 1887 году.

А в 1902 г. свое мнение оставил известный русский и советский живописец К. С. Петров-Водкин: «...Более живописными улицами были поперечные, сбегавшие к Волге, дикие водопады грязи рвались неудержимо по ним весной вниз, к замусоренной набережной, которые прорывались, а которые задерживались, образуя на нижних улицах запасы влаги на летний период. Эта стихия, плюс тучи едкой пыли, завивавшиеся от вокзала и оживленно вертевшиеся до памятника и оттуда до театра, придавали приятную жизненность городскому пейзажу, в обычное время довольно тусклому».

Алексей Максимович выразил свое отношение к Самаре не сразу, а рассмотрев ее и немного пожив,— «Кто в Самаре не бывал, тот и грязи не видал. Смертный, входящий в Самару с надеждой в ней встретить культуру, вспять возвратится, город сей груб и убог: ценят здесь только скотов, знают цены на сало и шкуру, но не умеют ценить к высшему в жизни дорог. Самара — город, преданный анафеме».

Вот в этот город и посоветовал Короленко уехать Алексею Пешкову, зная и понимая, что здесь он будет и зарабатывать, и общаться с разными людьми.

Восьмидесятые и девяностые годы позапрошлого века характеризовались бесконечными судебными процессами над молодежью и студентами, которые после отсидки в тюрьмах лишались гражданских прав и не имели возможности возвратиться в столичные университеты. Поэтому в Самаре образовалась довольно большая группа таких людей, о чем, вероятно, знал Короленко. Общение с ними могло пойти на пользу Алексею Пешкову. Да и культурное развитие Самары было достаточно широким. В городе был свой театр, музыкально-драматическое общество, коммерческий клуб, выпускались газеты. В одну из них под названием «Самарская газета» Горький и был принят по рекомендации Владимира Галактионовича.

Несколько ниже я буду вставлять курсивом цитаты из рассказа, написанного Максимом Горьким, уже познавшим Самару. Рассказ озаглавлен «Самара во всех отношениях. Письма одного странствующего рыцаря». Уже только одно это — «странствующего рыцаря» — подтверждает то, что Горький в Самаре чувствовал себя временщиком, ни к чему не привязанным, ни к чему не обязанным. Читая письма странствующего Алексея Пешкова, я увидел и услышал другого писателя, не того, каким я

знаю его по циклу рассказов «По Руси», по его пьесам, по повестям, по роману «Мать».

«Письма странствующего рыцаря» написаны Максимом Горьким резко и зло, я бы даже сказал, злобно и язвительно. Чувствуется в них ненавистное отношение его ко всему самарскому быту. Думаю, оно появилось у него уже с того момента, когда пришлось оставить Нижний Новгород. Оставить не по своей воле, переправившись через Волгу с правого берега на левый. И что же он увидел в Самаре?

«...Прежде всего в Самаре бросается в глаза общий характер ее архитектуры. Тяжелые, без каких-либо украшений, тупые и как бы чем-то приплюснутые дома заставляют предположить, что и люди, живущие в них, тоже тупы, тяжелы и приплюснуты жизнью.

Затем, всматриваясь в прохожих на улице, видишь, что большинство из них представляют собою субъектов, одетых в звериные шкуры, крытые темными суконами, и что они обладают особого устройства носами, сразу останавливающими на себе взгляд внимательного наблюдателя.

...Особо алчный блеск глаз и острота взгляда поддерживает ваше предположение, и, присмотревшись к действиям и прислушавшись к разговорам сих субъектов, вы, к сожалению вашему, убеждаетесь в своей правоте. Затем вам предстоит выбрать одно из двух по вашему усмотрению: или возвратиться вспять туда, откуда вас швырнуло в этот до тошноты правильно распланированный город, или же остаться в нем и ожидать, когда его аборигены обратят на вас внимание и сделают вам честь, пожрут вас под пикантными соусами клеветы и сплетни.

Здесь — как и везде, впрочем,— очень любят эти соусы и кушают с ними человека как в том случае, если он не придется по вкусу, так и в противном».

Русский советский писатель первой половины XX века Алексей Николаевич Толстой так характеризует приезд молодого Горького в Самару: «Люди рано старели, городской обыватель тихо спивался, плакал о несбывшихся мечтах, ходил в туфлях. Из бродящего теста жизни выпирали чудаки, каких прежде не бывало. В Самаре на главной улице похаживали со свинчаткой слободские «горчишники», пошаливали за речкой Самаркой. Оборванцы на пристанях стали дерзкими, пели такие страшные песни, что мирный обыватель едва уносил ноги. ...И вот молодой Горький, никому не известный журналист, писавший в «Самарской газете» под псевдонимом Иегудиил Хламида плохие фельетоны,— так как они были не его делом,— сказал это слово... Он сказал о бунте гордого Человека, у которого дом — вся земля под звездной крышей.

В блестящих, свежих, как сквозняк, хмельных, как молодое вино, торопливых, иной раз совсем сырых рассказах, он звал к абсолютной свободе, — прочь из проклятого мещанского болота.

«Она также более грязна, пыльна и пахуча, чем, например, Казань и Астрахань; у нее более скверные мостовые, чем в Нижнем и Ярославле; она более неподвижна и более преисполнена косностью к умственным интересам, чем Симбирск, город удивительно сонный и тихий, точно умирающий от старческого маразма.

Я наскоро перечислил то, чего она имеет более других городов, и весьма возможно, что просмотрел еще несколько ее преимуществ пред ними.

Но это ничего — мы еще сосчитаемся! А теперь я укажу на то, в чем она равна с другими.

В ней в течение года, до введения винной монополии, выпивалось водки столько же, если не больше, сколько ее выпивает за этот срок Нижний с Кунавиным и ярмаркой, и в ней такие же дикие нравы, как и в столице Башкирии — Уфе. А сколько она пьет водки теперь, я еще не подсчитал.

Засим — она не имеет ни одного порядочного книжного магазина; в тех же двух,

что у нее есть, продавцы предлагают вам заменить требуемую вами книгу гуттаперчевым кольцом, которое покупают детям, когда у них режутся зубы, погремушкой или чем-нибудь другим в этом роде».

Судя по словам Толстого, работа в «Самарской газете» для Горького была занятием неинтересным. Это — заработок. Хотя наблюдения, сделанные им в процессе собирания и подготовки материалов для статей в газете, давали ему неоспоримую помощь для его рассказов, пьес. По воспоминаниям самарских литераторов, Горький признавался, что в Самаре он родился как писатель. Но так ли это на самом деле?

Ведь в то время у Горького, жившего в Самаре, конечно, никакой репутации, а тем более известности не могло и быть. Все, с кем он общался, были выходцами из дворян, или образованными людьми с родословной. А кто он? «Из людей», из «босяков». На фотографии, сделанной в самарский период жизни Горького мы видим его в сапогах, с палкой. «Он носил на плечах широкую черную хламиду, на голове — шляпу с обвисшими полями, в руке — увесистую «ерлыгу» чабанов, степных пастухов. Обыватели Самары дивились этому вызывающему наряду» (С. Т. Григорьев).

В общем, вид странный. К нему так и относились в «Самарской газете». Слава его во многом была переосмыслена в советское время, и мифы создавались в советское время. А обывателям в те годы никакого не было дела до того, кто пишет фельетоны в газете.

Был такой заводчик Лебедев, который владел небольшим чугунно-меднолитейным заводиком на улице Уральской (ныне братьев Коростелевых). О том, что на заводе станок раздробил мальчику палец, Горький пишет фельетон, еще и указывает, что заводчик ни много, ни мало — негодяй. Лебедев посылает в «Самарскую газету» ответ, в котором разъясняет, что он не должен смотреть за каждым мальчиком, а на приукрасившего ситуацию и раздувшего ее до городских масштабов Горького Лебедев не обратил внимания. Своим письмом он обратился к редактору газеты, заявив, что не желает говорить с босяком, потребовав при этом написать опровержение. Конечно, и власти Самары не могли всерьез смотреть на рядового сотрудника газеты Алексея Пешкова, поэтому и не могло быть серьезного противостояния. Может быть, такое пренебрежение властей и озлобляло Горького.

«Грамотные люди читают две местные газеты и даже пишут в них... опровержения; некоторые, впрочем, еще не написали, но уже собираются. Вообще местный обыватель очень капризно, а иногда и подозрительно относится к газетам.

Сообразно с своим настроением он то требует, чтобы газеты были серьезны, то ищет в них веселой игривости, то хочет, чтобы они его научили чему-нибудь хорошему и полезному,— но крайне трудно определить его взгляд на хорошее и полезное».

И ни в каких марксистских кружках он не состоял. Этому подтверждением слова Екатерины Павловны Пешковой о том, что с самарскими марксистами его ничто не связывало.

Уже намного позже некоторые самарские писатели выстраивали свой творческий капитал на публикациях воспоминаний о Горьком. И мне показались интересными факты, приведенные доктором филологических наук, старшим научным сотрудником Самарского литературно-мемориального музея им. М. Горького Михаилом Перепелкиным. В интервью журналисту Илье Сумарокову он говорит о том, что советские воспоминания о Горьком — это мифы на 90 процентов. (Сайт «Самарская губерния. (История и культура. «Бегство в Самару и из Самары)).

Все началось с конца тридцатых годов прошлого столетия, когда в стране открылась официальная кампания по увековечиванию памяти об Алексее Максимовиче Горьком. Самарские писатели занялись сочинительством историй о писателе. Снача-

ла составили «список» людей, с которыми Алексей Максимович «общался» все пятнадцать месяцев, которые он провел в Самаре. По этому списку самарскими писателями были написаны за них воспоминания, которые потом и легли в основу общей картины проживания Горького в Самаре. Один из случаев. В «Самарской газете» работала некая Евгения Семеновна Иванова, заведовала конторой редакции газеты. В конце тридцатых она уже находилась в преклонном возрасте, к ней принесли текст воспоминания и сказали: «Вот Ваши воспоминания, ознакомьтесь и подпишите». Прочитала, подписала. И вот Горький в Самаре — завоевывающий признание писатель, великодушный и щедрый человек... А через десять лет в город Куйбышев приехала Екатерина Павловна Пешкова, первая жена писателя, и потребовала от Ивановой признать, что все ее воспоминания выдуманы.

Ну разве мог Горький, находясь временно в Самаре и зная об этом, выстраивать какую-то стратегию взаимоотношений с местными. Ведь он вел обыкновенную жизнь — ходил на собрания интеллигенции, рыбачил, и, конечно, работал, работал, работал. Летом 1895 года Максим Горький с местными ребятами совершил поход на лодках по знаменитой Жигулевской кругосветке. Причем плавание состоялось в обратном направлении, то есть плыли они против течения. Об этом походе написал один из его участников С. Т. Григорьев в повести «Кругосветка», которая была напечатана в 1946 году в издательстве «Московский рабочий».

«Затем, в Самаре есть несколько обществ, преследующих самые разнообразные цели,— от развития трезвости до поощрения высшего образования. Председателем всех местных обществ состоит человек, который видит свое земное назначение именно в председательстве, и с этой целью он устраивает ежегодно по три и по четыре новых общества. Ввиду громадности его деятельности таковая может быть оценена по заслугам только после его смерти, и мне говорили, что в городе есть масса людей, готовых с полным удовольствием и хоть сейчас написать хвалебный некролог этого деятеля».

В Самаре судьба сводит Алексея Максимовича с Екатериной Павловной Волжиной, работавшей корректором в «Самарской газете». А в мае 1896 года Горький вынужден уехать в Нижний Новгород. Его позвали освещать знаменитую по тем временам нижегородскую ярмарку, пообещав соответственно приличный гонорар. Да и к тому времени Самару он узнал и все про нее понял, с людьми, которых здесь встретил, познакомился. Что еще ему оставалось делать?

Но ведь Горький встретил женщину, которую полюбил... Поэтому он продолжает переписываться с Екатериной Павловной и, получив от нее согласие стать его женой, приезжает на несколько дней в Самару. И в день приезда, вечером 30 августа, в Вознесенском соборе на улице Степана Разина их венчал протоиерей Валериан Лаврский. С протоиереем заранее договорились покровители Горького, друзья В. Г. Короленко, Карл и Мария Позерны. Ведь Алексей Максимович был отлучен от церкви за отчаянный поступок, когда в декабре 1887 года, на последние гроши купив револьвер, он выстрелил себе в грудь. Поэтому таинство брака Алексея Пешкова и Екатерины Волжиной было совершено тайным образом, поздним вечером.

Многие писатели, знавшие Алексея Максимовича по самарскому периоду жизни (С. Т. Григорьев, Я. Л. Тейтель, А. А. Смирнов), утверждали, что только встреча Алексея Пешкова с Екатериной Волжиной сделала из него Максима Горького. Это можно было бы отнести к очередному мифу советского времени, если бы не свидетельство самого Горького, содержавшееся в письме, которое было написано им Екатерине Павловне на Капри 28 апреля 1907 года: «...кажется — я первый, кто удостоился такого отношения от женщины, как твое ко мне». Письмо это было обнародовано в шестидесятые годы прошлого века, лишь после смерти Екатерины Павловны Пешковой, которая всю жизнь берегла его от посторонних глаз.

Что касается литературной работы, то здесь опять появляются мифы, рассказывающие о том, что в Самаре Горький опубликовал впервые свою знаменитую «Песню о Соколе». Но во всех библиографических справочниках обозначена совсем другая дата написания этого произведения — 1899 год. В 1895 году Горьким написаны рассказы «Старуха Изергиль» и «Челкаш». В Самаре основной литературной работой было написание фельетонов. Из-под его пера выходят такие, как «Вывод», «Маленькая», наиболее известные из них. Систематическая работа в газете заставляет Алексея Максимовича пристально всматриваться в жизнь, в ее движение, он учится отличать главное от второстепенного, замечать в житейских мелочах их сущность, оценивать факт и правильно его изображать. Он учится пониманию того, что далеко не все в жизни заслуживает ненависти и отвращения. Пристально вглядываясь, всегда можно обнаружить светлое в людях, влачащих самое страшное и бессмысленное существование. Горький понимает многообразие жизни, ее противоречия, ее сложное сплетение прекрасного и уродливого, злого, доброго, лживого и истинного.

В Самару Горький приехал уже с готовыми сюжетами, которые составил для себя еще в Нижнем Новгороде, потому без особого интереса пытался узнавать город. Самару он не знал и не чувствовал, а нижегородский быт и жизнь людей он познал с детских лет, там все было для него родным, воспринималось безотчетными движениями души.

А в «Самарской газете» ему надо было зарабатывать на жизнь. Платили, конечно, меньше, чем московским журналистам, но получаемых денег хватало на плату за квартиру, на книги, даже на одежду хватало. Горький никогда не думал, что будет жить в Самаре, просто приехал на заработки, залечить душевную травму. Встретил новую любовь и начал активно задумываться и искать другое место для жизни, для писательской деятельности.

«И прошу не заподозрить меня в неискренности писания моего; нет у меня здесь врагов, которым я хотел бы мстить, и друзей, которым мог бы я мирволить, не имею здесь.

"Пишу, не мудрствуя лукаво"... И не столько ради чьего-либо поучения пишу, сколько ради того, что сие есть потребность бродячей натуры моей.

А также и потому еще пишу, что люблю иметь дело с бумагой, потому что она всегда чище людей».

Потом, после Самары, вернувшись в Нижний Новгород, он развернет писательскую деятельность, где в течение семи с лишним лет будет развиваться литературное дарование Алексея Максимовича с каждым новым произведением.

«Благодаря книгам Горького мы можем по-братски понять Россию как близкий, родственный нам мир, без отчужденности, без внутреннего сопротивления, а это и есть наивысший долг писателя — разрушить преграды между людьми, далекое сделать близким и объединить народы с народами, сословия с сословиями в конечном всечеловеческом единстве.

Тот, кто знает произведения Горького, знает русский народ наших дней...»

Как остро и современно звучат слова Стефана Цвейга, сказанные им ровно девяносто лет тому назад!

Михаил Майоров
(г. Тула)

МАКСИМ ГОРЬКИЙ И ТУЛА: ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПЕРЕКРЕСТКИ

Михаил Владимирович Майоров родился 2 октября 1967 в Туле. Тульский краевед, литературовед, некрополист, экскурсовод, лектор. В 1984 окончил тульскую школу № 15. В 1984—1986 гг. обучался на факультете иностранных языков ТГПУ имени Л. Н. Толстого; с 1986 по 1988 служил в погранично-танковых войсках ВС СССР; с 1988 по 1990 — обучался на филологическом факультете того же вуза, с 1990 по 2008 работал в сфере библиотечного дела, музеях и прессе. Писатель-документалист, издатель, организатор конференций, акций по поддержке культуры, таких, как участие в реконструкции Николо-Кочаковского некрополя под Ясной Поляной, увековечение памяти Б. Л. Пастернака в Туле, усилия по сохранению древнейшего памятника на территории Тульской области — капища в Каменском районе и старинных тульских кладбищ. В 2008 участник организации масштабной выставки «История рода Толстых — история России». Вместе с сотрудниками толстовских музеев подготовил к печати свод биографий дворян и графов Толстых (в печати). Составитель и главный редактор Тульского биографического словаря: новая реальность (М.: «Минувшее», 2017, ил., в 3-х тт.). Готовится к изданию 4-й том.

Академический театр драмы и сразу несколько улиц в Туле носят имя писателя Максима Горького. При этом иногда употребляется неверный псевдоним «А. М. Горький». Такого человека никогда не существовало. Были реальный Алексей Максимович Пешков (16(28).3.1868, Нижний Новгород — 18.6.1936, Горки-10 Московской области) и литератор Максим Горький. В чем же, собственно, заключается та связь Горького с тульскими местами и обывателями, на которую указывают местные справочные издания?

Начиная с девичьей фамилии матери — Каширина — пытливый взор краеведа обращается к бывшему тульскому уездному центру Кашире, однако ничего там «горьковского» не находит. Это обычная оттопонимная фамилия, каких в России в изобилии. Тем не менее, ощущение от какой-то незримо связующей Горького и наш край нити сохраняется — и недаром. В первом десятилетии XX века он действительно побывал в Тульской губернии, но основным мотивом визитов стали встречи с Л. Н. Толстым. От них отталкивается все то литературоведение, которое когда-то увлекалось сбором сведений обо всех знаменитых посетителях Ясной Поляны и гостей Толстого «на выезде», например, в Гаспре. Там-то как раз и бывал Горький. Двойной памятник писателям до сих пор стоит у дороги под Ялтой.

«Тульский биографический словарь» счел нужным указать на встречи Горького с Толстым не только в Ясной, но еще и в Крыму, словно Толстой — это исключительно тульская тема. Если здесь говорить не о личных встречах Горького и Толстого, а

лишь о связях Горького с тульской землей, ракурс будет несколько иным. Прежде всего, это отражение писательских впечатлений в произведениях, причем без притягивания посещений Горьким нашего края. Эти артефакты невозможно раскрыть, если не привести целиковую выдержку из путевого очерка.

Тульские черты ощутимо просвечиваются в поведении персонажей рассказа «Женщина», впервые напечатанного в «Вестнике Европы» (1913, кн. 1, с. 5—32) и сначала носившего заголовок «По Руси (Из впечатлений "проходящего")». Ярче остальных Горькому запомнился уроженец, скорее всего, Алексинского уезда, в котором две несчастные героини надеялись встретить наконец-то настоящего человека — надежного и не такого, как все. Однако, по замечанию самого писателя, на протяжении того самого путешествия мужиков повстречалось «много, а людей вот нет».

«Все это "русские" — из центральных губерний, они дочерна сожжены непривычным солнцем юга, волосы их выгорели, ветер ершит и треплет их лохмотья, все они притворяются смирными, благочестивыми — устали от трудов, от неудач жизни и вот — сошлись сюда <...> Ниже и вычурнее других кланяется казакам туляк Конев, мужик сухой, обгорелый, точно головня, с черной бородкой, беспечно рассеянной по костлявому лицу, с ласковой улыбочкой темных глаз, глубоко спрятанных в орбиты.

<...> Конев — старый знакомый мой, по пути из Курска до Тверской области я неоднократно встречал его. Он — человек «артельный», любит держаться среди людей, но, кажется, лишь потому, что очень труслив. На всех точках земли вне своей деревни, прижавшейся где-то к пескам Алексинского уезда, он убежденно говорит всегда одно и то же:

— Действительно, землица тут богатая, а с людями я не согласен... никак! В нашем краю народ куда те душевнее, настоящий русский народ, равненья нет со здешним! Тут — кремни, тут души́ и на трешник нет!

Он любит тихо и задумчиво рассказать чудесный случай неожиданного обогащения:

— Вот — в подковы ты не веришь, а я те скажу — нашел один ефремовский мужик подкову, а недели через три за этим дядя его, лавошник в Ефремове — со всею семьею и сгори,— видал? Все наследство — мужику этому попало,— да! Нет, ты не бай, чего не знаешь: судьба человека жалеет, она его часто с добром стережет...

Его черные, круто изогнутые брови всползают высоко на лоб, а глаза изумленно выкатываются из орбит, точно Конев и сам не может поверить в то, что рассказал.

Когда казак пройдет, не ответив на поклон, Конев смотрит в спину ему и ворчит:

— Заелся, не видит даже человека... Нет, я прямо скажу: суходушный народ!..

С ним — две женщины; одна — лет двадцати, коротенькая, толстая, со стеклянными глазами и полуоткрытым ртом. У нее лицо дурочки: нижняя часть его, с обнаженными зубами, как будто смеется, а когда взглянешь в неподвижные глаза под низким лбом — кажется, что она сейчас заплачет, испуганно и визгливо, точно кликуша.

— Отпустил он меня сюды с чужими людями,— жалуется она басом, засовывая коротким пальцем под зеленый и желтый платок выгоревшие волосы.

Толсторожий скуластый парень с маленькими глазками монгола толкает ее локтем в бок, сипло и лениво говоря:

— Бросил он тебя. Только ты его и видела...

— Да-а,— задумчиво тянет Конев, разбираясь в своей котомке.— Теперь баб очень просто покидают, ни к чему они в этом годе, нипочем...

Баба морщится, испуганно мигая, растягивает рот,— ее подруга говорит бойко и внятно:

— А ты не слушай их, озорников...

Она постарше лет на пять, и лицо у нее не обычное: большие темные глаза все

время играют, почти каждую минуту меняя выражение: то они пристально и серьезно смотрят куда-то вдоль станичной улицы и в степь, где летает ветер, вдруг торопливо начинают искать чего-то на лицах людей, потом тревожно прищурятся, по красивым губам пробежит улыбка,— женщина, опустив голову, прячет лицо, а когда вновь поднимает его — глаза у нее новые: сердито расширены, между тонких бровей лежит угловатая складка, запекшиеся губы аккуратного рта плотно и упрямо сжаты, она шумно, как лошадь, втягивает воздух тонкими ноздрями прямого носа.

В ней чувствуется что-то не крестьянское: из-под синей юбки высунулись потрескавшиеся ступни ног — это не деревенские растоптанные ноги, подъем их высок, заметно, что они привыкли к башмакам. Она чинит голубую с белыми горошинами кофту, и видно, что работать иглой привычно ей,— небольшие загорелые руки мелькают над измятой материей ловко и быстро. Ветер хочет вырвать шитье из этих рук и не может. Сидит она согнувшись, в прореху холщовой рубахи я вижу небольшую крепкую грудь,— грудь девушки, но оттянутый сосок говорит, что предо мною — женщина, кормившая ребенка. Среди этих людей она — точно кусок меди в куче обломков старого, изъеденного ржавчиной железа. <...> эта женщина будит фантазию, заставляя догадываться о ее прошлом, и невольно я создаю какую-то сложную историю человеческой жизни, раскрашивая эту жизнь красками своих желаний и надежд. Я знаю, что это ложь, и — знаю — худо будет мне со временем за нее, но — грустно видеть действительность столь уродливой.

<...> Скуластый парень неподвижно остановил на молодой бабе в зеленом платке свинцовые белки с мутными, точно у слепого, зрачками, срывает серые былинки, жует их, как теленок, и, засучив рукав рубахи по плечо, сгибает руку в локте, косясь на вздувшийся мускул.

Неожиданно он спрашивает Конева:

— Хошь — дам раза?

Конев задумчиво посмотрел на кулак — большой, как пудовая гиря и словно ржавчиной покрытый,— вздохнул и ответил:

— Ты себя по лбу вдарь, может, умней будешь...

Парень смотрит на него сычом, спрашивая:

— А почему я дурак?

— Наличность доказывает...

— Нет, постой,— тяжело поднявшись на колени, придирается парень.— Ты отколь знаешь, каков я?

— Губернатор ваш сказывал мне...

Парень помолчал, удивленно посмотрел на Конева и спросил:

— А какой я губернии?

— Отвяжись, коли забыл.

— Нет, погоди! Ежели я тебя вдарю...

Перестав шить, женщина повела круглым плечом, как будто ей холодно стало, и ласково осведомилась:

— А в сам-деле — какой ты губернии?

— Я? Пензенской,— ответил парень, торопливо перевалившись с колен на корточки.— Пензенской, а что?

— Так...

Женщина помоложе странно засмеялась подавленным смехом.

— И я...

— А уезда?..

— А я и по уезду — Пензенская,— не без гордости сказала молодуха.

Сидя перед нею, точно перед костром, парень протягивал руки к ней и увещевающим голосом говорил:

— У нас город — хорош! Трактиров, церквей, домов каменных... а в одном трактире — машина играет... все, что хошь... все песни!

— И в дураки тоже играет,— тихонько бормочет Конев, но, увлеченный рассказом о прелестях города, парень уже ничего не слышит, шлепает большими влажными губами и, как бы обсасывая слова, ворчит:

— Домов каменных...

Женщина, снова оставив шитье, спросила:

— И монастырь есть?

— Монастырь?

Свирепо почесав шею, парень молчит, потом сердито отвечает:

— Монастырь! Я дотошно не знаю... я один раз в городу-то был, когда нас, голодающих, железную дорогу строить гнали...

— Эхе-хе,— вздохнул Конев, вставая и отходя. Люди прижались к церковной ограде, как сор, согнанный степным ветром и готовый снова выкатиться в степь на волю его. Трое спят, некоторые чинят одежду, бьют паразитов, нехотя жуют черствый хлеб, собранный под окнами казачьих хат. Смотреть на них скучно, слушать беспомощную болтовню парня досадно. Старшая женщина, часто отрывая глаза от работы, чуть-чуть улыбается ему, и хотя улыбка скупенькая, она раздражает меня, и я иду за Коневым. <...>

— Бабеночка-то? — мечтательно спрашивает Конев, прислонясь к стволу тополя и обняв его рукою.

— Откуда она?

— Говорит — рязанская, а звать — Татьяной...

— Давно с тобой ходит?

— Не-е... кабы давно! Седни утром встрелась, верст за тридцать отсюда... с подругой, с этой. Да я и ране видал ее, около Майкопу, на Лабе-реке, в косовицу. В ту пору был с ней мужик пожилой, бритый, вроде бы солдат, не то любовник ей, не то дядя. Пьяница, драчун. Там его за три дня дважды били. А теперь вот идет она с подругой этой. Дядю-то посадили в казачью тюрьму, как он шлею и вожжи пропил...

Конев говорит охотно, но — как бы додумывая какую-то невеселую думу. Он смотрит в землю. Ветер треплет его рассеянную бородку и рваный пиджак, срывает с головы картуз — измятую тряпицу без козырька, с вырванной подкладкой,— картуз этот — точно чепчик и придает интересной голове Конева смешной бабий вид.

— М-да-а,— сплюнув, сквозь зубы тянет он,— приметная бабеночка... рысак, просто сказать! Нанес чорт толстомордого этого... у меня бы с ей, глядишь, дела наладились хорошие, а он... пожалуйте! Пес...

— Ты говорил — у тебя жена есть...

Конев метнул в лицо мне сердитый взгляд и отвернулся, ворча:

— Али я жену в котомке ношу?

Площадью идет кособокий усатый казак, с большими ключами в руке,— в другой у него смятая фуражка вперед козырьком. За ним, всхлипывая и вытирая глаза кулаками, плетется кудрявый мальчик, лет восьми, и шершавая собака,— морда у нее унылая, хвост опущен, должно быть — тоже обижена. <...> Вид у нее ко всему привычный, и она похожа на Конева, только старше.

— Ты вот сказал — жена,— тяжко вздыхая, говорит Конев,— конечно... ну,— не всякая болезнь — до смерти!.. Женили меня девятнадцати лет...

Остальное я знаю, слышал эти рассказы неоднократно, но мне лень остановить Конева, и в уши назойливо лезут знакомые жалобы.

— Девка сытая, на любовь охочая. Пошли-посыпались дети, вроде бы тараканы с полатей.

Ветер становится тише, уныло шепчет о чем-то...

— Оглянуться не успел, а их — семеро, и все живут,— на тебе! А всего заводу было тринадцать — к чему это? Теперь считай: ей сорок два, а мне сорок три, она — старуха, а я — вот он! Я еще веселый. Одолела меня бедность-нищета, старшенькая девчоночка моя зиму эту в кусочки ходила — что поделаешь? А я — по городам шлялся, ну — там для нас одно дело: гляди да облизывайся! Прямо — вижу, не хватит меня,— плюнул на все и — пошел...

Сухонький, стройный этот человек не позволяет думать, что он работал много и любит работать. Рассказывая, он не жалуется, говорит просто, как бы вспоминая о ком-то другом...» [4].

Рассказ «Женщина» должен вызвать определенный интерес у филологов: автор употребляет форму фамилии Конев с ударением на последнем слоге, переводящим ее в «Конев», что в принципе немыслимо для других регионов, но вполне приемлемо для тульского. Иначе говоря, Горький подметил местное произношение, подтверждаемое множеством иных фамильных прозвищ. Для туляка проще простого произнести «Александрóв» и «Иванóв» вместо «Алексáндров» и «Ивáнов». В моей личной практике встречались случаи, когда одну и ту же фамилию по-разному употребляли близкие родственники: старшее поколение говорило «Груданóв», последующие: «Грудáнов». Этот едва замечаемый этнолингвистический элемент придает рассказу Горького еще большее значение, чем, например, упоминание жителей Ефремова с его уездом, о котором в местных газетах писали тамошние краеведы (я не располагаю точными ссылками на эти издания).

Что же до знаменитых встреч и диалогов с Толстым [5], то это уже слишком подробно рассмотрено и изучено в науке, хотя некоторые моменты в силу «неловкостей» (нелестных отзывов Толстого о подавляющем большинстве гостей) специально опускались и лишь благодаря свободе девяностых удалось прочитать несколько больше того, что указывали прежние ревнители сохранения дутых авторитетов во имя «патриотического воспитания». Впервые Горький прибыл в Ясную Поляну 8 октября 1900. Затем бывал не раз, поэтому большое внимание ему уделяет Душан Петрович Маковицкий во всех четырех томах «Записок». По итогам разговоров с Толстым Горький составил книжку дневниковых записей под названием «Заметки», по жанру весьма напоминающую те же «Яснополянские записки» Маковицкого. В записях Горького прежде всего обращает на себя внимание почти полное отсутствие его мнения о толстовских высказываниях, а было бы любопытно узнать, с чем Горький соглашался и с чем нет. Чувствуется, что, находясь внутри ауры Ясной Поляны, Горький, как и очень многие посетители, временно переставал принадлежать себе и терял индивидуальность. Это вполне объяснимо.

Максим Горький, писатель, издатель и общественный деятель, всю жизнь жаждавший правды и одновременно ее ненавидевший, собиравший фольклор и откровенно, во многом справедливо презиравший народ, «окающий» интеллигент в первом поколении, неизвестно зачем вернувшийся на родину, чтобы предать репутацию честного «буревестника» и автора «Несвоевременных мыслей»,— этот Горький еще долго станет будоражить воображение современных исследователей, не могущих ответить на вопрос: он один из архитекторов репрессивного режима или жертва? Достойно ли его имя увековечения в каждом городе и в названиях посторонних ему учреждений вроде Тульского театра драмы или, что совсем уже смешно, картофельного сельхозпредприятия в той же Тульской области? Однако следует понимать, что внутренняя противоречивость, ставшая, к несчастью для Горького, катализатором его личной трагедии,— это нормальное для творческого человека состояние. Иное дело — что Горького раз и навсегда возвели в основоположники соцреализма, который

давно сам себя уничтожил. Кстати, Горький — чуть ли не единственный советский писатель, которого довольно легко читать. Но это можно объяснить дореволюционной школой. А вот выдернутость его из компании «подмаксимовиков», в которую неформально входили связанные с тульским краем Л. Н. Андреев, И. А. Бунин (а позже горьковские традиции безуспешно пытался проводить в литературу Артем Веселый), это совсем не радует, как и любая иная типично русская избирательность, когда, проще говоря, цепляются за кого-то одного, чтоб недолго думать, согласиться с предложением об увековечении и идти скорее домой, а через много лет потомки задают тупиковый вопрос: а почему именно Горький? Бунин-то ведь и Куприн лучше писали. Отвечать на это просто нечего, иначе придется рассказывать всю историю советской власти и объяснять мотивацию отбора имен для «вечной памяти».

Я очень сомневаюсь в необходимости ношения сразу несколькими улицами имени Горького*, тем более что это вызывает путаницу во многих серьезных ситуациях, но, насколько приходится наблюдать, абсолютно не беспокоит ни власть, ни приверженцев советского прошлого, для коих гораздо важнее — эпатажный имидж, а не суть.

И все же факт влияния впечатлений от встреч с туляками на творчество Горького и важность его встреч с Толстым неоспоримы. Надеюсь, настоящая публикация дополнит сведения, содержащиеся в краеведческих изданиях.

* ...Неизлечимое заболевание русского народа: надуманная страсть ко всяческим переименованиям. Ошибочным будет считать, что «задатчиками» здесь были пресловутые большевики — притча во языцех нынешних СМИ. Все началось еще при царях. Достаточно вспомнить двойное, в 1812 и в 1914 гг., переименование Санкт-Петербурга в патриотический Петроград... Сейчас на горá выдается очередная волна перекрещиваний. И конца этому не будет никогда, увы (прим. ред.).

Юрий Мартишин
(г. Электросталь, Московская область)

А НАШУ ЖИЗНЬ СКЛЕВАЛИ СВИРИСТЕЛИ

Наш постоянный автор.

Стихает осень, скоро холода,
Стремлюсь туда, где никому не нужен.
Опавший лист украсил города.
На кладбище твой памятник простужен.

А мысли вереницей рвутся в бой
И вспоминают лучшее из жизни:
Как мы шуршали позднею листвой.
«Быстрей,— ты говорила мне,— не кисни».

Встречали нас детишки у дверей,
Пища, крича и в игры вовлекая.
Мурлыкал на диване кот Андрей,
И ты была такая молодая.

Стирает дождик на погосте след.
Я просыпаюсь не с тобой в постели.
Другую разбудил на склоне лет.
А нашу жизнь склевали свиристели.

НАЧАЛО

Не ведут что-то в прошлое ноги.
За оврагом в тумане леса.
Я сижу у бескрайней дороги,
Устремив в бесконечность глаза.

Где-то там моей жизни начало —
В деревеньке, в ночной тишине.
Там бабуля в кроватке качала.
Дед, сутулясь, катал на спине.

Эх, любил я зверьком вечерами
Грызть старинную белую печь.

Голубей покормить пирогами,
Под кроватью в дозоре залечь.

Вспоминаю покосы, рыбалки,
Вой слепней, тихий писк комаров,
Мужиков и их вечные пьянки,
И мычанье соседских коров.

Деда Гриша пыхтел вечерами
Папироской на старом бревне.
Подойдут старики с мундштуками —
И давай под дымок о войне.

Обожал я бабулю родную.
Хлебосольной старушка слыла.
Не поев, не уйдешь ни в какую,
Не отпустит — такой вот была.

Что-то грустно от прошлого стало.
Нет на свете моих стариков.
Я сижу, вспоминаю начало
Своей жизни под шепот ветров.

ВОСПОМИНАНИЕ О ДЕТСТВЕ

Я глаза закрываю и вижу
Белый домик за старой ветлой,
Ржавый «ве́лик», на нем — деда Гришу:
Едет встретить — приехал малой.

Обнимается, колет щетиной,
Табаком провонял весь, вот жуть.
Говорит, возмужал, стал мужчиной,
Я на раму, толкает — и в путь.

Он глухой и хромает немножко —
Инвалид той великой войны.
Когда песни ревела бомбежка,
Дед — герой сорок пятой весны.

Ему в ухо шепчу: «Спрыгнуть надо?
Тяжело тебе, старый, крутить?»
«Что ты, внучек, ну как же не рада,
Ждет нас бабка, убавь свою прыть».

«Как там Шарик, живой?» — что есть мочи,
Надрываясь, кричу старику!
«Пес твой дома, и тише, короче,
Как петух, кричишь кукареку».

Потихоньку добрались до дома.
Посерел низкий дедушкин двор.
Куры, гуси — как все здесь знакомо,
За деревней поля и простор.

Раскрываю дверь, петли запели.
На пороге — бабуля: «Привет!»
Ее волос белее постели.
Говорит: «Что так плохо одет?

И что, парень, так пишешь мне мало?
У старухи ведь сердце болит.
Похудел вон, и щечек не стало.
Мы поднимем здесь твой аппетит».

Скрип калитки — и вот в огороде.
После города здесь благодать.
Все цветет в деревенской природе,
Под клубникой земли не видать.

Вот мой песик, дружище лохматый,
Дай-ка лапу и брось, не скули,
Да не прыгай на кошку, зубатый,
Наш заступник. Ну, брат, не шали.

Помню все я, поныне живущий:
Дедов голос и Шарика лай,
Крик бабули, к обеду зовущий...
Деревенское детство, прощай!

Не вернется, ушло без возврата.
Развалилась от молний ветла.
Нет ни дома, ни грядок, ни сада —
Все исчезло, такие дела.

ДЕРЕВЕНЬКА

Деревенька, избы убогие,
Крыши шифером, кот за окном.
За забором бабушки строгие
Разболтались о чем- то былом.

Свиньи туши засунули в лужи.
Рядом бегает стайка цыплят.
Слепни дергают конские уши.
На березах вороны галдят.

По заулку расплылись коровы,
Раскидав по дороге навоз.

Видно, с детства культурной основы
Им учитель-пастух не донес.

Блеют козочки, крякают утки.
Трактор с треском завелся с утра.
Пес Трезор на цепи возле будки.
На рыбалку спешит детвора.

На ухабистых узких дорожках
Разлеглась, никуда не спеша,
Деревенька в полях и гармошках,
Всей России печаль и душа!

ВОЛЖСКИЕ МОТИВЫ

Рады ветру березки-проказницы,
Дует так, будто гладит рукой.
В кронах голос кукушки-гадальщицы
Разбазарил года над рекой.

Ширь такая, что в чувствах сумятица.
За мечтой пробежал теплоход.
Чайка белая, морю племянница,
Выполняет фигурный полет.

Волга, старая, грузная дамочка,
Вспоминает с седой Костромой,
Как купцов разоряла цыганочка,
И плелись бурлаки бечевой.

Небо — словно картинка красивая.
Берега нарядились в леса.
Жизнь спокойная, неторопливая.
Средняя русская полоса.

СУДЬБА ЖЕНЩИНЫ

Как понять мир людей? Невозможно.
В море судеб — обломки страстей.
Все запутанно, нервно и сложно
В череде городских новостей.

Местный рынок — людская окрошка,
Словно шумный огромный вокзал.
Вот грустит у палатки торгашка,
Муж ей жизнь, словно прутик, сломал.

Искалечил, убил ее веру
В доброту и надежность мужчин.
И ушел по осеннему скверу,
А ведь с нею остался их сын.

Скис супруг, как вино «Изабелла»,
Раздражался нытьем и бельем.
Как она эти муки терпела,
Как хотела остаться втроем!

Он же бросил! Шагал без оглядки
Очень сильный в плечах исполин.
Но на этом не кончились пытки:
Был второй, симпатичный блондин.

И как нравился парень с завода,
Величавый, характер прямой.
Кто же думал, что будет зануда,
Очень желчный, надменный, скупой?

И обратно все снова-здорово —
Полетела судьба кувырком.
Убежал, не сказав ей ни слова,
Взял товар, и к другой прямиком.

Больше замуж она не хотела.
Сын подрос, помогал торговать.
Раскрутилась на рынке, есть дело,
Появились сноровка и стать.

Ночью ласки в угаре хмельного,
Мужики ходят к ней табуном.
Принимает, а что здесь плохого?
Нет семьи — хоть поспать с мужиком.

КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР

Игорь Карлов
(г. Эль-Кувейт, Государство Кувейт)

ДВАЖДЫ КРАСНОЗНАМЕННАЯ ПОВЕСТЬ ИМЕНИ ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ ЦК КПСС, ПРЕЗИДЕНТА СССР ГОРБАЧЕВА М. С.*

Лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Заведующий отделом международных связей журнала «Приокские зори».

VI

Единственное, чего удалось добиться Андрюхе, это уговорить брата побывать на учредительном собрании одной из новообразованных общественных организаций «афганцев». Ярослав, впервые за долгое время отложивший чтение и поднявшийся с дивана, перевесил награды с «дембельского» кителя на гражданский пиджак и отправился на ассамблею. Вернулся же оттуда опечаленный и в дальнейшем все разговоры на эту тему жестко пресекал. Андрюхе оставалось лишь махнуть рукой; он окончательно перевел Ярика в разряд людей не от мира сего.

А проблемы нашего дольнего мира валились на Чернышева-младшего, не давая продохнуть! Андрюха крутился, как белка в колесе, распутывая все новые и новые бухгалтерские хитросплетения и законодательные узлы. В этой бесконечной гонке никак нельзя сбиваться с хода, нельзя замедлять бег без риска быть немедленно оттесненным другими марафонцами, целеустремленно рвущимися к обещанному на финише призу, топящими сошедшего на обочину слабака в волнах пыли и удушливого запаха пота. Нет, ни в коем случае нельзя останавливаться! И деловые люди, многозначительно подмигивая, подначивали друг друга: «Куй железо, пока Горбачев!»

Открытие собственной точки общепита позволило Андрюхе на деле убедиться, как щедро бывает вознагражден тот, кто возьмет на себя хлопотное дело заботы о желудках соотечественников. Через непродолжительное время кооператор Чернышев вернул заимодавцам большую часть взятых денег (родители, разумеется, могли и подождать); потом были возвращены проценты по долгам; а потом настал момент, когда Андрюха впервые с буржуйской аккуратностью вывел в гроссбухе сладостные слова: «чистая прибыль». Чернышев, надо отдать ему должное, не трясся над каждой вырученной копейкой. Он прекрасно понимал верность расхожего выражения «жадность фраера сгубила», поэтому щедро делился доходами с «нужными людьми». В

* Продолжение с середины VI главы, начало повести см. № 2, 2017 «Приокских зорь».

результате все «нужные люди» оказались владельцем вновь открытой чебуречной очень и очень довольны, а потому появились новые «нужные люди», тоже вполне благосклонные к любым починам любезного молодого человека. Перед начинающим предпринимателем открывались широчайшие горизонты.

Андрюха прекрасно понимал, что пока сделан всего-то робкий шажочек к состоятельности, подлинное богатство только замаячило вдали, лишь стало потенциально возможным, если играть по общим правилам. А правила были несложными, и очень быстро Чернышев их твердо усвоил. Если основополагающий постулат либерализма гласит, что свобода каждого ограничена свободой окружающих, то базовый принцип нарождавшейся олигархии был сходен: достаток каждого лимитирован величиной дохода «нужного человека», занимающего более высокую ступень на советской феодальной лестнице. Андрюха свято придерживался этого, так сказать, золотого правила кооператора, легко давая возможность «нужным людям» приобщиться к части заработанной им выручки, но люто ненавидя строптивцев, не желавших добровольно ограничивать свою экономическую независимость во имя соблюдения законных интересов третьих лиц.

Самому же Андрюхе денег хватало с лихвой. Да так ли уж много нужно молодому холостяку? Лишь досуг и представительские расходы требовали серьезных трат... Иногда родителям или брату перепадало несколько купюр, пропахших прогорклым маслом чебуречной. Доводилось оказывать родственникам и другую помощь — связями, услугами.

Однажды Ярослав позвонил Андрюхе на работу:

— Ты ведь все рестораны знаешь... Где можно недорого посидеть? Ко мне Малыш приехал.

— Какой еще малыш? — не понял Андрюха.

— Мы служили вместе. Малыш — это прозвище...

Вечером встретились у названного Андрюхой ресторана. Малыш оказался двухметровым громилой с чудовищными кулаками. Тело бывшего десантника имело совершенные, какие-то даже античные пропорции и, без сомнения, достойно было бы экспонирования в музее, однако сам он казался излишне подвижным для выставочного образца, ибо его гигантские руки и ноги, обтянутые сухими легкими мышцами, ни секунды не находились в покое. Лицо исполина, на голову возвышавшегося над окружающими, было до нехорошей бледности испитым. Это не был радостный хмель человека, встретившего давнего задушевного друга; в болезненно позеленевшем лице, в воспаленно посверкивающих глазах явно проявлялся многолетний запой, имевший целью окончательное самоистребление вследствие абсолютной чужеродности Малыша в тыловой жизни без подъемов по тревоге и марш-бросков, без необходимости спасать кого-то, а кого-то «мочить».

Когда Андрюха подошел к ресторану, невысокий Ярослав, смяв в горсти рубаху однополчанина, что-то назидательно тому втолковывал, для пущей нравоучительности методично ударяя его кулаком в грудину. Малыш, которого слегка водило из стороны в сторону при каждом ударе, ласково улыбался собеседнику. Однако улыбка слетела с его лица, лишь только Андрюха приблизился на расстояние броска. Мутным глазом великан покосился на попавшую в поле зрения движущуюся цель, принимая решение: немедленно устранить объект или дождаться приказа на уничтожение; и только когда Ярик представил брата, Малыш сам себе скомандовал «отставить». Вошли в обеденный зал вместе, причем Малыш, с трудом державшийся на своих длинных стройных ногах, привычно пригнул голову в невысоком дверном проеме.

Андрюху в ресторане знали, и вокруг их столика моментально засуетилась офи-

циантка. Чернышев-младший сделал заказ и присел рядом с «афганцами». Сперва он собирался побыстрее улизнуть, заранее зная, как пойдет беседа сослуживцев, но потом решил задержаться немного, до третьей-четвертой рюмки, пока не начнутся песни. Очень уж хотелось подольше покрасоваться рядом с Малышом, этой совершенной боевой машиной, хотелось, чтобы ресторанная обслуга покрепче запомнила, с какими ферзями Андрюха водит компанию... А, может, кто из знакомых заглянет...

Между по-десантному затяжными глотками водки и торопливым поеданием закуски молодые ветераны оживленно перекрикивались через стол: «А помнишь?..» «Ну, за встречу!» «А где Чук?..» «Да ладно!..» «Ты ротного видел?!..» «Ну, давай — второй тост, традиционный!» «Давай за наших, за тех, кто никогда не предаст, за тех, чьей дружбой мы можем гордиться!»

После того, как опорожнили первый графин, пригорюнившийся вдруг Ярослав, подперев рукой щеку, меланхолически глядя в пространство, вопрошал:

— А помнишь, мы думали: дембельнемся и будем перестройку толкать... Ускорение. Такое слово тоже было... Господи! Что за несчастная наша страна! Когда же здесь научатся ценить людей, которые хотят что-то делать? А ведь мы бы могли, мы бы сумели! И немало нас, и глаза горели, и кулаки чесались! Но нет, не пригодились ни в чем Отечеству своему... Заговорили, заболтали ДЕЛО!! А потому, что испугались нас: управлять нами тяжело, контролировать нас некому, остановить нас сложнее, чем убить... Куда теперь былой напор девался? Кто в церковь подался, кто в «металл» ушел... А мы-то думали перед дембелем: вот вырвемся с этой войны, таких славных дел наворотим! Будут нами гордиться родители, будут нас помнить дети! Мол, наше время пришло! Нет, опять не наше. Снова украли у нас дело. Дела нет, понимаешь? ДЕЛА! Еще одно обманутое поколение...

«Началось! — подумал Андрюха.— Пора валить отсюда!» Он отлучился будто бы в туалет, а потом потихоньку вышел из ресторана и уехал. Ни к чему ему было сидеть за одним столом с этими неудачниками, переживая вместе с ними обидную невостребованность и общественное неприятие. Уж его дело — чебуречную — никто не отнимет! Уж его-то никто не обманет! Уж он-то, действительно, еще всем покажет, и будет у него (не то что у Ярика) все не хуже, чем у людей!

Конечно, чтобы держаться на плаву, следовало крутиться почти без остановки. Иногда деньги просто валились на голову, но большей частью приходилось складывать копеечку к копеечке, экономить на сырье, выжимать грошики из дубово-неповоротливой бухгалтерской отчетности. Делал это Андрюха умно и расчетливо, хотя иногда вдохновлялся на рискованные операции, приятно волновавшие непредсказуемостью результатов. Да, случались финансовые потери, но Чернышев относился к ним стоически. Он верил в свою счастливую звезду, ошибался редко.

А после рабочего дня Андрюха с «нужными людьми» раскатывал на милых его сердцу «Жигулях» из одного ресторана в другой. Упорный Чернышев плел сеть полезных связей, как паук паутину. Впрочем, «вспрыскивать» новые знакомства было так славно и весело, что скоро представительские заботы и досуг слились в единое целое, называемое образом жизни. Вечерами Андрюха становился особенно азартен и раскован. Он с предопределенной фатумом готовностью мотылька устремлялся на призывное мерцание неоновых вывесок и желтый свет прокуренных ресторанов. Ему нравилось, вальяжно расположившись за стойкой, лениво перекинуться словечком со знакомым барменом, порой фривольно подмигнуть своей (своей!) официантке. Ему щекотали нервы мимолетные встречи с нетрезвыми женщинами и мнимомногозначительные разговоры с подозрительными особами, ему были по сердцу ухарские пляски в обеденном зале, демонстрировавшие, насколько разношерстная публика едина в своем порыве к разгулу. Атмосфера дешевого кутежа и надсадного веселья под ог-

лушающие однообразные аккорды расхристанного оркестра дурманила хмельней вина. Казалось, что вокруг близкие по духу сотрапезники и собутыльники, что все присутствующие дамы милы и доступны, а звучавшие из-за соседних столиков слова-приказы «салат «Столичный», «котлеты по-киевски», «двести грамм» тоже напоминали приблатненную расслабляющую музычку ресторанных лабухов. Андрюха придирчиво рассматривал сервировку своего столика, переводил взгляд на соседние и оставался доволен: одинаковые скатерки, пахнущие прачечной, одинаковые графинчики и салфетки, одинаковая еда в общепитовских тарелках. Андрюха оценивал свою компанию, наблюдал за другими — его была не хуже. Андрюха выходил в гардероб, где висело огромное зеркало, и исподволь рассматривал дымно и пьянорасплывчатое свое отражение. Никому из завсегдатаев ресторана он не уступал: крепкие скулы, покрасневшие глазки, плотная фигура, немаркий костюмчик. Он возвращался в гудевший нетрезвыми голосами зал, благодушно плюхался в застолье. Да, он был на своем месте. Он был как все; все у него было как у людей.

В школе на уроке физики Андрюхе рассказывали, что в одном французском городе под стеклянным колпаком хранится отрезок стального швеллера — эталон метра. Вот и жизнь ресторанная представлялась Чернышеву такой же абсолютной нормой. Официанты размеренно вносили неизменные графинчики, салатики и котлетки, приготовленные по традиционной, закрепленной ГОСТами рецептуре. Ансамбль на эстрадке периодически подавал в зал железные бруски популярных мелодий. Время от времени мужчины бросали на женщин за соседними столиками заранее отмеренные взгляды, чуть короче нагло-призывных, чуть длиннее скромно-восторженных. Каждый завсегдатай ресторана свято соблюдал неписаный кодекс поведения, основу коего составляет гипертрофированное чувство собственного достоинства, готовое в любой момент истерически прорваться в мордобое или бое посуды. Все это входило в общепризнанные правила этикета. Все это было навсегда. Это стоило бы поместить в специальную витрину и бережно хранить, как один на всех метровый рельс. «Нормально!» — думал Чернышев, в очередной раз оглядывая зал своего любимого ресторана, и с чувством глубокого удовлетворения тянулся к графинчику на столе. Вот такой должна быть жизнь!

Однако не существует нетленных эталонов, все подвержено распаду... Самое величественное здание начинает разрушаться в тот момент, когда уложен последний камень, устоявшийся порядок вещей подвергается деформации в ту секунду, когда мы признаем его таковым. Незыблемые, казалось, устои почему-то дают трещину и рассыпаются, привычное течение жизни исподволь упирается в невидимую запруду, тайно меняет свое русло история, постепенно искажается облик века. Как уловить начало этих изменений? Почему они свершаются? Есть ли на то скрытые причины, или все в мире случается вдруг, и высшие силы не снисходят до объяснений? Дано ли человеку постичь суть великих перемен? Нужно ли постигать? Следует ли смириться с происходящими метаморфозами, или необходимо сопротивляться?.. Да, вопросики... И ломаешь над ними голову, хотя зовут тебя не Гамлет, принц датский, а просто Андрей Чернышев... Но удивительнее всего, что грозные глубинные сдвиги начинаются с мелочей, с того, что не представляется достойным внимания, а то и вызывает улыбку.

Так иронично улыбался Андрюха, когда впервые увидел диковинное даже для закаленного тотальным дефицитом «совка» явление — не помещающуюся в магазин очередь за мылом. «Мыться полюбили?!» — съязвил про себя Чернышев, не подозревая, какую бесчеловечную головомойку уготовила эпоха и записным чистюлям, и тем, кто плевать хотел на гигиену, и ему самому. Да, поначалу чудаки, десятками скупавшие еще сутки назад никому не нужные, скучные мыльные бруски, выглядели

всего лишь забавно. В самом деле, кто мог предположить, что эти кирпичики чистоты, из которых томящиеся бездельем продавщицы галантерейных магазинов выкладывали настоящие крепостные стены за своими прилавками, непостижимым образом исчезнут? Кто ожидал, что единственное, чем были надежно, с запасом, затоварены склады — бесконечные ряды коробок с моющими средствами,— разлетится с легкостью мыльных пузырей?

Но вот на следующий же день после саркастических ухмылок оказалось, что дома у Чернышевых нет стирального порошка. Мать умолила Андрюху сходить в ближайший хозяйственный, где, по слухам, как раз «выбросили» импортный. Сын недовольно скривился, но пошел: мать ведь и для него стирала. Пошел, и стал в очередь, и провел в ней весь рабочий день до закрытия магазина, и, озверев от ожидания, хотел купить сразу тонну того порошка, но давали только по пять пачек «в руки». Стало не до сарказма, не до улыбок, не до шуток.

С того дня товарно-сырьевой голод лишь нарастал, а Чернышеву все труднее и труднее работалось, ибо со временем всеобщий дефицит стал сущностью экономической жизни. Какое-то время Андрюхе благодаря широким связям удавалось доставать нужные товары, но вскоре и ему перестали отпускать что-либо: не до него стало, ведь сами «нужные люди» начали испытывать нехватку, где уж тут соблюдать прежние деловые обязательства...

Продукты покидали Россию. Как перелетные птицы, они устремлялись в неведомые советским гражданам края, населенные беззаботными счастливцами, которые любили еду, но, главное, которых еда любила. Подгоняемые древним инстинктом служения сытости, съестные припасы косяками отправлялись в безвозвратную даль, без всякого сожаления оставляя насиженные места и призывными кликами увлекая за собой нерасторопные бакалейные товары. Грустно, по-осеннему, стыла проголодавшаяся страна, сиротливо жались друг к другу опустевшие колхозные поля, в бессильной злобе матерились вслед отлетающему продовольствию сельмаги, и даже городские гастрономы слезливо блестели глазами витрин, не понимая своей неприкаянной судьбы, не веря в свершившееся предательство.

Устрашенные угрозой надвигающегося голода, люди зверели в схватках за еду; сгрудившиеся в огромных количествах у пустых магазинов, они становились опасны, и как поведут себя агрессивные напуганные толпы, никто не мог предугадать. Тогда через расшатанный частокол «железного занавеса» иностранцы стали перебрасывать в СССР продовольственные посылки, словно опасливый посетитель зоопарка, который, искоса поглядывая на категоричную вывеску «Животных не кормить!», все-таки бросает в вольер к воющим хищникам недоеденный пирожок.

Вот и Чернышевым достался продуктовый набор, присланный из Германии,— отцу на работе выдали. Вечером собралась вся семья; поочередно рассматривали содержимое посылки, не понимая, что написано на этикетках, пытаясь по внешнему виду определить вкус и назначение присланного. Ярослав, брезгливо перебирая консервные банки, по своему обыкновению разговаривал не то с домочадцами, не то сам с собой, не то серьезно, не то шутил: «И что примечательно: никто не обратил внимания на самое главное! Ведь Запад своей гуманитарной помощью нажил себе у нас кучу врагов. Русские им этого не простят. Нет, действительно! Я как рассуждаю: вы, империалисты, можете с нами воевать, реализуя свою агрессивную внешнюю политику. Это понятно, и мы к этому готовы. И биться будем до последней капли крови, и в Берлин опять войдем, и флаг свой повесим. А там и помиримся с прежними врагами, простим им все былое. Вот к такому — к агрессии, к захватам, к жестокости — мы привыкли и готовы. Но присылать нам продуктовые посылки... Это оскорбление, это запомнится надолго... То есть, они нас жалеют. Не уважают, не боятся, а жалеют.

А нас жалеть не надо, мы сами кого хочешь пожалеем. И мы еще посчитаемся с вами, господа зажравшиеся буржуи. Придет срок! Я просто вижу испуганно-растерянные глаза какого-нибудь бюргера, когда нашенский гегемон будет тыкать его в фейс кулачищем, приговаривая: «Вот тебе продуктовые посылочки, сволочь!»... Да, все-таки Киплинг был прав: Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись... Никогда нам не понять друг друга».

Домашние, ставшие невольными слушателями этого монолога, неодобрительно косились на Ярослава. Его искренне любили в семье, однако снедавшая его мизантропия вызывала раздражение. Родственники уже смирились с тем, что Ярослав с ироничным прищуром поглядывал на окружающую действительность из-за обложки очередного журнала и ернически философствовал, не вставая с дивана, но понять и принять такого поведения не могли.

Андрюху же, в отличие от брата, постепенно охватывала тихая паника, ибо все его замыслы, все радужные планы рушились на безрыбье и безмясье талонной системы, которая пришла на смену эталонной ресторанной устроенности. Чернышев-младший находился в отчаянии, ведь его чебуречная, если и предлагала посетителям продукцию, то по такой цене за порцию, что в былое время на эти деньги можно было питаться сутки, а то и двое. Пришлось закрыть свое любимое детище как нерентабельное производство. Это стало чувствительным ударом по психике, несмотря на то, что основные доходы Андрюхе уже давно приносила не кооперативная забегаловка, а другие предприятия, созданные в лучшие времена. Однако чебуречная оставалась символом новой жизни, доказательством того, что можно стремиться и достигать, хотеть и мочь, быть не хуже других.

Болезненный внутренний надлом, который переживал Андрюха, получил символическое воплощение в незначительном, на первый взгляд, случае: в одном из баров Чернышеву порцию недешевого коньяку подали в майонезной баночке. Андрюха сначала даже не понял, что происходит, продолжал ждать свой заказ, но потом благоухание благородных коньячных спиртов дало ему понять, что в этой неказистой посудине находится предназначенный для него напиток. Андрюха набычился, грубо бросил бармену: «Это че? Че так пызорно-то?» Бармен улыбался смущенно и гадливо, пододвигая поближе клиенту коньяк в неожиданной таре, словно бы мочу, собранную для анализа в районной поликлинике: «Стаканов нет!» Андрюха после этого случая долго не мог успокоиться: «Ну, жратву, могу понять, съели. А стаканы-то куда делись? Как можно на Руси без стакана!»

Ну, правда же, как без стаканов обойтись? А их нет, как не было! Они исчезли из автоматов с газированной водой, где пребывали в сохранности десятки лет, может быть, изредка похищаемые выпивохами или разбиваемые дебоширами. Стаканов не стало в кафетериях, где дети пили соки и молочные коктейли, пропали из рабочих и студенческих столовых подносы, уставленные стаканами с киселем и компотом из сухофруктов... Предположение, что вся четвертьлитровая тара случайно разбилась в одночасье, заранее отметалось как совершенно бредовое. Ясно было, что за непонятным явлением стоит чья-то злая воля. Но чья?! Зарождался в сознании полусказочный образ сумасшедшего стаканного магната, при помощи злых чар собравшего хрупкий дефицит со всей державы на каком-нибудь острове Буяне и теперь чахнущего над несметными стеклянными сокровищами.

И вот когда стало понятно, что в СССР не найти ни единого стакана — ни надежного товарища Граненого, ни фасонистого тонкостенного аристократа Круглого — какое-то непривычное для Андрюхи размышление забрезжило в голове. Стала сама собой оформляться мысль, что для комфортного ощущения себя в мире следует заботиться не только о том, чтобы у тебя все было «как у людей», но и о том, чтобы у

людей кое-что было бы, как у тебя. Следует подумать, хотя бы малость, о тех, кто вокруг, о тех, с кем ты, оказывается, связан множеством невидимых, но довольно жестких нитей. Вот и наглядный пример: ты можешь дома есть хоть из золотых тарелок, но если в баре тебе подают коньяк в кое-как промытой склянке из-под майонеза, то ты испытаешь небывалое унижение, от которого не застрахуют ни денежные запасы, ни связи,— потому что всему народу одинаково плохо. Эпизод с майонезной баночкой обострил болезненность надлома в душе Чернышева. Он словно бы достиг дна, на которое погружался много-много лет. Он будто врезался темечком в илистую твердь и только тут осознал, что попал в западню, а дальше надо срочно выбираться. Андрюху охватил ужас задыхающегося пловца. Хотелось сильно оттолкнуться от дна и немедленно всплыть, но это представлялось почти уже невозможным: слишком глубоко он занырнул, воздуха и сил на обратный путь не хватит... А там, безнадежно далеко вверху, так манко угадывался преломленный толщей воды яркий солнечный свет.

Все вокруг катилось в тартарары. В любимых Андрюхиных ресторанах становилось пустовато, противно. Бесшабашное пьянство почти без закуски обжигало желудки и раздражало нервы немногочисленных посетителей, все чаще срывавшихся на ругань и драки. Тускнели призывные глаза некогда томных общепитовских прелестниц, мужчины уже не магнетизировали взглядами дам за соседними столиками, не стало былого задора в мелодиях ресторанных музыкантов. Теперь Андрюха как бы по принуждению, без вдохновения следовал завсегдатайскому этикету, крайне редко выходил в центр зала, чтобы слиться с подгулявшей публикой в ритме тупорылой мелодии, а если и поднимался из-за столика, то не было в его самодеятельно-плясовых движениях прежней вальяжной расслабленности. Чернышев потряхивал пухлым задом, дергал руками, топтался на месте. При этом казалось, что он хочет вбить в пол, растереть в пыль похожее на крысу нудное свое житье.

Одна шестая часть мировой суши содрогалась, словно бы от подступающего землетрясения, но никто не хотел верить в реальность угрозы. Народ, до полуобморока уставший от ежедневной погони за ускользающим дефицитом, безучастно наблюдал за происходящим. Привычка безропотно подчиняться, десятилетиями вколачивавшаяся людям в головы, вытравила их волю, мистическая уверенность во всесилии власти ввергла в апатичное оцепенение. Загипнотизированные неоглядной ширью своей земли и былыми великими свершениями, граждане страны победившего социализма не сомневались, что все как-нибудь и без них образуется, что у начальства есть верный план спасения; а начальство уповало на мудрейший несгибаемый народушко, способный все вынести, со всем справиться. И вот все вместе они неслись по накатанной колее, зажмурив глаза, в полной уверенности, что раз заведенные установления останутся нерушимы вовеки, даже не допуская мысли, что рухнет охраняемый мощнейшим государственным аппаратом, благословляемый научно-безошибочной идеологией строй. На окраинах страны вызрели и вихрились грозные центробежные силы, толкая державу в пропасть распада, а в глубине России приближение конца воспринималось с нездоровым оживлением, даже с юмором, с отчаянным юмором обреченных. Ярослав пророчески каламбурил: «Был у нас Советский Союз, а стал Советский Саюдис!»

Андрюху теперь уже тянуло побеседовать с братом: хотелось разобраться в себе и в мире, понять, почему вдруг все пошло вразнос, а Ярик всякого повидал, да вот читает постоянно, может, что умное скажет, объяснит, как жить дальше. Но Ярослав говорил все не то, не о том, отвечая, скорее, авторам бесчисленных проглоченных им журнальных статей, чем обеспокоенному насущными проблемами родичу. Так что задушевной беседы не получалось: старший из братьев легко заводился, начинал с разбегу и много говорить, но меньшой уже через минуту мало что понимал, понуро

свешивал голову. Ярик, заметив, что опять сбился на монолог, осекался: «Ну, не знаю, правда, зачем вся эта «заумь» нужна. Это, честно говоря, шарлатанство. Чисто русское шарлатанство: навыдумывать всяких фантастических вещей, головокружительных умопостроений, роскошных доводов, величавых параллелей... вот, выдумал, читайте. Читают (самое удивительное, кстати!). И добро бы еще что-то мраморное, нерушимое выдумал, а то ведь — химеры. Самого прославленного возьми, почитай — такая чушь! Прочитали, разобрались: за фасадом ничего не скрывается. Другого давайте читать, не менее прославленного. Этот мыслитель все наоборот передумывает, не так, как первый. Второго прочитали, отложили — не зацепило. Поверхностно. Приелось. Каждый может придумать. Вот мы с тобой можем сейчас написать что-нибудь про космизм, сверхидею, богочеловечество, человекобожие... Но зачем? Зачем? Чертовщина какая-то. Так и не понимаешь, где живешь: то ли в своем мозгу, то ли в Бердяевском (Соловьевском, Федровском — не суть). А надо из черепной коробки вылезать, вылезать прямо в жизнь, в ней-то и жить! А жизнь... Ее, братишка, никаким мозговым силком не поймаешь. Вот и выходит, что вся эта заумная писанина бесполезна, бессмысленна, глупа. А на окружающих людей посмотришь, на реальную жизнь их — по сравнению с ней книги кажутся вдвойне глупыми. Да не вдвойне, а в пятьсот тысяч раз оказываются глупее!»

Ярослав говорил резко, взволнованно. Временами казалось, что в его глазах, как случайная слеза, дрожит отчаяние. Этого отчаяния еще несколько лет назад не отмечали в веселом до дерзости взгляде призывника инструкторы учебного подразделения, тумаками вбивавшие науку побеждать в головы курсантам, готовившимся к отправке «за речку». Этого отчаяния не было в сузившихся от ярости зрачках новобранца в тот час, когда они вдвоем с Малышом, с которым лишь накануне познакомились на перевалочной базе, отбивались от целой роты таджиков, кинувшихся на них в солдатской столовой. Ярик не испытывал отчаяния и тогда, когда, уже прибыв к постоянному месту службы, в первый раз доставал из обгоревшей БМД своих сверстников в бушлатах, пропитанных кровью. Ни один «дух», даже рассматривая лицо гвардии сержанта Чернышева через оптический прицел, не заметил бы в его глазах отчаяния. А вот теперь, «на гражданке», не давало жить горькое разочарование. Бойца цинично обманули и многократно продали: политики, вдруг почему-то выбросившие на помойку идеалы, которые так уверенно внушали Ярославу с детства, которые стали для него настолько дороги, что он готов был за них сражаться и умирать; военачальники, маршировавшие к очередному званию или награде по трупам своих солдат; руководители государства, бессмысленно начавшие войну, которую потом сами же объявили бессмысленной.

Чернышева предали и соратники-«афганцы», эта, как казалось поначалу, несокрушимая когорта избранных, способная своей светоносной волей к жизни возродить Родину, вернуть ей смысл существования, заключающийся в преодолении растлевающей рутины. Но вместо того, чтобы жертвенным усилием вытянуть сограждан из застойного болота бессмыслицы, вчерашние боевые товарищи, еще не привыкнув толком к так щедро, так внезапно дарованному миру, бросились в драку. Вместо того, чтобы гордо предъявить обществу благородные законы своего братства, спаянного священной кровью павших, отставники злобно клеветали друг на друга, а то и брали своих же на мушку во время перестрелок за право «контролировать» очередную торговую точку. Как не прийти в отчаяние, видя, что братишки вновь берутся за оружие, но на этот раз ради обогащения кого-нибудь из лидеров своей группировки! Как горестно сознавать, что каптер в очередной раз подмял под себя солдата!

Но и на том цепочка измен не оборвалась. Ведь Чернышева предал младший брат, хитростью да подлостью добившийся освобождения от военной службы. По

большому счету, Ярослава бросили даже родители, так и не понявшие, не почувствовавшие главного в сыне, воспринимавшие лишь внешнюю сторону его непутевой жизни.

А вот теперь (Ярик вдруг как-то особенно остро ощутил это) пришлось столкнуться с лицемерием писателей и публицистов, тех, кому он в очередной раз поверил, тех, кто в очередной раз обманул его, взявшись за перо не из искреннего сострадания к своему народу, а лишь из желания продемонстрировать начитанность и искусство словесной эквилибристики... А что дальше? Кто еще и в чем облапошит его?! Нескончаемая череда предательств и впрямь могла довести до слез.

Юный рыцарь опускал свой меч не то чтобы в страхе, но в недоумении, а в душе его рождалось множество упреков: казалось, он один во всей стране серьезно относится к жизни и смерти, к воинскому долгу и служебным обязанностям, к героизму и самопожертвованию, к дружбе, справедливости и бескорыстию. Его трепетная жизнь, которую он хотел подарить людям, чтобы сделать их добрее, ответственнее, честнее, великодушнее, оказалась никому не нужна.

Он проиграл, и горше всего было сознавать, что причина поражения в его собственном несовершенстве, в неспособности соответствовать идеалу. Он сам своей ленью, сибаритством, снисходительностью к родным и друзьям исподволь и ежедневно предавал принципы, за которые сражался. Каждый раз, выпив лишнюю рюмку водки, он предавал и проигрывал. Хоронясь от гвалта «афганских» сходок на любимом диване, он предавал и проигрывал. Махнув рукой на плутни брата, в очередной раз смолчав, чтобы не поссориться с родней, он предавал и проигрывал. А победительницей из схватки с Чернышевым вышла повседневность, которая вроде радиации: неощутима, но смертоносна. Оказалось, что мирная будничность свирепее и коварнее душманов; от нее не отбиться ни калашниковым, ни ДШК. Тягучую обыденность невозможно одолеть. Она неизбежно и властно затягивает, поглощает, как болотная трясина, как зыбучие пески, как водоворот. Оставалось смириться или умереть.

Андрюха, никогда не отличавшийся душевной чуткостью, не мог взять в толк, что творится с братом. Если обратиться к нему за конкретным советом, то услышишь пространное рассуждение о закате цивилизации, о гибели империи, еще о какой-то фигне, которая никакого отношения к реальности не имеет. Ярослав усвоил неприятную манеру в разговоре позволять себе многозначительные недомолвки, отвечая на свои же потаенные реплики, а прямые вопросы собеседника игнорировать. Даже лексика у него стала непривычной. «И стыд от всех стран приемлем, и сладостно сами себя позорим. Возмечтавши однажды о счастливой будущей жизни, ждем ее страстно, но боимся наступления ее, как конца пути. И Того, о чьем приходе молимся, не хотим видеть и узнавать, побиваем каменьями, изгоняем»,— Ярослав переходил чуть ли не на старославянский.

Андрюха едва успел привыкнуть к постоянной ядовитой желчности в суждениях брата, как вдруг скепсис уступил место какому-то беззубому упадничеству, что в нестаром еще человеке невыносимо. Произошедшая метаморфоза вызывала раздражение и озлобление: «Нет, ну зачем ты тогда день-деньской сидишь над своими журналами, если ничего из прочитанного не способен применить практически, с пользой?» Андрюха совсем перестал понимать и всерьез воспринимать Ярика. Никто не мог помочь Чернышеву-младшему в делах, и никто не поддержал его словом!

Опять все приходилось устраивать самому, а это становилось с каждым разом труднее, ибо обрывались привычные и многократно опробованные связи, позволявшие «решать вопросы», надавливая на известные рычажки административной машины. Да тут еще вдобавок ко всем бедам безмятежное существование ресторанного плейбоя оказалось смущено странными и неожиданными притязаниями на его холостяцкую свободу.

Непонятное и загадочное происшествие, последствия которого долго не давали покоя, случилось с Чернышевым именно в ресторане. Давно уже не удавалось Андрюхе подцепить загулявшую бабенку: их, в принципе, мало стало в кабаках, симпатичных — того меньше, а если какая красотка и появлялась, то, как правило, со своим кавалером. А в тот вечер целая компания прелестниц залетела на огонек. Девчонки с какого-то завода. День рождения, может, отмечали, или обмывали премию... Тяжко пьяный Чернышев неотступно вился около них, щедро заказывал все новые и новые порции спирта «Роял» и ликера «Амаретто» — единственных имевшихся в наличии алкогольных напитков... Уже глубокой ночью, неизвестно каким образом и для чего, Чернышев оказался у дверей рабочего общежития, где лукавые обманщицы стали вдруг прощаться. Андрюха упрямо не хотел расставаться с ними, гоношился, заявляя, что непременно доведет каждую до самой кровати. Смутно помнил, как до зубной боли препирался в вестибюле с вредной вахтершей, потом одна из подружек вывела его на улицу, обвела вокруг здания и подтащила к запасному выходу. Там было уже открыто, их ждали, махали призывно и заговорщицки. Андрюха безвольно ввалился в черноту черного хода, почувствовал, как подхватывают его несколько пар женских рук, и отключился.

Проснулся в незнакомой комнате на скрипучей кровати. Один. Хозяйки, видимо, ушли на работу. Пытаясь не поддаться тошнотворному головокружению, встал, толкнул входную дверь. Было не заперто. Голова плыла, Чернышев двигался по таинственному кубическому тоннелю коридора, словно ныряльщик, не слыша ничего, с трудом преодолевая изменчивое пространство, то самопроизвольно сдвигавшееся, то ехидно прятавшее от него углы и повороты. Не хватало воздуха, хотелось скорее на улицу. Мимо вахты проходил молча, понуро. На него кричали, словно собака брехала, пытались схватить за рукав. Чернышев заторможено отмахнулся, выбрался наружу. Позорище! Даже вспоминать об этом не хотелось...

А месяца через два все в том же кабаке знакомый официант, кривя губы в понимающей усмешке, доложил Чернышеву еще об одном неприятном эпизоде. Искали Андрюху. Приходила тут одна. Не то комсорг с завода, где работали давешние девицы, не то сердобольная подруга одной из них. Расспрашивала, ругалась и даже угрожала. Кричала: как-де это только пускают в рестораны низких, безнравственных типов; утверждала: Маша, мол, беременна; усовещала: нельзя же, дескать, из-за одной ночи портить жизнь девушке. Официант уверял (хотя веры официанту никакой), что он Андрюху не выдал, от всего отперся, но настырная правдоискательница обещала неизвестного пока подлеца и подонка обязательно выявить и обязательно женить на Маше.

Словом, полный бред! Абсурдность ситуации заключалась в том, что Чернышев не помнил никакой Маши. Ни имен, ни лиц тех, у кого ночевал он, не помнил. Больше того: абсолютно стерлось из памяти все, что происходило в их комнате. Общежитие помнил, вертухайскую вахтершу помнил, проникновение через запасной вход помнил, а потом — как отрезало. Сплошная чернота, засвеченный фотоснимок. А учитывая его состояние после обильных возлияний в тот вечер, трудно даже предположить, зачем он мог пригодиться женщинам. Андрюха склонялся к тому, что, скорее всего, ничего и не было, что он беспробудно уснул, едва переступив порог той злосчастной комнаты, а то и раньше, еще поднимаясь по лестнице. Хотелось отмахнуться от этой истории, а не получалось, поскольку завелся в душе какой-то червячок, впился в грудину с внутренней стороны и постоянно ворочался. И без того непростое Андрюхино существование многократно усложнилось после того, как он оказался замешанным в комически-постыдном приключении.

Андрюха не мог отделаться от накрепко утвердившейся в душе суеверной убеж-

денности: из-за случившейся нелепости отныне все пойдет наперекосяк, дальнейшая жизнь окажется чередой сплошных провалов. И тогда, видя выпадающие на его долю несчастья, окружающие станут жалеть Чернышева-младшего и одновременно винить в неумении реализовать прекрасные стартовые возможности, хотя на самом деле виновником является непутевое время, которое так искорежило его человеческую натуру, что нет возможности найти успокоение ни в работе, ни в пьянстве. Да, истинным виновником всех его неудач является предательское время, которое некогда поманило Андрюху дивной сказкой о том, что можно почувствовать себя счастливым, если быть «как все», а теперь сказку отнимало, обязывало стать самим собой, на «всех» не оглядываться и самостоятельно отвечать за происходящее... Впрочем, завиральными теориями в духе Ярослава проблему не решить. Необходимо разработать план практических действий на случай туманной, а оттого еще более пугающей расплаты... пока неизвестно за что.

Немного поразмыслив, Чернышев пришел к выводу, что, вероятно, вокруг него плетется заговор. Скорее всего, он стал жертвой отработанной преступной схемы, ведь пережитое им болезненное (на грани жизни и смерти) похмелье в равной степени можно было объяснять как тем, что обильно употреблявшийся «Роял» является, по сути, техническим спиртом, приспособленным согражданами для пития от полной безысходности, так и присутствием в упомянутом пойле препаратов, незаметно добавленных коварными девицами, с которыми он опрометчиво свел мимолетное знакомство. Эпические сказания о «клофелинщицах», валькириях угарного веселья, соблазняющих мужчин, а затем лишающих их имущества, а подчас здоровья и даже самого живота, из уст в уста передавались друг другу завсегдатаями ресторанов и Андрюхе были прекрасно известны. Правда, его история не походила на эти саги, напоминающие не то античные мифы, не то фрейдистские толкования снов, поскольку, вроде бы, ничего не было украдено, но у преступниц вполне мог быть и другой умысел. Видимо, разыграв комедию с мнимой беременностью, его хотят «раскрутить» на деньги якобы для аборта.

Внутренне содрогаясь от отвращения к сребролюбивым и бессовестным представительницам «слабого пола», Чернышев все же решил в случае подобного обращения требуемую сумму шантажисткам выдать. Разгульная ресторанная жизнь приучила Андрюху платить по счетам и платить с чаевыми — это делало кутеж слаще и безопаснее, это входило в свод правил нарождавшегося слоя «новых русских» с их знаменитой «распальцовкой», широко вошедшей в обиход одновременно с появлением в кругу кооператоров многочисленных уголовников, привыкших «гнуть пальцы». Тут уж, кстати, следует сказать, что не только криминальные корни имела манера при разговоре расставлять «пальцы веером». Уже в прошлом веке Чехов отметил Лопахинское размахивание руками как характерную черту быстро разбогатевших дельцов, чьи размашистые движения невольно выдавали присущую им агрессивную захапистость и потаенное желание, тратя деньги бессчетно, откупиться от любви или ненависти. А еще раньше, в непроглядной дали столетий, человек, выставляя перед собой ладони с растопыренными перстами, стремился оградить себя от напасти, в прямом смысле отмахнуться от повседневной туги, отстранить чуждое да дурное, ритуальным жестом заклясть беду. Вот и выходило, как это ни смешно может показаться на первый взгляд, что «новые русские» отразили в своей угловатой пластике тип поведения, сложившийся в древнейшие времена.

Но не только желание звоном монет в мошне отпугнуть горе-злосчастие повлияло на решение Андрюхи заранее приготовить отступные для напористых нахалок. Главное — не было полной уверенности в своей непричастности к беременности неведомой Маши. Вдруг он и впрямь отец? Тогда «по любэ» следовало раскошелиться.

В конце концов, не пропил же он окончательно свою совесть, не затер мятыми рублевками в постоянных коммерческих делишках.

Этот внезапный укол совести в сочетании с поразившей воображение потенциальной возможностью передать титул Чернышева-младшего по наследству подействовал на Андрюху неожиданно. Он решил ни от кого не скрываться, а напротив: принять вызов, добровольно вернуться в треклятое общежитие и выяснить отношения с заочными обвинительницами. Андрюхе было бы даже любопытно, преодолев стыд, побывать еще раз в той комнате со скрипучей кроватью, рассмотреть тех девушек, которые его разыскивали. Хотелось, чтобы расплывчатые женские пятна обрели бы очертания фигур, черты лица, голоса и запахи, хотелось понять, что за люди были с ним в ту беспросветную ночь, есть ли у них душа и что они думают о Чернышеве. Он живо представлял себе, как уверенно пройдется по коридору, с пьяных глаз показавшемуся ему диковинной ловушкой для одинокого мужчины, и убедится, что ничего необычного в том коридоре нет; как найдет комнату, где ночевал,— тут уж на интуицию только надежда, ибо номера апартаментов не помнил напрочь; как без стука откроет нужную дверь, молча прошагает до центра помещения, по-хозяйски сядет к столу, обведет суровым взглядом стушевавшихся жиличек и, безошибочно определив (опять же по наитию), какая из них беременна, дерзко спросит ее: «Ну че? Какие вопросы?»

В глубине души таилась беспочвенная и оттого непобедимая надежда: вдруг таинственная Маша, якобы ждущая от него ребенка, окажется белокурой красоткой с голубыми глазами, этакой Барби, притом нежной, скромной, все понимающей, все прощающей? Мечталось, что, может, приглядятся они друг к другу, да и заживут в согласии. Благородный Андрюха не станет попрекать ее тем, что до него у нее уже был другой мужчина. А осчастливленная женщина однажды, преодолев скромность, признается, как в памятный вечер их знакомства была покорена мужским шармом Чернышева, очарована его силой и статью, как не смогла совладать с собой, и сдалась, пала под валом нахлынувшей страсти. Сладостно было именно этой надуманной романтикой наполнять темноту угарно-обморочной неизвестности прошлого, а не тем, что легче всего представлялось: надсадный пьяный храп и облеванная простыня.

Если бы и впрямь в обшарпанной комнате рабочего общежития ждала Андрюху принцесса с золотыми косами и небесного цвета глазищами, то дальнейшие события могли бы развиваться даже под марш Мендельсона. Этого Чернышев не исключал. В конце концов, он уже не мальчишка, можно было бы подумать и о семье. Жена-куколка и прелестный голопузый пупс помогли бы ему начать новую, осмысленную жизнь, успокоили бы душу, которая как с цепи сорвалась — болела, задыхалась от бухгалтерской пыли повседневности и забывалась лишь в безудержном кабацком алкоголизме.

Вскоре грезы о судьбоносной встрече с любовницей-незнакомкой полностью захватили Чернышева, однако он постоянно откладывал свидание. То дела срочные находились, то накатывала непреодолимая усталость после коммерческих свершений и, чтобы разрядиться, следовало отдохнуть, посидеть в ресторации. А то просто: «Не поеду, и все!» Андрюха подсознательно опасался... нет, не возможного скандала, даже не вахтерши на входе в общежитие. Он боялся разбить складную, но хрупкую мечту свою о грубую реальность. Догадывался, что не существует в природе никакой принцессы, а есть потасканная девка с припухшим от скуки лицом, плотная «телка» в засаленном халате, который она, говоря с Андрюхой, будет придерживать рукой у ворота, чтобы спрятать заштопанную комбинацию на невысокой груди. Чернышев справедливо полагал, что на самом деле, заявись он в гости, его и в комнату-то не

пустят, а весь разговор произойдет в дверях, причем собеседница будет все время нетерпеливо переминаться с ноги на ногу, шаркая растоптанными тапочками, и исподволь коситься на карманы его брюк: в котором из них кошелек?

И вот на такой противной кувалде Андрюху хотят принудить жениться... Это же верный развод через самое непродолжительное время. Тогда придется платить алименты ребенку, хотя отцовство Чернышева еще не доказано. Да и жена при расторжении брака уже может претендовать на часть Андрюхиного имущества (после краха чебуречной кое-что еще осталось, и по теперешним временам совсем не хилое кое-что). Конечно, весь свой бизнес Чернышев не открыл бы никому: ни бандитам, ни налоговикам, ни (тем более!) жене. Но делиться даже частью... И с кем?! Он ведь и представления не имеет, о какой женщине идет речь.

Как глупо все устроено в мире! Почему обязательно надо жениться? Зачем пускать в свой дом постороннего человека? Для чего все эти дети? Еще привыкнешь к ним. Придется ограничивать себя, отказываться от некоторых мелочей, прочно вошедших в твой быт. Андрюха в сердцах сплевывал: в семье ли, на работе ли — всюду приходится под кого-то подстраиваться. Люди душат себя условностями законов, морали, этикета. Мир никак не уразумеет несложный вроде бы постулат: свобода каждого ограничивается только свободой другого. И еще: свобода есть осознанная необходимость. Это же так просто! Этому даже в торговом техникуме учат, на занятиях по общественным дисциплинам. Отчего же, отчего человечество не примет эти высказывания как руководство к действию? Почему никто на земле не осознает необходимость ограничить свою свободу во имя свободы Андрея Чернышева?

Ему же, напротив, приходится считаться и с бзиками Ярослава, и с выпендрежем случайных ресторанных знакомых, и с заскоками зачем-то закутавшегося в простыню мужика у обочины... Обо всех, как ни странно, должен думать Андрюха, даже о не родившемся пока ребенке! То есть: не все для него, а он для всех?.. Оказывается, свет устроен не андрюхоцентрично, а совсем по другому принципу, который сознание отказывалось постигать, а душа принимать. И ничто не помогало смириться с этим раздражающим фактом: ни начинавшие тяготить посещения ресторанов, ни банно-развратные посиделки с «нужными людьми», ни ночные гонки на любимом автомобиле, гонки с самим собой.

Вот и сейчас, когда он с остервенением гнал «Жигули» по пустынным улицам, вся желчь в нем кипела, и не находилось в мире средства, способного умерить это горькое кипение. Андрюха мчался по темному проспекту, пытаясь вырваться из абсолютного одиночества, и не у кого было ему спросить совета не только о том, как жить дальше, но даже о том, отправляться ли завтра в общежитие на поиски своей судьбы или нет. В самом насущном деле никто не мог ему помочь.

(Продолжение следует)

Яков Шафран
(г. Тула)

ГРИШИНО ДЕТСТВО*

Главы из повести

Член Академии российской литературы, Союза писателей и переводчиков при МГО СПР. Лауреат всероссийских литературных премий: им. Н. С. Лескова «Левша» и «Белуха» им. Г. Д. Гребенщикова, лауреат премии русских писателей Белоруссии им. В. Блаженного. Заместитель главного редактора — ответственный секретарь литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», главный редактор альманаха «Ковчег» журнала «Приокские зори».

Григорий учился в русской школе (была еще в поселке белорусская, где все предметы преподавались на белорусском языке). Все русские и еврейские, а также дети многих белорусских семей, учились в русской школе. Но «беларускамова» и «литэратура» преподавались и здесь, правда, без обязательного посещения. Еврейские дети класса, кроме Гриши и Семы Жировского — сына фронтовика-артиллериста,— не посещали этих уроков. Грише же нравились эти предметы, и он душой болел за тяжелую долю белорусского народа в царской России, угнетавшегося польской шляхтой, русским чиновничеством и,— это потом, намного позже выяснилось,— безбожно и поголовно спаиваемого корчмарями,— как это ни больно было констатировать, лицами Гришиной национальности. Однако среди классиков белоруской литературы был один писатель-еврей — Змитрок Бядуля**.

Придя из школы, поев, Григорий не садился за уроки, как это делало большинство ребят, а шел во двор, и летом с утра и до позднего вечера, если был один, гонял мяч или прыгал в высоту, с ребятами же играл в войну, шпионов-разведчиков или в разные игры с мячом; а зимой несколько часов подряд — по большей части один — катался на санках с небольшого уклона горки (вся усадьба спускалась к низине, к болоту), там же — на лыжах, стараясь разогнаться и проехать, как можно дальше.

Зимой, в сильный мороз (а тогда, в пятидесятые-шестидесятые годы климат был классическим: январь — солнце и мороз, февраль — пасмурно, в основном, и снегопад с ветром, вплоть до вьюги; март — солнце и постепенное таяние снега; апрель — ручьи и пробивающаяся зелень, и так далее) за окном сильно гудели электропровода, которые были натянуты над росшими вдоль улицы ясенями и липами.

Зиму Гриша очень любил в январе: светит яркое солнце, все как стеклянной пы-

---

* Окончание. Начало в № 4, 2017 «Приокских зорь».

** Змитрок Бядуля — Самуил Ефимович Плавник родился в небогатой еврейской семье. В своих произведениях писатель стремился показать тяжелую долю рабочих («Ля вапеннайгары»), рассказывал о горе людей, которые пострадали от пожара («Чырвоная казка»), показал трагедию крестьянина в столкновении с жестокостью жизни («Без споведзі»). Показал всю реальность и сложность крестьянской жизни, чему помогала близость литератора к сельской жизни и понимание души крестьянства.

лью посыпано, деревья в белом, дым вьется из труб, на улице скрипит снег под полозьями проезжающих мимо саней и под шинами машин... Наступает ранний и тихий вечер, солнце уходит в лиловые тучи, луна еще не взошла, на снег к востоку ложится уже ночная мгла, и улица с редкими прохожими вдали сливается с ней. А вот Гриша с родителями поздно возвращаются из гостей. Светлая ночь вокруг, в поселке пусто и тихо, луна освещает снег и все вокруг своим мягким светом.

Декабрь же не нравился ему — суровая погода, утро наступает поздно, но солнца не видно и тогда, серый морозный день, деревья тоже стоят в серо-сиреневом инее. День короток, рано вечереет, на западе сквозь темно-серое небо проступает красная полоска зари, потом медленно тает, мороз усиливается и наступает тьма.

У читателя может возникнуть законный вопрос — что это за стремление прыгать в высоту? Все просто: на школьном уроке физкультуры Гриша показал в этом виде лучший результат из всех одноклассников (кстати, как и в беге на шестьдесят метров, и в прыжках в длину). Дома, соорудив во дворе два столбика с рогатульками на ободках и положив на них планку, он стал тренироваться, стараясь каждый раз поднять ее чуть выше.

Мяч — обычный детский, резиновый и двухцветный — гонял тоже не просто так, а со смыслом: разгонялся и, ведя мяч до определенной черты, бил с нее по воротам — открытому проему сарая,— стараясь забить гол, выставляя сам себе оценки: высшую, если попадал в «девятку», и так далее, по убывающей.

Мечтал паренек о пионерском лагере, горячо просился у матери, но... Пригласила она девочку Аню, его одноклассницу, заранее условившись с ней, что она скажет. Ну, и рассказала та про «вареных червей в супе» и «лесных бандитов», да поклялась больше никогда туда не ездить...

Мать строго следила за Григорием и просила соседей и знакомых немедленно сообщать ей, куда он направлялся и где его видели. Порой даже с работы прибегала, если Гриша уходил далеко от дома, бежала следом за ним и возвращала его. Соответственно, и отпрашиваться у нее куда-то было делом бесполезным — не пускала. Однако потом, в отрочестве, вдруг не стала возражать против его походов на занятия в кружки, на вечера и школьные танцульки. Да вся беда в том, что навыки общения вне дома и своего двора у Гриши не сформировались — словно жил он на острове,— отсюда многие его будущие жизненные неприятности, отсюда, может быть, и застенчивость и нерешительность, вплоть до густого покраснения, когда — при публичных выступлениях: в детском хоре, в праздничных декламациях, перед классом — кровь обильно приливала к голове и пылали уши.

Однажды у Гриши сильно разболелся зуб. Мать отпустила его одного в поликлинику. На обратном пути, после благополучного избавления от зуба и боли, зашел он с одним мальчиком, с которым подружился у кабинета зубного врача, на поселковый аэродром, где стояли два «кукурузника». Непосредственный Гриша, недолго думая, подошел к одному из них и поднялся по ступенькам трапа, чтобы заглянуть в иллюминатор. Вдруг услышал: «Куда лезешь, ж...я морда?!» — это сторож так среагировал. Было больно от несправедливости — ведь он ничего плохого не хотел сделать — и от обиды, еще больше, чем от зуба. Тогда-то он понял, насколько душевная травма сильнее физической. Мальчик, белобрысый, со стрижкой не накоротко, обнял его за плечи и сказал: «Пойдем отсюда!». Они шли по дороге, а когда подходили к Гришиному дому, он на прощание подарил ему большой шарик от подшипника, хотя тот у него был один, сказав: «Я себе еще достану. Бери!» Как верна пословица: «Мал золотник, да дорог!» или «Хороша ложка к обеду».

Узнав страсть Гриши к «футболу», тети в один из своих приездов подарили ему настоящий футбольный, кожаный мяч. Да вот беда — женщины, что скажешь,— забыли приложить к нему насос. Вышел он с мячом на улицу, глядь, идет одноклассник Шурик Молодцов. Увидел он подарок, завидки, видно взяли его, и говорит Грише: «У меня дома насос есть, пойдем, надуем и с ребятами в футбол погоняем!» Пришли. Взял он мяч и с ним — в дом. Гриша, было, пошел за ним, но Шурик засмеялся: «Да я сейчас, быстро надую и вынесу!» Прошло минут пятнадцать, выносит он надутый мяч. Собрались ребята, стали играть. Через некоторое время мяч сдулся. Все сокрушенно вздохнули и разошлись. Один Шурик стоит, улыбается: «Ну, что делать, такая камера попалась!» — говорит. Позже он много пакостей делал Григорию. Тогда-то Гриша и понял, что с мячом не все так просто было: или проколол, или подменил камеру на порванную. Ну, что делать? Искать хоть каплю доброты и порядочности у девяти-десятилетнего человека, если у него уже от рождения внутри иной дух, все равно, что искать, как говорится, кроликов в шляпах, то есть — гиблое дело.

А несколько лет спустя пришли к Грише друзья: Коля Охрименко — сын первой учительницы, Евдокии Дмитриевны, и Сашка Травинский — сосед по улице. То да се... Решил Григорий похвалиться своей коллекцией марок. Принес, ребята с интересом стали их рассматривать. И было на что посмотреть! Там было много иностранных и художественных советских — результат множественных обменов, в том числе и по переписке. «Да, хорошие!» — сказал Коля, когда последняя марка была просмотрена. «Попить бы, а то селедки наелся»,— промолвил Сашка. Гриша пошел за водой и кружками. А когда пришел, марок на столе не было. «Где они?» — спросил он. А ребята смеются, мол, спрятали в доме, поищи — найдешь. Распрощались и ушли. Весь вечер искал Гриша марки, и назавтра утром — все перерыл, но ничего не нашел...

Так вот его и учили — не быть доверчивым.

А тогда Шурик стал относиться к нему почему-то очень агрессивно. Несколько раз бил кулаком. А был Гриша в детстве худющим мальчиком — хлюпиком, одним словом. Пытался как-то дать отпор, но силы были явно неравны, и дело кончилось синяками. Мать, видя такое дело, стала решать вопрос по-своему, начала угощать Шурика конфетами, задабривать его. Гриша нервничал, не хотел этого, возражал матери, но она, как волевая женщина, что решила, то и делала. Ему это было неприятно и, повлияв на взаимоотношения со сверстниками, нанесло психологическую травму. Но ничего уже поделать было нельзя.

Помнит Григорий: приехал в Брагин из Минска с одинокой мамой «минчанин» Жора. Он пришел в класс и долго, пока не вырос из нее, ходил в серой форменной школьной форме и фуражке, которые мы в сельской школе отродясь не видели. Он стиляжничал, по нему сохли девчонки, и он много хвалился насчет своих похождений.

Как-то, в седьмом классе, Гриша не выполнил домашнего задания по русскому языку. Когда же на уроке учительница попросила показать, он соврал, мол, забыл тетрадь дома. Она отправила его с урока за тетрадкой. Естественно, Гриша тетрадь не принес и снова солгал — не нашел. Учительница перед всем классом наотмашь дала ему пощечину. Он смолчал и в классе, и дома...

Однажды родители пригласили столяра что-то сделать по дому. Это был отец Гришиного одноклассника Володи Батулина. Помнит Григорий его вежливый, спокойный и внимательный взгляд, коротко остриженные и очень чистые ногти, и обед, завернутый в кипейно чистый платок,— ровно нарезанные кусочки сала с розовыми

прожилками мяса и с запахом чеснока, и столь же ровно нарезанный белый — не серый и не батон — хлеб, а также соленые, пахнущие чесноком же и укропом огурцы, которые он резал на кругляки острозаточенным перочинным ножом. Ел он с достоинством и уважением к окружающим, что выражалось и в осанке, и в спокойных и размеренных движениях, и в том, как собственно ел, и во взоре спокойных серых глаз.

Сына Володю отец держал в строгости. Тот был сдержан и уважителен, хороший и верный товарищ. Одежда его была не богата, но всегда чиста и хорошо выглажена.

Всю жизнь Григорий вспоминал их — отца и сына — и думал: «Побольше бы таких простых, но культурных и достойных людей!».

За окнами тихая ночь. Луна стоит не высоко на небе, хорошо видны мерцающие в глубокой синеве звезды. Светлеет на земле, на ветках деревьев у дома, на крышах соседних домов, на журавле колодца свежий, падавший вечером, снег. Гришу, залюбовавшемуся у окна, стало клонить в сон — усталость дня брала свое. Он ложится в постель, закрывается одеялом с головой, подворачивает его под себя со всех сторон, чтобы не было никаких отверстий — «в конверт», как учили его тети Руфа и Лиля. Сон спускается на Гришу, сладость наполняет душу, сквозь засыпание слышит он обрывки слов, долетающих из столовой. Мечтает Гриша, чтобы мама присела у его постели, погладила по голове, поцеловала в щеку, но... И снится Грише как бабушка Рая (она уехала тогда к тете Руфе в Орехово) сажает его на колени, обнимая, прижимает к груди и говорит ласковые слова. Гриша обоняет ее запах, и спокойствие и любовь растекаются по всему его телу от родного, полного нежности голоса.

Бабушка Рая часто вспоминала, как мама ее рано умерла, когда той было несколько месяцев. Отец ее быстро женился, и девочка жила в семье как служанка и нянька для сводных братьев и сестер. Дед Илья, родной брат ее, быстро уехал в Ригу и устроился подмастерьем к сапожнику. Бабушка вскоре уехала туда же за ним и работала прислугой в богатой еврейской семье, а в 17-м году она из Риги переехала в Петроград, устроилась разносчицей каких-то (каких — Гриша не помнил) товаров, а между делом передавала записки — однажды даже самому Ленину, выступавшему в мае на митинге на Путиловском заводе.

Когда начался голод, бабушка приехала в Тулу, устроилась работать в детский дом. На лето дети с воспитателями и младшим персоналом уезжали в Велегож. Там и познакомилась Рая с Михаилом, своим будущим мужем, приехавшим в 16-м году из Брест-Литовска в Тулу по делам фирмы и так и оставшимся здесь.

Бабушка была неграмотной. Михаил научил ее буквам, писать и читать по слогам, а в свободное время читал ей вслух. Более всего бабушке Рае запомнился роман Виктора Гюго «Отверженные», и она часто рассказывала Грише историю преображения, дальнейшего трагизма и благословенного окончания жизни Жана Вальжана, истории других героев этого замечательного произведения.

Бабушка Рая похоронила троих своих детей. Ее первенец, мальчик, умер, когда ему было всего несколько месяцев. Потом старшая дочь — Любовь,— когда приехала с фронта, где рыла под Киевом окопы и спаслась от наступавших немцев, переплыв Днепр. Умерла она, отравившись консервами. Семья — бабушка с тремя малолетними детьми — во время войны находилась в эвакуации, в Узбекистане, где бабушка работала в андижанском детском доме. И, наконец, тетя Лиля, когда бабушке Рае было уже восемьдесят лет. Тетя Лиля работала акушер-гинекологом в больнице. Она буквально всю себя отдавала больным, днюя и ночуя возле них, особенно после операции. Но при этом... ожидала такого же ответного добра — не денежных и иных воздаяний, а именно добра! — от них после выздоровления. Став взрослым, Григорий понял — добро нужно делать без всяких упований на аналогичный ответ.

В семье усилиями бабушки Раи при молчаливом непротивлении этому матери, постоянно создавался культ двух теть — Лилии и Руфины. Они учились в медицинском институте в Ярославле, предварительно окончив медучилище в Бресте, на родине их отца, деда Григория. Тот в 38-м, уже работая в Туле, за ужином со знакомыми сказал, что настали плохие времена. Кто-то донес на него, он был арестован и больше не вернулся... Так они боялись даже заикнуться тогда, в Бресте, чтобы найти улицу и дом, где дед родился и жил. Шли 1952 — 53-и годы...

Кстати, мать часто рассказывала, как в 38-м подъехал «черный воронок», вошли люди в форме, зачитали какую-то бумажку, обыскали квартиру, переворошив все вещи и книги, и стали уводить ее отца. Она, двенадцатилетняя девочка, бросилась на них, крича: «Уходите, не отдам моего папу!»

Мать часто рассказывала и о том времени, когда немцы подходили к Туле, об эвакуации заводов и семей их работников, об ополченцах, о том, что были и те, кто со злорадством ждали прихода оккупантов.

Итак, перед приездом теть-студенток на каникулы, бабушкой создавалась такая атмосфера, что дети воспринимали это событие как чуть ли не явление божественных существ. По той же причине они не подрабатывали, как это делали многие нуждающиеся студенты — очень трудно было прожить в городе на одну маленькую стипендию,— а ежемесячно, ни мало не сумняшеся, получали большие посылки с продуктами от довольно бедной семьи, с тремя детьми.

Кстати, несмотря на это, к матери Григория, сестре своей, они относились холодно, считая ее человеком более низкого сорта, а отца — рахитичного, не высокого роста, с перекошенными под сорок пять градусов плечами — просто не уважали за немужественность. Племянников же баловали и, несмотря на свою бедность, привозили сладости и какую-нибудь игрушку.

Летние каникулы тети проводили в Брагине, помогая по дому, в огороде и саду, загорая и занимаясь с детьми.

Созданная атмосфера сделала их для детей непререкаемыми авторитетами на долгие годы, что имело свои и положительные, и отрицательные моменты, ибо, как потом показала жизнь, по сути, они были в чем-то умными, в чем-то ограниченными, в общем же, далеко не мудрыми и не практичными людьми, даже более чем большинство советских людей в то время.

Когда тетя Руфа окончила институт, ее направили по распределению в сельскую больницу в деревню Орехово Костромской области, где дали служебную квартиру в большом добротном деревянном доме на три семьи. В двух других квартирах жила медсестра, тетя Тамара, и семья работника леспромхоза с двумя дочерями, одна из которых была ровесницей Гриши, ей было тогда десять лет.

К тете Руфе приехала жить и помогать бабушка Рая. Все соседи жили дружно и совместно проводили вечера за игрой в домино и лото вокруг большого стола во дворе с обязательными жареными семечками.

Бабушка Рая была очень доброй, заботливой и порядочной женщиной, но иерархия ее ценностей была такова: на первом месте стояла национальность и национальная религия, далее — семья, потом всё и все остальные. У Григория же с ранних детских лет все было наоборот: на первом месте стояли люди, потом семья и далее — все остальное. Получается, разные Боги были у него и у бабушки Раи... Может, поэтому так мало любви Гриша чувствовал в жизни — не «такой» он был, «чужой для своих, свой для чужих». Но потом, повзрослев, с 20-ти до 30-ти лет он стал диаметрально другим... что было, считает, наносным и искусственным. Но это уже другая история... А когда Григорий был уже в годах, он услышал про себя: «Да какой он еврей? Те стараются, прежде всего, денег заработать. А он...».

В течение двух лет, пока тетя Руфа работала в Орехово, мать, в один из летних месяцев, брала отпуск и с детьми приезжала отдыхать к ней. В первый приезд они с соседями ездили в лес, в Галичский район, за черникой. Ранняя пора, где-то около трех часов, поездка на УАЗике до Галича, потом немного — на электричке. Солнце только показалось, и там, где оно всходило, небо было чисто. Тонкий серп растущей луны над горизонтом все же был заметен среди легких, небольших белых облаков, между которыми синело небо. На земле, из-за еще невысокого солнца, пятнами были видны длинные тени. Стояло прохладное, но ясное утро. Обильная роса на густой, по колено (а Грише и по пояс), траве, по словам взрослых, говорила о предстоящем теплом солнечном дне. Когда они вышли на большую болотистую поляну у смешанного леса, запахи окружили их. Гриша до сих пор помнит — какие это были запахи! Но тут же зазвенели комары. Все надели на головы сетки, а на руки — перчатки... Кругом росли невысокие, снизу с бледными и сверху со светло-зелеными листьями, кустики черники, с отдельно на стеблях расположенными сине-черными ягодами. Свежая черника таяла во рту, куда он поначалу, в отличие от взрослых, клал ее вместо бидончика. Хоть руки и рот были черны от нее, но впечатления остались незабываемые!..

В то лето сестра Галина осталась на год у тети с бабушкой, и Гриша с Кирой ей завидовали.

Но вот они вернулись домой. Начались занятия в школе, незаметно проходили дни. А во второй половине сентября случился вечер, запомнившийся Григорию на всю жизнь — тихий брагинский вечер, словно вот-вот все летнее цветение, запахи и тепло возродятся, а сырость, холод и умирание отойдут куда-то в неведомую даль. Тишина буквально звучала тогда: даже шевеление листка на дереве и треск сухой ветки раздавались далеко-далеко. До сих пор он вспоминает, как хотелось продлить очарование этого вечера, хотя бы еще на миг, и, будто в ответ на его желание, время замедлилось, душа наполнилась радостью детской жизни и, одновременно, неясными ожиданиями. О, если бы он знал тогда, со скольким и сколькими придется прощаться в будущей волнительной, но столь желанной взрослой жизни!

Между усадьбами Новаковских (внуком которых был Борис — тот самый, старший друг Гриши) и приехавших Стрибуков стоял колодец-журавль, и до появления водопровода все жители ходили к нему за водой. Очень любили нашу местность аисты. Они вили гнезда на больших деревьях и на столбах колодцев-журавлей и высиживали птенцов. Осенью аисты улетали на юг.

Мать в начальных классах занималась с Григорием, когда он делал уроки. На заданные ею вопросы он сразу старался угадать ответы. «Не гадай, а думай!» — учила она.

Нельзя сказать, что мать была чересчур жестокой с Гришей. Хотя... Но уж жесткой — это точно. Единственно, когда он болел, она, насколько могла, была терпеливой, доброй и ласковой. Но, если очень злилась на Гришу, могла стать буквально свирепой. А он был большой проказник... Однажды мать, схватив палку, погналась за ним вокруг дома. Дом тогда еще не был огорожен глухим забором, а только со стороны улицы стоял штакетник. От соседей двор и огород ничем не ограждались, и были проемы, через которые можно было пройти с обеих сторон на улицу. Они пробежали круга три, но мать так и не догнала, выдохлась и успокоилась. Это для Григория был ранний урок, как интенсивные физические движения снимают стресс...

Детям, конечно, в той или иной степени, свойственно шалить. Гриша тоже был шалуном, да еще каким, но... никогда не хулиганил.

Однажды на переменке он залез в парту (под верхней наклонной ее доской была полочка, разделенная надвое — для каждого ученика своя) к Софе Рифшиц, где лежали цветные карандаши — целых тридцать шесть штук! — тогда невидаль для ребят из простых семей (отец Софы был главным хирургом района). Раскрыв коробку, Гриша стал перебирать в ней карандаши, любуясь их оттенками, и... случайно уронил. Карандаши рассыпались по полу, что привлекло внимание ребят, которые занимались, кто чем, и до сих пор не замечали эту проказу. Но тут уж Григорий поневоле оказался в центре внимания, и, конечно, как водится, нашлась примерная ученица, которая доложила о произошедшем учительнице, а та на уроке поставила проказника перед классом и сделала внушение, что не след лазить по чужим партам. Он думал, что после этого его посадят на место, и был немало удивлен, когда оставили стоять весь урок, чуть ли не в углу, но лицом к ребятам. Более того, была вызвана с работы мать.

А далее произошло следующее. Мать строго выговорила Грише, но повела после уроков не домой, а прямо к Рифшицам.

Когда они вошли, семейство сидело за обеденным столом. Мать объяснила причину прихода — сын должен перед ними попросить прощения. Их, не предложив раздеться, провели к столу, и мать потребовала от Гриши сделать то, ради чего они пришли. Тот в смущении, весь красный стоял, стесняясь выговорить хоть слово. Наконец, он произнес требуемое, думая, что теперь все закончится и они уйдут, но не тут то было. Мать заставила Григория — как и учительница перед классом — стоять перед обеденным столом до тех пор, пока они не закончили трапезу...

Но, невзирая ни на что, Гриша продолжал озорничать. Рядом жила соседка, полуслепая, уже на пенсии женщина. И он однажды, переодевшись в женскую одежду: мамину юбку, блузку, бабушкины башмаки и кофту, повязав на голову платок и надев оправу от старых очков, подошел к ней и начал разговор. Та вначале спросила, мол, кто вы да откуда, он назвался женским именем и сказал, что с Песков — дальнего района Брагина. Соседке было неудобно признаться, что ей, так давно живущей в поселке, не известна старая еврейка N. с Песков, потому она не противилась тому, как он долго-долго старушечьим голосом обсуждал с ней разные вопросы: по хозяйству, ценам, воспитанию детей и внуков и так далее, и тому подобное. А потом, натешившись вдоволь, когда та зашла в дом, взял и запер ее двери снаружи на щеколду. Так и просидела бедная взаперти несколько часов до прихода мужа...

А вот Гриша подсматривает за отцом или вечером неслышно ходит за ним, хлопочущим во дворе по хозяйству, и кривляется, передразнивая все его движения, или забирается на чердак над старой половиной дома и в щель бросает на проходящих мелкий мусор, пугая их...

Но однажды проказы Гриши вновь распространились на школу. Вместо того, чтобы войти в класс через дверь, он полез через окно. В это время по двору школы проходил директор. Он подошел и строго сказал, чтобы нарушитель порядка зашел к нему в кабинет. А тот вместо этого спрятался в уборной (она была сельского типа, во дворе) и заперся там. Не дождавшись в своем кабинете, директор поручил учительнице отыскать проказника. Евдокия Дмитриевна пошла искать, но в уборную она, конечно, заглянуть не догадалась. Однако доброхоты-проныры, понятное дело, доложили ей, где Гриша прятался. Пришлось все же посетить кабинет директора и выслушать строгое наставление с предупреждением. Учительница потом смеялась, мол, предпочел столько времени просидеть в вонючем нужнике, чем идти на разговор с директором, как будто от него скроешься.

Мать частенько жестоко наказывала Гришу: стегала ремнем, ставила в угол голыми коленями на горох, несколько раз в зимний морозный вечер одевала, открывала дверь и говорила: «Уходи!» Как сейчас он помнит один из таких вечеров: открытые

двери в коридор и далее в сенцы, и на улицу, в темный морозный воздух, откуда в комнату шел двадцатиградусный холод, злую мать, рукой указывающую на дверь, и сидящую в гостях бабу Настю, по природной мудрости своей не вмешивавшуюся в «воспитательный процесс». Григорий одет в пальто и шапку, а зима беснуется у дверей, дышит крепким морозом, мечет в стекла и в сенцы мелкий колючий снег, то затихает, а то вновь бросается на дом, словно хочет зацепить и утащить с собой мальчика, пожертвованного ей матерью, и оттого, что никак не получалось — в бессильной злобе и тоске воет в печной трубе.

Неправильность такого метода воспитания, как, став взрослым, разобрался он, кроме жестокости, конечно, заключалась в следующем: он отлично помнил, что его выгоняли и как это делали, но абсолютно не помнил — за что!..

Григорий очень любил весну. Вот с крыши одна за одной, искрясь в лучах солнца, падают капли, а колеи из утрамбованного снега на дороге блестят, подобно белым фигуркам разных зверушек на буфете у бабушки Насти. По небу, какому-то особенно торжественному в эту пору, плывут облака, и солнце то прячется за них, то вновь выглядывает и, многократно преломляясь, отражаясь ослепляющим блеском в каплях, в тающих льдинках, в звонко и торопливо бегущих дрожащих ручейках, озаряет все кругом. Отвыкшим во вьюжный февраль и серый март от света глазам даже больно смотреть на это сияние, и приходиться щуриться. В ярких солнечных лучах радостно плавится, освобождая землю, снег, во всех мало-мальских ложбинках и ямках накапливается талая вода. Прохладный, но уже поющий о тепле среди пока еще голых веток ясеней, лип и тополей, ветер несется вдоль улицы, однако никто не ежится от него, а наоборот, радостно улыбаются ему как предвестнику долгожданного лета и новой жизни. Гриша знает, что скоро, вслед за потоками полых вод, прилетят летние птицы и зазеленеют яркой молодой листвой уснувшие на зиму деревья.

Как-то Гриша заболел воспалением легких — была высокая температура, кашель,— и мать не отходила от его постели. Когда температура упала и появился аппетит, она с бабушкой Раей кормили больного хлебом с салом и чаем с молоком и медом. Смесь для всех детей наипротивнейшая. Так что придумали? Разрезали сало и хлеб на маленькие кусочки — размером примерно в один квадратный сантиметр, и, положив первое на второе, выстраивали из них «очередь», а Гришу представили как Робин Бобин барабека, который, как известно, «скушал сорок человек», и заставляли каждый маленький бутерброд запивать одним глотком лечебного чая и после этого считать, сколько кусочков съел и сколько осталось. Так постепенно и были «уговорены» необходимые продукты... И все это — с бабушки Раиным терпением и добротой.

В детстве Григорий с сестрами видели от матери очень мало любви и тепла. Она заботилась о них, работала, как вол, и в огороде, и на работе, и по дому. Но не было в ней душевности, или она не могла ее проявить. А строгости и жесткости — хоть отбавляй! Поэтому дети не научились любить и прощать себя. Видимо, мать и сама внутренне недолюбливала себя и переживала какое-то чувство вины, оттого так и было все. Ведь тот, кто не испытывает добрых чувств к себе, и других любить не может. Тети, ее сестры, не страдали отсутствием самолюбия и самоуважения,— и даже очень! — так как бабушка, их мама, всегда любила, уважала, жалела и выделяла их перед матерью.

На всю жизнь запомнил Гриша разразившуюся однажды в Брагине великолепную грозу. Тогда стояла ясная погода, ни ветерка, ни облачка не было на небе. Но

вдруг появилось одно легкое, потом другое, и вот они уже рассыпаны по небосклону, а через некоторое время в них стала замечаться чернота, и они как-то быстро собрались в одну сплошную черную тучу. Издалека был слышен еще тихий гром. Ветра не было, но туча надвигалась на поселок и, благодаря солнцу, резко контрастировала с остальным небом, испуская до земли серые лучи. Вдали уже посверкивало, и погромыхивание переходило уже в негромкие раскаты. Появился легкий ветер, повеяло свежестью, и солнце сверкнуло последний раз в просвете тучи и ушло за нее совсем, вокруг потемнело, ветви деревьев и листва затрепетали, а верхушки их стали раскачиваться из стороны в сторону, низко-низко начали метаться на ветру птицы, почувствовалась влажность. Вдруг небо, от горизонта и до горизонта, озарилось молнией, и тут же раздался все возрастающий, с меняющейся тональностью гул, переходящий в сильнейший треск. Ветер еще усилился до шквального, и, вначале капля за каплей, потом все больше и больше, полил сплошной дождь. На песчаной земле образовались небольшие лужицы, в которых забили фонтанчики, потекли желтые ручьи. Когда дождь и ветер стихли, в просвет тучи несмело выглянуло солнце, потом оно вышло совсем и, наконец, залило своим светом все. Ярко заблестела умытая зелень травы, листья, крыши и стекла домов, пыль прибилась, и дышалось легко. Редкие капли падали с деревьев, проводов и козырьков домов на землю, весело щебетали птицы, радуясь возрождению жизни. А запахи какие были от травы, цветов — фиалок, табаков и сирени!..

Летом по краям мостовой лежала сухая мелкая серая пыль, и, когда проезжала машина или телега, поднимались ее клубы. Земля в поселке — не чернозем и не суглинок, но и не песчаная, а какая-то серая. Сама же мостовая была из булыжников, с одной стороны ее лежал деревянный тротуар, а с другой проходила обычная земляная тропа.

Гриша любил пересказывать взрослым прочитанные книги и просмотренные фильмы, причем делал это артистически — в ролях. Почему-то часто, наклеив соответствующие усики и сделав знаменитую челку, изображал Гитлера — с характерными жестами, мимикой и речью.

Гриша с сестрами придумали веселую игру: лежа, опустив голову вниз, любили смотреть на лица людей — они приобретали козлиный вид — и до упаду смеялись. Но...

Однажды между Григорием и сестренками, когда Кире было уже почти семь лет — состоялся серьезный разговор — говорили о будущем, о жизни и смерти, о страхе смерти. И он высказал мысль, что ко времени, когда им будет в среднем по пятьдесят, ученые изобретут средство для бессмертия (начитался фантастических романов). И вообще, уже будет коммунизм — совсем другая жизнь, ведь тогда будут 2000-е годы и XXI век. Они по-детски думали и гадали, какова она будет, эта жизнь, каким будет коммунизм, выказывали желание поскорее стать взрослыми и дожить!

В отрочестве Григорий научился управлять собой во время сновидений. Ему иногда, наверное, как и всем в детстве, снились страшные сны. Вначале он старался проснуться, но подсознание начало разыгрывать с ним злые шутки. Он как бы просыпался и, лежа в постели, видел все до мелочей, как в реальности, вплоть до шевелящихся в лунном свете листочков лип, росших у дома, и слышал даже тиканье часов. И лишь некая нереальная зыбкость и свечение — то ли штор на окне, то ли деревьев, — и Гриша понимал, что это не что иное, как продолжение сна, и вдруг холод и мурашки прокатывалась по телу — во сне.

Так было несколько раз. Тогда он изобрел способ выхода из этого лжепросыпания. Он во сне брал два стула, ставил их спинками друг к другу, но на расстоянии полуметра, давал себе установку: делаю кульбит — кувырок через голову с поста-

новкой на ноги — и после него просыпаюсь, выполнял это и уже реально просыпался. Все срабатывало безотказно много лет.

Тяжеловато жилось отроку, но Григорий часто утешал себя тем, что ему плохо не потому, что виноват, а такая у него судьба. Разве при хорошей жизни подобные мысли приходят человеку в голову?..

Когда же Грише было особенно тяжело, он представлял себя либо героем, награждаемым высокой наградой, либо погибшим... над телом которого рыдают те, кого он спас или защитил. Ведь человек должен себя чувствовать счастливым...

Часто, когда детский сон, наконец, смыкал веки, Грише все грезилось, будто теплая, нежная рука гладит его. Он лежит на кровати в большой комнате, на столе горит керосиновая лампа, и никого кругом, только рука все ласкает и ласкает его по волосам, по лбу, по щеке, и он слышит нежный голос бабушки Раи: «Спи, спи, мой милый, спи, хороший». Он будто бы открывает глаза и в неясном, чуть колышущемся и теплом свете лампы видит такой знакомый и родной силуэт. В порыве он протягивает руки, привлекает его к себе, крепко-крепко обнимает и целует. Любовь окутывает его всего и теплом разливается по всему телу...

В начале шестидесятых годов по стране шло, санкционированное Хрущевым, закрытие церквей. Единственную церковь в Брагине — храм святителя Николая Чудотворца, разрушенный в 1936-м году, но «тихо» функционировавший после войны,— тоже закрыли. Народ — в основном, конечно, бабушки — шепотом «возмущался» в беседах на лавочках.

В те годы в Брагине среди молодежи возникло направление — «стиляги». Это были молодые люди, носившие модную в то время одежду и стрижку. Жители плевали им вслед и смеялись, зло вышучивая и показывая на них пальцем.

Тогда же на Гришиной улице появился первый черно-белый телевизор. Это была большая диковинка, особенно, когда увидели экран, тогда еще небольшой. Привыкли ведь в кинотеатре (вернее, в Доме культуры), пока киномеханик не включит свой аппарат и не погасит в зале свет, к большому белому безжизненному полотнищу. А тут сидишь в комнате — кто на подоконнике, кто на табуретке или стуле, а многие и на полу. Когда показывали финал чемпионата Европы по футболу в Испании, где играла наша команда, ставшая в тот год чемпионом континента, то многие и со двора через окна смотрели — болели! Но пока не стало обычным явлением иметь свой телевизор (в 1964-м, когда Григорий уехал из поселка, их было немного), люди ходили в ДК смотреть кино и на редкие спектакли и концерты, которые завозили к нам гастролирующие артисты, а иногда и целые труппы.

Однажды в Доме культуры поселка анонсировали концерт, который должны были давать актеры одного из минских театров. Заранее продавались билеты. Мать купила два — себе и Григорию.

И вот наступил долгожданный день концерта. До начала остается совсем немного времени, но тут силу берет материнский «пунктик» — копаться в мелочах, до невозможности оттягивая время выхода из дома. «Докопались» они до того, что, естественно, опоздали. Приходят, концерт начался, а места их заняты. Все началось с требования освободить места. Те, кто сидел (к слову, это была одноклассница Гриши Людмила Потоцкая, с которой у него потом были хорошие, дружеские отношения, и ее мать), ни в какую. Ведущая концерта вела свою речь, а скандал развивался по нарастающей, хотя Григорию с матерью служительница ДК предлагала другие места чуть подальше. Мать Григория была очень принципиальной и «давала прикурить» каждому, кто, как казалось ей, покушался на ее достоинство. Даже там, где можно

было простить и пойти на компромисс... Когда дело дошло до крика, занявшие места уступили их, но настроения уже не было никакого, тем более что заметно чувствовались негативные эманации окружающих.

У Григория очень рано в детстве проснулась влюбчивость, а вместе с ней и сексуальность. Первой его любовью была актриса Тамара Семина, игравшая в фильме «Два Федора» Наташу. И он часто представлял себя ее мужем, это — в семь-то лет! Потом Гриша влюбился в реальную девочку — Валю Дудку, а любовь, как известно, требует выражения. И вот, учась в третьем классе, он на задней стороне обложки учебника «Родная речь» написал: «Я люблю Валю Дудку!». И нужно же было такому случиться, что он забыл этот учебник в парте. А может быть, сделал это и осознанно. Книгу нашла девочка, дежурная в этот день по классу, убиравшаяся после уроков, и на следующий день, со всей ответственностью, в начале первого же урока доложила учительнице. Весь класс взорвался от хохота, Валя, густо покраснев от стыда, с выступившими на глазах слезами, вниз лицом упала на парту. Евдокия Дмитриевна сказала Грише, чтобы тот вышел из класса. Что она говорила его одноклассникам, то до сих пор покрыто для него мраком тайны. Но когда Гришу пригласили войти, Валя, хоть и выглядела расстроенной, уже не плакала, ребята успокоились, и уже никто не смеялся. «А может быть, Гриша действительно любит Валю»,— сказала учительница в его присутствии.

Но любовь Гриши поистине была несчастной... В один из зимних вечеров, на льду Брагинки, под мостом в центре поселка, был организован каток. Темное, бездонное синело между облаков небо с редкими крупными звездами, а вокруг полной яркой луны облака были окрашены в оранжевый цвет. На катке было много ребят и девчат из их класса. Кто на коньках, кто так, в общем, катались как могли. Любовь в представлении мальчика-подростка требовала задевать девочку, а та должна была реагировать. Как? — Вот в этом и была вся соль. Валя реагировала так, как будто ей были неприятны даже прикосновения Гриши. Самоуважение побуждало его прекратить дальнейшие попытки, но чувство пыталось обратить внутренний и внешний негатив в шутку и изменить и его, и ее отношение к происходящему. Чувство было сильнее, потому попытки «задевать» продолжились. Чуда не произошло. Отрезвил Гришу и заставил уйти с катка только отчаянный крик Вали: «Отстань, дурак!» и обидный смех ребят: «Гусь, гусь, хилый гусь!». Тут же вокруг Вали стали вертеться другие мальчики, и она, она — его любовь! — стала отвечать им одобрительными улыбками...

А через несколько дней, когда Григорий шел из школы домой, из-за кустов, росших возле ее палисадника, раздался знакомый голос: «...Морда проклятая!» — услышал он.

Однажды на большой перемене, перед последним уроком учебного года и отъездом Вали с родителями на другое место жительства, одноклассники 4-го «А» играли в школьном дворе. Гриша залез по лестнице на четырехметровый турник из бревен. Внизу, чуть в отдалении, в группе девчонок стояла Валя. Поглядывая на нее, сидя на бревне, упираясь в него руками впереди себя и отталкиваясь ими же, он передвигался вперед к шесту, по которому все, и он, неоднократно, спускались вниз, обхватив его руками и ногами и скользя. Но, несмотря на то, что Гриша делал это успешно много раз, сейчас почему-то, видимо, сильнее, чем было нужно, по-ухарски, замахнулся ногами и не попал ими на шест, соответственно, не смог обхватить его,— а уже перекинулся,— и в мановение ока, то есть, с учетом ускорения свободного падения и трения руками, оказался на поверхности земли, с сильным ударом ногами о нее. После такого приземления он несколько минут ходил вприсядку вокруг этого шеста, не имея возможности разогнуться, пока не отпустило.

Придя в класс, Григорий «приземлился» окончательно. Перед началом последнего урока Валя подарила каждому изготовленную своими руками, с индивидуальной надписью красочную открытку. Каждому... кроме одного Гриши! И это первая любовь! Такой травмы в жизни у него не было еще никогда. Шел тогда ему одиннадцатый год.

Одной из влюбленностей Григория, через год после отъезда Вали, стала подруга сестры Галя. Он даже посвятил ей стихотворение, каллиграфически написал его, отнес и вручил ей сложенный вчетверо лист. Но в ответ — никакой положительной реакции. Затем Гриша влюблялся в Лену (из села Орехово), Милу, Люду и Наташу (все это с 5-го по 7-й класс). Но ответного внимания не было. Да и какое ответное чувство могло возникнуть у девочки по отношению к худющему, длиннорукому, с кистями, похожими на «кисти» скелета, длинношеему мальчугану? Девочкам нравились другие, и их можно понять. Но тогда...

Отягчило же все совращение Гриши рыженькой дочкой парикмахера. Сидели они как-то у него дома, и Инна предложила поиграть в мужа и жену. И для этого, чтобы «было не понарошку», нужно целоваться, и не просто, а языками, и прижиматься друг к другу. И больше ничего,— но, видимо, этого было достаточно, чтобы разбудить в нем раннюю сексуальность. И то, что Гриша целовался (а делали они это потом довольно часто, скрываясь от ее отца, который, зная «пристрастия» своей дочери, буквально преследовал ее по пятам) с девочкой, в которую не был влюблен, и отсутствие в дальнейшем симпатии к нему со стороны других девочек, которых он любил, привело к разрыву двух составляющих — влюбленности и сексуальности. А это, в свою очередь, отразилось в будущей жизни Григория в общении с противоположным полом, разделяя по принципу: мухи отдельно, котлеты отдельно. Но накрепко закрепило это другое происшествие, случившееся с ним в семнадцать лет. Однако, это тема другой, следующей повести...

И еще одно способствовало развитию сексуальности: когда только строился новый дом, у них в комнате, где спала бабушка Аня и все дети, жила еще девушка из села, учившаяся на курсах бухгалтеров. Гриша очень хотел попасть к ней в постель, воображал и намекал — сдерживали его только сестренки, как назло не смыкавшие глаз...

А тогда рано проснувшаяся сексуальность, к субъектам любви никак не проявлявшаяся, проявилась трагическим образом к соседской девочке, и еще к одной девочке, в которых он отнюдь не был влюблен.

История же с первой девочкой была такова. И соития-то никакого не было — Грише было двенадцать лет, а ей семь. Было только прикосновение. Но при этом он, теперешний, не знал, как ему *того* назвать, сказал ей, что этим занимаются все хорошие люди. Родители девочки жили в Минске, и когда она приехала к ним от дедушки с бабушкой поступать в школу, то первым делом похвалилась, чем «хорошим» занималась. Представьте, что было там с родителями и гостями! И что было потом по отношению к Грише со стороны соседей. Дед Светы чуть ли не с топором ломился в дом, где он забаррикадировался. Но дело этим не закончилось.

Родители девочки настолько запугали свою дочь, что страх (чего — Григорий так и не понял, ведь они проводили обследование, и разрыва девственной плевы обнаружено не было), видимо, так довлел над ней все детство и юность, что когда она в восемнадцать лет выходила замуж, после росписи в ЗАГСе у нее случился инфаркт, и она умерла. Вот так Гриша стал причиной страдания и смерти невинного человека.

Со второй девочкой у него, находящегося в том же возрасте — двенадцать-четырнадцать лет,— тоже ничего, кроме описанного ранее, не было, но и то, что было, сильно отразилось на ее жизни.

И еще был случай. В Орехово после двух первых любовей — к актрисе и Вале Дудке, влюбился Гриша в соседскую девочку Лену, дочь работника леспромхоза. И однажды, играя, признался ей в любви. Младшая сестренка ее, услышав, рассказала

об этом всем взрослым, жившим в доме. И бабушка Рая, тети (тетя Лиля оканчивала институт на год позже и на каникулы приехала в Орехово) и мать устроили Грише «профсоюзное собрание», где долго объясняли, что, во-первых, в таком возрасте рано говорить о любви, так как нужно учиться и так далее; во-вторых, что от любви бывают дети; и в-третьих, что нужно, когда Гриша вырастет, найти девушку по себе, с соответствующим образованием и национальностью, а не «абы кого»... Так шло его воспитание в *этом* плане, или, вернее, планах. Этот разговор и дальнейшая тотальная слежка напрочь уничтожили в нем всю романтику отроческого чувства.

После всех этих взаимоотношений Григорий стал чувствовать презрение ко всему женскому полу, и до двадцати лет у него никаких контактов ни с девушками, ни с женщинами не было. Да и потом, до женитьбы в двадцать три года, эти контакты можно было пересчитать по пальцам одной руки...

Вспоминая все это, Григорий иногда спрашивал себя, а может выбросить все это из памяти, забыть напрочь? И отвечал себе: нет, ведь это хоть и неприятная, но живая правда, то корневое, что лепило характер, судьбу, самою жизнь его. И еще, Григорий достаточно поздно — жаль, что никто не подсказал ранее,— осознал: «из чего еще делать добро, как не из зла?», и как здорово, когда сквозь слой обид, недоброй памяти и всякой дряни — жизненного перегноя — вырастает в начале веточка, потом деревце и, наконец, дерево прощения, добра и любви.

Наряду с негативными моментами были в детстве Григория и позитивные варианты. Например, Люда Потоцкая — та девочка, с мамой которой поругалась Гришина мать при опоздании в ДК на концерт,— в принципе, одна из возможностей будущей семейной жизни (у Григория с ней была душевная близость), если бы он не уехал из Брагина. Была еще одна девочка такого же плана — Вишняк. Но не сбылось...

Все эти перипетии не смогли истребить живую любовь, наполнявшую трепетное сердце Григория, душа его до преклонных лет продолжала расцветать чистыми, светлыми чувствами. Но уже тогда, в детстве, появились и серые очажки обиды, вспыхивающие электрическим разрядом узелки злости, разливались болотца недовольства и крепло с каждым годом чувство холодного, ледяного одиночества.

Гриша был эмоционально неустойчивым мальчиком. Однажды один взрослый, глубоко заглянув ему в глаза, сказал: «Все хорошо, но плохо, что он такой чувствительный...».

Когда Григорию исполнилось 13 лет, мать по знакомству записала его во взрослую библиотеку, и сколько бы интересных и полезных книг он мог перечитать, если бы, в январе 1965 года, то есть практически через год, Григорий не уехал от жесткой, а может быть, жестокой матери — где граница? кто разберет? — к тетке в Тулу, надеясь там найти справедливое к себе отношение и семейную теплоту. Если бы он знал тогда, что есть преступления хуже, чем сжигать книги, это — не читать их. А ведь они являются для души памятью того, что ей близко, помогают ей вспомнить то, что она так глубоко хранит, то, что боится забыть.

У тети Руфы семейная жизнь не сложилась. Вышла она замуж за человека — свою юношескую любовь,— с которым не виделась восемнадцать лет. Уехала в Черновцы, и стали они там жить-поживать... Вдруг через месяц стали приходить жалостные письма, что муж ее садист, спит с ней с ножом под подушкой и принуждает ее к противоестественным половым сношениям, а его тетки (родители погибли) относятся к ней, как к служанке, и понуждают брать с пациентов деньги, мол, у них так принято... Мать Григория тут же мобилизовала себя на все сто — написала письмо на двадцати страницах, как той действовать в каждом конкретном случае — чуть ли не как поселить у себя в постели представителей горисполкома. Да вот одно упустила —

каждый ведь судит о других по себе. Этот «пакет» вскрыли тетки «возлюбленного» и, после ознакомления с подробной «инструкцией», просто-напросто выгнали беременную тетю Руфу на улицу... Приютили ее люди из жалости в ванной комнате — спала с младенцем в ванне. Пыталась она как-то устроиться в городе, обивала пороги, но все безуспешно. И после недолгих мытарств уехала в Тулу, где родилась, устроилась в новую, открывшуюся недавно поликлинику при заводе и как врач получила квартиру. Жила она с мамой — бабушкой Раей и родившейся дочкой.

Мать была умной и мудрой женщиной. Так, когда Григорий уезжал к тете Руфе в Тулу, она говорила ему: «Когда ешь яблоко, места, где черенок и с противоположной стороны, не ешь...— там может быть грязь и химия!» Григорий долго потом вспоминал эти слова,— почему мать вдруг, ни с того ни с сего, так сказала? — прикладывал их к тому, к другому... И был прав, ибо, несмотря на наличие свободного времени, у людей часто не находится и минуты подумать. Потом он понял их истинное значение — у каждой вещи есть внешняя сторона, иногда и глянцевая, а есть еще внутреннее содержание, где может быть скрыт яд, отрава... Однако он понял еще и другое — чтобы правильно жить, нужно *искать* смысл жизни. С этого понимания началось его отрочество, его взросление.

В Тулу Григорий ехал зимой, в школьные каникулы. Поезд для него был уже не в новинку — дважды с матерью и сестренками ездил в Орехово и обратно. Но то было летом, а теперь, зимой — снежные поля и обеленные смешанные леса, крыши под снегом деревенских и поселковых домов и вертикальные, в морозную и безветренную погоду, столбы сизого дыма над ними,— все это он видел через оттаявшее, с помощью ладони и дыхания, окошечко в сказочно расцвеченном лучами яркого солнца морозном узоре на окне вагонного купе. Много людей ехало из Гомеля в Москву, каждый по своим делам, но у всех лица светились этой радостью солнечного январского дня.

Электричка из Москвы пришла поздним вечером, и Гриша, по предварительной договоренности, чтобы не плутать среди абсолютно похожих друг на друга пятиэтажек-«хрущевок» в новых микрорайонах города, быстро пешком добрался до еще довоенных знакомых их семьи, благо, они жили недалеко от вокзала на тогдашней Красноармейской улице. Ночь была темная, безлунная, но звездная: в свежем морозном воздухе мелкие звезды дрожали разноцветными огоньками, а те, что покрупнее, переливались, казалось, всеми цветами радуги, снег на тротуаре и стекла неосвещенных окон, покрытые серебристыми пальмово-папоротниковыми узорами, искрились под светом фонарей.

Знакомые — пожилая пара — встретили его доброжелательно, накормили и уложили спать. Наутро Гриша, позавтракав, оправился по адресу тети Руфы. Добрые люди помогли ему сориентироваться, и вот он уже на месте. Городская квартира, по тем временам — теперь же вызывающая пренебрежительную улыбку,— по сравнению с их сельским домом и старым домом, где он ночевал, показалась ему дворцом.

Через несколько дней, когда закончились каникулы, Гришу записали в школу. Так началась его городская жизнь...

Атмосфера в семье была строгая. Все было расписано по пунктам. У Григория были, кроме уроков, свои обязанности: ходить в магазин за продуктами и в газетный киоск (тетя любила читать «За рубежом» и приучала к этому его), активно участвовать в уборке и мытье посуды. Пунктуальность доходила до того, что человек, когда ему клали на тарелку еду, должен был сказать: «Хватит!» или «Еще!», но все полученное съесть буквально до состояния вылизанной тарелки. Своего уголка у Гриши не было. Отдохнуть от уроков он мог только на спортивной площадке у соседнего дома, которая была, как на ладони, видна из окон квартиры. Ни погулять с друзьями, ни куда-то сходить самостоятельно он права не имел. Дело дошло до того, что когда,

учась уже в девятом классе, он записался в секцию по баскетболу и после занятий, в девять вечера, пришел домой, ему устроили скандал с истерикой, отпаиванием сердечными средствами бабушки Раи и последующим, под угрозой отправки в Брагин, запретом заниматься в секции... Дело приняло более легкий оборот, когда другая тетя, Лилия, получила квартиру за репрессированного в 38-м году отца, и Григорий переехал к ней. Тетя Лиля сказала: «Если все запрещать, то получится ни рыба, ни мясо!», и после строгого режима Гриша получил некоторое послабление. А уж когда, через полтора года, семья его переехала в Тулу (предварительно отец устроился на работу и вступил в кооператив) и обрела свою квартиру, продав дом с участком в Брагине, то в обмен на отказ от поступления в московский вуз, он получил полнейшую свободу. Только позвони: где, что и надолго ли... Вот так отрок, зажатый с рождения в тиски всевозможных ограничений, вдруг получил беспредельную вольность. Но это уже другая повесть...

Когда же вся семья собралась в Туле, на родине матери, бабушку Аню не оставили, хотя она наотрез отказывалась уезжать из родных мест — от знакомых, от могил родственников — и плакала. Было ей тогда почти восемьдесят лет. Спала она на раскладушке в комнате Гришиных сестер. Не нашлось для нее денег даже на простую кровать. Весь этот переезд, переживания очень сильно сказались на бабушкином здоровье. У нее создалось навязчивое состояние, выражавшееся в страхе, что ее увезут в Бологое и там убьют. Она часто, съежившись, сидела у радио и напряженно вслушивалась. Потом вдруг вскакивала и голосила: «Унучок! Не дай мяне увязти! Воны хотять мяне забрать у Балагое! Унучок, защыти мяне, унучок!..»

Так длилось полтора года, до инсульта. Она всю жизнь провела на земле в огороде и за шитьем, была очень спокойной и доброжелательной, ничем не болела. А тут за короткое время сгорела. Что значит оторвать человека от родных мест, где он прожил всю жизнь, от родных корней. Умерла бабушка Аня тихо, как и жила...

Мать после всех «битв» и нервотрепок, связанных с переездом в Тулу и перевозом бабушки Ани, заболела воспалением мозговой оболочки, после чего у нее возникла угрюмость и нервозность.

Как часто во взрослой жизни Григорий хотел возвращения,— хотя бы на непродолжительное время,— того детского свежего и беззаботного состояния, наполненности гармонией и красотой, любовью к окружающему, непреодолимой тягой к большой любви и непобедимой верой в будущее. Жизнь, этот «Змей-Горыныч», постоянно поедала те малые ростки, пытавшиеся пробиться сквозь долголетние наслоения. Но они прорастали и прорастали, ибо память детства — это то, что укрепляет силы и надежду на лучшее.

...Теперь да будет позволено автору, дабы читателю стало более ясным многое из выше описанного, перенестись в далекое будущее. Когда Григорию исполнилось пятьдесят четыре года, семидесятивосьмилетняя мать сказала ему: «Ты только родился, а уже смотрел на меня с ненавистью!» И это, так долго, в течение всей жизни, хранимое в душе, было сказано человеком в том возрасте, когда обычно должно приходить понимание: важно, чтобы все, к чему ты прикасаешься, менялось к лучшему, чтобы лучшая часть тебя развивалась дальше в другом. Но главное не это, а то, что уже с младенчества мать определенным образом относилась к своему ребенку...

Таковым, дорогой читатель, было начало Гришиной жизни...

ПРОЗА МАГИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА*

Алексей Яшин
(г. Тула)

СВАТОВСТВО НА ИТАКЕ
Повесть

Репродукция с картины Тициана «Вакханалия андрийцев» (Мадрид, Прадо)

Некто пятеро говорил на общую тему. И было сказано:

***Л. де-В**.: Если душа человека встречает другого, по телу которого она судит о создавшей его душе и о сходстве своем с душой другого человека, она начинает чувствовать любовь, влюбляется...*

***И.Г**.: Если я люблю тебя, что тебе до этого?*

***С.К**.: Что такое юность? — Сон. Что такое любовь? — Содержание сна.*

***Ф.Н**.: В конце-концов всякий любит свои желания, а вовсе не то, что является предметом его желаний.*

***А.М**.: Причина любви больше в нас самих, чем в любимом существе...*

Проходил мимо человек древний, согбенный тяготами и несчастьями жизни, с палочкой, слепой, вдобавок нищий — и вспомнил:

♦ Горе мое и умиротворение: горе и горé; умиротворение смотрит горé — не высокомерно, не свысока. Свет невечерний — тишина, но и движение; он — молчание,

* Определение жанра прозы магического реализма, одного из древнейших, восходящих к античности, дано в «Колонке главного редактора» («Словесное золото сельвы: истоки одиночества») в «ПЗ» № 4, 2017.— С. 3—14.

но и подвижность. Так летает крылатая мышь ночи. Невечерний свет — живая естественность, как несуразностью смотрится перепончатокрылая летучая мышь. Невечерний свет — предзакатное небо, остывающие пыльные листья, успокоившиеся люди, отдаленные звуки, неслышащие уши.

Спокойное сердце, ритм невечернего света, слоистая мысль — воздушный слоеный пирог: каждый цвет — своя сладость, свой вкус, не похожий ни на какой другой. Грустное бескрайнее море. Переход от слоя к слою так неявственен, но он есть: сквозь зеленые воды смотрится синь, а дальше — угольный сумрак холодного провала глубины. Оно не только бескрайнее, море — бесконечное. На поверхности гигантской, немыслимо выпукло растекшейся капли ни единой морщины: розовые щеки упитанного младенца — женщины разучились кормить грудью, а он, как на удобрениях, растет на импортных бебемиксах, фруталинах — выдувающего и выдувающего без конца: уфф! Уфф!

Свет невечерний золотит сусальной патиной поверхность бескрайнего, бесконечного моря; не виннопрекрасного моря Гомера, не сопливо-зеленой дублинской бухты, не стендалевского лазурного залива Неаполя.— Сусальная копоть невечернего моря.

♦ Рефлексия — растворитель всякой логики, всякой мысли. Разжижение мозга — болезнь, а разжижение мысли? — Переход к более художественному осмыслению? Формулировка чудаковатого соседа, тридцать лет созидающего собственную версию политэкономии социализма: художественное творчество, учитывая минимум общественных материальных затрат и максимальное выявление качеств человека, как уникального, ни на что не похожего создания природы, является наиболее производительным видом труда.— Нет, скорее это просто рассеянность ума, его активная форма отдыха. Это о рефлексии, конечно. Не потому ли рефлективные позывы так естественны, а бездумное созерцание столь приятно?..

Нет ничего опаснее всесилия мечты.— Если мечтание безудержно, препоны снесены, утрачены халатной фантазией. Вред мечтания даже более ощутим, нежели ступляющей энергию ума вред музыки. Та дает лишь эфемерный самообман собственным могуществом, рвущимся, хлещущим из подсознания, а фантастическая мечта привносит иллюзию самоудовлетворения активным сознанием, возможной действенностью. Выключить же, как музыку, ее нельзя. Впрочем, она приятна, даже эта — из парка, приглушенная на обертонах пыльной остывающей листвой деревьев. Все самообман, сладость его — сладость слоеного воздушного пирога; с ними приходят удовлетворение, невечерний свет тоски, негативом своим перевоплотившийся в совсем иное, не грызущее душу качество.

Философский этюд длиною в двести шагов по обочине тротуарной дорожки.

♦ Мысль ощупью приближается к постоянной мечте о ней, такой неоформленной в конкретном образе, но с душой и абрисом тела, сконцентрированного за те несколько тысяч дней и ночей, прошедших с того, как глаза впервые остановились на личиках с челками, косичками, хвостиками, веснушками. Иной взгляд — иной мир отворился перед малочувственной еще душой столько-то тысяч дней и ночей тому назад.

Но много меньше прошло со времени первого ответа на позыв, тягу, крик души и тела. Удивительно: душа находила душу, тело — страсть тела, но почему-то именно сейчас, как те самые тысячи дней и ночей тому назад, он ищет, с замиранием ждет встречи с воссозданным образом? Полио! Откуда тот образ: скелет ли, состроенный из тончайших оттенков тех многотысячедневных мечтаний, многотысяченочных снов без сна? Или глупый болванчик идаела — фигура усреднения — вошел в него? — Он не знал ее ло конца, зная давно. Не мог понять: отражение ли своей души ищет в ней, либо нового, неведомого ему открытия. Зная женщину, он ее искал.

Просто приятные, смешливые, умные, лукавые, похотливые, откровенно красивые, молодящиеся, нестареющие лица наплывали на него, равнодушные ловил он взгляды, интересующиеся и заинтересованные, округло-глупые, ласковые, умно-пепельные из-под стекол очков темно-муаровых, выпукло-минусовых, сиренево-затуманенных, вовсе не прикрытых стеклом глаз. Несли их стройные, полноватые, женственные, откровенно выставляемые или при ходьбе открываемые, тоненькие, идеально округлые, совсем (господи!..) некрасивые, загорелые, молочно-белые, по-восточному поросшие, с высокими, лекально выправленной формы бедрами, прекраснолодыжные, умопомрочительные для двадцатилетнего взора, в мини, в макси, в миди, привлекательные, равнодушные взору ноги встречных, гуляющих на выданье девушек.

Не только навстречу. Статистически равное по числу шло и в его направлении; обгоняли, он обгонял, некоторое время шли в ногу, в плечо. Оборачивались, он оборачивался: удивленные, досадливые, равнодушные, польщенные...

Семирамида — бессмысленный, конформный ко всему знак памяти, амфорный образ сравнения, ассоциирующийся с высокогрудой, полнобедренной, в сиреневых очках-бабочках с апельсиновым ярлыком-наклейкой — не овальных, а огромно-круглых сиреневых очках махаона. Очковая змея — это противоположность: тощая, с кривыми ножками-ножницами и шипит из-под роговых очков, где армированной коричневой пластмассой проволоки оправы и заушин больше, чем искажающего геометрию пучка света линзового стекла.

♦ Прошло несколько лет, он и дальше идет себе, а все начинается заново в каждую секунду жизни — скользящий пластами слоеного пирога жизни: что-то случилось в некий момент: завязка. От нее разворачивание жизни идет до конца дней твоих, но вот следующая завязка, в следующий момент — временной срез жизни — от него идет разворачивание жизни до конца дней твоих... Бесконечная колода симметрично сдвинутых карт: каждая карта — момент отсчета, завязка. — Слоеный, параллелепипеидально сдвинутый, бесконечной толщины пирог. Он оптимист, а пирог сладок, бесконечный в толщине, параллелепипеидально сдвинутый по вертикали слоеный воздушный пирог. Чудо искусства кондитера-жизни.

Сейчас — он остро это почувствовал — такой же момент, как три года тому назад. Совпали сдвинутые во времени на три года абсолютно одинаковые карты: дама-треф.

Эти грубые скамейки из кое-как отфугованных бросовых досок, пришпиленных ржавыми болтами к пупырчатым чугунным разлапистым держакам, по словесной прихоти канцелярщины названы садовыми диванами. С тощим костистым задом на них долго не просидишь. В невечернем свете, в тишине — пусть музыка явственна и слышна хорошо, но приглушена листвой на обертонах — курение сравнимо только с удовольствием хорошо поесть. Сигаретный дым — желудочный сок, он голубее невечернего синего неба. То — темнее, плотнее. Самые большие искушения жизни побуждают в невечернем свете предельно устроенное, спокойное существование. Треклятая скамейка! — Девочка с тощим задом... Да-да, скамейка. А ей не по себе?! Очень уж худа, хотя и на это есть гурманы. Но в общем... это глупое слово из того, того самого века: пикантна; соус-пикан. И я не мальчишка, чтобы волновал меня тощий зад; грубо, но определенно.

Встала, идет, дьявол! — Беспокойство. Прошла бы мимо, мне ты не нужна... ну, подойди, подойди же — бес любопытства.

— Пр-простите, у вас спичек не будет? — Она чуть заикается. Волнение? Походка странная: то ли от долгого, неуютного сидения на жестких двухдюймовых досках, то ли модно... на моду цензуры нет. Одета для ее возраста стандартно, то есть прилично.— Из парковых девочек, хотя, пожалуй, нет: совсем не намазана. Лет двадцати с хвостиком, не меньше.

— Спасибо,— он в наступающей на глаза и на все лицо темноте увидел (или не увидел? А это она позже так часто повторяла, что стало убежденностью: увидел): она обзналась.

— Спасибо,— все также странновато тыкаясь вперед коленками — тогда носили мини — отошла в двойную тень: вечера и дерева. К соседней скамейке. Чуть позже он разъяснил себе странность походки: будучи для своей худобы относительно высокого роста, она носила туфли на среднем каблуке, а в тот вечер надела для пробы впечатления сестрины итальянские с двенадцатисантиметровыми шпильками... Ее длинноватый в ретуширующей тени профиль освещался искорками часто вспыхивающей сигареты. Преодолев нечто схожее с застенчивостью, он поднялся, подошел, спросил глупейшее:

— Вам, я вижу, несколько не по себе? Расстроены? Могу я вам помочь? — Они стали знакомыми.

♦ — Ублюдок с языком змеи — порождение случайной встречи жабы и навозного жука, зачат был на гноящемся трупе сдохшей бешеной собаки в кипящей куче крупных червей, зачат в дико отвратительной, страшной животной похоти; в те несколько секунд, что их осклизлая шкура и шелестящий сухой панцирь слиплись, они успели-таки в неистовой, неистребимой даже похотью злобе, искусать друг друга, исцарапать, оторвать мерзкие бородавки, черные проволоки щетинящихся усов, а потом отскочили в разные стороны — углы помойки и принялись, утолив гнусную похоть, пожирать гниющие, вскипающие сукровичной смолой расползшиеся внутренности бешенного пса...

Тошнота... Ты понимаешь? Тошнота. Понимаешь, что это за человек... почему — о, господи! — не рожден я столетием раньше, когда законом чести было бы проткнуть этого ублюдка?! Так я бы горло ему перегрыз, обойдясь безо всякой колющей или рубящей железяки. О, господи! Мир полон ублюдков — порождений гнусных эпох, боковых отростков эволюции приспособленчества, мерзких... топтать! Топтать! У-у-у!!. — Он ударился затылком о стену — Стена. Эс-Карма — из глаз выбрызнули слезы, слезы ненависти, обиды, отчаяния, ворота которых — распаляющий обиду сверх всякой меры алкоголь. Не будь этих ворот, душа бы загхоркла, обуглилась от затаенной ненависти, бессильной злобы. Она, одним рывком втянувшись в его тень, положила ладошку на ушибленный затылок. Он же, не чувствуя ее мягкой, гладящей, перебирающей спутанные волосы руки, еще раз откинулся в отчаянии головой. — Больно,— шепотом, целуя, обнимая его шею, притягивая к себе, сказал она,— больно, милый,— отняла ушибленную руку, попросила:

— Подуй, — еще требовательнее:

— Подуй! Подуй обязательно. Успокойся, ну?! Успокойся же, как тебе (— целует —) не стыдно плакать, у меня первоклашки только плачут на прививках и то не все, девочки. А ты — в слезы... Перестал? — Вот так, не отворачивайся, я не нос же, слезы вытру, вот так, таа-к. Забудь. Он того не стоит, слез не стоит. Я понимаю, понимаю, что плачешь раз в десять лет — все мужчины так говорят, что вино расслабляет... Но поверь мне: не стоит он и одной слезинки. Всегда, везде, будут подлецы, лучше всего обходить их... как обходишь мусорные свалки. Что ж поделаешь: не любую свалку можно срыть или засыпать.

И верно. Слова ее расхожие — бальзам: теплая, успокаивающая аура, амбра губ, шепот сладкого сна, теплые волны не грохочущего, нет-нет, то в яростных любовных битвах, нет — волны накатывающего на тебя безмятежного, теплого мягкого моря, что переливающейся, струящейся выпуклой мантией доброго шепота разлилось из гигантской, упавшей на тебя капли.

Господи! Бог наш распятый, чуждый, затверженный, мой Бог — ты, она: она и ты — двуединение с ласковым шепотом, запахом струящихся по плечам волос: пышные травы дна невечернего моря. Ты — загадка явная, загадка нерешаемая; сколько мудрой истины в древних словах: ты — часть меня, не она — самое целое, а ты — часть моя, незнаемая и познаваемая, утолитель боли, жажды, тоски. Я — твой первоклашка, плачущий в медикаментозной белизне куба комнаты от боли укола. Запах эфира — это ты. Он тонок, струится и... невечен, как невечен я, а значит и ты — часть моя. Я — твой Кай, ты — моя Кая! Исцеление мое, исцеление и свет мира. Перебирая древние мудрые слова, впитал я поцелуй твой бесконечный, что продолжен во взгляде, ласке, теплоте ладони, зыбкой шелковистости овала груди, упругой округлости бедер, таинственности лона, струях колеблющихся трав дна невечернего моря. Соль моря высыхает на щеках, отодвинулось в вечность видение мерзкого творения с липкими конечностями...

— Тебе пора... Именно тебе пора, до свидания и еще: не плачь по пустякам, мой первоклашка, не плачь. Лучше поцелуй. Вот так, еще... еще, еще. Остаешься? — Видишь, я уже не краснею как недавно — ведь ты мой первый опыт, а целую тебя, что значит: благодарю.

♦ Но не первый опыт для него она, ибо жизнь была в начале, он искал, пока не находил, не решаясь дать обязательство, будучи в сомнении. Он быстро, легко расстался с недолгим по времени предшествующим опытом жизни. Не в пример этой, та была гордой своей упругой пышностью, груди ее восхищали встреченных по пути жизни, обладала она неподражаемым жестом единым вздрагиванием (Как собака породистая,— думалось ему порой) переструить нужным оттенком тоже длинные, но только жесткие, густые пряди светлых, крашенных волос. Впрочем — это не самоизвиняющая отговорка — они почти что расстались до его нового знакомства. Проснувшись однажды, он рассказал ей вещий сон о былом: снилась избушка, скорее обычный сарайчик с замком; каждый вечер он впускал черную говорящую собаку. Где она проводила день, откуда прибегала? — Он не знал, не думал об этом, но поближе к темноте ночи, повинуясь неясному зову, отпирал двери сарая: приходила та собака, вежливо здоровалась, они беседовали о незначащем, о погоде, затем собака женственно, подрагивая всей кожей, вытягивалась в сладком зевке, исчезала в темноте сарая.— Ему становилось спокойно, он запирал дверь, до утра чувствовал себя прекрасно, не тревожился ни о чем.

Однажды, открыв в урочный час дверь, он увидел большую лохматую белую собаку с жесткой шерстью. Она заворчала, а снаружи уже стояла черная собака. Душа его всколыхнулась, вскипела беспричинным гневом и усугубляющей гнев неловкостью; с трудом выгнал белую собаку. Дальше все пошло по-прежнему.

Он рассказал, она машинально, зябко натянула край простыни на холмик открытой, теплой со сна груди, покраснела, хотя трудно было покраснеть без того розовым со сна щекам. А чуть позже, одеваясь и разглаживая на лодыжках нерастянувшиеся на сгибах колготки, а потому глядя в пол, не на него, как бы вскользь сказала, что черная собака во сне к добру, белая — прошлое зло, неприятность. И еще позже, мимоходом, торопясь не опоздать на работу — день был будний — спросила:

— Та твоя знакомая... ты, конечно, не можешь никак в связи со мной этого помнить, а я... прошлой весной почему-то обратила: ты с ней был на концерте «Арсенала», помнишь? Блондинка... Недавно видела ее в универмаге на Красногвардейском с высоким таким парнем, чернявым, на спортсмена похож.

— Да-да, старая знакомая, едва не со школы (— А про себя: ну и ну! Пойми их? И в глазах ласка, победа за ней, а уколоть, хотя бы против желения, но уколет: с высоким таким!..). Ревнуешь?

— Вопрос твой не лишен изрядной доли глупости,— иронично, под газетную интонацию, ответила она, надула по-детски щеки, рассмеялась, протянула губы к его губам, принимая, репетируя каждое его движение уже ненужных изинительных жестов.

Расставшись — ей налево, ему направо, полчаса ходьбы — он напыщенно почувствовал себя провидцем, ясновидцем, даже — дальновидцем, в довершение всего — величайшим аналитиком-сновидцем. Как же любимые женщины умело подыгрывают нашему самомнению? ...И отогнал кольнувшую посреди этого парада самолюбования мысль: может это ей я внушил рассказом, направленной интонацией, например? Но нет — нелегко отдавать незаслуженные лавры — конечно, сон его вещий, истину-то правильно предуказал.

Он так хотел и так было: она подтвердила. Не захотел припомнить, что за день до вещего сна посмотрел мимоходом на телеэкран с эпизодом детского фильма о говорящей собаке (— Дай лапу? — На! — хрипло, как уставший водопроводчик, ответил большой сенбернар и дал лапу...), а в гастрономе, куда заходил по пути домой, по вечерам дежурил подачку, вертелся у очереди под ногами бродячий поддельный фоксик, однажды на потеху соскучившимся в трехчасовом колбасном страдании покупателям, сцепившийся с заведенной туда же хозяйской болонкой.

Двойная шутка сна и памяти.

♦ — Mea culpa, mea culpa! — Моя вина, моя!.. Ты считаешь, что женщине пристало, не идет подурачиться?

— Но не в этом дело, он и есть обычнейший мерзавец, вина природы, не твоя: ты только познакомила меня с ним, а природа его породила... Тавтология? Может быть, на сей раз: моя вина. Виновная. Виноватый. Море вины. «Море подвигов Рамы». Море вин'а?.. Через дым прокуренного ресторанного зала: в красном углу вместо иконы некоего святого, склонного к употреблению — ведь наверняка в святцах есть такой? — приклеена восьмью лоскутами розовой липкой ленты прямоугольная табличка из инженерного ватмана со стилизованной под устав надписью: «БОЯН». А под липовой бумажкой дудел, барабанил, дубасил по клавишам, выдувал через трубы — серебряные, медные, латунные, дудочно-черные — запьянцовский оркестрик второразрядного ресторанчика (Жуков в свое время издал приказ: офицерам не посещать увеселительные заведения ниже второго разряда).

— Вас приветствует вокально-инструментальная группа «Боян»! Начинаем вечер эстрадно-танцевальной музыки, приятного вам отдыха!

Кремовые брюки, иссиня-фиолетовые пиджаки. Опохмеляются после каждой пары в буфете и за столиком, где сидят, тесно сдвинувшись, шестеро в хаки с погонами. Звездчатыми. Капитаны, старлей, прапорщик-грузин, естественно в усах, все почему-то в полевой форме. Копия формы русской армии времен первой мировой войны. — Возвращение к эстетике от нелепых, стискивающих горло кителей Народно-освободительной армии Китая (тож Камбоджи, Северной Кореи и, кажется, Лаоса?); впрочем, и там возвратились... И изобретение генерала Галифэ. Галифакс? — Город. Городская клоака по вечерам. Курят 98 % сидящих в зале, а не курят из сидящих там же только двое. Всего значит около... Танцующие: симбиоз рока и кантри-барыни. Кавказец, торгующий днем персиками на городском рынке, сегодня в большом барыше. Или видную из себя проститутку по дешевке снял? — От удачи раскошелился скупердяй на купюру, заказал даргинскую лезгинку; под нее свистопляшут. Стиль Монпарнаса на берегу Свири. Свирель и кумыкские пляски. Выражение лиц сидящих в зале базарных джигитов, военных и из компании загулявших спортсменов-рекордистов — прямо по адресу: не встающие весь вечер из-за столов, экономящие силы для аккордной ночной работы, знающие себе (каждая себе) цену, презирающие

всю эту мелкотню вокруг, дородные, груботесанные ломовые — спецобслуживание рыночных кавказцев — проститутки; начинающие полупроститутки, тридцатилетние бабы для обслуживания офицерско-прапорщицкого состава вооруженных сил; веселящиеся в своем бабьем кругу, вспотевшие от плясок в своих мяса́х и дорогих тяжелых одеждах торговки из супермаркета «Гастроном», празднующие девишник своей подруги, выходящей замуж за полицейского сержанта; глупенькие девчушки из предместья, танцующие бдительно, с выбором партнеров, неведомо как залетевшие сюда в поисках приключений — всех вас к полуночи снимет компания отдыхающих фарцовщиков, использует по кругу и по назначению, заразит триппером; пьяная двадцатилетняя кладовщица с турбинного завода, которой осталось всего полгода до алкогольной лечебницы, с двумя случайными цыганятами заигрывающая обиду — прямо из райсуда, где ее лишили материнских прав; две интеллигентные тридцатитрехлетние инженерши из НИИ за неизменной бутылкой шампанского, отмахивающиеся от назойливых приставаний, чего-то ждущие, ждущие... уже тридцать три года; мельтешащие тут и там стройные официантки — все в одинаковых муаровых колготках,— все поденщина для психологического обозрения. «Психологические типы». Модно... Мода обнажена и сокрыта одновременно, а направлена к наиболее четкому проявлению одного эффекта: древнего как мир завлекания подчеркиванием совершенных форм, маскировкой недо- и переразвития.

Эффект вина и направленной женской близости. Сверхчувствительность с ослаблением торможения. Объект влюбленности. Пьяная влюбчивость.— Одинаковое воздействие на него, на нее.

♦ — Наклони голову, а то за этими барабанами ничего не услышишь. Ты любишь меня?

— Так сильно сомневаешься?

— Только вопрос. Нет, не сомневаюсь, просто хочу услышать от тебя, твой голос... вот сейчас хочу услышать.

— Люблю, моя милая, немного пьяная, ну... самую чуть-чуть, люблю, моя глазастенькая, ушастенькая...

Кровь прилила к щекам, лбу, ушам. Губы вздрагивали, касаясь ее волос, шелковистых трав. Теплое ушко — он лизнул как теленок. Захрустело: его ладони до нечувствительной боли сжали ее запястья. У нее крамольная, все выдающая постороннему взгляду покорная истома. В тот миг был он слепым и зрячим, глухим и слышащим, вовсе без чувств тех и других, но обоняющим тонкий аромат замаскированного в искусственные запахи женского тела, осязающим эту поросль еще не прореженной ничего не щадящим временем шелковой травы, теплоту, гладкость матовой кожи, на каждом квадратном миллиметре которой пульсировали тоненькие, но явственно ощутимые губами синенькие прожилки. Ток крови. Тело, запахи, слова, ткань, трава шелковая, ушко теплое, кожа матовая, пульсирующие жилки, завитки волос сразу за мочкой уха, руки горячие — все есть оттождествляющий образ. Не все ли равно в ком этот образ объективировался: в ней, в той, в Жанне, в Нине, в Елене?.. В Семирамире!

П р о ч ь!

П р о ч ь!

П р о ч ь! Прочь, крамола мысли, я ее люблю... но ведь и правда?

...Сладость, истома, близость тела. Танец.— Оцивилизованная форма завлекающей игры самца с самкой, двух начал одной любви: высокое и простое в естественном, чудо и привычка, абсорбция обыденности, когда желание, нежность, страсть, чувственность, любовь души и плотская любовь тела разлиты по каждой клеточке —

от спинного мозга до головного, залезли в пятки и в гайморовую полость.— Анатомические перечисления. «Анатомия любви». Польский кинематограф в упадке, сами признают. В подобные минуты ты — не ты и не ты с ней, а твоя проекция в кино на экране. Эскиз — вот нужное слово*: «Эскизя страсть в корректном кавалере...»* Прочь, крамола! Только ты! «Только любовь!» Только она одна единая, сущая. Но полно ли? — Наверное, так являлись Фаусту и Леверкюну бесы-искусители, суровоправдивые реалисты бытия. Ведь нельзя же в самом деле заменить Е е вон той девицей с блудливо-блеклыми глазками?! (...Тупой вид сидящего напротив здоровяка — разругавшегося насмерть со сварливой женой парикмахера женского салона раззадорил ее, она встала и, потряхивая слежалыми бедрами, пошла с ним в танец. Жирные и худые, продавленные часто сменяющимися любовниками телеса источали пот, пьяную страсть).

Это крик отчаяния, собственного неверия, когда от умозаключений переходишь к спекулятивному «а если бы?» От уверенности александрийского стиха («*Если б я был твоим рабом последним, сидел бы я в подземелье, и видел бы раз в год или два года золотой узор твоих сандалий, когда ты случайно мимо темниц проходишь, и стал бы счастливей всех живущих в Египте*».) к скачущей неуверенности холерического хорея:

«Как гоночный грузовиков между,
Мой любовник мужчин среди.
Мной и полночью восславленный трижды,
Он упрямым любовью сердит».

— Имитация тавтологии.

♦ И все-таки: почему ее взгляд мутнеет... да, другого слова не подберешь. Мутнеет, когда я все настойчивее, настойчивее возвращаюсь к запретной теме: о том... ублюдке? Слова и глаза у женщин — нет более противоречивых ответов. И чему верить? — Ей, конечно. И не верить нельзя: ей. А может... нет-нет, скорее всего его сомнение есть сомнение, неверие Ничейной Бабушки в существование электрического света. Сам он много раз клялся, тут же забывал о всем, искусно вероломствуя, а она терпеливо, не выдавая себя даже взглядом, прощала. А сам он не то что простить не может — нечего ведь прощать?! — думать спокойно не способен, взращивает в голове всякий случайный зародыш слепого, ревнивого, бредового подозрения, даже не подозрения, а хвостик мелькнувшего в темноте фосфорического чертика.

С чем он может сравнить эту бьющуюся саму о себе мыслишку, раздуваемую до м ы с л и, до вседовлеющей Мысли? — Он рисует миллионы схем отношений, комбинирует в тщетных поисках Истины обрывки виденного, слышанного, додуманного, передуманного: ее взглядов, реакции глаз, морщин, выражения лица, жеста рук, бесцельного постукивания носком туфли — обычные ответы на его хитросплетенные слова и фразы-тесты. Инквизиторские задатки есть в каждом, но с тем отличием, что профессионал-инквизитор был и есть раб идеи, а я, ты, мы — рабы случайности: случайного взгляда, случайного слова, случайной страсти. Море Случайностей, Он — кораблик в бушующем море; вздыбленно перемешивались слои зеленые, синие, голубые. До самых черных глубин донеслись раскаты разламывающихся валов, рвет шелковистую морскую траву в отчаянии юной страсти ветер. Оба страстны: ветер и она. Ее шелковая трава относится ветром, забивается ему в рот, нос, уши, глаза, щекочет щеки, лоб, уши,шею, треугольник освобожденной расстегнутой верхней пуговицей рубашкой. На весеннем ветру в полуночь. Исчезли, разлетелись, как бы их не было вовсе, грохочущий оркестрик второразрядного гостиничного ресторана, пья-

ные, всегда готовые идти в лобовую на «Берлин» и на «Пекин» интендантские капитаны, старлей, прапорщик-грузин в полевых формах (дома сказали женам, что срочно вызвали на суточные маневры, потому и надели полевые...) восстановленного через полсотни лет образца — поиск новых эстетических норм, а в этом поиске рано или поздно набредают на давно известное. Так работает фирма Диора. Эстетика, как и нравственность, как любовь — вечный, неизменный невечерний свет отдыхающего человека: от войн, от пульсирующего шума улиц, от заводской копоти, от одного лишь вида станка, к которому привязан на всю жизнь заботой о куске хлеба, от лая начальника, от подозрительных взглядов — для пущей важности — милицейских сержантов, полуротой толпящихся весь вечер в вестибюле ресторана, от продуманного иезуитства машины субординации, от мошенничества в торговле разумом, чувствами. С веселой песней родного аула, кривые улочки которого помнят еще Шамиля и Ермолова, уводили проституток кавказцы, временами замолкая, втихомолку ощупывая карманы с бумажниками. Аллах акбар!

— Ты понимаешь, что меня волнует?

— Конечно, милый!

Один ее поцелуй на фоне всей этой растекающейся человеческой грязи, детства разума, простого недомыслия стоит миллиона часов его гнилых бесплодных рассуждений, ибо касание теплых губ все затмевает. Затмевает? — Нет, это он им затмевает обыденную докуку. В любви наше спасение. «Только любовь!» Вечная регенерация. Как прекрасны ее губы, овал маленькой груди, вздрагивающей под локтем правой его руки, ее расправляющиеся на двадцать втором году жизни плечи, волосы — шелковая трава свежего морского запаха. Наслаждение мое — войди в меня, останься во мне!?

— Да...

Ее ответ, мой ответ. Только любовь! Его? Ее?

Прищурив калмыцкие глаза, сплюнув изжеванную сигарету, обвешанный снаряжением сержант у входа долго-долго посмотрел на них, что-то сказал напарнику. Оба взгоготнули. Он сжал бессильные в такой ситуации кулаки, вспомнились слова соседа-политэкономиста: «Все-таки и сейчас, в конце века, большинство окружающих нас людей находятся на уровне питекантропов». Синантропов тож, добавим мы.

♦ Поцелуй их... — «Поцелуй» Брынкуша; такие же приплюснуто-стиснутые губы, носы, щеки, лица. Плечи стиснуты до боли, грудью своей он вонзил в себя два горячих, бьющихся в такт сердцу холмика, что упругостью, овалом пронзили его ребра, обложили, как в засаде, сердце его. Сердце трепещет, бьется, стиснутое сокровенными дарохранительницами изначального сока жизни. Теплые пульсирующие струйки: ма-а-а! ма-а-а! — Еще нет опыта жизни произнести слово целиком: мама! Они хранятся, ждут, ждут минуты пробудиться, и, чудесно воссоздавшись, перелиться в новую жизнь, бесконечно передаваемую друг от друга с незнаемых времен, когда древняя, косматая, дикая, но от того не менее любившая своего детеныша мама камнем отгоняла от пещеры голодную волчиху — самое тоже мать.

В тебе он любит тебя и неиссякаемую жизнь. Поцелуй — ключ, открывающий твое тело, но сейчас, в это вечер, уже ключ символический, ибо тело твое вкупе с душой отдано ему. Люби же ее, люби! Что ты в ней любишь... Что ты в ней любишь? — Свет воплощенный, мечтами стольких-то тысяч дней и ночей выношенный образ.

— Теряются ли ощущения с годами? — подумал он, а к чему подумал? Она еще не проснулась в это утро, волосы запутались, затворили глаза; ее не смог разбудить пролившийся из правого верхнего угла окна солнечный луч. Он же проснулся и непонятно, не понято им самим почему-то подумал о временнóй зависимости ощуще-

ний. Не додумавшись ни до чего путного, вновь закрыл глаза, чувствуя тепло щеками и губами — чуть воспаленными, но обретшими сверхчувствительность, осторожно, почти очерчивая профиль долей миллиметра выше, провел ладонью. Она не почувствовала в крепком утреннем сне, груди ее трепетно не всколебались, но тепло изнутри ожгло ладонь. Теряются ли?.. Он вспомнил себя пятнадцатилетним: сразу после звонка, не успела еще «немка» Антонина Игоревна сообщить классу свое заключительное: «*...dieser Text zum nächsten Mal und... und? Also, auf Wiedersehen!*»* — как его тайная, явная, самая первая любовь — сидевшая рядом девчонка в коричневом форменном платье привстала, перегнулась черз парту к соседке впереди и.. его лежавшую на светлосиней полке парты ладонью вверх руку ожгло огнем. Она говорила, класс гомонил, упрекая Антонину Игоревну в непосильности домашних заданий, их объемности, трудоемкости и без того нелегкой последней четверти, но он не разбирал ни слова: упругое, неведомое доселе тяжело металось на его ладони, следуя ритму речи, выгибавшему грудную клетку. Она не заметила, встала, вышла из-за парты, а он остался сидеть оглушенный, ослепленный. Несколько дней горела огнем ладонь, огонь тот не забылся за прошедшие годы и годы... Почти что первый сильный удар чувственности; в те времена чувственность сдерживали до последних возрастных пределов, а школу свою в позднейших воспоминаниях иначе как гимназией не называли. Директорша в слезах рассказывала в учительской, что вчера, побывав в кино («Любовь по-итальянски»), заприметила там несколько десятиклассников... Были такие времена, да сгинули. Тысячу лет назад это было...

Сейчас же, усмехаясь с закрытыми глазами, он бережно, целомудренно хранил трепетное ощущение, вспоминая огонь, ожегший ладонь его и душу, проснувшуюся к любви, тяжелый трепет той маленькой, еще не оформившейся груди девочки-подростка, причем не нынешней пятнадцатилетней акселератки, которую только пустые глазки отличают от рожавшей уже женщины... — Теряются ли они? — И подумал:

— В первый раз это случайность, впоследствии только через чувства транспортируется образ: Ее. Господи! Как это прекрасно, замечательно четко осознается еще не в словесной, но в аморфной форме теплой, рассеянной со сна мысли... Мысле́те.

♦ Он плыл в океане желаний. Зеленые воды спокойны, отбегают от рук, лениво култыхающихся ног, возмущаясь необидно валиками зелено-бутылочного цвета, крупными, спокойными брызгами, нестойкой, мгновенно гаснущей пеной над гребешками изредка наталкивающихся друг на друга волн — упругих валиков: хлопья взбитого крема на щеках юнца, которому и брить-то нечего, только что узенькую полоску над губой и темноватую дорожку мягкой щетинки от ушей к подбородку.

Океан желаний был зелен. Всякое желание воплощалось в зеленой воде, не слоистой теперь, зеленой — перемешанный неумелой хозяйкой в один цвет воздушный пирог. Ей не удалось. Ему все удается в океане желаний; он не чувствовал веса тела. Океан желаний — единое сладострастное желание, растворенное в теле, растекшееся по рукам, ногам, животу — во всем океане юных вод надежды. Желание — надежда мечтания. Солнце стояло низко, высвечивало ему, плывущему, дорожку зеркально переливающегося золота. Аureликум.— Римский золотой орел легиона. Тридцать легионов по всему свету, обозримому мыслью из вечного города. «Орби эт урби»,— слова распятого, умирающего апостола Павла. Павликиане — смешное павлинье название. Павлины, о которых он думать не помышлял, зашелестели распущенными хвостами: а могут ли летать глупые, раззолоченные птицы? Они летали над его головой, над золотистой, жидкого золота дорожкой подцветки в океане желаний.

---

* «...этот текст к следующему разу и... и? Впрочем, до свидания!» (нем.)

В безбрежном океане не за что зацепиться глазу, поэтому все мысли — воспоминание, поиски, раскопки в памяти. Право на память — символ нынешнего либерализма в полудозволенных рамках. Взорванный храм Христа-Спасителя: происки мирового сионизма или отголоски революционного анархо-космополитизма (спустя немного времени даже изменят ГОСТ на «булку французскую» с тем, чтобы она именовалась «булкой городской» — в целях борьбы с космополитизмом...)? В 1905 году в Москве была издана книга Сергея Нилуса «Великое в малом. Антихрист как близкая политическая реальность», в которой говорилось, что двенадцать колен Израилевых, с умыслом рассеянных в древности по белу свету, уже выполнили свою задачу, готовы воссоединиться — вот-вот пройдет их всемирный шабаш, они объединятся, двинутся на мир в решающий бой золотом и мечом под знамененм Антихриста... Шутки шутками, хотя сам Нилус был черносотенец серьезный, шуток не допускал, но пророчества гениев предвидения очень часто сбываются.

...Нет, скорее безалаберность к исторической памяти своего народа и наплевательское отношение к накопленным им духовным и вещественно-материальным (не в продажном смысле, не в отношении того, что можно украсть, например), свойственное скороспелым Начальникам — из грязи в князи! — разрушило храм Христа-Спасителя. И ни в чем ином не проявилось это несознаваемое Ими глумление над памятью Родины, как в восторгах дикаря перед вертящейся, сверкающей железкой, в малоумном меркантилизме новых Начальников, неизбежных болезненных порождений всякого коренного социального сдвига: ценности храма перед его уничтожением были проданы за границу, проданы не за изделия передовой, столь нужной стране технологии, что хотя бы объясняло, но, разумеется, не извиняло это деяние, нет в Германии были закуплены колбасорезательные машинки, которые хорошо помнят москичи тридцатых годов. Приходишь в гастроном и — при тогдашней нищите и голоде: чик-чирик, вот тебе отвешено двести грамм порезанной аккуратными ломтиками колбасы. Красота! А?

Память, память... Он проснулся засветло. Мать, уходя на работу, не выключила на кухне динамик; из него несся такой чистый, торжественный, радостный голос под-Левитана, что он испугался: опять повышение цен?! Однако речь шла о новом постановлении партии и правительства по интенсификации разведения лесного ореха — прямого заменителя мяса. Последнее развести уже отчаялись. После лже-Левитана, но теперь — местный диктор сообщил, что на днях состоится юбилей Т-го вытрезвителя, основанного в 1929 году по инициативе городского антиалкогольного общества. Радостное событие будет отмечено торжественным собранием, массовым гулянием в городском парке культуры и отдыха им. Отто Юльевича Шмидта и «Дн е м о т к р ы т ы х д в е р е й». На дворе стоял тот год, когда на прилавке любого съестного магазина редко можно было увидеть менее пяти сортов «червивки»; привиделась дикая картина: из подворотни ломбарда выплыли четверо крупных девиц в париках и пестрых французских колготках; они только что заложили свою честь.

...Он плыл в невесомости блаженства, какого не испытывал даже с н е й, хотя с н е й трудно было представить блаженство большее: какое блаженство больше любви? Все блаженства ведут к ней. Страсть испепеляется с ней, вдвоем, изливается негой, отрадой, сладкой истомой свершившихся желаний.

Он доплыл до острова посреди океана желаний. То был остров неги и покоя. Он обсох, лежал теперь на зеленых, мягких, шелковистых травах. Солнце щадяще, нежарко светило и грело. Пятки ног зарылись в теплый песок, бесшумно набегавшие на берег морщины океана щекотали кожу ступней.

Он задремал, затем поднялся, со стоном отрываясь от ласки шелковистой травы, пошел мимо низких, почти игрушечных деревьев. И снова лег посредине острова.

Тишина — он был един в целом мире, затопленном округ земной основы океаном желаний: выстраданных, истомленных, достигнутых, познанных. Блаженство становилось невыносимым. Великая любовь свивала судорогой, истекала с рук, губ, всего тела. Дарилось океану желаний и острову посреди его воплощенное совершенство исполненных желаний. Распластавшись, припав к теплой земле, он целовал ее, ласкал ладонями раскинутых рук. Он любил ее, любив в ней свое блаженство, невысказываемое счастье...

Он проснулся сегодня один в такое сказочное летнее утро с ласкающими лучами восходящего к небу солнца, что никакие мысли об утраченных ощущениях не приходили, как вчера, в голову. Он жмурил глаза, как изласканный теплом кот: пушистый, добрый, сытый — главное. Нежился в теплой постели, никак не мог отпустить его от себя сладчайший, волшебный в простоте своей сон. Только с большим трудом, пугая себя словом «работа», сумел оторвать тело от простыни. Но очарование сна весь день сомнамбулировало его, не отпускало до вечера, когда вновь увидел ее.

♦ Чтобы увидеть, достаточно было, выйдя из проходных, спуститься за десять минут вниз по центральной улице и повстречать ее, ждущую, на предконечном перекрестке. Он вышел, покачиваясь от томления волшебного предутреннего сна, сохранившего свои прозрачные перепончатые крылья летучей мыши ночи на весь день рабочей сутолоки. Опустившееся к блаженству новой ночи, солнце снизу, с торца улицы, широкой в своем растворе, теплило его лицо; весь день, вся последующая жизнь казались продолжением сна о волшебном острове посреди зеленого океана желаний.

Мягкий, самую чуть сдобренный бензиновой аэрозолью воздух тихого предвечерья ласкал извращенное обоняние обычного горожанина, предвещал тихий, теплый вечер с неясной мелодией темнеющего городского неспокоя. Воздух уже не звенел, как днем, не кричал, как утром — он не молчал еще, но более не тревожил: наступающий вечер бензиновой летучей мыши. Бесшумной... как «Мерседес-Бенц-250».— Столичная полиция: «моя милиция меня бережет...» на западногерманском автомобиле надежнее. Желтое солнце. Не хватает синего цвета, ультрамарина — бензиновые пары поглащают ультрофиолет. Девушка в синем платье с синей же сумкой. Высокая, стройная, упитанная в нужную меру: выросший побег племени 70-х годов. Прическа и губы, бедра, лодыжки, приятная на взгляд (двадцатилетних), наощупь (сорокалетних) полнота бедер, прикрытая ниспадающими прямо с плечей полосками летней вязки негреющей шерсти тонкой выделки. Мерное, возбуждающее вздрагивание в двойной такт шагу: мода хипповки на совершенно отечественной натуре. Женщины берут все ото всего для чар своих: удачное в себе показать, неудачное — закрыть, замаскировать. У нее, в синем, бюст удачно вылеплен, впрочем, как все тело. Жаркий день без того щекочет чувственность, но что ему делать? — Природа не обошла его, в полной мере залила сосуд влечения медицинским, аптекарским гормоном. Так что же? — проклинать свою природу за то, что взгляд помимо воли и избранного пути, устремленных к Ней, локатором вертится на встречных в синем, желтом, голубом — расцветки лета, в горошек крупный и мелкий, в шотландке, в одноцветье, в пестротканном — в этот жаркий день до гиперболичности совлекающих с себя, бросающих навстречу тебе, вам, миру мужчин свой эфир влечения? «Скорее обнажает, чем скрывает». — Одежда, выбранная с великим женским умом соблазна. Камоэнс? — У них Тижу, на наших картах — Тахо. Еще есть Гвадалквивир; трудно выговаривается, легко течет. Течет, звенит, сверкает. А вот Хуанхе и Янцзы, в силу неких ассоциаций, еще с давних школьных лет не сверкают, не звенят, а мутно перекатываются в ядовитом тумане (В тот миг он, конечно, понятия не имел, что в квар-

тире № 67 дома, мимо которого шел, шестидесятилетний патриот-филателист, донельзя пораженный появлением после долгого перерыва в продаже китайской тушенки, великолепных по виду консервированных сосисок, бил себя в лоб кулаком, вспоминая, как двадцать лет тому назад он заперся от жены и детей в ванной, вынимал из кармашек кляссеров, рвал на червертушки марки с портретами Мао на фоне красных знамен, площади Тяньанмынь и восторженных толп навеки освобожденного народа Поднебесной. Неприятно кольнул его вид советской четырехкопеечной марки выпуска 1959 года «10-летие дружбы советских и китайских студентов». Филателист сам у истоков дружбы состоял в студентах Горного института (тогда горняки носили щегольские мундирчики с погонами), учился в смешанной группе. «Ниньхао! Вомэнь ю сюеси дисюндэ гоцзя. Вомэнь хэнь цзяохао чэньюань. Дигочжуи — чжаньчжэнь, чжиминьчжуи, сыван. Шжэхуйжуи — баовэй хэпин доучжэн, юи, дули, цзыю, цайцзюнь. Сесе нинь нимэньдэжэньминь, сесе нинь Мао Цзедун тунчжимэнь! Цайдзянь!»*

Филателисту было стыдно за свою поспешность — в коллекции остался заметный пробел. До этого только два раза в жизни ему было жгуче стыдно; первый раз, когда он хвастался в пивной, что его старший брат — майор космических войск из отряда космонавтов, второй, когда увлекся было писанием, напечатал рассказ в местной газете, а потом с гордостью кретина совал всем под нос газету того же названия с рецензией на свой опус: в той рецензии он был назван... эпигоном Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка.

Филателист подошел к окну, выходившему на проспект; в конце февраля он любил часами смотреть отсюда, как бойцовые вороны чистят в слежалом снегу поодаль тротуара свои клювы перед дракой, но теперь же он хмуро взглянул на парня, разговаривающего с девушкой).

— Извините, молодой человек, пятый номер здесь останавливается?

— Смотря для кого... Для вас — всегда! Я серьезно: останавливается.

Смешинка щекотала горло, а скорее всего его шибануло феноменологическим духом политуры, когда он проходил, сворачивая на проспект, мимо заготовительной конторы, что напротив Центрального родильного дома. «Имя тебе — потребитель!» — гласил лозунг на фронтоне конторы; там происходила отчетно-перевыборная конференция потребкооперации. Иронию кооператоров вызвало сообщение сторожа конторы о происходящей в настоящий момент битве народов при мясо-колбасном отделе гастронома на углу Энгельса и Дюринговской. У них свои проблемы.

Приятное, свежее личико: студентка? Школьница? — Черт их сейчас, да еще летом, разберет. Она — внимательно, нарочито строго смотрит. Рассмеялись вместе — ясно, что студентка, школьница та поопасается рассмеяться вместе с незнакомым мужчиной. В импортном пакете, рисунок которого рекламирует противозачаточный контрацептив фирмы «Silver dollar» (Ясно, девчушка еще не сообразительная, но мамаша-то не слишком древняя, могла бы подсказать чаду, что пакетик такой носить по улицам малоприлично, хотя он и выпущен под эгидой ЮНИСЕФ...), что-то угадываемое как ноты. И еще двое пробежали с нотами. Боже, откуда в их пролетарском городе столько музыкантов? — Неужели подпольную консерватория на Кривой горе открыли при асбоцементном заводе?

Значит, студентка. Черт-тте... преприятненькая, очаровать, утешить и обласкать; он мысленно, гусарским вывертом подкрутил несбыточные пушистые усы. И тут же,

---

* «Здравствуйте! Мы учимся в братской стране. Мы очень дружим с вашим народом-братом. Мы — коммунисты, члены молодежной организации. Империализм — это война, колониализм, смерть. Социализм — борьба за мир, дружба, независимость, свобода и разоружение. Спасибо вашему народу, спасибо товарищу Мао Цзедуну. До свидания!» (кит.).

притопнув ногой, приказал себе выбросить из головы: и ее, и ту в синем, даже незаметно, детским жестом пристукнул себя костяшкой согнутого указательного пальца по лбу. — Ты же не похотливое животное, ты ведь любишь... А кого? — Ее, ее, ее... ее. Не смотри, не смотри, н е с м о т р и!! ... на ноги, на бедра, на плечи, на волосы, на губы с улыбками, на туфли с изящно вывернутыми ступнями, с лодыжками вписанных в них ног, на всю их символическую одежду обнажения. Не смотри, не смотри...

Ему стало стыдно. Жест — костяшкой по лбу — все напомнил; стыд детства, когда засмотревшись в автобусе или трамвае на красивую молодую женщину, он вдруг был сшибаем, уничтожаем до онемения рук, ног ее ответным, прозрачным, насмешливым взглядом, тотчас отбил желание вертеть головой по сторонам... и вовремя: иначе бы он сошел с ума, не дождавшись помощи Ее, при таком-то обилии умопомрачительных бедер... бюстов... О, господи! Грешен. — Он покраснел, опять вспомнив, как после детского греха взглядоблудия, отрезвленный прозрачным, насмешливым взглядом матерой красавицы, незаметно, отвернувшись, стучал себя по лбу костяшкой пальца, стыдясь мыслей, всего себя, повторял тихонько, чтобы никто не услышал: не смей! не смей! не смей больше!.. И не смел до следующего волнующего, наивного греха детства. Маленькая завистливая обезьянка.

Но все-таки на серьезный лад его настроило не мнемоническое детское правило, придуманное им когда-то, но прошедшая мимо, видимо с базара — сетка с помидорами, букет астр — давно знаемая в лицо девица лет под тридцать, во всяком случае точно не замужем, из соседнего с ним дома. Отрезвляющее действие на него она стала производить с прошлого лета и вот почему: до той поры она привлекала его взгляд недурным сложением. А главное, носила она еще не дошедшие в массовой моде до их города кружевные темные колготки (из Югославии привезли три пары — подслушал он как-то в трамвае ее разговор с подругой), подчеркнутые для обозрения глубоким разрезом юбки, а также элегантнейшие кофточки. Однако в прошлый август, встретив ее, как обычно в трамвае, он несказанно поразился: стандартная кофточка блеклого цвета, колготки — из галантерейной лавки, но самое удивительное — присмотревшись, он обнаружил, что фабричный глубокий разрез знакомой юбки сантиметров на пятнадцать укорочен вручную, это по фактуре было хорошо заметно. Замуж вышла? — Кольца нет, да никаких других изменений, что непременно возникают при замужестве староватой девицы... Но тут она, пропуская толстую бабку, полуобернулась; он все понял: в положенном месте на кофточке был пришпилен значок депутата районного совета.

...Почувствовав смятение в разговаривавшем с ней взрослом парне, девушка с медицинским пакетом вновь посерьезнела, чуть отошла за афишную тумбу, но все-таки оставив интересного собеседника в поле зрения. Так стояли они еще две минуты, не теряя друг друга, но и наблюдая жизнь вокруг. Вот так же, не отрывая в мыслях глаз друг от друга, кот и кошка на крыше все же находят возможность любоваться миром за печной трубой, исхитряясь для этого смотреть глазами в разные стороны. Современная жизнь человека, весь современный мир на грани выстрела, но тут же любование чудесами природы, а самое чудесное в природе — зарождение взаимного влечения. Им было грустно.

♦ Любовь суеверна. Помогая ей, пропустим этот раздел.

♦ Он увидел ее за полквартала поверх подпрыгивающих в такт ходьбы голов, нистекающих вместе с вечерним бензиновым маревом к основанию улицы, полого прочерченной по гибкой, отсвечивающей тусклым селедочным серебром линейке, прижатой тремя пальцами к кривизне городского холма, толпы. В трех этих касани-

ях — у основания холма, на середине склона, у вершины — земля прогнулась под пальцами гиганта-градостроителя времен Екатерины Второй, и улица отдыхала от крутого взбега на горизонтальных площадках: местах, засыпанных от крутого взбега; на горизонтальной площадке стоял дом, с давних пор известный всем юмористам города... Случилось в Бухаресте землетрясение, а до города Т. оно докатилось слабыми, но ощутимыми колебаниями в 22.45 четвертого марта 1977 года. Коллега по работе Серега Хазов, задумчиво лежавший в пожизненном ожидании прибавки жалования на диване перед только что выключенным телевизором — фильма по второй не было, ему наскучило наблюдать пиджаки с двумя, тремя, четырьмя,.. золотыми звездами — и внезапно ощутил, как диван в мелкой тряске, ощупью стал подвигаться по гладкому, свежевыкрашенному купленной у ханыг «комбайновой» краской. Крайне заинтересованный, Серега вышел на площадку своего девятого этажа, застал там одетую лишь в ночную рубашку, горько плачущую соседку Розу Зейдовну Альтшулер:

— Сереженька, что случилось, что случилось! Муж бросил, совсем с ума сошел, к любовнице старый убежал... накинул пальто на белье и убежал... бросил!

Серега, сам ждавший с минуты на минуту возвращения жены с ребенком, ушедших проведать тещу, счел нужным, сказав несколько тихих, утешительных слов Розе Зейдовне, также накинуть куртку на спортивное трико и спуститься по лестнице во двор. В лифте не решился. Во дворе стояли мужики, а довольный актуальным происшествием Альтшулер, лектор-пенсионер городского общества «Знание», развивал перед ними новейшую теорию происхождения волнений земной тверди. Под небесами причитала в распахнутое окно его безутешная супруга. Корресподент местной газеты Уездников, живший на седьмом этаже, провел чуть позже дознание и пропечатал удивительный случай в отделе происшествий, благодаря чему прославил свой дом. В то время только такие происшествия печатались в газетах; с более печальными исходами происшествий не случалось. А может оно и к лучшему.

...Она стояла на нижней площадке у самого начала дуги тополей, под которыми, покрытые пухом, сидели на скамейках ранние парочки. Они еще не целовались, но глаза сверкали в предчувствии вечера, влажно перекрещивались взгляды, губы отдували бесконечно падавший тополиный пух — кошмар для дворников и берегущих от моли накопленное ковровое, пуховое, шерстяное сокровище хозяек. Дать им волю, так первым делом выжгли бы они с корневищами тополя по всему городу, лучше же — по всей Вселенной. Вторым делом они потребовали у кого следует уравнять их, домохозяек, в правах с юными девчушками, вечер и начало ночи проводящими в безмятежной, не отягченной свекровями, квартирными вопросами, пеленками, малой зарплатой мужа любви... Женская непоследовательность: моль, тучнеющая от тополиного пуха,— больший враг прелестей жизни, нежели затягивающая, скучнеющая день ото дня домашняя комедия любви, начатой когда-то под этими самыми тополями, медовый запах которых сводил их, шестнадцатилетних, с ума, глупые глазки! Они не видели ничего, кроме алых, припухших от нескончаемых поцелуев юношеских, почти мальчишеских губ; руки, закинутые за его спину, неумело ласкали жесткие, ершистые волосы — выведенный лесной покров нынешних городских лесов. Уши только его голос и слышали, а в ломком голосе — еле сдерживаемая страсть, что вливалась в нее непривычными, ласковыми, невесть в каком словаре отысканными словами. Страсть, истекающая терпкой сладостью бесконечных поцелуев, в прикосновениях ласковых теплых рук — закончилась же потрясающим до рыданий блаженством взрыва юной, еще не опосредованной бесконечными повторами, деловитостью окололюбовной санитарии страсти, в великом счастье первого для них обоих соития. Мир погибал для них: двоецарствие под зеленым, пушистым древом позна-

ния любви. Змей, уютно возлежал на самой толстой нижней ветви тополя, протягивал ей красное румяное яблоко. Она-Ева: ты мой Гай, я — твоя Гая. Он-Адам: ты моя Гая, я — товой Гай!

♦ Он миновал последнее людное место у троллейбусной остановки, затем обогнул толпу в два десятка человек, враз вышедших из дверей рыбного магазина — что их там собрало? Селедка в жару: расползшая в ржавом рассоле коричнево-серая мерзость, прахом рассыпающаяся в соляном перенасыщенном растворе плоть, продернутая частым гребешком тонкокостного рыбьего скелета...

Она ждала его, сойдя с трамвая, на углу, отстранившись от косо срубленного угла здания с дверью уже не в рыбный, но в гастрономический магазин. Бывшая булочная знаменитого в старой Т. Пармена Колоколина. «Выиграл Пармешка — подешевела коврежка!» Истовый черносотенец, со своими приказчиками подавивший в девятьсот пятом году стачку железнодорожников, пропустивший в восставшую Москву карателей, Пармен с природным наитием жонглировал кнуттом и пряником; будучи страстным игроком на бегах, он при каждом крупном выигрыше сбавлял на определенный срок копейку или грош с ковриги хлеба своей пекарни. Непрерываемая, извилистая ветвь истории: хороший знакомый нашего героя, внучатый племянник Пармена, осваивался с должностью юрисконсульта в новомодном кооперативе, расположенном в старом домике через квартал от бывшего своего разнузданного в страстях деда...

Она стояла ближе угла в его сторону. Если бы она встала с другой стороны стесанного угла, то ее бы не было видно через головы беспрерывной, обоюдодвижущейся туда-сюда очереди входящих, в ы х о д я щ и х п о к у п а т е л е й; смешное слово — в скольких ипостасях выступает каждый в течении дня; для всякой ситуации есть точный, смешной в отдельности своего восприятия термин: гражданин, товарищ, пассажир, клиент, больной, посетитель (покойный — тьфу, тьфу!), население, тот же покупатель. Покупатель счастья и полкило отдающего мылом сыра. Они закусывали водку мыльным сыром на четвертом бастионе; он — капитан, неродовитый, обижаемый гвардейскими поручиками и адъютантами. Севастополь в таком-то месяце... Чуть повыше очереди за мыльным сыром — дом, напротив — другой: там и там таблички, в этих домах бывал, даже служил великий очивидец закуски мыльным сыром на четвертом бастионе в Севастополе...

Бесконечное приближение к ней — апория Зенона от обратного: заяц замедляет свой бег до бесконечно малой скорости, до скорости догоняющей его черепахи. Вершина радости — в ближнем ожидании. Радостна даже не встреча, не любовь, не сама жизнь (столь суровая), но их ожидание, ожидание внутри себя любви и жизни полнокровной, порой искусственно затягиваемое. Так сам ход всемирной истории суть ожидание изобильных, творческих, бескровных эпох. История? — Смейся и плачь, хотя из истории бывшей ничего не выкинешь, как не выкинешь слов из песни; слова можно выкинуть только из гимна, но... как всякое исключение, это служит подтверждением правила. Юные пионеры жизни! Собирайте историческую макулатуру по-од девизом: «На каждого мудреца довольно простоты!»

♦ Она увидела. И побежала, смешно топая высоченными каблуками туфель, ему навстречу, оставаясь на месте, ни на миллиметр не подвигаясь. Лицо ее вспыхнуло, погасло в двойном островке пунцовых пятен ямочек чуть удлиненного лица. Ликуй! Ликуй, Суламифь! Прочитанная взглядом ее глаз, таких больших на удлиненном худоватом лице, его жизнь, считанная во времени хоть немногих, но — десятков лет, свернувшись сухим пергаментом, дала ростки на скудной почве высушенных, истон-

ченных телячьих шкур миллионы раз переписанного палимпсеста; ростки эти дали в одну неполную весну с летом впридачу урожай дивных цветов любви. Цветы ли зла? Есть сходство в кошмарной дотошности воспроизведения любви и чумы любви. Есть! Порхающее зло. Порхиа — свинья! Но нет на этом очередном палимпсесте свинооописания; ее чистый взгляд больших глаз осветил (освятил?) его лицо. — Любимый, ты такой странный?! — Милая, я — миллион первый на этом свитке и все равно свой собственный, то есть странный. Отстранение: и цветы любви, и цветы зла...

Любой из прошедшего миллиона был странный, даже некий маленький чиновник, почитатель Вагнера, что всю жизнь, начиная с тридцатилетнего возраста, копил втайне от жены деньги с тем, чтобы в день его похорон над свежезасыпанной могилой выписанный из столицы симфонический оркестр исполнил траурный марш из «Гибели богов». Мораль: каждый человек сам в себе бог, то есть — странный.

♦ Он встретил ее взгляд через чью-то прыгавшую в луче зрения голову. Теперь их разделяли только считанные шаги. Необъяснимое движение его души засветило остановившуюся во времени фотографию: она на ней осталась стоящей у стесанного угла дома. Засвеченная, серая, невзрачная, грустная и безличная, она воплотила в себе всемирную скуку существования. Этот серый, повторяющийся мир: потухшие глаза, тощие безжизненные ноги, висящие плетьми руки, чахлая неразвитая грудь и стыдливо прикрываемые платьицем несуществующие бедра. Повисли пепельные, спутавшиеся волосы, впалость живота отвращала мысль о животворящем начале любви к земле: плодоносящей, бурой, вздутой холмами и выпуклостями жирновспаханной земли под вечерним, искоса наблюдающим солнцем, подглядывающим из-за соседних домов за рекой, в вершке над горизонтом, в пепельно-голубой дымке тихого деревенского вечера. Невечерний свет...

Только любовь могла оживить неприглядную фотографию, напитать соки земли. Любви, воли, сладкой бездумной истомы отдавания себя под жернов животворящего начала. Под вечерним негреющим солнцем гладкая дорога подбежала к холму. По дороге и тоже к холму подбирался автомобиль; хрупкая, печальная, малокровная молодая женщина сидела рядом с мужем-водителем, задерганным суетой жизни худощавым интеллигентом в непременных очках, трогательно дрожавших на испитом городским бензиновым воздухом, высохшем узком лице, неестественно удлиненном велюровой шляпой, под которой угадывалась головка тыковкой. Бледное, заморенное дитя отжившей свой золотой век рефлексии, воспитанности, долга перед всем на свете. При въезде на холм из густой травы поднялся здоровенный, бородатый под самый кадык, голый мужчина; он только что проснулся, встал с подмятой тяжелым телом травы и раззевался, потягиваясь, с хрустом расправляя мышцы рук, ног. Грудь волосата, необъятно широка, плоть призывна и напряжена. Изумление водителя передалось даже машине, она остановилась, а запылавшая краской жизни молодая женщина нырнула в дверцу, как кролик к удаву, смешно переставляя худые ножки ножницами в узкой юбке, на высоких каблуках, прямо к гиганту воли, забыв про мужа, про все свои воспитанные в поколениях качества. Он всю ее закрыл собою на заново примятой траве: тяжелое дыханье, торжествующий рык зверя и слабый, счастливый писк...

Она засветилась, выступив в негативной блеклости и необразности, засветилась под светом обрывков роскошных видений азийских пышностей торжествующей, цветущей плоти, поглощенных им в слишком большой сгущенности за несколько минут ходьбы до дома со скошенным углом, начиная с голубой телки с култыхающимися в такт шагам грудями. Сочный цвет грубого вожделения воспаленной чувствительности брызнул в глаза светобоящиеся, слишком светочувствительные.

Бледный ее негатив чуть вибрировал в чернеющей рамке сутолокодвижущейся

на стесанном углу магазинного дома толпы. Он вскрикнул себе вовнутрь, как после удара разгневанного толстяка в пижаме по крышке телевизора и он — телевизор — и она ждала его: улыбающаяся, милая, изящная в своем легком платьице, делающем похожей на тех школьниц, по вздрагивающим плечиками рукам которых еще час тому назад она чиркала острой железной щепкой, втирая в мельчайшие кровеносные сосудики подкожного слоя жидкость, изобретенную на благо благодарному человечеству докторами Манту или Пиркэ. Он улыбнулся мучительно, отогнав непрошенное грубое видение.

♦ Взгляд ее, прямой и короткий, гипнотизировал его, как нацеленный вороненый ствол нагана. В этот миг, сам гипнотизируя ее, он понял возможную сущность мирового процесса: любых двух людей на земном шаре, хотя бы отдаленно ведомых друг другу, связывает бесконечная по длине, но все же имеющая концевые отверстия четырехугольная труба с размерами стенок 0,6×1,0 метра, причем широкие стенки параллельны земной поверхности, а концевые отверстия находятся на уровне от середины груди до лба. У каждого из двух концевых отверстий стоит по одному человеку. Оба видят друг друга в трубу, несмотря на большое, разделяющее их расстояние, и целятся друг в друга из ружья или автомата, причем заряжены они особыми патронами: смотря по выбору пар людей, пули несут либо смерть, либо любовь, либо знание, презрение, голое половое влечение, дружбу, сотрудничество и т.п. Ноги же и руки людей прикованы цепями к трубе таким образом, что, имея некоторую свободу перемещения, они не могут полностью выйти за периметр (апертуру) отверстия, то есть никто из них не может оторваться от своего визави более чем одним глазом. И — тут ему опять-таки вспомнились кот с кошкой за печной трубой на крыше — не отрывая глаз друг от друга, они все же находят возможность любоваться миром за пределами трубы, исхитряясь для этого смотреть глазами в разные стороны: один обязательно в трубу, другой — на остальной мир.

Задел локтем проходивший мимо парень с болтающейся в руке японской магнитолой, дурак, тащущий с превиликим усердием свою звукописанную торбу. Голос диктора: «...отменены. Оргкомитет постановил не проводить в этом году европейского первенства в Давосе, ввиду прошлогоднего прецендента: отсутствия на трассе достаточного количества снега, так как и в эту зиму ожидается малое количество осадков...» Давос — волшебная гора. Неизлечимая чахотка человечества... ее тощая грудь.— Он остановился на пять секунд, пропуская выбегающую из магазина ватагу переростков. Чтобы переждать эти секунды с пользой, достал сигареты, прикурил, заслоняя по-привычке от несуществующего ветра спичку, бросил косой взгляд влево в огромное окно-витрину магазина радиотоваров, из которого выкатились, преграждая дорогу, переростки, жертвы звуковоспроизводящей мании. Всепожирающий мозги шум какофонирующих звуков: хэви металл. Какофония — своевременная ирония (от полифонии к двенадцатитоновой додекафонии — тавтология) над недописанной симфонией «А а р о н и М о и с е й».

Двенадцатитоновая серийная техника, регенератствующий в модернизм серийной музыки композитор: умирающий император кормит соловья... не баснями. За толстым витринным стеклом без особого на то дела стоят молоденькие продавщицы. Было время оно, когда все продавщицы находились в одном, уже не стареющем возрасте: пятьдесят лет, — в саржевых темнокоричневых халатах. А теперь? И откуда они такие набираются: от пивных ларьков до «Автомотозапчастей»!? Уму это непостижимо... Взгляд помимо воли останавливается на затоваренных в бездефицитье юных сексбомбочках и сексбомбищах (последние постройнее, ростом повыше)... нет, скорее: секссестрицах. Овцы пасущиеся — двери хлопают.

«Истинно, истинно говорю вам: кто не дверью входит во двор овечий, но перелазит иным путем, тот вор и разбойник; а входящий дверью есть пастырь овцам: ему придверник отворяет, и овцы слушаются голоса его, и он зовет своих овец по именам и выводит их; и когда выводит своих овец, идет перед ними; а овцы за ним идут, потому что знают голос его» (Иоанн, гл. 10, ст. 1—4).

Глаза, отвращая сознание, смотрят выписанную окном-стеной живую картину стада без пастыря (ибо директор уехал на базу спорткультторга либо же для щекотливых переговоров с приличными людьми в «органах»), подумалось:

— С их молодостью высоченных (1 м 72 см ... 1 м 82 см) восемнадцатилетних акселераток, распущенным по плечам, спинам гривам орехово-гнедого цвета, убранным на манер кобылок в свадебных валдайской тройке лентами у лба и двумя заколками-бубенцами за ушами;

— С их голосами-всхрапами (хотя не рожавшие еще, но с голосами низкими от употребления сверхдефицитных гормональных пилюль) молодых кобылиц, нервным пофиркиванием, резким вскидыванием головок с удлиненными лицами — покупателю: фрр! А сзади, по спине всхлестывает грива густых надушенных волос...

— С их нетерпеливым постукиванием высоченными каблуками по плиточному магазинному полу, тонкой талией, пышно-упругими грудями (куда тебе вся Америка с патентованным парафином, силликоновыми инъекциями!), скорее обнажаемыми, чем скрываемыми парадной витриной одеждой: декольтированной мохеровой тряпочкой, ниспадающей с плеч узкими полосками, обтекающей шею, открывающей округлые смуглые руки до самого основания плечей, где полоска нежных складок кожи у колючицы,

— С их обнаженными замысловатыми разрезами джинсовых, замшевых юбочек крупно-изящным, овальным в бедрах, круглыми, как кегли, в икрах, идеальной прямизны, бело-кремовой наготы ногами, подчеркнутыми тончайшими колготками и игривым, волнующими лекальным выгибом открытых туфель,

— С их терпкой смесью запахов духов, пудры, пота молодой плоти, струящихся при каждом вскоке, всхрапе, вскидывании головы,

— С их подсиненными веками — бесстыдным макияжем действительного или воображаемого сладострастного бессонья; в глазах горело, роптало на досадную задержку того часа, когда можно будет крупным аллюром или мелкой рысью проскакать через служебный выход и... — в парки, в подъезды, в постели, в квартиры и на квартиры, в темнеющий пригородный лес, в жаркие объятья мощного матерого мужщины, не первую сотню таких обнимающего, в робкие, скользкие от волнения руки ими уже научаемого юнца, в иронические, похотливые суховатые руки гурмана-содержателя: завмага, отставного полковника, актера с подбритыми усиками, некоего ответственного на служебной даче за трехметровым забором...

— С их табунными разговорами, табунным рвением в ожидающую их любовь, потом — в еще более страстно ожидаемое ими материнство. На геометрически правильно вычерченных плавными кривыми профилях, фасах и анфасах их упругих лон, животов, равнобедренных конусах грудей читались будущие дети: жеребята от сильного плотью, красивого, стройного, страстно обнимающего их сейчас, потом, вечером, ночью, ранним утром мужчины,

— И от этого видения завертелось в голове: для конногвардейцев взращены, хотелось даже уточнить: для коней рощены, но, — убедил он себя, — будь человечнее: для конногвардейских поручиков взращены; ведь остались же еще в мире кавалерийские войска, например, Канадская конная полиция?*

* Название государственной разведывательной службы Канады.

Приказав себе быть гуманистом, он с усилием оторвал взор от витринного окна, вновь посмотрел прямо перед собою — вдоль улицы.

♦ Он сразу поймал ее взгляд в размытой толпе; до нее оставалось уже на шаг меньше — всего-то несколько. Боковым зрением он машинально зафиксировал слева от себя, через улицу, исторический дом с несколькими памятными мраморными табличками, ныне здание коммунально-строительного техникума. История жила в его стенах: дальняя и ближняя; ближняя учила постигать быстропеременную относительность житейских ценностей: вчера по телевизору вновь назначенный медицинский министр грозился со следующего года, по достижении победы над пьянством, начать кампанию по борьбе с курильщиками, а он со школьных лет помнит большой жестяной рекламный щит на глухой торцевой стене исторического здания: «На сигареты я не сетую: сам курю и Вам советую!» — Тогда приручали народ к новомодным сигаретам; юнцы восторженно попыхивали «Джебелом», «Чайкой» и «Новостью» (ее курил и Брежнев); высокоставленные чиновники из числа слуг народа раскрывали шелестящие фольгой, с откидной крышкой коробки золотообрезных «Троек» и «Москвы»; конфузливо закуривали в провинциальных ресторанах болгарскую «Фемину» молодые ищущие женщины. Прекрасный был в первых сигаретах табак, но народ в массе не сдавался, дымил родным лагерным «Беломором». Беломор... Вереница людей в измызганных шляпах, потертых доцентских пальто с бархатными воротничками, годами иллюстрирующие решение школьной арифметической задачи: идут непрерывными колоннами друг навстречу другу с ведрами воды; правая колонна переносит ее из водоема «А» в водоем «Б», левая — наоборот. Пенитенциарная система перевоспитания... Но это уже по части отцов и дедов.

Итак, дымили «Беломором», поднимаясь вверх по проспекту, тогда еще с другим названием, заходили в пивные, густо обсевшие автостанцию, на фронтоне которой висел призыв: «Пейте пиво — жидкий хлеб!»

История-история, плачь и смейся. А нынче все стали такими умелыми по части иронии и скептицизма, что Салтыков-Щедрин, некогда управлявший губернским учреждением все в том же историческом доме, пожалуй бы не прошел на «бис» в наше время, ибо в эпоху модерна-умалчивания Салтыков показался бы слишком нерафинированным, слишком шумным, грубым примитивистом, неловким эпигоном ГеннадияХазанова. «Предстоящее упорядочение цен, в том числе и на продукты питания, диктует необходимость воспитания у советского человека скурпулезной бережливости и привычки к экономии». Все он прекрасно понимал: в строках и между строк, но в наивном его уме не укладывалось: а как в этом случае быть с украшением любого зверинца — слонами? Ведь огромную эту скотину не заставишь исключать из рациона потребные ему от природы углеводы, крахмал, клейковину, клетчатку, даже витамины?! А слон жрет много, в этом он случайно и достоверно убедился два года тому назад. Ехал в трамвае третьего номера, а напротив цирка в вагон с огромным мешком буханок хлеба человек влез непонятной кавказской наружности, из каких обычно состоит прислуга при зоопарках и зооцирках. Общительный служитель сразу вступил в разговор с заинтересовавшимся народом; вытирая густой пот со лба, неловко пристраивая мешок на задней площадке, он долго, смачно проклинал какого-то Гришку, которого три раз в день нужно кормить, а заодно полуматерно ругал он директора цирка, что не дает механической тяги, заставляя его, Ахмета, таскаться с четырехпудовым мешком через весь город.— Даже пытнадцать копэк на трамвайный былет не даст! — сетовал Ахметка. Любопытные даже проехали свои остановки, чтобы разобраться поподробнее; оказывается при доставке для новой программы животных от железной дороги до цирка слон Григорий отчебучил незапланирован-

ный трюк: при крутом повороте машины с ведомым вагончиком возле автоколонны № 1135 он всей массой навалился на стенку, в результате чего стенка вагончика угрожающе перекосилась и рессора на задней оси полетела. Второй день шел ремонт вагончика, а слон — не вести же его по городу пешим порядком, не взимая денег за показ! — второй же день проживал в своей походной квартире, взыскивая со слуги Ахмета по три мешка хлеба в день... Всякое сильное сопутствует сильному же: сильное сердце — сильному телу, сильная воля — великому хамству.

...На миг ее взгляд исчез, погашенный прошагнувшим между ними типом в клетчатом пиджаке. Его прижатые уши, крупный нос всколыхнули в памяти упорно изгоняемое — уже сколько времени? — Что могло ее в нем не то что привлекать, нет, даже помыслить не решался об этом, — что ее в нем не могло полностью отвращать? — Хрипловатый, но командно поставленный голос. Наследственный. Тощая, скрюченная, как краб боком, угловатым изломом полета моли передвигающаяся зигзагами паршивая собака, грязного цвета волосы на тыквенной голове, воспитанная ехидность, ясно читаемое в глазах стремление хоть кому угодно, во что бы то ни стало, но подложить свинью; мерзкий, грязный ублюдок — порождение свиньи... Порхиа! Воплощенная наглость, мерзкие словоиспражнения, и тут же лижет зад всякому, от кого хоть на мизинец, на ноготок будет, по его мысли опытного шахматиста, зависеть в будущем...

Таким нам кажется всякий соперник. И мы таким ему кажемся.

— Ублюдочная тварь, самое создание — определение твоей сущности: будь подонком для контраста! И не стоишь ты того, чтобы до извозчищьей брани доходить. Брысь!

*God! Save the... God! Save the...** Блеф словесной угрозы. Чем он лучше блефа мысли о незаслуженной собственной святости?

Тьфу!

...Базар души — физиологический аналог городского рынка: при малейшей панике цены на собственный продукт удваиваются... и так до успокоения. Феноменология: базарная цена зеленого лука — четыре рубля за килограмм, семь рублей стоят гранаты.

♦ Ты — мой Гай, я — твоя Гая! Омыты слезами отчаяния и гнева — его глаза поверх людских голов ласкали ее гладкие волосы, невысокий лоб, изящный профиль чуть-чуть крупноватого носа. — Прочь! Прочь! Проклятые ассоциации, провались! Сгинь от венериной напасти крупный нос, прижатые уши хама с сильной волей. Хам — землю пашет... С черта два он напашет, канцелярский просидень! Прочь!

...Взгляд его ласкал спутанные пронесшимся троллейбусным ветром волосы, ниспадавшие на плечи, спину. Не те жесткие гнедые волосы лягающих по казенному кафелю пола кобылиц, нет, нежные, мягкие, блестящие, не порченные химикатами — хамеленовской реакцией на сексуальные раздражения завлекательной моды.

Он увидел... неожиданно залился краской школьника; он четко рассмотрел через тонкую ткань пологие бугорки маленьких грудей, трепетные молочные бутоны с крохотными темно-шершавыми вершинами. Животворящие маленькие родники. Источение белой густой влаги — передача и переволощение жизни: от прошлого к грядущему. — Покраснел. Будто не он в опьяняющей страсти, в разлившейся по всему телу нежности ласкал губами, ладонями, щекой эти теплые, матово-коричневые, чуть шершавые от мельчайших морщинок бугорки неярких вулканов возбуждения свирепой в своей настойчивости, ласково-нежной в претворении страсти. Краска схлынула от тока поразившей его мысли: наслаждение, любовь в малой серенькой воробьихе...

---

* Боже! Спаси... Боже! Спаси... (англ.).

Летали гнедые хвосты и гривы кафельных кобылиц. Почти пророческая мысль? Но пророк в отечестве своем наблюдается двояко: либо оплеванный, либо исполняющий должность курителя фимиама при храме. Последний, как штатный работник, получает жалованье: не обязательно тридцать сребренников, может тридцать восхвалений себе в день.

Всего несколько шагов оставалось до нее.

♦ — Истинно, истинно я говорю вам... А мне сегодня виноград приснился: продавали на развале по шестнадцать копеек килограмм. Около овощного магазина в переулке им. Несбыточных Желаний.

— И не такой бред еще приснится: не ешь на ночь мяса!

— Тппрру! Тппрру! Стой: кобыла трамвай переехала!..

Тру-ля-ля, Тру-ля-ля! Вчера бабу в очереди за индийскими паласами в ковровом магазине насмерть ногами затоптали. Блеф! Звяк-як! Звяк-як! Звяк-як! — Тракторист подковывает трактор: весенне-летние полигоны для застоявшихся в городских канцеляриях служащих. Все на поля! Март. Он выглянул в окно: во дворе таял оледеневший поверху снег. Мальчишки считали на пальцах ворон, но один из них трудолюбиво долбил ломиком-фомкой канавку для стока воды.— Инженером будет,— подумал он одобрительно, — или частником при реставрации капитализма.

Пункты плана надо выполнять. Оплеуха. Тамарррискк! — Ошибка Чарльза Дарвина? Мичурина? Трофима Лысенки? Хмм! Ария Калигулы — бормотанье невыдуманной мелодии. Мысле́те. Мысле́те. Хоп! Эй, хоп! Хопкинс — ВВС САСШ. В синем пиджаке, с галстуком ниже пояса... Эр-Рияд. Хаос. Сначала было слово. Слово в хаосе — метафизическое.

Его толкнул неловкий толстый мужчина — успел после работы уже напиться; задел грязным, лоснящимся, как вороново крыло, пиджаком — шкура только что вынырнувшего дельфина. Он поморщился... Стыдящийся самого себя Нарцисс — ответственный руководящий работник (разговорный человек — так наивные чукчи определяют эту должность). Главноуправляющий. Он не хочет, чтобы его демагогия звучала в чистом виде, требует от своих литературно-художественных подданных более гуманистической аранжировки. Отсюда суть требований к искусству: художественная форма для демагогической идеи. На всякого мудреца довольно простоты. Малоземельская литература. Пиши, писатель, пиши, обличай их гадов, бюрократов, бонз, фараонов, мерзавцев, воров. Доброе это, архиважное дело, но для кого ты пишешь? — Даже в вытрезвитель тебя из трамвая не возьмут, если ты сидишь и читаешь книгу. Это хорошие люди — читатели — негодуют вместе с тобой. А зачем это им? — Они и так хорошие, некоторые даже просто замечательные. А гады, бюрократы?.. — Они твоих слов не прочтут, они вообще не читают книг, довольствуясь передовицами: чтоб нос по ветру держать, и — «Советским спортом» для души. Для чего вообще ты пишешь? Ведь не всякому под силу взять на вооружение девиз: «Служить бы рад, прислуживаться — тоже!» Мимикрия — прекрасное, ласкающее шелестом новеньких купюр ухо слово. Сколько у нее оттенков, но мне более всего нравится из словаря мимикрии универсальный фразеологизм «снять пиджак». Действительно, уникальный термин, определяющий сущность мимикрии. В старинном, довоенном фильме ответственный хозяйственный работник, едучи на пароходе, призывает с мостика пассажиров: «Поможем нашим кочегарам!» — лихо снимает пиджак и, увидев, что вдохновленный народ бросился в топочный трюм, тут же делает пиджаком кульбит, вновь его надевает. Второй оттенок фразеологизма означает неуклюжесть подражания. Некто ответственнейший из ответственнейших, которого полтора десятка лет привыкли видеть с экранов и фото в темном, солидном пиджаке, отправляясь с визитом в такую прагматичную страну как США, «снимает пиджак», то есть

преображается в энергичного, делового человека — надевает этакую бесподкладочную инженерскую куртайку. Но такое подражание может быть просто смешным. Некто, солидный, деловой, работает с бумагами. «Ух, заработался, аж пар идет!» — снимает пиджак, оставаясь в рубашке, галстуке, приличной шерстяной кофте с вырезом на груди. В такой одежде можно без пиджака в оперу ходить. Его коллега, рангом намного ниже, неуклюжий простак, совсем недавно из деревни, думает: наверное так в городе принято? И хотя ему совсем не жарко, снимает свой пиджак, под которым обнаруживается неловкая на вид, слегка траченная молью безрукавка: 40 % шерсть, 60 % — синтетика.

Прошло полгода, а он не мог до нее дойти.

♦ Он вышел из надоевшей хуже столовских котлет, промороженной, загнившей в замкнутом пространстве неотворяемых по причине женских ревматизмов окон зимней своей конторы. Еще на пути от гардероба — через вестибюль к выходу — чуть не стало дурно: он был одет в зимнее пальто, шапка стиснула, прижала к коже намокшие от душного пота закупоренных комнат волосы. — И вмиг закоченел, потный, в ватиновой своей оболочке, выйдя на пятнадцатиградусный вечерний мороз с сыростью: желток в растопленном, кипящем сливочном масле, он катается, перекатывается. Только все наоборот, на 180° перевернуто. Гнусно.

Она должна была его ждать на перекрестке у дома со стесанным углом магазинных дверей. Он взглянул на часы; она ждала его через десять минут, ровно столько, сколько требовалось, чтобы пройти пешком до перекрестка. К ней. Он прошел мимо вахтера, махнул перед его лицом ладонью с пропуском. «Стрелок-ударник ВОХР не допускает осечек!». На гимнастерке его под распахнутой черной шинелью виднелся значок «Ударник охраны». «Офицер без промаха стреляет...»

Ранние сумерки тонули в синем, цвета рафинада, грязноватом городском перелопаченном снеге. Люди сумрачной рысцой бежали вниз, вверх, поминутно натягивая на уши отогнутые с плеч воротники. Щипало. У входа в подворотню сидел на притоптанном снегу серый бездомный котик, плача, держал на весу замерзшую переднюю левую лапку. Толстые в зимних одеждах — даже в натуре стройные женщины взывали мимолетную скуку: зимнее пальто очерчивает не бедра, груди и плечи, но лишь плоские, утрамбованные слои одежд. Кокетливость манекенов из папье-маше.

Неряшливая неоновая реклама. Одна буква не зажглась: «Гастр...ном». «Гастра» — желудок (ведь и гастрит?), «ном» — наме, имени; то есть «имени желудка», или, что то же самое: имени Желудка, «им. Желудка»!? Так понятнее, вернее. Две недели назад умер от болезни желудка сосед, только что вернувшийся с пятнадцатилетней отсидки; засел еще с несовершеннолетия, ограбив с дружками пьяного, но непростого человека. Засел, да так и не успевал доехать все эти пятнадцать лет до дому в краткие дни свободы, а кто за червонец отбухает в зоне, тот приходит домой помирать от туберкулеза, либо от желудочной язвы, рака тож. А все гастра — желудок от каши-магары, неразваренной гнилой капустки, рыбки-мойвы. Правда, мойву уже много лет как все вольные хрумкают. А мойвой кормили при Ёське: помни 37-ой! Мы — дети детей 37-го, а сто лет тому назад с иным совершенно прононсом (и французским, и смысловым — одновременно) повторяли схожие слова Муравьева-Апостола: «Мы дети 1812 года». Ой! Что-то заболтался, забыл про вещие слова Михаила Сергеевича (Лунина), друга Апостола: «В России два проводника: язык до Киева, а перо до Шлиссельбурга». А вот современный наш потомок булочника и черносотенца Колоколина (сколько волка не корми.., как бы сказал давний мой знакомый и сосед, бывший подполковник НКВД Сидор Матвеевич Солянкин, пенсионер-долгожитель) все как-то не в ногу с эпохой и духом времени идет: ходит по ули-

цам наголо обритый, ездил намедни в Москву, в тамошней пагоде принял буддизм. Тоже мне... барон Унгерн! Хорошо быть буддистом — молись где хочешь, главное — в душе своей. А вот если в нашем среднерусском городе веру Пророка принять? Как быть, где мечеть искать? — Он стал вычислять, вышло, что ближайшая находится — если брать расстояние по прямой, без учета реальных дорог — в Касимове соседней Рязанской области. А есть еще поселок Кадом рядом с Касимовым, так тот еще ближе, но... вряд ли в Кадоме сохранилась мечеть с тех легендарных времен, когда братцы Касым и Кадым съехали с Орды на Русь... на службу.

И в этом зимнем, безотрадном вечере с холодной душой города он видел ее — всю недальнюю дорогу: в зимней одежде, в белоклетчатом пальто с поднятым воротником, в меховой шапочке, руки в перчатках, а по нынешней моде длинное платье снизу переходило в черноту сапог. Ни единого пятна живого тела, только покрасневшее сквозь пудру на морозе, смеющееся навстречу ему, самой себе, всем на свете ее лицо. Лукавый, зимний, детский взгляд. Он ее увидел и не только в мыслях: в конце улицы на перекрестке.

♦ Вначале было слово, плоть после. Скрытая зимой плоть ушла, остались слова. Снова было слово. Слово любви — абстрактного символа единения не плоти, но души, слова, а плоти — потом, затем, на всплеске самой любви.

Распалась связь времен — балансировка ве́щных отношений, в полон любви попали пять княжон... Пред ве́щными отношениями стояло слово: символ, летопись любви.

До нее оставалось несколько шагов, взгляды их еще за полминуты до того схлестнулись, сцепились, завязались; есть объятия взглядов, слов, плоти. Первое объятие — взглядов. Как в самом начале было: их взгляды встретились и... чуть недоверчиво дотронулись друг до друга, а потом как в омут — обнялись, переплелись. За ними обнялись слова, а потом тела свились в крепкой, нежной игре непрерывающихся объятий.

♦ — Ты знаешь меня?

— Конечно... — она чуть улыбнулась: лукаво и откровенно, как может предельно откровенно улыбаться всем — потаскуха, тебе одному, избранному — твоя женщина, только что разомкнувшая свои объятия. До нее оставалось несколько шагов, когда он вспомнил этот, уже такой давний разговор; было продолжение разговора:

— Ты как себе представляешь любовь?

— Это ты.

— А меня... как любовь?

— Уй! Какой ты въедливый.

— Наверное, ты не то слово хотела сказать: иезуит, схоласт? А?

— Ты — глупый, скорее — глупенький. Уже большой, умный, а не понимаешь, что женщины таких слов не произносят.

— Почему?

— Они холодные, нечеловеческие, потому — неженские. Их кто-то где-то придумал.

— А женщины не любят придуманных слов?

— Как придуманной любви!

— Ясно. Господи, да ты — законченная логика, а говорят исстари, что внемагазинная логика недоступна женщине?

— Зато любой логик за честь почитает быть в объятиях у доступной ему женщины.

— Прекрасно. Я тебя люблю. А дальше... qui vivra-verra! Тебе понятно: ки вивра́верра́, поживем-увидим.

— Милый, с чего начинаем, тем всегда заканчиаем. Мораль: простота не хуже воровства: в любви.

— Знаешь, я все время думаю, удивляюсь: как такие люди могут на свет-то появляться? Ведь это законченный ублюдок!

— Что ж... такой родился. Человек он, кончено, малоприятный в общении...

— И только!? Малоприятный! Да он мерзавец, смесь свиньи с собакой!

— Ну его. Что о нем говорить. Всякие на свете приживаются, не могут же, с другой стороны, все праведниками быть.

— Не ожидал от тебя. Это же настоящий конформизм. Неужели не можешь прямо сказать: ублюдок он, уб-лю-док!

— Видно, это и есть пресыщенность любви. Тебе все более и более нравится изводить меня, но — я спокойна. Да оставь ты его, ведь не брат, не сват, не друг он тебе... мне тем более. Не хочу говорить, слышать. Неужели нам не о чем с тобой говорить?!

♦ Всего несколько зимних (по удобренному серой с красной селитрой солью городскому снегу) шагов оставалось до нее, когда разговор этот ожил в памяти. — Прочь-прочь! Это же самоистязание — вызывать в памяти глупейшие подозрения, не имеющие ни капельки реальной основы. Своего рода мазохизм, нарцистическое любование собственной порядочностью. Ты теряешь чувство реальности, чувство связи с ве́щным миром, уподобляешься ребенку младенческого возраста, который в своем воспринимающем и самовыражающем состояниях окутан легкой, явной пеленой покрывала Майи, а жзнь его в этот начальный период проходит в теплом, нежном тумане материнской ласки, всеобщей любви...

Она ждала его, глаза ее сияли, широко смотрели на него — ее овеществленный мир радости и грядущего горя. Даже ее слабое сопротивление слов обидело его тогда, он замкнулся, замолчал до той поры, пока она униженной женской лаской не умягчила его мужское, эгоистичное от природы сердце, ума́стила душу, покорно повторила за ним весь набор слепозлобных ругательных слов. И тогда он ласкал, любил ее, это ровное дыхание, мягкие, чуть спутанные волосы, отданное ему тело и душу худенькой его подруги — его alter ego, его подобие в ласковой женской душе.

♦ Он тотчас же, без перерыва, вспомнил, и ему стало жарко стыдно за себя, так грубо, глупо поправшего ее женскую беззащитность... Тогда же, перебирая гладкие, мягкие волосы, совершенно не ощущая ее состояния приниженности раскаявшейся, без вины почувствовавшей себя виновной, женской души, просто чтобы что-то говорить, не молчать от распирающего счастья власти, обладания, сказал: хорошо бы, наверное, смотрелись ее волосы светлыми... Она болезненно сжалась, промолчала, видно вспомнив о другой в его жизни беловолосой, сочтя это за предел-пределов мужской власти-испытания, а через день он встретил ее испуганной, стыдящейся непривычного цвета своих волос, обесцвеченных химической дрянью, своей безграничной покорности, беспредельного унижения. В тот вечер он, пьяный, плакал, умолял ее зачерствевшее, онемевшее от горя унижения сердце, просил прощения и добился-таки, чтобы она все убрала, подарив, вернув ему хотя не настоящий, но очень похожий на свой прежний, мягкий темнокоричневый цвет волос. Веющий на ветру шелк, ныне упрятанный под зимнюю шапочку. Стыд, стыд, стыд... Он застонал, легонько, делая вид, что смахивает невидимое с ресниц, ткнул себя костяшкой пальца в бровь. — Это напомнило детские проделки-гляделки, он покраснел, разозлившись теперь уже на самого себя.

Она — через редкие проходящие меж ними головы — улыбнулась ему, он отвел взгляд. Стыд, стыд, стыд! — Не детского, неоформленного еще вожделения, но беспредельной покорности, мужской силой и эгоизмом воплощенной в ней, в душе своего alter ego.

♦ Сначала было слово. Свободное сплетение ассоциаций: зрение, слух, обоняние, осязание — поставщики слов двора Его Императорского Величества. Павел Буре — тяжелая серебряная лепешка ...снова историческая память недействительных ныне слов. Работает с ним некто Васильков; на его памяти начал служить еще молодым специалистом, быстро благоустроился — папа, районный снабженческий начальник, купил трехкомнатный кооператив, женился на голубоглазой Оле, тож молодой специалистке, ведущей происхождение от некогда сосланного государем-императором в Сибирь за смутьянство польского графа-конфедерата, а в один прекрасный день перестал здороваться даже с однокашниками: председателем профкома учреждения «избрали». А в розовом двухэтажном каменном доме в старинном российском городке, где на покое отдыхал в родовом гнезде от снабженческих забот Васильков-старший, в пятом уже поколении купец 1-й гильдии (до 1917 года — официально), на чердаке хранятся продолговатые ящики с выжженными по трафарету надписями: «Поставщик двора Его Императорскаго Величества купец 1-й гильдии Петр Васильков с сыновьями». Все предки нынешнего владельца родового гнезда поставляли к царскому столу особо крупные, вкусные яйца, коими славились здешние куры, а курам помогали выписанные при Екатерине из Голландии петухи. Проболталась подружкам-чернавкам голубоглазая графинюшка... Сам же Васильков-младший тем временем шагнул на следующую иерархическую ступень: теперь он парторг учреждения, в духе времени здоровается даже с младшими техниками и нечесами-лаборантами.

Всего несколько зимних шагов оставалось до нее, ждущей на перекрестке у стесанного углового дома — рубанком гигантского плотника, срубившего трехэтажный дом в самом узле городских улиц.

— Безбородый плотник, он смотрел с заученным терпением святого статиста акта нефизиологического зачатия от Св. Духа идеи повторного спасения искромсанного в грехах человечества. Возвращенный рай — paradiso. Comme il faut — безбородый плотник из Галилеи. Вымученное терпение в глазах его, созерцающих на зачати духа: сло́ва, но не плоти, сло́ва — символически облеченного в плоть родившегося под рукой мастера-флорентийца младенца на руках непорочной жены безбородого плотника.

Уже в который раз зарождалась в его голове мысль, но никак не могла законченно оформиться: зачатие духа, сло́ва — первооснова любви. Она — символ спокойного безбородого плотника, робко, терпеливо, стоя в стороне от самой себя, смотрела, как в его глазах зачинался Св. Дух, им же генерированный, лишь отраженный от ее глаз чувством любви. Истинно, истинно говорю вам: если он любит ее, то что ей до этого? Слоеный пирог, воздушный слоеный пирог зародившегося и отражаемого чувства.

— Пойдем, подруга, переспим! — грубый диссонанс воспаленных вечерней чувственностью улиц.

♦ — Простота ли хуже воровства? — Он сам украл свое сердце, подделав ее имя на документе: «Декларация о многообещающем союзе любви». Просьба не путать со свидетельством о браке — то фискальный документ.

Всплывшее слово «документ» потащило за собой ворох дневной работы — восьмичасового сидения в конторе, перепичканной чертежами, документами с разными

грифами: абсолютно секретный документ подлежит уничтожению методом пережевывания еще до его сочинения! Уровень интеграции, составитель М. А. Берг. Introduction of impurties. Селективное травление. Объединение в одном монолитном узле свыше 1000 вентилей. Планерка. «Current problems in the elektrical...» «К. Уинстон Деббс родился в 1932 г. Имеет степень доктора философии в области электроники. Линкольновская лаборатория МТИ...» Привет! — Возможно ли без предварительного согласования со службой нормоконтроля сопряжение деталей в системе отверстия по 2-му классу точности, если одна сопрягаемая деталь выполнена по чертежу, утвержденному начальником сектора, а вторая — начальником отдела, причем общеизвестно, что они уже двадцать лет подсиживают друг друга? А? — Не одно поколение конструкторов заработало шизофрению на подобных вопросах. Итого: всякая идея, доведенная до совершенства, есть абсурд. Абсурдум парадоксалис. Тьфу! Конец, отбой, стой! Брось, брысссь! Вон... (До завтра, до 8.30, начиная с проходной). Точка.

♦ Он украл у себя свое сердце, воспользовавшись ее соучастием. Ее же соучастие только и было существование, ее худая, невыразительная фигурка, попавшая в полон любви. Паразитизм модных, прилипчивых словечек. Оно всплыло из столетнего Далевского словаря, усыпанного гнездами стародавностей.

Ее ли вина и достоинство — его любовь? Тебе-то что до этого? Ты-то здесь причем, милая головка с длинноватым тонким носиком и шелковыми мягкими волосами по пояс? Она встряхнула головой, волосы рассыпались по плечам, по спине, слились ниже, до пояса. Хрупкое, сильное, нежное, пугливое создание — отражение его любви, до которой, как полагал он, ей не должно быть никакого дела.

— Меня ли ты любишь?

— Тебя ли я люблю!?

— Душу мою?

— Душу твою!?

— Господи! Помоги ответить на вопросы мои, твои, помоги мне, господи, сообразиться, дойти до нее эти несколько разделяющих зимних (летних, весенних, осенних) шагов.

— Господи! Помоги душевно верующему в любовь. Преклоняя колени свои, я — запутавшийся в своих шагах, в грядущем ожидании ужаса того явления, имени которого суеверно не произношу, гоню из головы — памяти, но о котором все более и более догадываюсь, отыскивая повсюду его признаки: в словах, в руках, в огнях, в глазах, в душе своей и отражении ее... молю: спаси! Save!

♦ — Ты умный, ууумммный! Тю! — она смешливо надавила пальцем на его нос. Он очнулся от своей истомы-полудремы, чихнул. Она рассмеялась:

— Ты умный-преумный, умнишка ты... И лгунишка. Все бы тебе смеяться надо мной, глупой-преглупой девочкой, глупышкой.

Милый женский лепет недолгого дурачества, пока оно не сменилось обычными женскими заботами: пьяными небережливыми мужьями, бесконечными очередями, мучительными родами, нехваткой молока, хлопотной детской кормежкой, болезнями — своими, ребенка, мужа, свекрови, сестры... — пропитанными эпидемиями яслями, портящими детей садами, ядовитыми ужасами школьных вызовов. Господи, господи, помоги ей, неверующей в тебя, но верующей только в судьбу свою: тяжелую и счастливую, без минуты покоя, с криками, слезами, смехом, поцелуями: сначала любимому, потом ему, но уже мужу, затем дочери, сыну, их детям, внукам своим. Дай-то, бог, счастья зрячей дожить и увидеть правнуков?! Бедная, бедная. Счастливая, счастливая...

Она щекотала его слух умиротворяющими мужчину словами, даже не верящими в них:

— Умный-преумный, ууммный ты у меня...— выплескивающаяся через край души женская ласка: репетиция для будущего мальчика. Мальчик? Или крохотная девочка, которой она вплетает огромный розовый бант в свтелые косички, любуется ею, как большой живой куклой.

— Умный-преумный, ууумммненький ты у меня...

Умный. Сейчас все умные; все глупые на умных переучились. В школах общественной практики. Леонардо дураком показался бы среди нынешних умников: во-первых, с бородой неряшливой (Волос сед, да ума нет! — кричали вслед городские мещанки и вредные, гладковыбритые старички — пенсионеры труда коллективного, организованного), во-вторых, оно же в последних — подозрительно умен, все обо всех знает: доносчик, провокатор или шизофреник. Таков был бы приговор.

Умные заполонили мир, оттеснив лики и мысли дураков прошлых столетий. Сглаженные всеобщим образованием, выровненные умы, сплющенные сидением на конторских табуретах зады, свое, но схожее у всех мнение обо всем на свете. Масс медиа — человек рождается с теливизором в глазном нерве, чтобы одновременно спать и воспринимать мозгом тщательно отфильтрованную информацию, минуя световидение, цветовосприятие. Мозг — тепловатая сметана — взвесь перемешанных образов-сенсоров футбольных мячей, хоккейных клюшек, мифов о летающих тарелках, видений безбрежных (и Брежных, конечно!) президиумов, в которых восседают современные ханы, султаны, каганы в темных вицмундирах, наслаждения скромненькой измены злющей жене (Муж уехал на дачу; в ее квартирке с тоненькими стенками — тише, тише! Соседи услышат! — Без звуков, стиснув рот, без того сомкнутый гримасой потаенного, краденного у чужого мужа мига животного наслаждения без любви, без крика, стона страсти.— Тише, соседи уже догадываются, наверное...— Жалкая рапсодия измены жене, злой, как сотни маленьких, черненьких, злющих китайских собаченок — мелкой квартирной сволочи типа «иваси». — Тише ты, ради бога, услышат, расскажут. Скорее, Вовка из школы может прийти, говорил, что историчка заболела... Потом, потом, какой же ты неловкий! — Да я не злюсь, просто волнуюсь. Ну и хорошо, не стукни дверью, целую... милый, пора.— Липко на душе).— Все умниками стали, только мыслить не научились.

— Ты умный-преумный... не как другие, милый...— Он захлебнулся от созвучия нахлынувших ассоциаций, вздохнул, действительно довольный собой: он не как другие, он умнее это делал... с чужими женами, его не тащили, не выталкивали из смятой, неразобранной постели среди бела дня на лестничную площадку в... пардон — незастегнутых в деловой спешке брюках. Нет, он всегда был умным, грязноватый стиль спешащих чужих жен был ему незнаком. Он-то всегда уходил под утро, на прощанье они, в теплых, хранящих запахи тела и духов постелях для него назначенных объятьях льнули к его губам, прижимались в прощальной ласке, целовали его, пьянея, шептали, щекоча слух: милый... жду!

Он был умный-преумный. — Прочь! Прочь! — Он отогнал навязчивые, стыдные сейчас воспоминания, поцеловал ее теплый затылок, спутанные чуть-чуть волосы, шелковая трава, щекочущая нос, ресницы.

— Ты у меня умный, умный-преумный, умнишка-лгунишка!

♦ Умная, бесформенная плоть свивалась, развивалась, как змея подстегивая сама себя хвостом: трччик! Трччик! Серое мозговое вещество, миллиарды брезгливых нейронов провисли от черепной коробки до всех мышц тела. — Трччик! Трччик! — Звук скрежета шершавой мысли, засохшей в глухом углу непроветриваемого подвала памяти. Энергия мысли, энергия чувств. Самовлюбленность бесформенного: презрение плоти.

Всего несколько зимних шагов оставалось до нее: видимой, осязаемой, ждущей, сокрытой плотной зимней одеждой. Всего несколько шагов оставалось до перекрестка, где стоял с прошлого века дом со стесанным углом, рубленный безбородым плотником Иосифом из Галилеи. Слоеный пирог, вечное, далекое отсюда море со смешанными водами. Родовые воды человечества — матрица прорыва к жизни.

Родовые воды, слепое беспомощное тельце Я-рождающегося, Я-увидевшего Мой Свет. Ее глаза и всего несколько шагов. Шум.

♦ Она сказала: всегда жду тебя на перекрестке у магазина в доме с угловым скосом (Обрублен топором дряхлого девственника из Галилеи). А он подумал: вечером, после работы, такая сутолока на главной улице, что идти от своей конторы (Штатное расписание, опоздание на 5 минут..., распределение отпусков) до угла, где она — худая птица над залитым солнцем слоисто-зеленым или слоисто-синим морем наслаждения своим отражением — ожидает его, что:

— я вспорхнул бы птицей,

— сильным соколом...

— и к тебе, моя радость...

— полетел бы стремглав,

— обнял бы тебя, утонул, утонул...

— утонул, бросившись в зеркало вод, где увидел свое отражение.

А светлым днем меньше толпится людей на главной улице (от сердца его — к сердцу ее) — улице, ведущей к дому со стесанным углом.

Всего несколько шагов не может он дойти до нее, ожидающей: мешает толпа. Толпа? — Гнусный, изощренный самообман. Но все же может лучше попробовать дойти до нее светлым днем? Она-то ждет его в любое время, но как он сможет уйти средь бела дня из своей конторы, мимо охранника-вахтера с наганом, в петлицах ВОХРы, в темно-синей шинели без погон? Господь-то бог его отпускает, но отпустит ли поставленный над ним начальник (...Начальником Храма приказываю я соблюдать дисциплинарный порядок; каждая потерянная минута молитвы — удар по идеологическому процессу воспроизводства религиозного чувства. П/п. И.О.Господа Бога на Земле: Иисус И. Христос, эсквайр.)?

Прийдя к определенному решению, в следующий же понедельник он перед обеденным перерывом спустился на первый этаж, дошел закоулками до учрежденческой столярки, попросил у Максимыча инструмент, гвоздей, подобрал валявшийся в углу хлам: обрезки досок, фанерки, рейки, — и начал работу в том же уголке, заняв пустовавший дряхлый верстак. Максимыч спросил: чем занимаешься? — И отошел в сторону молча, услышав: затем занимаюсь. Ни одна морщина не изумила его спокойное, древнее лицо, безучастное, мудрое, как у его давнего собрата из Галилеи.

Мудрость многотысячно перевидавшего все и всея на свете сдержала на его лице человеческую маску спокойного всепонимания. Мудрый, мудрый плотник, учрежденческий наследник галилейского девственника. — Старый запойный пьяница Максимыч, но мастер золотые руки, мастер на обе свои руки. Хромает — по пьяному делу угодил в темень в раскрытый, неогороженный канализационный люк. Спаси его, господь!

К концу дня он сколотил из деревянных обрезков скелет своего размера; на другой день взял на складе у завхоза, поставив четвертинку лабораторного спирта, скопленного «на случай» за последний год, полтюка грубой, серо-грязной матрасной ваты и плотно набил скелету грудь, межреберное чрево, обметал кисти рук, голени, ступни, бедра, шейные позвонки, сформировал черепную коробку с заготовкой лица.

На третий день творения принес купленный накануне вечером рулон кожезаменителя телесного цвета, большую портновскую иглу, светло-коричневые капроновые нитки; к концу дня обшил муляж кожей.

На день четвертый натер свое подобие воском, взятым у учрежденческого пчеловода Грачева, а лицо раскрасил красками.

На пятый день принес на работу заказанный еще в день первый в пастишерной мастерской парик, который надел на голову подобию своему. За работой его теперь наблюдало все учреждение: молча толпились в столярке десятки людей. Их вытаскивали за рукава, полы пиджаков ждущие за порогом своей очереди увидеть процесс творения, а пробившись вперед, так же молча стояли и смотрели на обоих: Его и его Подобие, пока еще голое, неживое. Только начальники, помятуя о своей руководящей роли, пытались давать советы.

На шестой день с утра он вдунул жизнь и оживил свое подобие, которое сразу же застыдилось своей наготы, хотя людей в столярке не было — в субботу учреждение не работало, еле-еле упросил вахтера пропустить его утром на пару часов. Но он одел подобие в принесенный с собою костюм, после чего подобие перестало стыдиться; он спокойно отвел его в свою лабораторию, усадил за свой стол, сам ушел домой.

На седьмой день он отдыхал от трудов своих.

♦ При создании своего подобия он безмерно страдал, ибо создание второго Я (alter ego) подразумевает безвозвратную отдачу части собственной жизненной силы, а значит сознательное приближение своего небытия. Но ведь близость смерти, которую он торопил самим процессом создания своего подобия, как и отчаяние (он не может преодолеть тех нескольких шагов до Н е е), являются средством для очищения души; на имитации такой ситуации основано, например, сценическое действие античного театра. А нет ли другого пути очищения души, помимо предчувствия смерти либо отчаяния? — Он укорил себя: опять ищешь легкого пути! Вот она, увертливость хитрого века. Он вспомнил старинную историю, рассказанную в одном ученом труде*, которая своей простотой восхитила даже недоверчивого Шопенгауэра: «Близость смерти и отчаяние не являются, впрочем, необходимым условием для такого очищения страданием. И без них великое несчастие и горе может насильно раскрыть глаза на разлад воли к жизни с самой собою и показать тщету всякого стремления. Поэтому и бывали часто примеры, что люди, которые вели очень бурную жизнь в вихре страстей — цари, герои, рыцари счастья — внезапно изменялись, впадали в резигнацию и покаяние, становились отшельниками и монахами. Сюда относятся все правдивые истории обращений, — например, история Раймунда Луллия: красавица, которой он долго домогался, открыла ему наконец двери своей комнаты и, в то время как он предвосхищал исполнение всех своих мечтаний, расстегнула корсаж и показала ему свою грудь, ужасно изъеденную раком; с этой минуты он, точно увидев ад, переменился, покинул двор короля Майорки и удалился в пустыню на покаяние».

Последний пример — собствено пересказанная великим скептиком история — ему был неприятен, но подтверждение внезапного изменения поведения, самого характера человека он мог проиллюстрировать своим соседом, отчасти родственником — мужем своей родной тетки. К концу тридцатых годов был тот далеко непростым по тем временам человеком: служил в НКВД, ездил в штабных вагонах с эшелонами, что везли разный народ из центра страны в Архангельский, Печорский края, в войну ведал заготовкой фуража, впрочем, такие люди до глубокой старости, до са-

* Bruckeri. Historie Philosophie (T. IV, Par. I, P. 10).

мой смерти не говорят чем занимались. К концу войны имел заслуги и награды, заведовал лагерем для высокопоставленных военнопленных; раз как-то по праздничному делу рассказал, что сидел у него сам комендант Кёнигсберга. Прямо отсюда, по причине, утаиваемой до сих пор, сам же угодил на десятилетнюю отсидку, которую отбыл до «звонка», правда на хлебной должности зэка-почтаря: после хлеборезки это было самое привилегированное место в лагерях. По освобождении розыскал в глухой деревне свою жену с малыми ребятами, осел в нашем городе, работал горновым на металкомбинате, сам построил дом, выдал замуж дочь, купил кооперативную квартиру уже в центре города, да надомничал на пару с сыном — инвалидом детства. К восьмидесятым годам схоронил свою старуху, сына, но сохранял природное здоровье, оптимизм, даже игрывал на гармошке по праздникам. В начале же девятого десятка внезапно женился на ленинградской бабке его лет, продал кооператив, убыв с нею. А вот дальше начались чудеса: зять его при встречах рассказывал родственникам, что дед с бабкой напару зачудили, ударились в религию, в Ленинграде днюют, ночуют на поповских подворьях и даже, когда приезжают к ним в гости, то все время проводят в городских церквях. Вот тебе и офицер НКВД!

Кстати, почему так много народа нынче в церквях? И почему такое отчаяние, что люди бросились искать свое alter ego в молельнях и капищах?

♦ Красивейшая из красивейших, недоступная из недоступнейших (Дождется-таки стародевичества...), его соседка по лаборатории ахнула, увидав в понедельник поутру сразу двух: Его и Подобие. Так они начали совместное существование: Подобие сидело за Него на стуле, паяло, чертило, писало, считало на микрокалькуляторе, а когда тот ломался, то двигало визир дедовской логарифмической линейки, а он, освобожденный, с утра до вечера шел по главной городской улице, стремясь преодолеть все те же несколько шагов до нее, ждущей с неиссякаемой надеждой у стесанного древним плотником угла дома на перекрестке.

...Ритмичная проза — определитель уравновешенной натуры.

— Ты приди ко мне, мое Подобие, смени меня в этой жизни, освободи хоть на время от проклятия древнего бога: в поте лица своего добывать хлеб насущный. Освободи мою душу для поиска подобия души моей, но не тела моего, ибо ты, жду которого я, будешь подобием тела моего, твоею помощью освобожусь я для поиска подобия души моей — той, которая ждет на главной улице у угла, стесанного древним плотником — угла дома на перекрестке. Ты приди ко мне, мое освобождающее Подобие! Laudetum Jesus Christus!

Слава тебе, Всевышнему в небесах над нами, гряди ко мне, гряди мое Подобие — Освобождающее.

...Чтобы избежать вечерней толкотни надоевших, переполненных городских улиц, он позвонил ей, договорился встретиться там же («на нашем месте?») в два часа дня.

— Ты не работаешь завтра, да-а!?

— Возьму отгул с обеда.

— Ну-у, хорошо, жду. Мне-то проще.

Сделанные вовремя прививки освобождали ее. Он же наутро взял бланк служебной записки, заполнил положенные графы, лицемеря голосом, уговорил начальника, что-те надо родственника из Костромы на вокзале встретить, поставил у посерьезневшей секретарши печать, вышел на улицу, отдав бумажку насторожившемуся вахтеру; тот даже посмотрел на свет: водяных знаков «не пущать» не было, подчисток тоже. Его Пободие — бумажка с размашистой, презрительной подписью начальника,

самого низшего на иерархической лестнице руководства. Начсектора получал на сорок рублей больше его, оттого неистово презирал отлынивающих от работы. У Максимыча случился недельный запой. Мир ему! Urbi et orbi, — провозгласил некогда с Ватиканского холма апостол Петр (St. Peter)... или Павел (St. Paul)?

♦ Он вышел из проходной, на ладони горело несмываемое пятно от только что наколотого на граненый штык часового порядка клочка служебной бумаги мусорного сортамента — его alter ego, его Подобия, освободившего руки, все тело на это день. Он шел по главной улице, отвыкший от ее вида белым днем в будни, всему удивляясь, как ребенок из деревни, попавший в районный городок, напросившись на подводу к отцу, повезшему на рынок мясо неудачно забитого бычка... Сначало было слово: рассказы матери, реже — отца, старших братьев о городе. Он много думал о нем, в детских своих играх воображал себе, как с возом, с кнутовищем в руке он едет в ближний город, а сердце замирает от неиспытанного еще волнения: показаться сразу тысячам людей, не своим деревенским, знакомым, а страшным в своей неизвестности, таинственным городским людям. Урби. Урбанум, папа Урбан под номером римской цифры. Римский мир. Мир как переживание. Мир как расширение людей, звезды, слоистые моря и таинственные, шумно-веселые города, что темными вечерами, до полуночи — издалека видно — накрыты световыми куполами, составленными из многих тысяч огоньков; издали слышна музыка, шум, звяканье — все не такое, как в родной деревне: звуки многочисленны, более резки, более звонки, веселее, лихорадочно поспешны. ...Его поражал вид улиц в тот час, в который он обычно, всегда, вот уже много-много лет (Пять, десять? — Но это очень много, когда тебе всего-то между 25 и 30-ю; это много, ибо только для старости года считаются как месяцы: недели, дни — пролетел и бог с ним, не заметил) сидит за своим столом, а в окно виден только кусочек захламленного двора.

Это улица и время счастливых, кто может в два, в три часа встать со стула, разорвав скулы в зевоте, потянуться, хрустнув всеми суставами застоявшегося тела, надеть пиджак, выйти в мир, в город.

Он шел, глаза его отскакивали, вновь с любопытством прилипали к солидным пенсионерам, покупающим в киосках вороха газет, к бабушкам, катающим коляски с младенцами, к студенткам, стайками стрекочущими все одновременно языками и каблуками, к холеным молодым женщинам. — Все праздно гуляли по прекрасной, чистой, спокойной улице. Он купил и съел пирожок с требухой — воля способствует аппетиту.

Он издали, не как в выходные дни или вечерами, а ясным будничным днем, спокойным, радостным, не через густую толпу, а через редкие головы подчеркнуто индивидуализированных прохожих, увидел ее. На сердце нахлынуло, сладко защекотало, заныло в груди, теплом махнуло по щекам, губам, лбу, словно ее шелковистые волосы, разметавшись на ветру, мягко осенили его. Он любил ее.

И в дополнение к такому невещественному счастью вспыхнула яркая решимость защитить эту е г о любовь от спешащего, толкающего множеством плеч вечера, неудобства, неустроенности выходных дней и праздников. Он хотел любить ее днем, любить в будни, но празднично, в солнце, в дни со свежим теплым ветром. А изобретательный ум уже строил химеру, естественное доразвитие реально существующих отношений: вот в их учреждении случается очередной припадок бюракратической, ведомственной бдительности, ибо предприятие-конкурент вознамерилось разработать такую же машину (сноповязалку, например), над которой их учреждение бьется уже две пятилетки, естественно, «передрав» их чертежи, тем самым опередив их, опорочив в глазах главка. Поэтому, наряду с содержанием работ, зашифровываются имена начальников, ведущих специалистов. Чтобы агенты конкурентов не подпоили

их, застав врасплох в шашлычной, не выведали утаиваемые особенности решения кинематической схемы сноповязалки, засекречиваются сами лица начальников, специалистов. Уже никто не видит начальников, а он днем свободно — не у кого служебку на выход подписывать! — выходит на улицу к ней.

Следующий припадок — засекречена сама работа, никто не знает, чем он должен заниматься. Через сколько-то времени, с целью дезинформации конкурентов, засекречиавается местоположение учреждения, его название, наконец, анонимами становятся сами работающие. Теперь они время от 8.30 до 17.15 проводят дома, на даче или где им угодно. Официально, фактически у них теперь нет ни учреждения, ни работы. Они полностью свободны. Зарплату и премии присылают по почте телеграфом, без обратного адреса. Спешно растут райские яблоки.

...Его отвлек крик торговки горячими пирожками с требухой, сладостная химера лопнула. Чтобы сократить обиду, он облизнулся, съел еще два пирожка. Ее головка лохматилась на ветру — чуть посильнее здесь ветер был! — на перекрестке веков.

«И всех веков прошедшие химеры!»

♦ Но не помогал светлый будничный день. Солнце освещало окно-стену магазина радиотоворов; за прилавками, обозреваемые с головы до пяток, стояли лиловые, разомлевшие в тепле восемнадцатилетние кобылицы; всплыл в памяти опять Тот; почему же ему не удовольствоваться этими кобылками? Легко, радостно они бы родили ему з а к о н н ы х и к о н н ы х жеребят...

— Бешеный кобель, сияющий наглостью и злостью: трудолюбивое отродье, за карьеру винтика готов выпрыгнуть из будки, звеня цепью, облаять, исходя слюной, всех и всея. Печальное сочетание: трудолюбие и золотые руки даны отъявленному, уже патологическому наглецу, мерзавцу, карьеристу, бешеному псу, ублюдку от навозного жука, незванного гостя на могильном пиру. — И он в который раз огорчился ее спокойному, маскируемому безразличию при упоминании...

Можно ли любить цепного кобеля? — Нет, только он может любить ее, любуясь в ее глазах отражению своего спокойного лица, но мятущейся души, внутренней своей доброты, ласковости, незлобивости.

Пусть бешеный незванный кобель кусает сам себя в курчавый, черной шерстью поросший бок.

♦ — Мир тебе, моя возлюбленная! Имени твоего не будет в списках пьес новонародившегося Шекспира, но именем твоим мое сердце, как девизом умирающего и страдающего рыцаря, живо! Ты — моя Гая, я — твой Гай! — До нее оставалось несколько шагов. Она взмахнула рукой: белый лебедь.

Он ласкал ее. Ласки любовного самоистязания. Он ласкал ее тело, как придаток, дополнение своего, но открытого для ласки; когда рука его, ощутив округлость ее бедра — шлковистую кожу, случайно касалась собственного тела, то, непроизвольно отдергивая руку, сорвавшуюся с теплого, нежного шелка, коснувшуюся холодной, потусторонне воспринимаемой собственной плоти, он думал: непризнание своего тела. Его Я воплотилось в Я-Ее: прерывистом, с хрипотцой голосе, податливых мягких губах, затворонных от извечного, от Евы — женского стыда глазах. Еще она стыдилась, когда их колени соприкасались: табу, но почему? — Может потому, что здесь плоть грубо соприкасается с плотью?! И не было ласкового касания, мягкой округлости. Она стыдилась, что есть у нее такие места на теле.

Он жалел ее.

♦ До нее оставалось несколько шагов, два шага, шаг... Наконец-то он решился, ступил ногой свой последний шаг. Он ударился сразу лицом, плечами, грудью, коле-

нями о толстую, мощную, прозрачную стену из пуленепробиваемого стекла. За стеной стояла она, невозможно близкая и уже навсегда далекая, растерянно-непонимающе смотрела, полная отчаяния, на его разбитое в кровь лицо.

Она печально, грустно, безысходно посмотрела на него в последний раз, а тот, мерзкий, схватил ее за руки, увел от него, увел послушную, робкую, всепонимающую. Он бешено, в кровь разбивая руки, колотил в стену. Увы! Было поздно. Она исчезла.

— Я плачу и рыдаю, егда помышляю! О, Солон! Солон! О, горе мне! О, н а к а з а н и е!..

Тогда к Пенелопе стали свататься женихи. Число их было: 57 с Дулихия:
Амфином,
Тоант,
Демоптолем,
Амфиамах,
Эвриал,
Парал,
Эвенорид,
Клитий,

. . . . . .

Еще 23 с Самы, с Закинта 44, с самой Итаки 12 женихов. Так было. Меня не было среди них. А была ли она? Цайдзянь!

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Федор Ошевнев
(г. Ростов-на-Дону)

САМОСУД

Ростовчанин Федор Михайлович Ошевнев — выпускник Литературного института им. А. М. Горького. Четверть века отдал госслужбе: в армии и милиции. Майор внутренней службы в отставке. Участник боевых действий. Член Союза журналистов России, член Союза российских писателей. В центральной печати дебютировал повестью «Да минует вас чаша сия» на тему афганской войны («Литературная учеба», 1989, № 4).

Публиковался во многих российских и зарубежных журналах. Всего более двухсот публикаций в периодике. Автор десяти книг. Причислен к направлению «жесткого» реализма. Награжден медалями «За ратную доблесть», «За отличие в охране общественного порядка», «За отличие в воинской службе» I степени и другими, нагрудными знаками «Участник боевых действий», «За службу на Кавказе», «Знак Почета ветеранов МВД». Наш постоянный автор.

После очередной — на этот раз двухмесячной — командировки в «горячую точку» командир мотострелковой роты Игорь Кедров без единой царапины возвращался к семье, домой. Здесь не просыпались ночами от треска автоматных очередей на улицах; не опасались, что из неприметного авто, проезжающего мимо КПП воинской части, вдруг вылетит граната; не ждали пули или ножа в спину во время патрулирования по чужому городу, население которого на дух не переносило миротворцев в погонах. Здесь был мир — привычный, пусть со своими проблемами, не всегда справедливый, но — мир...

Людмила встретила Игоря так, как и должна была встретить офицера, вернувшегося из длительной командировки на войну, любящая жена: кинулась на шею, расцеловала под восклицания: «Ну наконец-то! Слава Богу!» и срочно погнала благоверного под душ, сама же захлопотала на кухне.

Но, сев за накрытый стол, который венчала запотевшая непорочная бутылка «Таможенной» водки, капитан быстро понял: не все спокойно в королевстве Кедровых. Это проглядывало и в напряженно нахмуренных бровях жены; и в ее ответах на мужнины вопросы о житье-бытье — дважды невпопад; и в неловком движении — за

малым не просыпала кофе, а размешивала его быстро, нервно побрякивая ложечкой о стенки керамической кружки.

— Случилось что? — еще не допив забеленного сгущенкой любимого напитка, спросил Игорь.

— Представь, да,— моментально откликнулась Людмила.

— Серьезное?

— Серьезней не бывает.

— Так рассказывай.— И Кедров отставил кружку.

— Дочь твою одноклассник ни за что избил! — с прорвавшейся ноткой злости выпалила жена.

— И... сильно?

Перед глазами Игоря возник образ Иринки, тихони-семиклассницы.

— Да уж... Со всей дури полной папкой с книгами по голове! А бил подло, сзади... На перемене подскочил. Иринка чуть не упала, плачет, а все вокруг смеются, и этот гаденыш громче остальных.

— Учителя знают?

— А толку? Ходила я уже к директрисе...

— Такого слова вроде бы как нет,— опрометчиво заметил Игорь.

— Зато человек есть! — тут же взорвалась Кедрова.— Дама за сто килограммов! Вся из себя: что костюм, что прическа, плюс на каждом пальце по бриллианту! И заявляет: а может, он нечаянно... Какое, говорю, если он Иринке проходу не дает! То лягушку в рюкзачок, то кнопку на стул... То подножку, то в спину кулаком... А бриллиантовая, на пару с классной руководительницей, хором: нет, Леша хороший! Он просто очень моторный... Что, Карлсон, что ли? Ну да я точно знаю, почему они его выгораживают. Папочка у этого хулигана преуспевающий коммерсант, он же главный школьный спонсор. Потому в классе и доска импортная, и мебель... Ремонт текущий — покраска-побелка — опять за счет фирмы... Да все учителя на этого нового русского молятся, словно на чудо-икону!

— Ну а ты сама с этим папой когда-нибудь встречалась?

— Представь, да. В середине зимы «очень моторный» у нашей безответной рюкзачок отобрал, полный снега напихал, а ей — за шиворот... Стала я папе после родительского собрания выговаривать — он на них лично ходит; нравится, видно, что учителя ему задницу лижут... Так он от меня прямо открестился!

— Но хоть что-то по этому поводу сказал?

— Сказал... Он-де по образованию психолог. И глубоко убежден, что дети меж собой все проблемы сами решать должны, без взрослых. Тогда, значит, развитие свободнее... Вот, говорю, пусть впредь его сын с второгодником Мамоновым такие проблемы и решает... Есть там у них: в плечах — метр, рост — под два... А этот чертов новорусский, дуб со златой цепью на шее, только ухмыляется. Говорит, если Алексею очень хочется с вашей дочкой общаться, не препятствуйте... Глядишь, в будущем и породнимся!

— Вот скот! — помимо воли вырвалось у Игоря.

— Ага! В лицо ему и скажи! — почти прокричала Людмила.— У него, я слышала, полная фирма телохранителей! С пистолетами! Никакой твой рукопашный бой не поможет!

— Как сказать...

— А как хочешь! Да, кстати...— сбавила тон жена.— Его после последнего случая все-таки в школу вызывали. Записку-отписку, наглец... Мол, весь в делах и заботах, переговоры с заграницей... Словом, на пустяки не размениваюсь. Классная мне и заявляет: а что тут школа может сделать? Не силком же уважаемого человека тащить!

— На крайний случай можно и так — через милицию...

— Давай, помечтай... Нет, преподобного Лешу, конечно, директриса при мне вежливенько так отчитала... Да только ему на эти нотации давно начхать! Другие-то одноклассники, по примеру дурному, тоже руки распускать начали!

— Что конкретно от меня требуется? — решил уточнить Кедров.

— Как что? Ты — отец, вот и принимай меры. Хоть какие-то — моих дамских сил здесь явно не хватает! — И Людмила в сердцах загремела посудой.

— Слушай, а почему именно на Иринке отъезжают? — вслух задумался Игорь.

Жена прекратила мыть тарелку.

— Не понял? Эх ты... Забыл, когда в очередной раз переехали? Новенькая она, а класс тяжелый, сложный. Кстати, это именно благодаря твоей распрекрасной службе мы всю жизнь по чужим углам маемся, а дочь уже которую школу меняет... Результат...

— Что ж, диспозиция ясна.— И боевой капитан поднялся со стула.— Будем думать...

— Представь, давно пора бы. Пока дочери все кости не переломали...

...Тот день был субботним, и, когда вернулась из школы дочь — хрупкая, большеглазая,— Кедров, что было ему несвойственно, попытался вызвать ее на откровенный разговор.

— Он действительно именно тебе проходу не дает? Этот Леша? — спросил Игорь и поразился: глаза Иринки сразу заслезились и в зрачках заплясали огоньки страха.

— Он меня... Каждый день...— всхлипывала девочка.— Сегодня за хвост ка-ак дернет! Будешь, говорит, ябедничать — по стенке размажу! А за ним и эти: Мокрицкий, Перегудов... Дави, кричат, ябеду-беду! Лешка еще и на свитер плюнул...

Игорь стиснул зубы...

Оставшуюся часть дня офицер усиленно размышлял: искал достойный выход из, увы, вполне заурядной для сегодняшней российской школы ситуации. А ближе к вечеру постучался к соседу, бывшему сослуживцу, ныне же подполковнику запаса, который судился с финуправлением округа за так называемые «боевые» деньги, незаконно не выплаченные ему после командировок в «горячие точки».

— Слушай, Григорьич, ты вот своего адвоката так хвалил, так расхваливал... А телефончик-то его можешь дать? — попросил Игорь.

— Что, тоже «боевые» зажали? — полюбопытствовал сосед, листая старенький блокнот.

— Да нет. Тут кое-что другое... образовалось,— уклонился от прямого ответа Кедров.

Созвонившись с адвокатом, он объяснил, откуда у него его телефонный номер, и попросил о консультации — разумеется, не бесплатной.

— А когда вам удобно? — поинтересовался собеседник на другом конце телефона.— Я, в принципе, и сейчас свободен. Если сами сможете в центр подъехать... Нет, для меня — не поздно.

— Для меня — тем более,— уточнил офицер.— Диктуйте адрес... Так... Есть... Смогу быть примерно через час.

Мужчины встретились у входа в небольшой парк. И пока прогуливались по его центральной аллее, Игорь внятно изложил адвокату суть школьной проблемы и как именно собирается оную решать.

— Ну, общую ситуацию я уяснил...— адвокат приостановился и слегка потер подбородок.— И что вы предполагаете сделать, понял. М-м-м... По-армейски прямолинейно, однако и нестандартно. Вот будет ли прок? Ладно, пойдемте назад... Так сколько вашей дочери лет? Только точно — это важно.

— Через два месяца четырнадцать исполнится, а что? — не понял Игорь.

— Вот это хорошо. Это даже отлично! — взбодрился консультант.— Понимаете, в Российской Федерации уголовная ответственность наступает только с четырнадцати лет, посему в вашем случае состава преступления не усматривается. Словом, на момент совершения вашей дочерью в течение следующих двух месяцев каких-либо противоправных действий — ну ведь не убивать же вы, в конце концов, ее руками кого-то собрались,— она при любом раскладе не будет являться субъектом преступления. По максимуму — разве поставят на учет в милиции. М-м-м... Ну а на вас, полагаю, составят административный протокол по статье 5.35 КоАП РФ.

— А если попроще? Что еще за КоАП такой? И о чем статья?

— Кодекс об административных правонарушениях. Статья же эта называется «Ненадлежащее исполнение родительских прав». Максимум триста рублей штрафа. И то — возможно, конечно, я ошибаюсь, все-таки у меня не тот профиль,— кажется, военных и вовсе не штрафуют. Сообщают о «ненадлежащем» на службу, руководству, оно и разбирается — по своей линии.

— Лучше бы три сотни штрафа... — задумчиво произнес Кедров.— Это мелочевка. А вот замполиту компру слить — тот может такое кадило раздуть!

— Сожалею,— развел руками адвокат.— Протоколы по пять-тридцать пять рассматривает специальная комиссия при администрации района. Поставить ваше начальство в известность о... м-м-м... пока еще не случившемся противоправном действии она стопроцентно обязана. В самом худшем случае материал передадут прямиком в военную прокуратуру, ну а там... Разберутся. Взыскание в итоге все равно какое-либо получите, протокол же потом в архив спишут — и финита ля комедия.

— Ч-черт! — выругался Игорь.— Взыскания не хотелось бы. Только... В данной ситуации другого выхода не вижу.

— То есть, путь законный вас совсем не интересует? — уточнил адвокат.

— Это не путь, а тупик,— возразил Кедров.— Жалобы учителям и районным чинушам? Заявления в ментуру и прокуратуру? Абсолютно не вижу перспективы.

— Да, это тягомотно, соглашусь...— адвокат несколько шагов поразмышлял.— М-м-м... А если, скажем, детальную бумагу напрямую в комитет по образованию подготовить? Есть там один чиновник... Сергей Петрович. Можно подсуетиться, чтобы она на разбор именно к нему и попала. А уж после его представлений — он по натуре обожает все дерьмо до упора разгребать — не одна директорская задница из насиженного кресла как от катапульты вылетала. С вечным клеймом «знак педагогического некачества».

— Нет, я уж как-нибудь сам,— открестился Игорь.— Ладно. За консультацию благодарствую. Так сколько там я должен?..

А вернувшись домой, боевой капитан окончательно уже утвердился в мысли: в случае с «преподобным» Лешей, который тоже пока по возрасту не подпадает ни под одну уголовную статью, требуется активное контрнаступление. То бишь надо суметь поставить неуправляемого подростка — по-видимому, еще и активно поощряемого отцом — на место Иринки, на своей шкуре дать ему почувствовать унижение и боль.

Вот и оставался лишь тот самый прямолинейный армейский вариант. Хотя Игорь и прекрасно осознавал его последствия: такой своего рода артиллерийский огонь, под которым немудрено серьезное ранение получить...

— Ну и как, решил что-нибудь? — поинтересовалась к вечеру воскресенья жена у Кедрова.

— Так точно,— кивнул тот.— Сейчас вот Иринке буду подробный инструктаж давать.

— Что еще за инструктаж? — насторожилась Людмила.— Ох, смотри...

— Да уж как-нибудь без тебя погляжу,— невежливо отозвался офицер и с нажимом в голосе произнес: — Сама требовала — теперь не вмешивайся. Теперь это уже мое, мужское дело...

После командировки Кедрову предоставили десятидневный отпуск. И в понедельник офицер, надев камуфляжную форму и берцы, ближе к обеду зашагал в школу, к дочери. У Иринки как раз подходил к концу последний, пятый урок, когда капитан осторожно постучался в класс. Через несколько секунд дверь приоткрылась, и в проеме обрисовалась худосочная фигура пожилой женщины. Игорь уже знал, что это учительница математики, она же — классный руководитель дочери, прозванная учениками Ожившей Мумией.

— В чем дело? — буравила она жестким взглядом маленьких поросячьих глаз высокого рыжебородого (в «горячих точках» многие военные не бреются) мужчину.

— Я отец Ирины Кедровой. Можно дочь на два слова?

— Что за срочность? — математичка чуть повернула голову с гладко зачесанными назад седыми волосами, собранными на затылке в жидкий узел.— До конца урока пятнадцать минут...

— Очень нужно.

— Ну хорошо. Кедрова, на выход...

Уточнив у дочери, на занятиях ли ее обидчик и за каким столом сидит, офицер дождался звонка и вошел в класс.

Иринка из-за спины упитанного подростка-здоровячка с тщательно расчесанными длинными волосами указала на него пальцем. Длинноволосый собирал учебники в кожаную, размером с небольшой кейс, папку с золотым тиснением «Petek». Капитану сразу бросились в глаза кофта от спортивного костюма «Nike», в которую был одет подросток, и часы «Ориент» на его запястье.

— Тебя, что ли, Алексеем зовут? — обратился к здоровячку Игорь.

— Ну, допустим,— отцедил тот, настороженно глядя на незнакомого бородача в камуфляже.

— Тогда давай знакомиться,— офицер сел верхом на стул у стола, рядом с длинноволосым.— Заодно и о делах наших грешных покалякаем... Я — отец Ирины, твоей одноклассницы.

Тем временем все ученики, кроме Кедровой и здоровячка, покинули класс. Ожившая Мумия, тоже было собиравшаяся уйти, выжидательно застыла на учительском месте.

— Нету у меня с вами никаких дел,— уткнувшись взглядом в пол, угрюмо пробурчал подросток.— И вообще: некогда мне, спешу.

— И чего это у вас в семье все такие занятые? — небрежно осведомился капитан.— Отцу, вишь, недосуг в школу заглянуть, даже если и вызывают; ты тоже гляди какой деловой...

— Игорь Дмитриевич, а вы, собственно, по какому вопросу? — вмешалась Ожившая Мумия, быстро листавшая журнал, и Кедров понял, что именно искала учительница: его имя-отчество.

— Известно по какому: вопросу методичной, изощренной травли моей дочери вот этим «милейшим» молодым человеком.

— О чем вы? Никакой травли нет и быть не может,— торопливо возразила преподавательница, готовая замахать руками в подтверждение своих слов.— У нас показательное учебное заведение...

— Стало быть, портфелем по голове никто никого не бил? Врет моя дочь? И ос-

тальное: тычки, пинки, дерганье за волосы... Я уж не говорю о порче учебников, когда он ей снегом рюкзачок набил, да еще и за шиворот натолкал...

— Ну...— запнулась женщина, и ее и без того бледное лицо еще больше побледнело.— Мы же все эти эпизоды уже разбирали. А по поводу недавнего — вообще простая случайность...

— Разбирали, да не до конца,— жестко отпарировал Игорь.— Так что сейчас мой разбор будет. Итоговый...

— Вы... Вы не имеете права,— беспокойно завозражала Ожившая Мумия и даже со стула привстала.— Убедительно прошу в кабинет директора.

— Что я там забыл? — спросил, пожав плечами, капитан.— Записку отца-бизнесмена посмотреть, где он всех подальше посылает? А вот хватит, допустим, духу с этой отпиской в городской комитет по образованию явиться? Скажем, к Сергею Петровичу — надеюсь, слыхали про такого? Да в нос ему, как моей жене, этой бумажкой ткнуть... Мол, мы руки умыли, а ты, если желаешь, разбирайся. Ну, я этого чиновника очень хорошо знаю. Вы даже не представляете, что он с вами сделает, когда про все узнает...

Кедров намеренно соврал, решив слегка «наехать» на математичку — дабы беседе не мешала.

Под впечатлением сказанного классная руководительница — расчет оказался верен — вернулась на стул и замолчала, зябко поведя тощими плечами.

— Так за что ты недавно ударил мою дочь? — вновь обратился капитан к подростку.

— Я... нечаянно...— пробормотал тот, отводя теперь взгляд в сторону.

— Врешь, и неумно,— спокойно возразил офицер.— Иринку надо было догнать сзади, размахнуться, а уж потом только шарахнуть... что есть силы. И почему-то ты мою дочь, допустим, с Мамоновым не перепутал. Или кишка тонка ему по башке врезать?

Длинноволосый затравленно молчал.

— Сумка у тебя в руках на перемене тоже «нечаянно» оказалась? Лягушку в портфель опять «по случаю» запихнул? Шпыняешь постоянно — все «невзначай»? За волосы в субботу кто дергал? На свитер кто плевал?

Незаметно для себя Кедров распалился и последние обличения выкрикивал — как команды на строевом плацу. Подросток от хлестких слов, будто от пощечин, стал вздрагивать и съежился.

— Как вы смеете? — подала голос Ожившая Мумия.— Он же ребенок!

— Смею! — рявкнул офицер.— Я на войне, под пулями, страну от нелюдей защищал! А сейчас здесь, где не стреляют, родную дочь защищать вынужден! Любимая школа-то ее за подачки продала и предала! Око за око, зуб за зуб! Иринка, делай как договорились! Ну! — И, увидев, что девочка колеблется, вскочил на ноги — крупный, страшный в гневе — и отчеканил: — Бей! Бей, иначе всю жизнь сама битой будешь!

Тресь! — огрела Иринка обидчика своим рюкзачком по голове — сбоку-сзади. Классная руководительница судорожно вцепилась в журнал побелевшими пальцами. Увидев, что женщина уже открыла рот — что-то сказать,— капитан показал ей внушительный волосатый кулак:

— Заткнись! Я твою работу делаю! Или предпочитаешь десяток журналистов? Они падкие на скандалы! Живо вашу показушную школу в дерьмо опустят! А ты — места потом трудоустроиться не найдешь! Директор-то все грехи на себя точно не возьмет, коли жареный петух в темечко... Козлом отпущения будешь ты! Именно ты!

Ожившая Мумия превратилась в застывшую мумию. Игорь же тихо, с ноткой фальшивой ласки, спросил:

— Что ж ты, Лешенька, не радуешься? Ведь вон как ржал, когда Иринке со всей дури врезал и она слезами заливалась! Правда, тебе и сейчас весело? Дочь, а ну, добавь!

Тресь! — вновь опустился рюкзачок на голову обидчика.

— Слабо бьешь — не плачет! Изо всех сил лупи!

Тресь! Тресь! Тресь! — раз за разом ударяла девочка одноклассника, постепенно входя во вкус.

— Передохни...— остановил ее отец.— Ну, Лешенька, ты и туп... Не доходит, что колотить тебя будут, пока не заревешь?

В нестойкой тишине за дверью класса послышалось приглушенное хихиканье. Секундой позже на поясе подростка запищал сотовый, к которому, впрочем, владелец даже не прикоснулся, но, словно дождавшись сигнала, отчаянно заревел, размазывая слезы и сопли по сытому лицу.

— Вы в милиции за свои действия ответите! — пообещала классная руководительница.

— Неужели? А вы — за свое бездействие! На пару с директором! Я ведь не только в комитет по образованию пойду! В прокуратуру тоже! И в Министерство образования подробнейше напишу! Во все российские газеты! В международный суд! Президенту! Отмываться замучаетесь!

Кедров переключился на голосящего сына нового русского.

— Рыдаешь? Что и требовалось доказать! Тот же, кто сейчас подглядывает, по всей школе разнесет, как жидок ты на расправу! Авторитет-то тю-тю! Но это не все! Дочь, давай!

— О-ой! — взвыл обидчик, когда Иринка что было сил дернула его за разлохмативщиеся волосы.

— Стригись короче,— с издевкой посоветовал капитан.— А теперь — быстро сел! Ну!

Длинноволосый автоматически повиновался и тут же с новым криком взвился со стула, схватившись за ягодицу.

— Вот незадача! — усмехнулся Игорь.— Кно-опочка... Больно? Это тебе только что Иринка подложила...

— Вы... вы — садист! — глотала воздух широко открытым ртом Ожившая Мумия, наконец-то разлепившая губы.

— Неужели? А он тогда кто? — почти уткнул плачущему в грудь палец офицер.— Между прочим, сам лично я его не трогал, так? Но вот когда он всячески издевался над Иринкой, вы лично с директором где были? Боялись богатого папочку прогневить?

— Ладно, лягушки у меня нет,— не унимался капитан.— И хоть ты мою дочь еще и оплевал — не забыл? — мы на тебя плевать хотели, ан не будем: противно. Но вот сумку ее ты в снегу извозил, книги испортил... Извини, конечно, в апреле на снег недород, а вот лужа под окном имеется. Иринка! Швыряй туда его папку! Тебе мать новые учебники покупала — пускай и его папаша раскошеливается!

С выпученными глазами Ожившая Мумия наблюдала, как самая тихая ее ученица, постоянно подкармливающая ничейных котят и горюющая за любую замерзшую птичку и каждого щенка с перебитой лапкой, радостно выкидывает через форточку пожитки хулиганистого одноклассника и они с брызгами шлепаются в грязноватую воду.

— Мы уходим,— с поклоном пояснил Кедров сыну нового русского, в глазах которого метался животный страх.— Ты же вникай, Леша. Иринка с тобой сделала лишь часть того, что ты с ней вытворял раньше. Расскажешь папе — станешь ябедой.

А таких, как ты сам говорил, надо «давить и размазывать по стенке». Тронешь же мою дочь еще раз — еще раз приду я. И уж тогда возьмусь за тебя всерьез, сегодня были только цветочки. Что тут поделаешь, коль учителя-дармоеды ни на что не способны... Ну разве милостыню из рук твоего отца хапать... Дружков своих — Перегудова, Мокрицкого — тоже просвети.

— Мокрицкий за дверью и подслушивал,— неожиданно подала голос Иринка.

— Тем лучше. А вы, «многоуважаемая»,— саркастически заявил офицер классному руководителю,— так директору и разобъясните: и я — человек занятой. В том плане, что по записке в школу тоже не приду, и одного раза за глаза хватит. Ум есть — будете молчать. Нет — бейте в барабаны, бумерангом по голове получите. Педикгоги!

Офицер взял дочь за руку, вышел из класса и хлопнул дверью.

— Чокнутый! Дурак! Идиот форменный! — честила вечером мужа Людмила.— Представь себе: теперь ее точно забьют! И нам беды...

— Как сказать...— философски изрек Игорь.— Пока в отпуске, провожать буду в школу. И из школы... Но сыночку я точно рога пообломал. Он по натуре трусливый — сразу видно...

— Куда там! — не успокаивалась жена.— Голову Иринке прошибет — будешь тогда на лекарства в своих «горячих точках» зарабатывать!

— Не-е, я эту породу знаю... И близко не подойдет. Другое дело — возможно, папочка пообщаться захочет. Всегда милости прошу...

В своих прогнозах, как позднее выяснилось, офицер оказался прав.

Дней пять он провожал Иринку до школы, а затем прохаживался под ее окнами еще с час, чтобы на перемене дочь через окно могла указать на защитника одноклассникам.

Записку с требованием прибыть к директору через Иринку все-таки передали. Игорь, как и обещал, сослался на занятость. В конце ответа приписал: «Рекомендую педколлективу гораздо глубже вникать в климат взаимоотношений школьников, пока в «показательном учебном заведении» дело не дошло до смертоубийства».

В пятницу Кедров уже традиционно отвел дочь на учебу. По пути немного поговорили на «больную» тему.

— Что нового в школе за вчерашний день было? — спросил Игорь.

— Да ничего особенного, папа.

— А все-таки?

— Ну... классная наша, Маргарита Оттовна, опять возмущалась, что ты к директору так и не пришел.

«Вот же дура! — подумал офицер.— При чем тут Иринка? На километр бы эту мымру гладкочесаную к детям не подпустил!» Однако вслух только хмыкнул.

— Обидчики твои, ты говорила, поначалу все притихли, а как теперь?

— Так же, папа. Никто ко мне даже близко не подходит.

— Значит, в этом смысле тебе жить поспокойнее стало.

— Ага. Но вот...

— Что? — насторожился Кедров.

— Катька вчера от меня к другой девочке пересела. И вообще... Сначала многие говорили, какой ты молодец, и что Лешку давно проучить надо было, а теперь вроде как сторонятся. Нет, если я чего спрошу — отвечают. Только...— И голос девочки задрожал.— Только сами уже почти не подходят. Прямо никто. И Катька вот к Зинке ушла, а ведь они никогда не дружили...

— Даже так? — несколько растерялся боевой офицер.

Кусочек пути они прошли молча. И вдруг Иринка нерешительно спросила:

— Папочка, а может, тебе и не надо было вовсе в школу приходить?

— Это ж почему ты так думаешь? — удивился Кедров.

— Ну... я вчера на переменке мимо нашего Мамонова проходила, а он со своими бывшими одноклассниками из девятого «б» стоит. Так они на меня искоса глянули, и один говорит: «Рокфеллера,— это так Лешку дразнят,— давно пора было опустить». Второй поддакнул: «И круто, чтоб не зазнавался!» А Мамонов заявляет громко так: «Вот только пахану Иркиному все равно в это дело встревать было не резон»...

— Знаешь, дочь, мне все-таки лучше какого-то второгодника судить, резон или нет,— только и нашел что возразить Игорь. Но подумалось ему, что «больная» тема оказалась куда более глубинной.

Некоторое время он подефилировал под школьными окнами — одетый в неизменный камуфляж. А возвращаясь домой мимо пивной, приютившейся на полпути меж его квартирой и школой, боевой офицер шестым чувством понял: его «пасут»...

Остановившись, вроде как высморкаться, он быстрым взглядом влево назад зафиксировал двух мордоворотов в фирменных спортивных костюмах, массивных кроссовках и с короткими ежиками причесок. Отставив в сторону недопитые кружки, мордовороты нарочито лениво пристроились в кильватер капитану. Он же вспомнил, что на пути в школу видел рядом со «спортсменами», за столиком, еще двух «качков»: в свитере под горло и мощнейшего сложения, в темном костюме, но без галстука. Сейчас «качки» топали Кедрову навстречу, а мордовороты приближались сзади. Место разборки было выбрано квалифицированно: справа — высокий забор детсада, слева — глухая стена гаражного кооператива. Улочка немноголюдна, да и кому из случайных прохожих захочется нарываться на кулак или, чего хуже, на нож.

Клещи!!!

Игоря охватило тревожное возбуждение, как перед боем. По сути, капитан словно бы вновь очутился на войне. Особой. На которой ему запрещалось применять оружие и кроме умения сражаться голыми руками не было иных средств дать отпор превосходящим силам противника. И все-таки до чего точно удалось просчитать ситуацию! Иринку-то по утрам провожал умышленно — ждал, что папаша-бизнесмен клюнет на удочку и пришлет телохранителей либо наемников за сатисфакцией... Дождался!

Ускорив шаг, чтобы быстрее встретиться сидущими на него и одновременно увеличить разрыв меж собой и настигающими, Кедров двигался прямо на атлета в костюме, оставляя его напарника правее.

— Ну, ты, блин! — выкрикнул атлет, приблизившись до трех шагов.

И рванулся вперед, выбрасывая правую руку с кастетом, усаженным короткими металлическими шипами. Таким сработанным по особому заказу холодным оружием можно запросто размозжить переносицу или переломить челюсть. Владелец кастета, похоже, и рассчитывал на первый — эффектный — удар, многократно проверенный на упрямых должниках и всяких лохах. Но перед ним находился мастер рукопашного боя...

Подшаг навстречу нападавшему — и офицер тут же развернул корпус по часовой стрелке. Летящий кулак со смертоносным железом просвистел мимо: враг провалился вперед. Перехватить правой рукой его запястье, продернуть противника чуть дальше и — короткий, вполсилы, удар ребром ладони по кадыку. Сделано!

«Ударил бы мощнее — прямая дорога на кладбище,— мысленно резюмировал Кедров.— А прием-то получился как четко: будто на тренировке...»

Продолжая движение, капитан с силой приподнял подбородок атлету и зажал его

шею под мышкой, в удушающих тисках. Правую руку врага — на излом... Оттащить плененного от дружков...

Весь прием занял секунды три, так что «качок» в свитере не успел активизироваться. «Спортсмены» и вообще еще только подбегали к месту схватки — правда, с уже выщелкнутыми лезвиями ножей-выкидушек в руках. «Свитер» наконец-то сподобился выхватить электрошокер и газовый пистолет.

«Легко уделал — надо ситуацию дожимать»,— оформилась новая мысль, и капитан дико заорал:

— Стоять, суки! Еще шаг — и он покойник! — И тут же с притворной вежливостью поинтересовался у атлета, одновременно стаскивая с его беспомощной руки кастет: — Слышь, братан, тебя как зовут?

— Ник...кита,— в два приема выговорил тот, судорожно цепляясь за удушающую горло руку левой кистью. Остальные противники в замешательстве топтались на месте.

— Ну что, Никишок... Жить-то хочешь? Не то...— Игорь на секунду сдавил кадык плененному, и тот глухо захрипел.

— Эти звуки ласкают слух,— с издевкой произнес офицер, продевая в кастет пальцы правой руки.— Приятелям-то разобъясни: ежели кто дернется, первый труп — ты. Как минимум и еще одного закопаю, а повезет — всех! Дурилки! — опять закричал Кедров.— Я Афган и пять «горячих точек» прошел! Сколько тварей лично на тот свет отправил — со счета сбился! Четырьмя меньше, больше — без разницы! — Чуть тише добавил: — Я к смерти давно готов, а вот вы? — И внимательным властным взглядом обвел застывшие, меловые лица врагов.

— Чуешь, что одной ногой в могиле? — продолжил капитан беседу с Никишком.— Оглянуться не успеешь — только позвонки хрустнут! — И после секундной паузы заорал: — А ну, на хрен отсюда! Да бегом, бегом!!! — Опять перейдя на обманчиво дружеский тон, как бы попросил: — Никишок, походатайствуй...— еще раз на миг придавив тому кадык.

— Уйдите... Прошу... Иначе эта падла...— атлет заперхал.

— Здесь точно четыре падлы,— уточнил капитан.— И точно знаю, что ни одна из них — не я... Ножи и остальной арсенал — на землю! Ну! И свалили — больше не повторяю, ломаю ему шею!

— Уходите!!! — взвыл полузадушенный атлет.

Дружки нехотя повиновались.

...Дождавшись, пока обезоруженное трио удалилось метров на сто, Игорь одной рукой собрал с асфальта оружие, рассовал за пазуху и по карманам. Двигаясь то боком, то задом, протащил плененного шагов на тридцать в противоположную от друзей сторону. Двое случайных прохожих шарахнулись вбок...

У валявшегося близ дороги обломка бревна Кедров отпустил сломленного врага, и тот мешком свалился на облизанный дождями комель, обеими руками массируя горло.

— Слышишь меня хорошо? — спросил офицер.

Не отнимая рук от шеи, атлет с усилием кивнул.

— Тогда своему боссу — или кто он тебе — передай: за дочь любому глотку перегрызу! Усекаешь? А если хозяин твой не вникнет, сквозь всех телохранителей достану и через сотню пыток пропущу! В Афгане всякому научился... Уж там знают, как человека о собственной смерти умолять заставить!

Капитан и изрядно помятый атлет расходились в разные стороны. Игорь даже не оглядывался: настолько был уверен, что этот бой он выиграл... И вдруг остановился, взглядом упершись в новенький джип, припаркованный на противоположной сторо-

не расширяющейся улицы. Через открытое окно с заднего сиденья элитного авто на офицера злобно смотрел холеный мужчина с тонкими усиками и цейсовским биноклем в руках.

«А вот и сам заказчик»,— догадался мститель и замедлил шаг. Правая рука против воли опустилась на локтевой сгиб левой, и Игорь резко вскинул вверх одноименную с ней кисть.

Угадав, кому адресован сей неприличный жест, пассажир джипа торопливо поднял тонированное стекло. Шикарный автомобиль резво и почти бесшумно рванул с места...

Через сутки, ближе к вечеру, в квартиру Кедровых постучался мужчина в милицейской форме.

— Участковый инспектор, лейтенант Суржиков,— представился он и предъявил краснокожую «ксиву».— Тут на вас, товарищ капитан, заявление поступило. О групповом хулиганстве... Со стороны вас и, соответственно, дочери вашей, несовершеннолетней... Разобраться следует...

— Что ж, проходите,— нехотя пригласил Игорь в комнату нежданного гостя. В принципе капитан допускал и такой ход развития событий, так что был к нему готов.

Участковый инспектор неторопливо достал из папки-«лентяйки» стопочку бумаг.

— Значит, так: что мы имеем. Есть протокол заявления от гражданина Юрчилова Станислава Викторовича по поводу подстрекательства вами вашей дочери на избиение его сына. Что в дальнейшем на ваших глазах и имело место... Подтверждается свидетельскими показаниями педагога Кутовой Маргариты Оттовны — она же классный руководитель потерпевшего и подозреваемой... Вот выписка из журнала приемов и отказов от госпитализации амбулаторных больных горбольницы номер два, а также акт судмедосвидетельствования от двадцать третьего апреля сего года. Согласно ему, у Юрчилова-младшего зафиксированы телесные повреждения в виде гематомы мягких тканей головы. Со слов отца, подросток также жалуется на непрекращающиеся головные боли... Да и вообще: произошедшее не могло не повлиять на психическое состояние несовершеннолетнего... Он в своем объяснении подтверждает изложенные отцом факты. Что можете пояснить по этому поводу?

— На протяжении длительного времени Юрчилов-младший методично и изощренно травил мою дочь,— начал Кедров,— мучил ее и систематически избивал. Однако педагоги всегда покрывали маленького садиста.

— Ваши слова бездоказательны,— перебил лейтенант милиции.— У Алексея Юрчилова — прекрасная характеристика. Подписана классным руководителем и директором школы...

— Конечно,— усмехнулся Игорь.— Чего не сделаешь... в надежде на папино подаяние...

— Не понял...

— Ладно, проехали. Давайте тогда только о последнем эпизоде: учителя подтверждают, что недавно Юрчилов ударил мою дочь папкой с учебниками по голове?

— Про этот факт действительно упоминалось,— поморщившись, вынужден был согласиться участковый.— Но директор поясняет, что, во-первых, вы сильно преувеличиваете. А во-вторых, случаю давалась принципиальная оценка. Мальчик в присутствии вашей супруги извинился, и инцидент считается исчерпанным.

— Ах, считается... А ну, иди-ка сюда,— позвал Игорь жену из комнаты Иринки.— Разобъясни-ка товарищу начальнику по поводу принципиальной оценки...

— Малолетнего преступника пришли защищать? А где вы были, когда он мою

дочь избивал и оплевывал? С учителями заодно? Да он ее совсем затерроризировал! — налетела Кедрова коршунихой на участкового инспектора, с жаром перечисляя все случаи унижения дочери.

Лейтенант милиции несколько минут молча слушал материнские претензии, а затем протестующе поднял руки вверх, как бы закрываясь от словесного потока, низвергавшегося на его голову:

— Хорошо, хорошо...— И опустил руки на стол.— Значит, так: мы во всем тщательно разберемся, если неприязненные отношения между детьми действительно имели место.

— Представьте, имели! — выпалила Людмила.— А вы тут устраиваете... игру в одни ворота! Да моя Иринка и мухи не обидит!

— И все же: разве она не избивала Юрчилова рюкзаком?

— Слегка погладила, это точнее,— не согласился капитан.— Подтверждаю: в моем и учительницы присутствии. Только действовала по собственному почину... Поняла, что мой разговор с Алексеем ни к чему не приведет: тот хамил, врал, вину признавать не собирался. Скажу больше: он и надо мной начал издеваться. Мне, мол, некогда по пустякам болтать, спешу, да и вообще — если что и произошло, то нечаянно, ненароком... Вы согласны, что шарахнуть сколько есть мочи сумкой по голове одноклассницы возможно походя, даже этого как бы и не заметив?

— Мы разберемся,— повторился участковый инспектор.— Только это тоже не метод — устраивать самосуд. Необходимо было еще раз посетить директора, встретиться с отцом подростка, к нам в конечном итоге обратиться...

— Пардон, никакого самосуда,— уточнил Игорь.— С моей стороны... Ну, стукнула Иринка одноклассника — в отместку, несильно, девочка она хиленькая. Ну, за вихор дернула... От этого же не умирают, так? Напомню: все, что она сделала, неуправляемый мальчишка с ней творил раньше и больше... Давайте тогда уж обоюдно их действия разбирать...

— Сейчас мы больше о ваших действиях речь ведем,— гнул свою линию лейтенант милиции.— Кутова настаивает, что девочка действовала по вашей указке, и уверена, что у вас заранее сговор был.

— Хех! — усмехнулся Кедров.— Да ради куска хлеба — в смысле места в школе — она вам сейчас засвидетельствует, будто я каждую ночь в кабинете директора первоклассниц насилую! Повторяю: мальчишка мне нахамил, дочь поняла, что из разговора толку не будет, ну и... какой тут может быть сговор? Так и пишите...

— Ну хорошо,— участковый инспектор взял из «лентяйки» чистый лист.— Теперь надо бы и от несовершеннолетней объяснение принять.

— Категорически возражаю,— отрезал капитан.

— Почему?

— Чтоб лишний раз ребенка не травмировать. Да и без педагога вы малолетних опрашивать не имеете права...

— Время тянете? Ладно... Значит, так: завтра в школе опросим.

— А я сегодня дочери строго-настрого запрещу с любым на эту тему разговаривать,— предупредил Игорь.— И посмейте только на девочку давить — по судам затаскаю!

— Благодарю за откровенность! — и участковый инспектор резко захлопнул «лентяйку».

...И этот бой был выигран. Правда, после ухода милиционера Игорю пришлось выслушать критическое мнение Людмилы о сложившейся ситуации. Но теперь и жена, и дочь в любом случае должны были действовать заодно с главой семьи, как бы ни складывались обстоятельства...

Через несколько дней, когда Кедров уже вышел на службу, его вызвали в военную прокуратуру: все собранные по факту «группового хулиганства с предварительным сговором» материалы были переданы туда. С тяжелым сердцем шагал по улице капитан: а вдруг адвокат в своих предположениях все же оказался неправ?..

— Разрешите? — постучался и приоткрыл светлой полировки дверь в кабинет военного прокурора Игорь. И четко отрапортовал: — Товарищ полковник, капитан Кедров по вашему приказанию прибыл!

— Проходите, присаживайтесь,— пригласил хозяин кабинета, сидящий в черном кожаном кресле на колесиках за массивным рабочим столом. Перпендикулярно к нему примыкали еще три, «рангом» поскромнее, с придвинутыми по обеим сторонам рядами полумягких стульев. Боевой офицер сдернул пятнистую кепку и осторожно умостился на одном из них.

Выдержав паузу, полковник — лысый, с широким пористым носом и выпирающим кадыком — задал риторический вопрос:

— Понимаете, товарищ капитан, по какому поводу вы здесь?

— Да уж, догадываюсь.

— Тем лучше — не будем ходить вокруг да около. Конфликтная ситуация в школе наличествовала?

— Имела таковая место,— нехотя признал Кедров.

— А поскольку вы — армейский офицер, то и материалы проверки по заявлению гражданина Юрчилова были, соответственно, направлены милицией в наш адрес.

— Ну, это-то понятно.

— Вот и ладно. Итак, с документами мы внимательно ознакомились. Было над чем подумать... М-да-а... Посему сделали запрос в воинскую часть, характеристику и личное дело ваши нам переслали. Скажу откровенно: впечатляет. Афганистан... кстати, в свое время я тоже в Кандагаре побывал и даже знавал вашего бывшего командира полка Чайкина. К слову: не в курсе, где он сейчас?

— В Подмосковье, на пенсионе. На даче затворником живет, редиску выращивает.

— М-да-а. А какой лихой офицер был! Ладно, у каждого по жизни свой путь... Значит, Афганистан — орден Красной Звезды, медаль «За боевые заслуги»... Чечня, Дагестан, Чечня, опять Чечня... Орден Мужества, две медали «За отвагу», «За отличие в воинской службе»... Целый иконостас!

— Скажете тоже. Да у того же Чайкина — куда круче... Вот только он свои награды недавно все хотел переплавить и потом результат в реке утопить.

— Что-что-что? — удивился военный прокурор.

— Эхх! Не хотелось вам говорить,— вздохнул Кедров.— В религию командир качнулся. И круто. От беса, кричал, все эти награды дадены, за души людские загубленные. Грехов, значит, на нем много, успеет ли к смертному часу замолить? А не то — гореть ему на адовой сковородке... Спасибо, жена и сын вовремя неладное углядели — кое-как скопом забрали медали и ордена. Теперь вот у соседей хранят. И вообще, товарищ полковник, вы ж меня сюда вызвали не о наградах моих, да и чужих речь вести...

— Ох и ершист ты, однако, капитан! — неожиданно отказался хозяин кабинета от официального «вы».— Подразумеваю, оттого-то до тридцати семи — и все в младших офицерах. Характеристика-то на тебя, с одной стороны, положительная, а с другой — ввернули: «Не всегда соглашается с мнением вышестоящего начальства».

— Ага. Особенно если оно выдает на-гора идиотские приказы, а когда я их по мере возможности все же стараюсь исполнить, от косяков попробуй застрахуйся. Я

же потом еще и крайним оказываюсь, если возражать начинаю и не соглашаюсь чужую вину на себя принять. Дурдом!

— М-да-а... Ладно, я тебе как афганец афганцу. Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении тебя мы, конечно, вынесем. Только вот что еще для этого сделать надо. Тут, в материалах, имеется акт судмедэкспертизы — по поводу полученных несовершеннолетним Юрчиловым телесных повреждений: на удивление быстро спроворили! — так и ты дочь на медосвидетельствование тоже своди. Направление мы подготовили, вот, а заключение в дело подошьем.

— Без проблем,— отозвался Кедров.

— Идем дальше. Вот бумага. Немедленно пиши объяснение, что по статье 51 Конституции РФ никто показания против себя и близких родственников давать не обязан, а значит, молчание дочери закону не противоречит. Это чтобы на рапорт участкового ответить, где он на тебя и дочь бочку катит: мол, отказываются давать показания. Однако вот жену твою почему-то опросить запамятовал — ну ничего, мы это живо поправим...

— Раз оно так пошло, товарищ полковник, тогда и я скажу,— насупился Игорь.— На днях на меня было совершено разбойное нападение. Четверо неизвестных мужчин окружили по дороге из школы — дочь провожал. Молодые, накачанные, с холодным оружием. И если бы не мой богатый опыт в рукопашке, лежать бы точно сейчас в реанимации. Ну, за что боролись, на то и напоролись. Да, кастет, ножи и шокер, что у этих громил отобрал, припрятал. Надо — отпечатки там или что, так принесу.

— Один против четверых? — изумился военный прокурор.— И сдюжил? Однако! Кстати, рапортом-то своему командиру доложил?

— А смысл? — вопросом на вопрос ответил офицер.— Оно понятно, что это люди Юрчилова были, я даже его самого в джипе неподалеку лицезрел, только вот поди докажи...

— Ну и напрасно,— не согласился полковник.— Если подобное повторится — немедленно рапорт по команде и в милицию заявление.

— Да уж... — скептически протянул Игорь.— Если повторится — они умнее будут. В плане, подготовленнее...

...Прошло еще несколько суток.

В деле появились новые документы: школьная характеристика на Иринку — на одно достоинство три недостатка. Плюс свидетельские показания несовершеннолетнего Антона Мокрицкого, подглядывавшего за ходом конфликта. Наконец-то приняли подробное объяснение и от Людмилы. В документы подшили второй акт медосвидетельствования — теперь уже несовершеннолетней Кедровой, «давно и часто жалующейся на аналогичные головные боли». Опрошенная в прокуратуре Ожившая Мумия свою роль в затяжном ЧП поясняла неубедительно...

И в итоге гарнизонная военная прокуратура в возбуждении уголовного дела в отношении гражданина Кедрова И.Д. и гражданки Кедровой И.И. по части 2 статьи 213 Уголовного кодекса РФ «Хулиганство» отказала — «за отсутствием состава преступления».

О чем и был официально поставлен в известность командир мотострелкового полка.

Можно было считать, что выигран главный бой?.. Однако жизнь внесла свои коррективы...

Вскоре Игоря вызвал к себе в кабинет заместитель командира полка по воспитательной работе. Пасмурное лицо подполковника задушевной беседы явно не обещало.

— Мало мне, товарищ капитан, было запросов из военной прокуратуры, так теперь ваша фамилия еще и у заместителя командующего по тылу на слуху! — официально, на «вы», начал старший офицер, хотя обычно бесцеремонно «тыкал» младшим по званию.

— В каком смысле? — насторожился Кедров.

— В отрицательном,— уточнил подполковник и перешел на «ты».— Генералу поступил сигнал, что ты человека нужного обидел. Так и сказал: очень нужного. И фамилию назвал. Догадываешься, о ком идет речь?

— Само собой...

— Так вот: генерал требует, чтобы ты прилюдно, в школе, извинился перед одноклассником твоей дочери и его отцом и вообще уладил как-то этот вопрос. Можешь считать таковое приказом.

— Мне лично извиняться не за что,— отрубил Игорь.— А вопрос... Что ж, если «как-то», то он уже улажен.

— Это тебе лишь кажется,— наклонился к нему главный воспитатель полка.— Не забывай: я тоже материалы несостоявшегося уголовного дела читал. И склонен думать, даже уверен, что на деле все происходило именно так, как учительница пишет. Был в твоих действиях криминал! Был! Только тебе подвезло: испугом отделался. Впрочем, и к лучшему: пятна еще на всю часть не хватало...

— А в действиях подрастающего садиста вы криминала не находите? — возмутился Кедров.— И что учителя все знали, да молчали?

— Такие оценки давать неправомочен,— сразу открестился от ответа на скользкий вопрос подполковник.— Моя обязанность — отследить твое поведение и, если требуется, наказать по всей строгости!

— Интересно, за что? В возбуждении-то отказано...

— А за то самое! Например, за ненадлежащее воспитание дочери — в духе рукоприкладства! За нежелание в конфликтной ситуации общаться с руководством школы! За оказание психологического давления на несовершеннолетних своими прогулками в форменной одежде под окнами учебного заведения! Вам что, товарищ капитан, для этого форма дана? — вновь перешел на «вы» и поднялся с кресла подполковник.

Игорь тоже встал — субординация — и заявил:

— Будь на месте моей дочери ваша — вы б наверняка рассуждали иначе! — И осекся, поняв, что наступил на больную мозоль старшему офицеру: детей у него — по слухам, из-за его стерильности — не было.

— Я попрошу, товарищ капитан...— побагровел и, прищурив глаза, повысил голос «воспитатель»,— не проводить неумные и оскорбительные параллели! Хорошенько подумайте над предложением генерала — иначе я не гарантирую вам прохождения дальнейшей службы в нашей части!

— Артиллерия бьет по своим? Тогда мне только и остается, что самому к генералу на прием записаться!

— Это если мы позволим,— процедил подполковник,— а для начала еще командир полка имеется. Так что главный разговор впереди. Свободны!

...Вечером того же дня капитана поджидал второй неприятный сюрприз: жена со слезами сообщила, что ее уволили,— а работала Кедрова инспектором социальной защиты в администрации одного из городских районов.

— Сказали, что меня и держали раньше только из жалости,— возмущалась Людмила.— У меня же строительный техникум — «не по профилю». «На ваше место претендует классный специалист...». Я уже и у юриста была — по КЗОТу, говорит, нарушения нет...

— Ничего-ничего... Устроишься где-нибудь по специальности,— пытался утешить жену Игорь.

— Ты в своем уме? — напустилась она на мужа.— Это где и кто нынче хоть что-нибудь строит? И какой из меня прораб, если с нашими переездами я вообще проработала года полтора, а потом прочно в домохозяйки...

— Будем что-то подыскивать... Через биржу, через газеты...— только и смог ответить Кедров.

Но на том сюрпризы не закончились. Назавтра Иринка принесла из школы сразу две двойки. Потом они пошли сплошным потоком: по три-четыре в день. Учителя спрашивали девочку на каждом уроке, вопросы задавали самые каверзные, ловили на всякой мелочи и постоянно выговаривали ни за что. Особенно в том преуспевала Маргарита Оттовна.

— Четверть века преподаю — и впервые вижу такое нежелание к учебе! Ты, смотрю, по «неудам» скоро и Мамонова переплюнешь! В чем дело? Элементарщины решить не в состоянии! — с явным наслаждением ругала Кутова Иринку, вызвав ее к доске и предложив задачу повышенной сложности.— И нечего мне тут крокодиловы слезы лить! Все равно тройки не выплачешь!

Быстро уяснив ситуацию, одноклассники объявили девочке тихий бойкот: никто и пальцем не трогал, но теперь вовсе не общались, принципиально поворачиваясь к ней спиной и игнорируя робкие попытки завязать разговор. Иринка, чего с ней раньше никогда не случалось, стала прогуливать школу.

А через две недели — за это время жена Игоря так и не нашла себе новой работы, а у офицера в части стали готовить документы на его перевод в тмутаракань — классный руководитель принесла супругам на дом официальное уведомление... Решением специальной комиссии из ведущих педагогов школы, возглавляемой представителем городского комитета по образованию, ученица седьмого класса Кедрова была признана неспособной обучаться в показательной школе с математическим уклоном, куда принимаются лишь особо одаренные дети. Кандидатка же не выдержала испытательный срок, в связи с чем, родителям было предложено перевести девочку в другую школу — и даже указано, в какую именно.

Только тут Людмила вспомнила, что какую-то бумагу по этому поводу она раньше, при приеме дочери на учебу после очередного переезда семьи, действительно подписывала, но как-то не придала тому особого значения...

— Пускай так,— всхлипывала Иринка.— Пускай переводят, лишь бы побыстрее. Но почему здесь, даже если в сто раз хуже меня отвечают,— всем тройки? Даже Мамонову ставят, а он, бывает, вообще молчит... Ко мне в классе никто не подходит! Не разговаривают! Отворачиваются! А учителя кричат, что я лентяйка и тупица! За что? Папа, за что?

Жена кричала на Игоря, обзывала всяко. Он угрюмо молчал, понимая, откуда дует ветер. Семье методично «перекрывали кислород» по всем каналам.

Прошло еще несколько дней...

Получив законный выходной после воскресного наряда, капитан решил идти ва-банк. Собственно, а что ему еще оставалось?

Позавчера Иринку так довели в школе, что она попыталась покончить с собой. Выбрала не петлю или прыжок с крыши высотного дома, а отравление. Наглоталась снотворного, которое иногда принимала на ночь мать. И если бы та не вернулась рано домой, получив отказ в трудоустройстве в двух местах, неизвестно, удалось ли спасти решившуюся на самоубийство.

Сейчас жизнь девочки уже была вне опасности, но пока еще Иринка находилась в реанимации...

В так называемой посмертной записке — есть такой термин,— а вернее, целом письме девочка сообщала родителям, что после уроков Юрчилов-младший вновь изо всех сил ударил ее папкой по голове во дворе школы. И пообещал теперь избивать каждый день. Когда же Иринка закричала, зовя на помощь директора школы и классного руководителя, которые как раз в эту минуту вышли на порог, обе женщины, прекрасно видевшие действия сына нового русского, по-военному сделали поворот кругом и спрятались в здании, да так оттуда и не вышли, сколько девочка ни плакала. А Юрчилов-младший важно уселся на переднее сиденье «джипа», возле которого стояли пятеро крепких мужчин, и с комфортом отбыл домой...

...Собираясь на свою личную войну, офицер не стал надевать камуфляжной формы. Облачился в непривычный гражданский костюм, повязал галстук, надел надраенные тупоносые туфли. Немного подумал и прикрепил на грудь все свои начищенные — не до блеска, а чтобы чуть высветлились — боевые награды.

По широкому асфальтированному тротуару Кедров твердо шагал к офису фирмы Юрчилова-старшего, нежно поглаживая в кармане гладкие бока гранат «эргэдэшек». Слегка нагревшийся металл успокаивал, вселял дополнительную уверенность в своих силах, убеждал в собственной справедливости.

А вокруг шелестели зеленой, слегка запылившейся — не было дождей — листвой деревья, и цвиркали в этой зелени птицы... Солнечные лучи, еще не очень жаркие, спускались с безоблачного неба. И не верилось боевому капитану-мотострелку, что сегодня, через считанные минуты, в одно мгновение единственный маленький осколок «эргэдэшки» может похоронить под собой весь этот привычный мир с его явными и тайными войнами. Однако твердо знал решившийся на крайность офицер одно: случись даже самое худшее — и в мир иной, которого мы все до тошноты, до ужаса, до отчаяния боимся, но куда неминуемо придем, он шагнет только вместе со своим главным врагом. Шагнет без колебаний.

...Ах, как не хотелось делать этот непоправимый шаг! Но на все теперь оставалась одна — Господня — воля.

Игорь Нехамес
(г. Москва)

ГАЛАПАГОССКИЙ СПАСАТЕЛЬ
Верный бастионовец

Президент Академии российской литературы. Наш постоянный автор. Дважды лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Хави Фаранес родился 1 января 1940 года. Как вспоминала его мама Марта, когда рассказывала сыну о его рождении, он с первых дней жизни отличался самостоятельностью и независимым нравом. Если он хотел есть, то его бас разносился по всему Народному роддому и молодые мамочки говорили Марте: «Это твой Хави! Сейчас он высосет все молоко из обеих грудей!»

Рост Хави был 59 см, а вес 4 кг 900 г. Отличался он отменным аппетитом, а Марта со счастливой улыбкой смотрела на младенца и говорила: «Кушай, кушай! У меня еще будет много молока!»

Папа Антонио, рыбак, был счастлив. Их первенец, десятилетняя дочка Сильвия, буквально сходила с ума от радости, гордясь появлением братика. Марте она была первой помощницей в заботе о ребенке.

Хави себя стал помнить в возрасте примерно трех с половиной лет. Осенью 1943 года в порт Гаваны зашел советский транспортный корабль. Грузчики споро грузили мешки с сахаром, а тысячи гаванцев пришли в порт на стихийно возникшую манифестацию дружбы. Советские военные моряки уже устали пожимать руки, но находили в себе новые резервы и братание продолжалось. Хави сидел на плечах отца Антонио и чувствовал себя абсолютно счастливым, помахивая кубинским флажком.

Вдруг наступила полная тишина. Большой белый автомобиль медленно катился, чуть не задевая людей. В открытой машине сидел невысокий коренастый узкоглазый кубинец. Белоснежная военная форма оттеняла его смуглую кожу.

— Батиста! Батиста! — раздались шепотки со всех сторон.

Автомобиль остановился буквально в трех шагах от семьи Фаранес. Услужливый офицер открыл дверцу, и президент Кубы с достоинством ступил на мостовую. В наступившей тишине неожиданно раздался голос маленького Хави:

— Ола, Батиста! — и ребенок протянул маленький флажок Фульхенсио Батисте.

Первый человек Кубы поднял голову, заметил малыша и доверчиво протянул к ребенку руку. Хави вставил в правую ладонь президента флажок и радостно засмеялся. Толпа замерла в оцепенении. Фульхенсио, как мог радушно, улыбнулся ему, зажал флажок под мышкой и сунул обе руки в карманы. Затем из левого кармана брюк вытащил круглый значок, а жестом правой руки попросил опустить малыша с плеч. Папа Антонио повиновался. Фульхенсио Батиста присел на корточки и прикрепил к футболке ребенка круглый значок со своим изображением. Сестра Сильвия взяла малыша за правую руку и звонким голоском произнесла: «Мучограцио, президенто!»

Польщенный Батиста погладил девочку и мальчика по головам и двинулся в сторону корабля.

Сопровождающие солдаты, бестрепетно и грубовато раздвигая людей, споро постелили красную дорожку, освобождая проход для президента. Навстречу ему медленно двинулись представители советского посольства и командир корабля. Маленький Хави взял и тоже ступил на дорожку и потянул за собой сестру. Охранники замерли в недоумении. Фульхенсио Батиста этого не заметил. Он принял рапорт от капитана советских моряков и вдруг увидел боковым зрением приголубленных им детей. Капитан корабля, очевидно, подумал, что это дети Батисты и вручил им два вымпела с названием советского транспортного судна. Вокруг раздались аплодисменты. Хави отдал честь советским военнослужащим. Публика зааплодировала еще сильнее. В это время мама Марта тихонько позвала детей:

— Хави, Сильвия! Идите, пожалуйста, ко мне, прошу вас!

Дети послушно повернулись и пошли по красной дорожке обратно. Охранники расступились, пропуская детей. Мама поцеловала их, и Хави снова оказался на отцовских плечах. Они медленно стали выходить из толпы, а отец неодобрительно бормотал:

— Несу домой верного батистовца!

Что происходило дальше в порту, они уже не знали — стремились быстрее вернуться домой — в Гавану Вьехо.

Старая Гавана — это место, где проходила вся их жизнь. Здесь они чувствовали себя уверенно и счастливо. Дома мама выговаривала Хави:

— Ну, ты и влип в историю!

Мальчик, не понимая значения ее слов, лишь смеялся в ответ. Сильвия внимательно рассматривала значок с изображением Батисты. Время от времени Хави прикрывал изображение ладошкой, а потом убирал ее, открывая значок, и смеялся, видя недовольство старшей сестры. Мальчику было приятно находиться в центре внимания.

Через два дня он забыл об этом событии, а Марта спрятала футболку со значком в огромный шифоньер из дубового дерева, в котором находилось место для всего.

В 1942 году Фульхенсио Батиста установил дипломатические отношения как с Советским Союзом, так и с другими странами антигитлеровской коалиции и объявил войну Германии, Италии и Японии. Маленькая Куба поставками сахара также участвовала во второй мировой войне. В Советском Союзе сахар был таким же стратегическим товаром, как хлеб, водка, соль, спички, табак. И помощь из далекой центральноамериканской страны была определенным подспорьем для испытывающего нечеловеческие трудности населения СССР.

Семейные испытания

Антонио стал активистом национального антифашистского фронта и разъяснял окружающим, что введение всеобщей воинской повинности на Кубе — это важное и нужное дело. Люди верили Антонио, потому что речь шла о независимости страны, и тогда Батиста помогал объединять разные народы, живущие на Кубе, в единую страну своими реальными действиями против фашистских агрессоров.

Антонио был честным и добросовестным рыбаком, и люди верили ему. Часто на вечерние беседы с населением Антонио брал с собой маленького Хави. Люди узнавали малыша и приветствовали его словами: «Слава верному батистовцу!» Мальчик не понимал значения этих слов, но ему было приятно, что его все везде узнают.

В 1948 году в семью пришла беда. Мама Марта пошла помогать супругу на рыбный базар, чтобы сортировать рыбу для перекупщиков. Одна из пойманных рыб еще не уснула, вывернулась и укусила Марту за указательный палец левой руки. Женщи-

на вскрикнула, завязала палец платком. Боль вроде бы немного поутихла. Но поздно вечером палец распух. Решили подождать до утра. И напрасно: началось заражение крови. Через три дня ее не стало. На городском кладбище Гаваны у семьи Фаранес был семейный склеп. Там и упокоилась 36-летняя Марта. Мальчику было семь с половиной лет.

Но на этом несчастья в семье не закончились. В 1953 году, весной, Сильвия возвращалась из вечерней школы, где работала преподавательницей испанской литературы. В вечерней школе учились люди разных возрастов, особенно много было учеников из Гаваны Вьехо, потому что в вечерней школе бедных учили бесплатно. Сильвия была всеобщей любимицей. Когда она читала испанские романы или пересказывала их, когда самозабвенно звучали поэтические строки о свободе, то ученики замирали то от восторга, то от огорчения, когда видели слезы в ее глазах. Молодую учительницу приглашали заняться частной практикой, работая в богатых домах состоятельных кубинцев. Но на все предложения она отвечала отказом со смехом: «Я хочу дарить радость и знания народу Кубы!»

В 1952 году Фульхенсио Батиста совершил военный переворот на Кубе. Его активно поддержали Североамериканские Соединенные штаты. Батиста любил разные подарки и разрешил организовать на Кубе казино. Благодатный климат Кубы, доброжелательность и открытость кубинцев — все было поставлено на службу американской мафии. Раз появились казино, то появились и дома терпимости. Богатые клиенты хотели удовлетворять свою похоть. Им не нужны были старые проститутки, но они хотели молодых юных тел, и тогда в Гаване и еще в ряде городов страны стали действовать банды, нанятые американскими мафиози, для принуждения девушек к проституции и помещению их в публичные дома.

26 марта 1953 года семья Фаранес запомнила навсегда. После занятий в вечерней школе Сильвия возвращалась к себе домой в Старую Гавану. Несколько учеников хотели проводить учительницу до дома, но она ответила отказом, потому что на одном из перекрестков ее ждал верный Хорхе, 25-летний водитель грузовика, который очень нравился Сильвии и с которым она мечтала создать в будущем семью. До перекрестка она не дошла буквально метров двести. Четверо неопрятных мужчин в одинаковых черных кожаных куртках кинулись к ней навстречу, чтобы схватить ее.

За несколько мгновений в голове Сильвии пронеслись мысли: «Неужели ее сделают проституткой?» Она вспомнила свою подругу Стефанию, которую два месяца тому назад примерно также поймали, отвезли в публичный дом и отдали богатому старому американцу. Так для Стефании началась полурабская жизнь. А ведь Стефания тоже была учительницей. Только спустя месяц она пришла домой с потухшим взглядом и с синяками на теле. Стефания и Сильвия жили по соседству. Когда Стефания рассказала свою историю о том, как за неполный месяц ею овладели в общей сложности тридцать мужчин, а один даже издевался над ней, то девушки обнялись и горько разрыдались. Сильвия не хотела отпускать Стефанию обратно, но у Стефании была больная мать, четверо братьев и одна сестра, отец утонул в океане, а потому даже этот полунищенский заработок был подспорьем для семьи. Кроме того, Стефания боялась, что придут из публичного дома, найдут ее, изобьют и снова понудят к занятиям проституцией. Когда девушки уже прощались, прибежал Хави, который все дни проводил на Малеконе — набережной в Гаване. Ему было уже тринадцать лет, и хотя он был невысокого роста, но коренастый, крепкий красивый мальчик:

— Салют, Стефания! Что-то давно тебя не было видно! Я соскучился!

Стефания упала перед Хави на колени, уткнулась ему в грудь и разрыдалась.

Мальчик гладил девушку по волосам и удивленно смотрел на сестру:

— Скажи, Сильвия, кто ее обидел? Я приду и изобью обидчика!

Сильвия тоже разрыдалась.

Постепенно Стефания успокоилась, расцеловала мальчика и сказала ему, что когда-нибудь покажет своих обидчиков, когда он вырастет. Мальчик расстроился и пошел на кухню поесть скромный ужин, который приготовила Сильвия.

Вспомнив судьбу Стефании, Сильвия решила сопротивляться до конца. Она отмахнулась локтем и попала в нос одному из преследователей. Тот вскрикнул, схватился за лицо руками и кровь потекла по его ладоням. Трое преследователей на несколько секунд опешили. За это время Сильвия успела сбросить с себя туфли и ударила туфлей одного из преследователей по лицу. Каблук попал в правый глаз бандита. Раздался жуткий вой, и он упал на мостовую. Сильвия, подобно трепетной лани, рванула к спасительному перекрестку. Но ее преследователи тоже не дремали. В прыжке один сумел схватить ее за ногу, и они кубарем покатились по мостовой. Бандит, который бежал следом, схватил девушку за шею и резко дернул. Он переусердствовал — смерть наступила мгновенно.

Плюнув на коченеющий труп и ругаясь самыми последними словами, бандиты подхватили двух своих подельников и скрылись в переулке.

А верный Хорхе стоял на перекрестке и ждал свою ненаглядную Сильвию.

Через 15 минут он стал волноваться: не случилось ли чего? Вдруг он увидел, как по мостовой бежит пожилая негритянка Кончита, воздев руки к небу: «Помогите все, кто слышит меня! Убили учительницу Сильвию! Помогите!»

Хорхе кинулся к ней и попросил отвести к месту трагедии. Он бежал за Кончитой и рычал, как раненый лев. Испуганные люди выходили из своих трущоб и присоединялись к ним. Жуткое убийство потрясло всех. Девушка не дышала.

Хорхе подхватил ее на руки и понес тело к дому. Кто-то робко сказал о том, что надо вызвать полицию, потому что произошло убийство, но Хорхе так посмотрел на советчика, что тот чуть не проглотил язык от страха. Под причитания негритянки Кончиты и других сопровождающих он бережно нес свою любовь в Старую Гавану. Толпа множилась, и когда они подошли к дому, где жила Сильвия вместе с Хави и папой Антонио, то собрались уже несколько тысяч человек.

— До каких пор нас будут унижать и издеваться над нами! До каких пор нас будут лишать будущего, принуждая девушек к проституции! До каких пор будут грабить нашу страну американцы и предатели-кубинцы! Мы не выйдем на работу, мы выйдем на демонстрацию гнева! — выкрики людей помогали Хорхе забыться от горя. Несколько старушек принесли белые простыни, расстелили их возле порога, куда бережно положили Сильвию. Тысячные вопли отчаяния сменились общим плачем. Хорхе упал на колени и целовал безжизненные руки девушки. Кончита и еще несколько пожилых кубинок еле отвели его в сторону.

Антонио пришел домой вместе с Хави и застыл в оцепенении: не стало его любимой дочери, его задорной, звонкой, веселой и всегда настроенной на оптимизм дочери! А как же теперь Хави? Кто будет ухаживать за мальчиком?

Хави застыл подобно соляному столбу и время от времени повторял одну и ту же фразу:

— Как же мы не уберегли тебя, Сильвия?

Он не плакал, его лицо закаменело и смотреть на него в эти минуты было страшно.

Отец Антонио обнял мальчика за плечи и негромко произнес:

— Хави, она достойно жила, она была солнечным лучиком Старой Гаваны и наших трущоб, и мы должны проводить ее в последний путь, как будто хороним королеву Испании.

Люди повторяли эти слова, передавая друг другу.

Расстелили еще одну большую белую простыню рядом с телом, и люди стали

бросать туда деньги. Сентаво и песо падали сначала тонким ручейком, но в результате сложилась горка, потом — еще бо́льшая горка... А люди все шли и шли, бросая и бросая деньги.

Если бы не прикрытое платком лицо Сильвии, если бы она могла видеть, то она бы поняла любовь жителей Гаваны Вьехо к ней.

Через два дня были назначены похороны. Антонио не хотел отпевать Сильвию в католической церкви, потому что видел лицемерие и неприкрытый грабеж кубинского народа. Но его уговорили старухи, и он стоял в храме, потупив глаза. Его переживания были непереносимы.

Местный полицейский начальник прислал около сотни солдат следить за порядком. Ими командовал злой кривоногий лейтенант. Огромная толпа понесла гроб на городское кладбище Гаваны к семейной усыпальнице семьи Фаранес. Впереди шел Хави, облаченный в белые одежды. В левой руке он нес свечу, а в правой — документы.

Ворота кладбища были закрыты и их охраняли шестеро солдат. Старый священник встал рядом с Хави и попросил: «Откройте ворота, у склепа ждут рабочие, нам нужно похоронить погибшую!». Однако начальник караула с бесстыдной наглостью отвечал: «Здесь слишком много людей, вы будете мусорить и можете повредить могилы». Священник стыдил начальника караула, но тот был непреклонен. И вдруг раздался спокойный, уверенный, и тем более устрашающий голос Хорхе: «Если через двадцать секунд ворота не будут открыты, мы сломаем их, а вас втопчем в булыжник! О вас даже не останется воспоминания! Нас здесь пятнадцать тысяч. Никто не заткнет голос Старой Гаваны!»

Хави стоял и безучастно смотрел на все происходящее. За его спиной шестеро молодых людей несли гроб с телом его единственной любимой сестры. Рядом со священником встала Кончита. Она увидела солдата-мулата и обратилась к нему: «Не унижай себя! Открой ворота!» Она говорила спокойным размеренным голосом. Ее звук гипнотизировал солдата. Он из всех сил оттолкнул начальника караула и открыл ворота. Начальник караула, цепляясь за кобуру, кричал: «Стреляйте! Стреляйте!» Но несколько солдат умелыми действиями спеленали начальника караула. И хотя он еще трепыхался, но люди начали проходить внутрь некрополя.

Хорхе плюнул начальнику караула в лицо. Тот обмяк на руках солдат и разрыдался. Люди построились по шесть человек и ряд за рядом шли за гробом. Никто не мог противиться их гневу и горю.

Панихида был крайне скромной. Католический священник прочитал заупокойную молитву, которую стоящий рядом с ним Хави запомнил наизусть сразу. Рабочие умело разобрали часть склепа, закрыли гроб крышкой, и под душераздирающую траурную мелодию поместили его внутрь склепа. Затем снятый облицовочный камень вернули на место, а люди медленно и печально двинулись обратно.

Ни одного окурка, ни одной бумажки, ни одной пустой бутылки не осталось после них. Начальник караула отдал солдатам команду закрыть ворота, а огромная демонстрация пошла к тому месту, где была убита Сильвия. Солдаты осторожно и испуганно, стараясь не попадаться разгневанным людям на глаза, шли по бокам и сзади. Они понимали, что лучше народ не сердить. Вместе шли белокожие и коричневые, черные и красные — люди разных оттенков кожи и разной веры объединились в эту печальную минуту. Огромный холм из цветов на месте гибели покрыл позор власти Батисты, временного президента Кубы. Кто-то крикнул: «Пойдемте сожжем хотя бы с десяток казино!» Но Хорхе предостерегающе поднял вверх открытую правую ладонь. Наступила полная тишина. Тысячи людей ждали слов возлюбленного Сильвии. И он нашел самые верные слова. Речь его была немногословна:

— Жители Гаваны Вьехо! Кубинцы! Нас хотят лишить будущего! Нас хотят превратить в бессловесных рабов! Это происходит в середине двадцатого века, когда пали многие колонии и десятки государств стали независимыми и свободными. Я уверен, что пройдет не более пяти-восьми лет и Куба тоже задышит полной грудью, и вы, простые кубинцы, станете свободными гражданами новой Кубы! Венсеремос! — и он сжал ладонь в кулак.

— Венсеремос! — закричала толпа. И в этом едином возгласе «Вместе победим!» было столько неустрашимой уверенности, столько презрения к правительству Батисты, ко всем латифундистам, наркоманам, содержателям притонов и казино, что если бы они услышали это, то, наверняка, вся свора бросилась бы врассыпную.

Хави сунул руку в карман белой куртки и нащупал какой-то круглый предмет. Это оказался значок с изображением Фульхенсио Батисты. Мальчик посмотрел на него, затем показал всем присутствующим, бросил его наземь и стал топтать. Солдаты сделали вид, что ничего не видели, а их командир и начальник полицейского участка в страхе переглянулись. Жестами они показали солдатам разойтись.

А в Гавана Вьехо весь вечер были поминки. Потом люди еще раз собирали деньги, отдавая последние сентаво и песо, потому что Хави остался полусиротой, потеряв мать Марту и сестру Сильвию. Как горестно пошутил на поминках Антонио Фаранес:

— Едоков становится все меньше, как и надежды на счастливую жизнь! Помощь народная окончится, а жить все равно нужно.

Люди с жалостью слушали его полубредовую речь и время от времени пожимали ему руки. Гавана Вьехо никогда не бросает своих.

Тайна дубового шифоньера

Старая Гавана хранит много тайн. Раскрытие некоторых из них вызывает такое глубокое впечатление у узнавших, что запоминается на всю жизнь.

2 апреля 1953 года Хави проснулся рано и, лежа в постели, думал о том, как он проведет этот день. Можно сходить на Малекон и погулять по набережной с друзьями, а можно помочь старику Педро продавать газированную воду и мороженое, а он взамен обязательно даст бесплатно полакомиться, можно пойти в порт и понаблюдать за очередным причалившим огромным кораблем с американскими туристами. И если поднести им вещи, то можно заработать несколько десятков центов, а то и один-другой американский доллар, который небрежно швыряют к твоим ногам американцы.

Хави встал, сделал несколько гимнастических упражнений. Вдруг взгляд его остановился на небольшой бумажке, которая лежала на круглом обеденном столе. Бумажка была сложена. Хави развернул ее и прочитал: «Сыночек! Я вернусь через два часа, дождись меня, пожалуйста. Приготовь себе кукурузные хлопья и яичницу. Можешь сварить кофе, только трать экономно. На улицу, пожалуйста, не выходи». Хави заинтриговала последняя фраза. Почему ж не надо выходить на улицу? В чем дело? Но решил во всем послушаться отца, как это было всегда раньше.

Взгляд его упал на фотографию Сильвии в кружевной траурной рамке. Мальчик смахнул набежавшую слезу и задумался: как же несправедливо устроена жизнь, если его умная, красивая и очень добрая сестра погибла от злых людей. Он вспомнил обещание Хорхе: «Я найду тех, кто пытался надругаться и убил твою сестру, Хави! Я обязательно с ними расправлюсь!» Перед ним предстало лицо Хорхе, его раздувшиеся от гнева ноздри, и он понял, что Хорхе обязательно сдержит свое слово.

Он неспешно приготовил себе немудрящий завтрак, без особого аппетита поел, затем снова лег на кровать, и легкая дрема овладела им. Хави почудилось, как из дубового шифоньера осторожно выходит его отец, который очень аккуратно затворил

за собой дверцу шифоньера. Хави снова смежил веки, а минут через пять услышал, как в ванне плещется вода.

Полутораэтажный дом, в котором жил Хави, раньше, давным-давно, даже еще до рождения его дедушки, принадлежал контрабандисту. Прадедушка Хави служил у него. Потом, как рассказывает семейное предание, скрываясь от полиции, контрабандист уехал на корабле в Европу, а дом подарил прадедушке Хави за верную и усердную службу. Теперь четвертое поколение семьи Фаранес жило в этом доме и имело право покоиться в склепе на городском кладбище Гаваны вместе с предками того контрабандиста, когда наступала пора покидать благословенную Кубу навсегда.

Отец Антонио набросил на себя халат и подошел к прикорнувшему мальчику. Он только поднял правую руку, чтобы осторожно потрогать сына по плечу, как Хави открыл глаза и спросил:

— Я не слышал как ты открывал входную дверь, папа! Ты как оказался дома, если тебя не было здесь? Я завтракал, прочитал записку, потом уснул снова. Мне показалось, что ты вышел из шифоньера.

Папа Антонио засмеялся:

— Я прятался в шифоньере, сынок, чтобы проверить, какой ты послушный сын.

— Папа! И как тебе не надоело сидеть в душном и темном шифоньере?!

Отец ничего не ответил. Он присел на краешек кровати и задумчиво посмотрел на сына:

— Хави! Нас осталось только двое на этой земле! Я бы хотел посвятить тебя в тайну, о которой пока знаю только я один. Вернее, я остался только один, который знает эту тайну. Может быть, на Земле есть еще кто-то, кто посвящен, но я этого не знаю. Можешь ли ты хранить тайну и не выдать ее ни под какими пытками? Подумай, пожалуйста, прежде чем ответить мне на этот вопрос.

Хави задумался. Еще никогда отец не говорил с ним таким серьезным тоном, а его взгляд не был таким печальным.

Отец Антонио продолжил:

— Тебе чуть больше тринадцати лет, сынок. Возможно, тебе еще рано узнавать об этой тайне, но иногда жизнь делает исключения. Я не могу тебя принуждать, я могу тебе только верить — ведь ты мой сын!

Хави понял, что с дубовым шифоньером связана какая-то большая тайна. Он посмотрел на отца и со всей убежденностью, на какую только мог быть способен, произнес:

— Отец! Я не буду клясться. Я никогда никому ничего не скажу.

Он сел на кровать рядом с отцом, и два родных человека обнялись. Таким эмоциональным способом они скрепили полное безграничное доверие друг к другу.

Хави последовал вслед за отцом босиком по прохладному каменному полу. Мама Марта обычно за это ругала его, требуя, чтобы он надевал легкие танкетки, но сейчас это не имело никакого значения. Отец прочитал его мысли и сказал:

— Хави, мама бы не одобрила, что ты идешь без танкеток. Одень, пожалуйста.

Хави послушался отца.

Подошли к дубовому шифоньеру. Отец Антонио внимательно посмотрел в глаза мальчику и спросил:

— Ты не боишься, сынок? Наш путь составит около двух километров.

«Куда эти два километра?»,— подумал Хави.— Хоть дубовый шифоньер и широкий, но как ходить внутри него, так как он забит одеждой и всякими ненужными старыми вещами?»

Отец достал ключ и вставил его в замочную скважину, провернул пять раз вправо. Затем просунул ключ дальше, и он неожиданно поддался. Затем отец еще два раза

провернул ключ вправо, а потом почти вытащил его из скважины. Но бородка ключа осталась в ней. Отец еще три раза повернул ключ вправо и осторожно потянул ручку дверцы на себя. И... произошло удивительное. Дверца открылась наружу вместе с частью шифоньера. Хави заглянул внутрь и с удивлением обнаружил уходящую вниз деревянную лестницу с широкими ступенями.

Отец вздохнул:

— Ну, давай, сынок! Спускайся вниз. Это не простые ступеньки. Когда ты будешь ступать поочередно на каждую последующую, то путь тебе будут освещать голубые всполохи. Иди по этим лестницам, которые кажутся деревянными и массивными, очень легко, потому что они дутые. У нас еще есть с тобой тридцать минут, потом начнется прилив.

И действительно, все получилось так, как говорил отец Антонио. Пятьдесят шесть ступенек насчитал Хави, пока не вступил на мощеный камень — достиг дна. Позади легкой походкой спускался отец. В руке у него был динамо-фонарик. Когда отец нажимал механическую ручку на пружинке, то загорался свет.

— Хави,— попросил Антонио.— Никогда не зажигай спички, не носи с собой табак, когда спускаешься вниз и идешь по подземному ходу — это смертельно опасно. А сейчас, пожалуйста, привяжи веревку к моему поясу и иди вслед за мной, в нескольких шагах позади меня.

Зачарованный тайной, Хави беспрекословно выполнил указания родителя. В кромешной тьме отец ориентировался прекрасно. Дно подземного хода было практически чистым — отсутствовали песок и лужи. Вдруг маленький краб забрался по ноге Хави и пополз вверх. Мальчик хотел было вскрикнуть от страха и изумления, но ответственность перед отцом и необходимость соблюдения тайны помогли ему сдержаться. Однако веревка натянулась, и удивленный отец осветил Хави сверху вниз. Луч света выхватил крабика, застывшего на ноге у Хави. Отец связкой ключей небрежно сбил крабика на землю, и сделал это так удачно, что ключи даже не задели кожи Хави. Этот эпизод развеселил ребенка. Но отец по-прежнему оставался серьезным. Он едва слышно попросил Хави:

— Сынок! Сейчас сделай ноги колесом и мы пойдем очень осторожно, ступая по полу внешними сторонами стоп. Никаких посторонних звуков не должно быть слышно.

Хави повиновался. Их движения замедлились, но поступательное движение продолжилось.

Антонио пошарил слева от себя по стене подземного хода, и преграждающая их движение каменная глыба стала поворачиваться по своей оси на девяносто градусов. Слева и справа образовались два небольших прохода. Отец попросил Хави отвязать веревку, взял ее у сына и обмотал ею свои бедра, спрятав концы в карман брюк. Он боком первым прошел с левой стороны. Затем едва слышно произнес: «Хави!». Тот свободно прошел с правой стороны. Огромная каменная глыба стала поворачиваться обратно и беззвучно закрыла проход.

— Раздевайся до плавок! — приказал отец.— Одежду спрячь в незаметной нише над своей головой, туда же положи и танкетки.

Мальчик незамедлительно выполнил указания отца. Затем Антонио тоже разделся.

— Впереди нас в тридцати метрах Атлантический океан. Постепенно ход будет сужаться. Ты маленький, ты пройдешь почти не наклоняясь, а мне придется идти на полусогнутых ногах, да еще и нагнувшись. Но я привык к этому, сынок. Моему дедушке, твоему прадедушке, которому подарили наш дом, а вместе с ним и тайный подземный ход, который никогда нигде не был указан и которого как бы не существует, приходилось гораздо тяжелее. Он ложился на два деревянных корыта и, пооче-

редно двигая руками и ногами, проползал сначала вперед, к океану, а потом также возвращался назад до этого места.

Хави пошел вперед первым. Невдалеке он заметил фигуру какого-то мальчишки, который шел по песку и искал морские раковины, а может быть, и какие-нибудь предметы, которые могли появиться на морском дне с отливом Атлантического океана. Хави подождал, когда мальчик исчезнет из виду, уйдя куда-то влево, и уже хотел выйти наружу, но отец попридержал его за плечо:

— Хави! Сначала проморгайся, а затем закрой глаза на несколько секунд, а потом открой. Иначе от яркого утреннего солнца ты можешь начать моргать, а кто-нибудь это может заметить и заподозрить что-либо неладное. Когда выйдешь, пройди шагов пятнадцать вправо вдоль берега, а потом начни копаться в песке. Я пойду как бы слева, а потом мы встретимся дальше впереди. Но учти, что через десять минут мы должны возвращаться обратно, потому что скоро начнется прилив и нам нужно вернуться в подземный ход к его началу.

Хави вышел наружу. Невысокий смугловатый парень, коренастый и физически развитый сильнее, чем на свои тринадцать лет. Таких мальчиков, искателей удачи и морских сокровищ, каждое утро ходило по берегу немало, и Хави ни у кого не вызвал подозрения и интереса. Практически все смотрели себе под ноги, не обращая внимание друг на друга. Сквозь песок что-то блеснуло. Хави с любопытством присел на корточки и начал разгребать песок. В его руках оказалось серебряное песо 1875 года выпуска. Хорошо, что в плавках был маленький кармашек. Хави сделал вид, что неловко шлепнулся на мокрый песок и незаметно опустил в кармашек монетку. Специально громко выругался, будто бы досадуя на собственную неуклюжесть, и небрежно потопал вперед, зная, что через одну-две минуты к нему присоединится отец.

Двое мальчишек, которые внимательно наблюдали за Хави, рассмеялись над его падением и пошли себе дальше — они ничего не заметили. Хави шел вперед, ощущая тяжесть монетки в кармашке. «Ничего себе, повезло», — подумал он.

Позади себя он услышал голос отца:

— Сынок, иди чуть медленнее, а потом через левое плечо поворачивай обратно. А я сейчас потихоньку повернусь обратно, внимательно оглядываясь по сторонам.

Хави даже не заметил, как отец исчез в подземном ходе. Он сделал то же самое, обратив внимание на то, что действительно, если не знаешь, то никогда не обнаружишь вход в подземелье.

Дошли той же дорогой до огромного камня, который фактически был стеной у входа в подземный лаз. Антонио справа нашел какой-то едва заметный выступ, нажал на него, и стена снова стала поворачиваться вокруг своей оси. Первым внутрь проскочил Хави, а затем — Антонио. Массивный камень повернулся, полностью закупорив ход. Антонио прижал палец к губам и едва слышно прошептал:

— Хави! Давай останемся здесь минут на пять и подождем: начнет ли снаружи поступать океанская вода. А я посмотрю, не может ли она просачиваться через какую-либо щель. Каким-то образом крабик-то попал в подземелье?

Хави подивился осмотрительности отца, но предположил:

— А может, он где-то на одежду зацепился?

Но потом понял, что он сказал глупость, потому что из одежды у него были только одни плавки, как и у его отца.

Антонио понял, что Хави понял свою ошибку и не стал ничего говорить сыну. Он посветил мальчику, чтобы тот нашел нишу со своей одеждой. Когда Хави оделся и присел на корточки, то отец тоже оделся. Через несколько минут океанская вода стала бить-плескаться в массивную стену, прикрывавшую подземный ход. Отец Антонио внимательнейшим образом просмотрел все сверху донизу, а потом они двину-

лись обратно. Хави подивился тому, что по подземному ходу его высокий отец шел свободно, не наклоняясь. Да и ширина была немаленькая. Он посмотрел на отца. Антонио прочитал немой вопрос в глазах сына и пояснил, второй раз не оборачиваясь:

— Сюда даже заплывали небольшие лодки, в которых была контрабанда. А потом, во время отлива, они сами плыли назад до камня, а затем уже рабы или беглые каторжники поворачивали их боком и протискивали наружу. Секрета открывания и поворота камня, а также его закрытия, никто не знал.

Хави восхищенно потряс головой. Он представил себе, какого труда стоило вырыть такой длинный и просторный подземный ход и сделать так, что вот уже почти столетие он верой и правдой служит людям. Пусть и не для совсем благовидных целей.

Как прадедушка, дедушка и отец Хави, которые считали контрабанду вполне допустимым видом заработка, так и Хави тоже придерживался этого мнения. В эпоху репрессивного режима Фунхельсио Батиста в семье Фаранес любые заработки, кроме убийств, похищения людей и краж, считались допустимыми, потому что помогали прокормить семьи. Государство ни в чем им навстречу не шло.

Дошли до ступенек. И опять при подъеме на каждую из них под тяжестью тела голубоватые всполохи помогали ориентироваться в темноте.

Насчитав пятьдесят шестую ступеньку, Хави осторожно шагнул в дубовый шифоньер. На маленькой площадке могли уместиться три человека.

Отец нажал на какую-то кнопочку и часть дубового шифоньера повернулась и Хави в танкетках спокойно прыгнул на каменный пол. Отец последовал его примеру, затем легко качнул часть дубового шифоньера и раздался легкий щелчок. Без специального ключа внутрь войти было нельзя.

Антонио несколько раз продемонстрировал Хави последовательность действий сложного венецианского цилиндрического замка, у которого в одной замочной скважине находились три механизма. Без знания последовательности действий открыть замок было невозможно. А если открыть только первый замок, то открывалась обычная дверь, где висела одежда. Обнаружить ничего было невозможно.

Через три дня отец повторил урок. И уже Хави мог самостоятельно управлять огромным камнем, соответственно открывая или закрывая его. Так Хави овладел тайной дубового шифоньера.

Евгений Скоблов
(г. Москва)

ВТОРОЙ ЗВОНОК

Наш постоянный автор.

Зазвонил телефон, и я отвернулся от экрана компьютера. Весь день: телефон — экран, экран — телефон. Конец года, бешеный ритм, глаза слезятся, уши пухнут, перекурить некогда.

— Здравствуйте, Беглов,— сказал в трубке едва знакомый, чуть с хрипотцой голос, который я определенно раньше уже слышал.— Тут с Вами кое-какие люди хотят перетереть кое-какие вопросы.

— А Вы кто?

— Конь в пальто,— и опять ощущение, что эти слова этот голос мне уже когда-то говорил,— значит, в восемь у закусочной «Елки-палки», на Новом Арбате... Давай, только без юмора, эти люди шуток не любят.

И повесил трубку.

Эх... м-м. Я почувствовал, как намокла спина. Где-то в легких что-то застряло, и я закашлялся. Нажал на клавиатуре «сохранить», и пошел курить.

Дела-а-а... Какие-то люди со мной хотят поговорить. О чем? Нет. Не с этого. Кто звонил, вот с чего. Не представился, но голос знакомый, может, розыгрыш? Но, как водится, в конце таких «развлекаловок» представляются, и, как минимум, извиняются...

Звонили с мобильного, вот и все догадки. Я перебрал в памяти всех своих знакомых, кто мог обладать подобным голосом, и никого не смог припомнить. Ах ты ж, зараза...

Итак, люди. Но о чем можно со мной говорить? Что я могу сказать людям, которые не любят шутить, и что им может быть от меня нужно? Я самый наиобычнейший клерк, самый рядовой сотрудник планового отдела. Типичный представитель «офисного планктона». Мне даже не светит, по крайней мере, в обозримом будущем, должность заместителя заведующего отделом. Кому, и на что я сдался? Получаю как все, секретов не знаю, «левыми» делами не занимаюсь.

Я прикурил вторую сигарету от первой. Напряжение нарастало. Может быть, сын что-нибудь натворил, и теперь меня хотят «поставить на бабки»? Но мой сын не может ничего такого натворить, он еще маленький, чтобы что-то творить, за что бы мне пришлось платить... Платить? А что же еще может заинтересовать людей без чувства юмора, кроме, как деньги?

Или они его украли.

Я выхватил, как пистолет из кобуры, мобильник, и набрал дом. Сын что-то жевал, и, пережевывая, сообщал, что сегодня по рисованию пятерка, а теперь он смотрит «те мультики» (недавно я ему подарил диск с советскими мультфильмами, кото-

рые сам с удовольствием смотрел в детстве). «Молодец», сказал я, и прикурил третью сигарету. На часах без пяти шесть, а в восемь надо быть у «Елок-палок».

Что-то с Иринкой? То есть, с Ласточкой... Что?!

Ласточка чуть раздраженно («Ты уже звонил») сказала, что у нее еще два ученика, и она будет сегодня к десяти, и чтобы мы кушали без нее.

Я тяжело поднялся в кабинет и сел на стул. С экрана мне подмигивал Бравый солдат Швейк, новая заставка. Люди хотят «перетереть». Может быть, я сам что-то не то сделал, или сказал. Я стал быстро вспоминать, что неординарного произошло со мной в последние недели и месяцы. С кем встречался помимо работы, что и где говорил. Вроде, все как всегда, одни и те же люди, дела и дни. Семья-работа-семья, обычная схема. Никому не грубил, ни с кем не ругался, никому ничего не обещал. Может быть только...

И все же, где я мог слышать этот голос, и это старое, как дерьмо мамонта, выражение «конь в пальто», которое имеет несколько нецензурных производных? Может быть, все-таки, кто-нибудь из очень старых знакомых, из другого мира, оттуда, где разыгрывать по телефону считалось невинной шуткой? Очень возможно, но откуда у него мой рабочий телефон?

А вдруг меня хотят заманить в ловушку, и просто, банально, прямо в центре города ограбить? И что, прямо у «Елок-палок», на глазах у народа начнут грабить? Не может быть!

Этого быть не может, но, возможно, хотят припугнуть, что-нибудь потребовать. Да, проблема.

На часах шесть тридцать пять, сотрудники расходятся по домам, на меня — ноль внимания, и я невольно вглядываюсь в каждого из них. Всех знаю чуть больше тысячи лет, но мысль, а не от кого-нибудь ли из них исходит идея дурацкого звонка, невольно закрадывается.

А вот взять и не пойти. Не пойти и все... И потом сидеть дома и трястись втихомолку, ожидая второго звонка, и дальше — неясной развязки. Если они знают рабочий телефон, то домашний и подавно. Значит, надо идти, хотя бы чтобы прояснить картину, что за люди, и что им надо.

А если позвонить в полицию? Слишком мало времени, да и события пока никакого не произошло. Телефонный звонок ничего не означает. В полиции скажут, что, скорее всего, кто-нибудь неудачно пошутил, или просто ошиблись номером, сколько в Москве Бегловых?

Времени нет. Шесть пятьдесят, и надо идти, делать нечего. Я еще раз позвонил домой, потом жене, перекурил и пошел. Ноги шли неохотно.

По дороге решил сразу к закусочной не подходить, а понаблюдать издалека, посмотреть, на кого могут быть похожи те, кто вызывают по телефону ни в чем не повинных граждан, чтобы «перетирать» с ними вопросы.

У закусочной никого не было. То есть, конечно, народу было много — шли и туда, и сюда, место людное, но чтобы кто-то специально кого-нибудь ожидал, заметно не было. Или это просто я не замечал?

Было без пяти восемь. Наверное, все же, кто-то из очень старых знакомых разыграл, с надеждой подумал я. И решил подождать еще минут десять, и ехать домой. И, если никто не появится на горизонте, можно будет, если что, потом сказать, что вот, дескать, приходил, и никаких людей, кому я могу быть интересен, не встретил.

Вместо десяти, я прождал сорок минут, наблюдая за входом в «Елки-палки». Люди входили и выходили из закусочной, но никто не задерживался.

В конце концов, я сказал себе все, что о себе подумал, развернулся, и пошел домой. Уже в метро, на подъезде к своей станции мне пришла в голову мысль, что те,

кто «забил мне стрелку», возможно, тоже наблюдали откуда-нибудь из-за угла, и, видя, что никого нет, решили не светиться. Но это же глупо, хоть одного-то могли выставить для ориентира!

Сын сказал мне, что уроки он сделал, а сейчас немного посмотрит мультики, и ляжет спать. Я не возражал. Пришла жена. Я обнял ее, поцеловал, и пристально посмотрел в глаза. Она передала мне пакет с яблоками и спросила, что случилось. Ничего, дорогая, это я так. Заскучал. Мы выпили по чашке чая, и я не стал ей рассказывать про странный звонок. Она забралась под одеяло, я взял в свои ладони ступни ее ног, и держал их, согревая своим теплом. «У тебя горячие руки, любимый, но ты о чем-то молчишь, что случилось?..»,— уже засыпая, пробормотала Ласточка. Ничего, любовь моя, спи спокойно, моя девочка. Пока ничего не случилось.

К нам в комнату заглянул сын, поинтересовался, ложиться ему или нет, и я не заставил его выключить телевизор. Еще я сказал, что завтра привезу ему новый цифровой фотоаппарат. Такой, какой он хотел.

И продолжал сидеть.

Я испугался. Мне давно не было так страшно как в этот вечер, переходящий в ночь. НИКОГДА мне не было еще так страшно. Я боялся не за себя, за них. Мне было муторно, страх заполнил не только меня, но и всю комнату, квартиру. Весь мир вокруг был липким от страха. Я хотел пойти на кухню покурить, но так и продолжал сидеть рядом с женой, тупо глядя в черное окно.

В конце концов, я встал, подошел к иконе Божьей Матери и три раза перекрестился. Дай сил пережить это дерьмо, сказал я, и одернул себя за нехорошее слово. Потом опустился на колени, еще три раза перекрестился, и сказал: «Я очень прошу... Не за себя прошу...». Что еще? Что говорят еще в таких случаях? Я не знал, но продолжал стоять на коленях, повторяя «не за себя ведь прошу...». Сохрани. Спаси. Убереги. Сделай так, чтобы все это, весь этот кошмар был нелепой, пусть злой и безобразной, но все же шуткой.

Потом я заглянул в комнату к сыну, выключил телевизор и лег рядом с женой.

Я очень устал. И мы мало видимся с родными... только по вечерам, и немного по утрам, и в выходные. И только. Мы мало любим друг друга. И не можем ничего поделать, и тратимся на пустяки. Думаем, что впереди еще очень много времени...

На следующий день работа, конечно, не клеилась. Это хорошо еще, что не было на месте тех, кто, по идее, мог меня загрузить срочной работой. Я что-то набирал на компьютере, просматривал папки с документами, то и дело выходил покурить. Каждый звонок вызывал у меня мелкую дрожь, я одновременно боялся, и ждал опять услышать этот голос.

И услышал.

Как и вчера, где-то за час до окончания рабочего дня позвонили, я снял трубку и представился. Это был он.

— Ну ты что, Беглов, совсем свинья? — я напрягся в готовности выложить заранее заготовленный ответ. Показалось, что сердце сейчас вырвется из груди, в висках стучало.— Почему не пришел?

— Послушайте,— сказал я как можно спокойнее,— пока не скажете, кто вы, я говорить не буду.

— Вот всегда ты был таким, Сергей. Все тебе расскажи, покажи. А сам никогда думать-соображать не хотел. А теперь, на старости лет, еще и память потерял. А совесть хоть осталась? А помнишь такого кренделя по фамилии Щедров? Все вы — паразиты, всех вас обзвонил, хотел собрать вместе, и никто не пришел. А мне сегодня уезжать, поезд через час. Эх, вы!

— Нет, не помню,— сказал я, и понял, что страхи были напрасными, потому что я помнил Щедрова.

Мы вместе учились в институте, в одной учебной группе. Мы не были друзьями, и ничего нас, кроме нескольких студенческих попоек, не связывало. Правда, на лекциях иногда сидели вместе. И еще он частенько занимал у меня деньги. Он и тогда был для меня никем, и теперь, после всего, что пришлось пережить, после его дурацкого звонка, тем более.

Я положил трубку.

За все годы после окончания института, мы ни разу не встречались, никогда не переписывались и не звонили друг другу. А теперь он, вероятно, по делам оказавшись в Москве, решил вспомнить молодость, «поностальгировать». Может быть, удивить всех своей крутизной и щедростью, сводить в «Елки-палки».

И все же, я был счастлив. Так, как никогда. Радость от выигрыша в телеигре «Как стать миллионером», по сравнению с чувством, которое испытал я, когда узнал, кто мне звонил — ничто. И, поскольку в кабинете в этот момент больше никого не было, я достал из ящика стола фляжку с коньяком, налил полную кофейную чашку и выпил. Ладно, Бог с ним, со Щедровым, подумал я. Хорошо, что Щедров, а не кто-нибудь другой. Он никогда умом не отличался. И, скорее всего, всем позвонил, как и мне. И, может быть, не я один вчера в восемь часов вечера наблюдал из-за укрытия за входом в «Елки-палки»... М-да...

Я подошел к окну, посмотрел на улицу в зимних сумерках. Ничего нового там не было. Поток машин, бегущие по тротуарам люди, много людей, рабочий день окончен. Напротив — нагромождение зданий, офисов, торговых центров и жилых домов. Чуть дальше купола Храма Утоли Моя Печали... Они и в потемках сияют, в свете направленных прожекторов... Стоп...

Пережитое прошлой ночью молниеносно пронеслось у меня перед глазами, и я почувствовал легкий укол под сердцем. Это что же... Он? Снова кольнуло в области сердца, и я почувствовал, как увлажнились глаза. Конечно, Он, Отец Наш Небесный... Кто же еще может услышать нас, когда кажется, что выхода нет? Кто еще может изменить то, что кажется, изменить уже не возможно? Отвести беду, уберечь... спасти...

Я отошел на шаг от окна и медленно перекрестился, три раза. Затем вынул платок и вытер слезы. Снова взглянул на купола, боль в сердце отпустила. Теперь надо подумать, как благодарить, что делать, как идти дальше...

Лишь бы никто из сотрудников не вздумал сейчас появиться в кабинете и затеять пустой разговор, например о том, почему у меня такое выражение лица.

Затем я достал из сейфа свою заначку и пошел покупать цифровой фотоаппарат.

Николай Макаров
(г. Тула)

ВОДИТЕЛЬСКИЕ ПРАВА
(Из цикла «Мое советское прошлое»)

Гвардии майор медицинской службы (Воздушно-десантные войска), заместитель исполнительного директора Фонда поддержки земляков «Тульский край», член Российского Союза ветеранов Афганистана, Союза писателей России и редколлегии журнала «Приокские зори». Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» имени Н. С. Лескова (2010), литературной премии Тульской области имени Л. Н. Толстого, премии имени С. И. Мосина.

По телевидению идет цикл передач «Мое советское...». Пришлось и мне тряхнуть стариной и вспомнить...

...В девятых-одиннадцатых классах мы четыре дня учились в школе, а два (вторник и пятницу) дня из нас готовили автослесарей и шоферов-профессионалов. Три года мы посещали, под опекой Казакевича Леонида Антоновича — нашего руководителя производственного обучения, Мичуринскую автотранспортную контору. В основном были на подхвате: пойди, принеси, подкрути, помоги, а то и просто без дела шатались по территории автобазы. В десятом сели за руль подаренного школе автобазой грузовика: старенького ГАЗ-51. Зимой в одиннадцатом классе, ближе к весне, нас распределили для практического, почти самостоятельного вождения по штатным машинам, к настоящим шоферам в качестве бесплатного приложения. Мне и Генке Шелудько (капитаном Советской Армии погиб в конце семидесятых) «достались» самосвалы — ЗИЛ-130.

Мы за рулем. Шоферы — мирно дремлют рядом, изредка направляя на истинный путь, т. е. на правильную дорогу. В основном возили уголь. По городу, по официальным документам — не более трех ковшей экскаватора. За город, по деревенским халтуркам — восемь (!) ковшей, не меньше. Рессоры прогибались в обратную сторону. Вот, это и были (а прерывались ли они когда-либо?) рыночные отношения, во всей своей подпольной нелегальной красе.

...В апреле экзамен. Вначале по слесарному делу. Из нас всех (пятерых из 11 «Б» и двенадцати из 11 «А») только двое-трое (не помню точно, тем более, что слесарное дело нас, мягко выражаясь, особенно не влекло и не прельщало) сдали на третий разряд. Остальным, и мне в том числе, выдали документ с гербовой печатью: «Свидетельство о присвоении квалификации» слесаря-авторемонтника второго разряда. Во, как!

Затем — экзамены непосредственно на шофера.

Но прежде парой слов вернусь на год назад, в шестьдесят пятый. Внимание! 14 апреля 1965 года мне вручили «Удостоверение № 9756» — водителя (еще раз — особое внимание!!!) велосипеда. Владелец этого удостоверения имел право управлять только велосипедом и, ни дай Бог, мопедом или другим каким гужевым (лошадь, верблюд, ишак, слон, буйвол) транспортом. Повеселились? А вы как хотели? Поехали дальше.

В первую очередь сдавали теорию (собрали нас, таких бедолаг, со всего города). Впервые в истории Тамбовского ГАИ сдавали по трафаретной системе: вопрос и три-четыре ответа, один ответ из которых правильный. Всего десять вопросов. Ответившие на 9—10 вопросов, получали, при успешной сдаче вождения, права шофера-профессионала третьего класса (категории «В», «С» — по-нынешнему); ответившие на 8 вопросов — водительские права шофера-любителя (категории «В»).

Результат был ошеломляющий. Потряс всю нашу школу. Из семнадцати (пятеро, мы, т.е. «Бэшники» и двенадцать «Ашников») только Виталька Аносов, неформальный наш лидер, чемпион города по десятиборью и прыжкам в высоту, ответил правильно на все десять вопросов и успел заполнить (всю!) карточку-трафарет Генки Шелудько на почетные любительские восемь ответов; мой ответ потянул на «золотую середину» — девять правильных ответов. Остальным пришлось расстаться с мечтой о получении водительских прав. Ну, а практическое вождение сдать было делом техники. Тем более, что техника была наша: школьный ГАЗ-51.

УДОСТОВЕРЕНИЕ № 9756

велосипедиста, водителя мопеда с рабочим объемом двигателя менее 49,8 см³ и гужтранспорта.

Водитель Велосипед (вид транспорта)

Фамилия, и., о. Макаров Николай Алексеевич

Год рождения 1947

Адрес: Мичуринск Комсомольская 174

Выдано комиссией при ГК ДОСААФ на основании протокола № 12 от 14/III 1965 г. в том, что он сдал зачеты по Правилам движения по улицам городов, других населенных пунктов и дорогам СССР.

Председатель комиссии

Извлечение из правил движения

Велосипед, мопед, гужловозка (сани) должны быть зарегистрированы в ГК ДОСААФ и иметь номерной знак. Лица, нарушившие правила движения, несут ответственность в соответствии с действующим законодательством.

Учет нарушений

Дата нарушен.	Характер нарушения	Принятые меры и роспись сотрудника милиции

СВИДЕТЕЛЬСТВО о присвоении квалификации

Настоящее свидетельство выдано Макарову Николаю (фамилия, имя и отчество)

родившемуся 11 декабря 1947 года, в том, что он обучался в средней школе № 8 (полное наименование школы) гор. Мичуринска Тамбовской области (местонахождение)

и окончил в 1966 году полный курс производственного обучения по профессии (специальности) слесаря авторемонтника

Решением Квалификационной комиссии Мичуринской автотранспортной конторы (наименование предприятия, кооперативного, совхоза, колхоза, транспортного и т. п. управления) от 4 марта 1966 года Макарову Н.А. (фамилия, имя, отчество) присвоена профессия (специальность) слесарь-авторемонтник и установлен второй разряд.

Председатель Квалификационной комиссии В. Иванов

Директор школы А. Бузин

М. П. (школа)

А № 881562

Выдано 25 июня 1966 г.

Гознак. 1965 г.

Такие вот удостоверения выдавались мне в мое советское прошлое. Водительские же права в будущем менялись не один раз, и, к сожалению, те, первые Права у меня не сохранились.

Вячеслав Михайлов
(г. Тула)

ПОЛИТОЛОГ ЛЮБАНЯ

Родился и вырос в городе Термезе. Окончил Московский гидромелиоративный институт. Кандидат экономических наук, автор более сорока научных работ. Печатался в «Литературной газете», литературном сборнике «Иван-озеро», всероссийском литературно-художественном и публицистическом журнале «Приокские зори» и его альманахе «Ковчег». Автор сборника малой прозы «Вызов» (2017 г.).

Вернувшись домой после традиционного субботнего похода на рынок и в продмаг, Семен проворно разложил на просторном кухонном столе покупки, кликнул жену и по обыкновению начал маленькое представление, вовлекая и благоверную свою в это действо.

— Милая, погляди, мимо не проходи,— игриво мурлыкал он, раскрывая пакет с сосисками и наскоро ощупывая каждую.— Из килограмма всего-то две-три склизкие. Это граммов сто пятьдесят — не более! Класс!.. Ну, виртуозки эти бабенции: ширпыр, и несколько просроченных закинут в пакет незаметно. Но не полкило же! Карбонат брать не стал — вид печальный. Черешню не трогай пока, сам переберу... Вижу, вижу, не терпится черешенки отведать.

Семен опоясался фартуком и занялся перламутрово-бордовой черешней, споро отправляя свежие плоды в объемную миску — для мытья, а лежалые, подгнившие — в мусорное ведро.

Быстренько расправившись с замечательным южным фруктом, горделиво улыбнулся:

— Хвали меня, Любаня, хвали: не годится от силы триста граммов. Это из полутора килограммов. Не зря я сыграл сурового покупателя. А не подмешано ли тут, говорю строго, черешни с прошлых дней. Видела бы этот кислый взгляд в ответ... Ну, ничего, зато полакомимся и внука угостим. Только, роднуля, я тебя умоляю, не подходи со своим нитратомером к помидорам и огурцам,— перехватил он взгляд жены в сторону пакетов с овощами.— Опять останемся без салата. Я старался спелые, но крепкие выбирать. Ты же знаешь, умею... Понемножку будем кушать — справится желудок, если что.

— Молоток, Сема, вкусный сыр взял,— похвалила Люба, взяв со стола кусок сыра в вакуумной упаковке. Она извлекла его и сию секунду ахнула: «Вот, черти! Посмотри».

Семен взял сыр и стал оглядывать.

— Да-а,— почесал смущенно затылок,— плесень тронула край. С брачком, видимо, упаковка... Не беда,— успокоил он бодренько жену.— Сейчас срежу негодный угол и все, можно кушать. Запах вроде нормальный... Что делать, в упаковку не заглянешь.

— Может, вернем? — робко предложила жена.

— Что ты, персик, это ж нервотрепка, время и непонятный финал... Лучше погляди хлеб — ты такой одобрила в прошлый раз.

— Вроде ароматный,— пробуя кусочек пшенично-ржаного каравая, кивнула она.— Непропеченный правда сегодня.— Но это пустяк,— спохватилась Люба, боясь еще расстроить мужа.— Порежем на несколько кусков и в духовку — дойдет.

— Верно, Любаня,— духовка нам на что.

— Все же хлеба у нас порядочно остается,— не удержалась-таки жена.— Есть, кстати, хороший очень магазин — в центре, у драмтеатра. Недешевый, понятно. Там отличный хлеб: не сластит, в меру соленый, пропеченный и с корочкой — пекарня при магазине. Соседка как-то угостила. Такой не останется.

— Тот магазин, персик, наш бюджет докторский не поднимет.

— Можно там только хлеб покупать и все.

— И ты пройдешь мимо колбасной секции, мимо молочной, рыбной? — ухмыльнулся Семен.— Опасная идея, персик. К тому же, отличный хлеб — это лишние килограммы. Тебе нужны лишние килограммы? Я против... На хлеб мы особо не налегаем, обойдемся.

— Что ни говори, а многовато продуктов в отходы идет, минуя стол,— вздохнула Люба.— У тебя-то, глазастого, разборчивого. И я стараюсь присматриваться... Вроде выбор большой, а как брать что, стоишь в раздумье — прокола очередного опасаешься... Привыкли уже. Неужели поправить это нельзя?

— В правительстве, Любаня, говорят, опасно бизнес кошмарить, особо малый и средний. Донимать его, значит, частыми проверками, наказывать строго за нарушения и обман, придираться... и тому подобное. Совсем, говорят, туго будет с продовольствием.

— А нельзя не кошмарить, а просто умеренно так, аккуратно, но регулярно и действенно контролировать — нам на пользу и бизнесу добропорядочному, а плутовскому бизнесу во вред?

— Говорят, пробовали — не выходит, все равно проверяльщики, контролеры принимаются со временем кошмарить... и мзду еще вымогают.

— Может, у других выйдет?

— У каких других? У другого правительства? Ты за смену правительства, Любаня?! — с нарочитой опаской выпучил глаза Семен.— Прямо радикалка. Хочешь дестабилизации?

— А что такого-то? Верховодят они давно. Если не получается давно, так не получится уже. Была б с продовольствием только загвоздка. Смысл ждать? Дестабилизации как раз дождешься... И менять всех необязательно — если выходит у кого, пусть себе работает.

— Справедливая, справедливая, ей-ей. Не ценишь, персик, что имеешь, не ценишь,— покачал головой Семен.— А я вот ценю. Ты за последние годы много видела смен-перемен, от которых прок был? Я больше видел, что «хотели как лучше, а получилось как всегда».

— Как всегда что? Как всегда хуже? — всколыхнулась Люба.

— Ну да.

— Почему же в этой фразе крылатой — все кому не лень ее повторяют — опускают «хуже»? Почему не договаривают? — продолжала наступать жена.

— И так ясно,— пожал плечами Семен.— Ты что вдруг заволновалась, Любаня?

— А то! — сердито стукнула кулаком по столу Люба.— Повторяют ее бездумно, не вникая, насколько она подленькая и лживая. Она как бы про все известные наши времена. По ней выходит, всегда будто на Руси что ни затевается наверху, то не по-

лучается, хотят как лучше, а получается хуже. Будь так, не иметь нам нипочем ни царства, ни Великой империи, ни могучего Советского Союза. А мы имели! И родом эта фраза из гоп-компании реформаторской, что пустила Россию под откос в девяностые годы. Оправдывали они шутейно такими вот словами свою неумелость, несостоятельность: «Да, мол, промахов, ошибок у нас полно, но всегда ведь так было, от традиции российской мы не отклонились». Отклонились, крепко-крепко отклонились... До сей поры их сторонники идейные погоду делают наверху. А ты их менять не хочешь.

Семен с недоумением любовался вскипевшей неожиданно, разрумянившейся, обаятельной женой:

— Сразила! Без оружия сразила, политолог ты мой,— бормотал он изумленно.— Откуда?.. Уговорила — меняем. Покушай черешню, золотко.

Александр Евсюков
(г. Москва)

ГРАНАТОВОЕ ДЕРЕВО

Родился в 1982 году в городе Щекино Тульской области. Выпускник Литинститута 2007 года. Успел попробовать себя в целом ряде разнообразных профессий. Имеет публикации прозы, стихов и критики во многих журналах. Проза переведена на итальянский, армянский и болгарский языки. Лауреат и дипломант литературных премий.

В 2017 году вышла первая книга рассказов «Контур легенды».

Паровоз стоял под парами, когда солнце выглянуло вдруг из столичной хмари. И Сева вышел на платформу, уговаривая себя никого не ждать и все равно ожидая.

Она, его прекрасная курсистка, пробиралась краешком, выискивая кого-то глазами.

— Наденька! — не выдержал он.— Я здесь.

И заторопился, оттолкнув чей-то локоть.

— Вы? — она сделала три неуверенных шага и еще раз быстро взглянула по сторонам.

— Я же просил не провожать. Из вагона выходить не собирался. Но тут солнце. И вы...

— Но я все-таки пришла,— негромко проговорила она.— Храни вас Бог, Всеволод, особенно там, в этом кошмаре...

Потом Надя подняла левую руку, осторожно достала из волос костяной гребень и вложила в его вспотевшую ладонь. Сева, не помня себя, подался вперед и неловко ткнулся губами в ее щеку. И отшатнулся, испуганный собственной дерзостью.

Надя улыбнулась какой-то сострадательной улыбкой.

Заиграли сбор, и его будто волной понесло обратно к вагону. Город, Надя и вся мирная жизнь тронулись и укатили мимо. А из студента, будущего горного инженера он вдруг бесповоротно стал щуплым, коротко стриженным добровольцем на далекой войне.

В гребне запутался ее длинный каштановый волос. Сева украдкой разглядывал его всю дорогу.

...В день переправы через Дунай в порыве минутной откровенности он сбивчиво рассказал об этом поручику Воронову. Тот его выслушал и изрек с видом человека, повидавшего жизнь:

— Похоже, она позволяет себя любить. Но ей нужен не трепетный робкий воздыхатель, а тот, кто возьмет и перевернет ей жизнь. А вы не такой и таким, увы, не станете...

1

Этот болгарин сам вышел им навстречу. Вышел и встал на повороте дороги так, чтобы его было видно за триста шагов. Ждал их, переминая что-то в руках.

— Чего это он шапку ломает? — вглядываясь из-за спин передней шеренги, произнес Сева.

Пять рот пехотного батальона русской армии огромной, белой с черно-красными пятнами гусеницей ползли вверх по нескончаемому склону. Они медленно продвигались сквозь тяжелую пыль и духоту этой задунайской глуши. Гимнастерки под скатанными и наброшенными через плечо шинелями пропитывались потом, тяжелые винтовки, сухарные мешки и сумки с патронами гнули к земле. Позади тащилась лазаретная фура, готовая подобрать упавших в обморок. Остальной обоз сливался с колышущимся маревом.

Не услышав привычного смущенного покряхтывания, Сева оглянулся на соседа по строю, огромного смоленского мужика Ваню. Его лицо побагровело, а глаза закатились, ноги машинально еще переступали, однако стоило только запнуться сапогом о самый вздорный камешек, и он мог тут же рухнуть без памяти. Сева сунул открытую флягу к Ваниным губам:

— Отхлебни-ка.

Сообразив, тот жадно припал к фляге, его крупный кадык заходил вверх-вниз. Потом Иван фыркнул, огляделся заново и кивнул в сторону одинокой фигуры:

— Это кто там?

— Сейчас узнаем.

— Сто-о-ой! — прокатилась команда. Солдаты разом выдохнули и остановились.

У ног нестарого, обросшего темной щетиной болгарина лежали ружье и ятаган в ножнах. Обеими руками он то сминал, то расправлял красную турецкую феску. Крепко сжал зубы и не издавал ни звука, только торопливый затравленный взгляд перебегал по лицам.

Статный поручик Воронов шагнул к нему с револьвером наизготовку.

— Ты кто?

— Георги от юга,— глухо проговорил тот.

— Что тут делаешь?

— Хочу за вас.

— Для чего?

— Помагам бить турката.

— Ты один?

Георги мотнул головой.

— Где остальные?

— Един, един,— забормотал Георги.

— Никак не привыкну по-вашему,— усмехнулся поручик. Кивок в этой стране означает «нет».— Ружье заряжено?

— Не.

— Яковлев,— поручик дал знак крайнему в первой шеренге.— Проверь.

Рыжий Яковлев поднял ружье и заглянул в патронник.

— Никак нет, ваш-бродь,— буркнул он.

Воронов оглядел строй изможденных солдат. Многие стояли, тяжело дыша и опираясь на винтовки.

— До деревни полторы версты подъема. Оружие сам понесешь. А мы присмотрим.

— Ша-агом марш!! — раздалась новая команда, и батальонная гусеница снова поползла вверх.

2

На полукруглой горной террасе стояла болгарская деревушка. В отличие от многих других в этой местности, люди из нее не ушли. Дети с любопытством разглядывали, как незнакомые взмокшие и облепленные пылью дядьки все подходили и подходили, и как, сбросив с себя весь груз, падали в тень под деревьями, приваливались к крыльцу, оседали за большим валуном.

Сева собрал полдюжины котелков и вскоре вернулся от колодца с полными сосудами.

— Налетай! — негромко скомандовал он.

— Ты что ж, барин, двужильный, что ли? — спросил Кондратьич, самый старший из всех солдат в роте, заставший три года Кавказской войны.

— Да с чего это?

— Так изморились все, что язык на плече, а тебе вон одному и горюшка мало.

Из домов опасливо выглядывали женщины и несколько парней. Наконец, одна из них первой решилась вынести кувшин киселомляко и стала раздавать солдатам куски местного слоеного пирога с творожной начинкой — баницы.

— Бабонька, как тебя звать? — оживший Ваня отер усы и указал на кувшин: — С таким-то приданым — женюсь!

Воронов привел Георги в широкую тень горного вяза. Они остановились.

— Мы тут ненадолго,— сказал поручик, забирая и придирчиво оглядывая английское ружье с затвором Пибоди.— Поэтому выкладывай — откуда это и все остальное?

Сева поежился. Ему был любопытен этот болгарин, однако он невольно сторонился Воронова после того разговора.

Георги извлек из-за пазухи нож с коротким прочным лезвием. Бурые пятна запеклись на нем с обеих сторон.

— Видишь — кров?..

— Положи вон туда,— приказал Воронов.

Болгарин подчинился. Окровавленный нож не произвел на солдат большого впечатления. Зато и Кондратьич, и Ваня вслед за поручиком поочередно брали в руки диковинное ружье и с завистью цокали языками — не чета нашим, крынковским.

— У мен все отняли. Нямам никого,— Георги опустил голову.— Десет дней назад я не представлявам такого. Сам аз из Пиринской Македонии, это там... — и указал рукой.

Однажды рано утром, пока не припекло, он поехал на повозке в город к юго-востоку. Хотел продать зерно и разделанное косулье мясо, добытое на охоте. До города оставалось все-то полчаса, но тут сбоку вылетел разъезд черкесов, а потом появился весь турецкий табор. Сам их горбоносый бимбаши ткнул пальцем в какую-то бумагу и сказал, что Георгий вместе с повозкой должен немедленно отправиться вслед за ними. Пусть становится их обозным, если хочет жить. Мясо у него отобрали сразу, а зерно оставили в повозке, подходили и отсыпали к каждому обеду и ужину. Еще навалили палатки и огромный походный чан.

Все время он думал, как уйти, но было жаль терять мерина и телегу. За табором гнали отару баранов и нескольких коз, но туркам все не хватало еды, чтобы воевать как следует, и поэтому они не шли прямой дорогой, а петляли по разным деревням и местечкам и забирали там все, до чего могли дотянуться. Особенно не хватало еды Дохляку.

Дохляк был албанец, либо муслиман, он числился в стрелках и всеми силами ста-

рался выбиться в люди, чтобы турки признали в нем хоть вполовину ровню самим себе. Как паршивая псина, что отирается у ноги того, кто ее пинает. В надежде на кость — сперва обглоданную, а потом и с мясом. Он приглядывал за обозными бедолагами, готовый доложить и отличиться.

«А меня тоже могли бы прозвать дохляком,— подумал вдруг Сева.— Но вот не называют».

В тот день, когда из-за ближней горы вылез край тучи и всем чудилась скорая гроза, отряд доплутал до родных мест Георги. Он оглядывался — убежать сейчас было никак нельзя, слишком много винтовок со всех сторон. Дохляк шел чуть впереди и гнусавым голосом припоминал историю про свою глупую бабку, под старость совсем потерявшую память.

И тут, у того самого поворота, за которым всегда открывалась деревня Георги, потянуло гарью. Он вцепился в вожжи и приказал себе не думать о том, что этот запах должен значить. Вот среди ветвей показался тот же сочный зеленый луг, на котором... А деревни за ним... деревни больше не было.

Не уцелело ни одной крыши — всего несколько обгорелых стен. На поперечной балке близко друг к дружке висели в ряд восемь повешенных разного роста. Все раздетые и потемневшие от дыма. К самому маленькому из них прилип кусок зеленой материи. И пестрая хромая курица ковыляла по пепелищу сгоревшего насеста и надсадно квохтала, ища своих цыплят. Она могла бы стать легкой добычей, но запах был еще таким сильным, что никто из табора не сошел с дороги ее поймать.

— Башибузуки,— громко сказал рослый турок, желая этим словом отделить себя от них.

А Дохляк стал еще что-то торопливо говорить, поглубже зарываясь в историю этой своей сдуревшей бабки.

— Заткнись! — рявкнул рослый турок, и Дохляк подавился недоговоренными словами.

Все это будто раскаленным клеймом выжглось у Георги в памяти. Руки со сжатыми вожжами одеревенели. Он глядел и не видел.. Не знал, едет ли еще по дороге. И висит ли тяжелая туча над ней? И снова голос Дохляка. И только потом Георги будто ткнули шилом в бок — зеленый кусок от платья дочки. И женщина рядом это... И возвращаться ему больше не к кому.

— ...Дождь так и не был. Табор шел още пять дни. Аз решил в бягство, но Дохляк о чем-то догадал и теперь нарочно стерег мен. Он въртиблизо, то коня упряжь потрогат, то под телегу поглянет. И вот, когда темно, всех собрали у больших пожари, аз решил его приманит и шепнул, что у мен остался целый фунт табаку. «Тю-тюн, тю-тюн», говорю, и он сперва шагат в темноту, а потом сразу дернул от мен, но аз успел накинул тело и перехватил горло ему. Вся рука стана лепкава и горещо. Он извивался, като змия, и так хрипел, аз натерпел страху, что проорет насквозь мой ладонь и вси его услышат, а след това обмяк и успокои. Аз повлек его в кусты, и тут же справил нужду — не мог удержати. Отобрал его винтовка, патрон и ятаган, натянул эта потная феска и пошел чрез лес.

Все молча слушали рассказ Георги, стараясь разобрать получше. И хотя солдаты порой переглядывались на непонятные слова, но суть его речи дошла до сердца каждого.

— А коня что не взял? — спросил Воронов.

Георги горько усмехнулся.

— Стар кон. Не е добър.

Болгарин пошел дальше с их ротой. Трофейное ружье решили оставить ему.

3

Рота входила в настоящий бой. Пули жужжали все ближе. Цепь из крохотных разноцветных фигурок показалась вдалеке.

— Вон он, турка,— процедил Ваня.

— Наши крынки туда не добьют,— сетовал рядом Кондратьич.— А эти вон как палят.

Георги снял с плеча английское ружье. Все смотрели, как он выцеливает и как мягко спускает крючок.

— Эх, мимо,— Кондратьич сжал кулаки. Разноцветная цепь продолжала идти. Тогда Георги, ни на кого не глядя, перезарядил, вскинул ружье и снова выстрелил. Одна из фигурок в середине цепи упала навзничь. Другие остановились и залегли.

— Вземи! — сказал Георги.

— Вперед! Пошли ближе! — скомандовал Воронов и рванулся первым.

Раздалось жидкое «Ура!», но тут же смолкло.

Сева, который залег чуть в стороне за крупным камнем в густых колючих кустах, видел, что пуля подсекла поручика на бегу. Он мучительно повернулся и, замерев на мгновение, упал набок, а растерянные солдаты остались одни.

Пытаясь укрыться на плоской, как сковорода, площадке, они все сбились в кучу под большим деревом с толстым стволом и выпирающими буграми корней. Заметив их, яростно забила турецкая батарея. Первые гранаты упали, перелетев дерево. Следующий залп рассыпался с недолетом. Столбы камней, травы и глиняной пыли взметались все ближе. Но ни команды, ни решительного движения не было — и все солдаты сидели, парализованные неизбежностью скорой гибели и жались друг к дружке, не решаясь сдвинуться ни на метр.

— На-зад! На-за-а-ад! Ухо-диии-те! — Сева махал им рукой и орал со всей мочи. Его не слышали.

И тогда, выждав короткое затишье, он припустил через всю площадку. Пули сразу зажужжали вокруг.

— За мной! Все — туда!

И солдаты, задыхаясь, понеслись через низкие кусты к камням. Едва залегли, как новый залп гранат ударил рядом с деревом. Открылась глубокая круглая яма с толстыми обрубками бурых корней.

— Все скажем, чтоб орден ему дали,— побледневший Яковлев повернулся к остальным.— Как мы сидели, никто б не уцелел...

Все дружно закивали.

— А это, барин... — начал Ванька.

— Какой из меня барин!

— Как фамилия твоя?

— Горошин,— выдохнул он,— Всеволод.

— Я теперь на всю жисть запомню спасителя нашего...

Спаситель кивнул и дотронулся до нагрудного кармана. Подарка Наденьки не было.

Кровь гулко застучала в висках. Без раздумий он выскользнул из-за кустов и рванулся к израненному осколками гранат дереву. Пули шлепались вдалеке. Обостренным опасностью взглядом он заметил костяной гребень, упавший в глину зубьями вверх, когда с шипящим свистом снаряд разрезал воздух.

И последним звуком перед ватной тьмой, окутавшей его голову на трое суток, пока слабый болезненный свет ни забрезжит снова, был протяжный вопль:

— С-е-в-а!

4

— Страйк!

Третий подряд. Володя вскинул руки, затем повернулся и замер в стойке, как бодибилдер. Щелкнула фотовспышка.

Они здесь уже третий день. В этом маленьком запыленном городишке без моря и веселой компании. Даже без хороших магазинов. Только некрологи, развешанные прямо на деревьях, были чем-то необычным. Но и это тоже ни разу не весело. Полина готова была повеситься от скуки, а конца Володиным переговорам все не было. Точнее, не было даже их внятного начала. Вежливо встретили, расположили в гостинице. Но Цветан, генеральный директор местной компании, появился лишь на пять минут и срочно отбыл по другому делу. И не вернулся ни вчера, ни сегодня. Можно было съездить в Софию. Или прокатиться вниз по Дунаю. Но Володя не соглашался ни на какие дальние прогулки, в последний раз молча замотал головой и надолго уставился в одну точку — это случалось, когда он «загонялся», не понимая, почему все происходит именно так.

Оба дня за ними заезжал Станимир — помощник Цветана. Он украдкой заглядывался на стройную шатенку Полину, может, поэтому и не мог теперь как следует совладать с шаром.

Володя залпом отхлебнул полкружки пива и уже потирал руки, готовясь к личному рекорду. Между этими своими тремя страйками он не взглянул на Полину ни разу.

Она вытянула сигарету из Володиной пачки и вышла на крыльцо. Но не закурила, наслаждаясь прохладным ветром. Вдалеке в просвете между домами приоткрылось зеленое поле и большое одинокое дерево на нем.

Полина спустилась на улицу. Возле машины кого-то дожидался пожилой таксист.

— Добър вечер, госпожице!

Она поздоровалась в ответ и спросила его про то большое дерево.

— Его называют гранатовым.

— А что — на нем растут гранаты?

— Не,— таксист улыбнулся,— нар не растет.

— А почему тогда?

— Это с давние времена. Шла война, и здесь были бои. Очень давно, когда мы опять становились Болгарией,— таксист подбирал слова.— Там погибли русские. И турки. И болгары.

— Вы не подвезете меня? — Полина сама удивилась этому вопросу.

Таксист кивнул. А она вдруг вспомнила, что этому кивку не стоит радоваться.

— Не могу,— он, извиняясь, развел руками.— Мои клиенты вот-вот выйдут. Надо везти их в Софию.

— Ничего,— сказала она.— Доброго вам пути!

От окраины городка Полина пошла через поле, то находя узкую тропку, то сбиваясь с нее. Ноги запутывались в густой траве. Она сняла туфли и зашагала босиком.

И вот оно — дерево, освещенное закатом. С шершавой, как загрубелая кожа, корой. Прохладное с теневой стороны и горячее на солнце. Полина коснулась большого, с ладонь, сгустка смолы. Под ним мог засесть осколок с той самой войны.

Шагнула вбок и, споткнувшись, вскрикнула от боли. Это был не корень, а что-то более острое. Раздвинув траву, она различила среди глинистых комочков светлые костяные зубцы.

Чуть прихрамывая, Полина шла через поле с туфлями в одной руке и со своей странной находкой в другой. Володя торопился навстречу.

— Куда ты пропала? — он окликнул издалека.— Когда понял, что тебя нет, я все

проиграл, ни одного страйка. И на звонки ты не отвечала. Взял машину Станимира и стал тебя искать.

Полина подождала, когда он подойдет ближе.

— Я хотела сделать селфи у того дерева.

— И все?

— Нет, нашла вот это. Красивый, правда?

— Возьмем с собой?

— Возьмем.

— Завтра точно будут переговоры,— убежденно сказал Володя.— И, обещаю, сразу свалим отсюда.

— Ага. Или мы станем как тот полковник в Макондо.

— О ком ты?

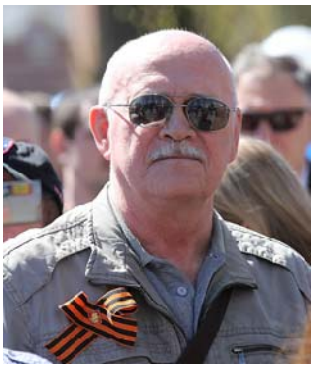
— Об одном знакомом,— она улыбнулась.

— А-а...

Закат догорал. Цветы с последним вечерним ароматом клонились ко сну. Из открытого окна пахло творогом и жареным мясом. Очень низко над городом показалась стая уток. Две из них летели совсем рядом, казалось, они несут кого-то на прутике, как в детской сказке.

Проводив уток долгим взглядом, Полина прильнула к Володиному плечу.

— Не торопись... никуда не торопись. Здесь прекрасно.



Олег Каширин
(г. Тула)

Каширин Олег Семенович родился в городе Тула, в семье военнослужащего. После окончания в 1970 г. историко-филологического факультета Тульского государственного педагогического института (ныне университет) им. Л. Н. Толстого служил в рядах Советской Армии, с 1971 г. по 1998 г.— в органах КГБ СССР—ФСБ РФ. Полковник в отставке. Ветеран Воинской службы России. С 1998 г. состоит в Союзе писателей России. В настоящее время председатель ревизионной комиссии правления Тульского отделения СП. Повесть «КГБ как КГБ» отмечена дипломом конкурса ФСБ России на лучшие произведения литературы и искусства о деятельности органов госбезопасности.

Виктор Федюшкин
(г. Тула)

Федюшкин Виктор Андреевич, родился с. Красная Дубрава Чернского района Тульской области. После окончания средней школы поступил на физико-математический факультет в Тульский государственный педагогический институт им. Л. Н Толстого, по окончанию которого служил в рядах Советской Армии. С 1976 года работал в школе учителем математики. С 1982 года проходил службу на офицерских должностях в органах КГБ СССР — ФСБ РФ. Участник боевых действий в Чечне. Подполковник в отставке. С 1997 г. член Союза журналистов России. Автор поэтических сборников «Свет дружеской улыбки», «Еще надеемся на счастье».

К 100-летию органов государственной безопасности
Из архива ФСБ

СТОГОВЫ

Однажды мне попались в одном из архивных дел ОГПУ СССР странички о неких Стоговых. А потом «всемирная паутина» выдала информацию, что генерал Стогов имеет непосредственное отношение к городу Белеву, который издревле состоит в составе тульских земель. Интересно. Я попробовал реконструировать события почти что вековой давности.

1923 год. Город Париж

— Николай Николаевич, рад вас приветствовать на французской земле! — С напускным доброжелательством произнес генерал Лукомский, подавая руку своему собеседнику. Шатен, сорока лет, среднего роста, с коротко стриженными и зачесан-

ными назад волосами, но уже с легкими признаками будущей лысины. Лицо гладкое, бритое. Пиджак модный, двубортный, серого цвета.— Как поживаете?

— Господин генерал-майор, вы хотите от меня услышать то, что уже знаете? Извольте! — ответил Стогов, стесняясь своего чесучового мятого наряда. В отличие от своего «визави» он носил небольшую бородку и усы, модные во времена Николая II. Легкие мешки и синяки под глазами говорили или о нездоровых почках или о бессонных ночах. Впрочем, одно могло сопутствовать другому.

— Не горячитесь, господин генерал-лейтенант, это — неизбежная и обязательная процедура. Я лично вам — боевому офицеру — всемерно доверяю. Но французская контрразведка не доверяет нам, русским. А деньги на наше содержание выделяет их правительство... — Лукомский засмеялся.— Можно подумать, что мы не сможем откусить от этого пирога на личные нужды.

Он закурил ставшую тогда модной сигаретку, пришедшую из Северной Америки.

— Во-первых, прежде чем стать генерал-лейтенантом Генерального штаба, я после окончания Николаевского кадетского корпуса и Константиновского артиллерийского училища прошел практически все ступеньки военной карьеры,— начал рассказывать Стогов.— На войне награжден Георгиевским оружием и орденом Святого Георгия. В конце семнадцатого года командовал Юго-Западным фронтом. Нужны подробности?

— Нет, не нужны. Я знаю все о вашей службе.

— Тогда зачем спрашиваете? — повысил голос Стогов.— Догадываюсь, что вас более интересует, где я был в восемнадцатом году. Так вот, в январе я вернулся с фронта в Москву. С мая по август был в рядах Красной армии.

— А почему вы пошли на службу к большевикам?

— Мне было любопытно узнать, какова она, эта новая власть.

— С Троцким встречались?

— А как же! Это он назначал меня на должность начальника Генерального штаба Красной армии.

— Ваше мнение о нем?

Стогов засмеялся:

— Сразу отмечу, что не было никаких проблем с его национальностью. В нашем белом движении пытались использовать антисемитские мотивы, агитируя в Красной армии, но успеха не добились. Как рассказывали, один казак, когда его упрекнули, что он служит и идет в бой под началом жида Троцкого, горячо возразил: «Ничего подобного! Троцкий не жид. Троцкий боевой!.. Наш... Русский... А вот Ленин — тот коммунист... жид, а Троцкий наш! Это одна из самых заметных личностей среди большевиков. После господина Ленина. По моей информации, сейчас у него со Сталиным началась внутрипартийная свара. Я не знаю Сталина, но уверен, что Троцкий для нас более опасен. Их грызня нам только на пользу. Личность неординарная. Сверхамбициозная и упрямая. Ведь только благодаря его усилиям, человека, ни дня не служившего в армии, большевикам удалось создать свои вооруженные силы.

Лукомский удивился:

— Что вы имеете в виду?

— Вспомните, что весна и лето восемнадцатого года были для большевиков из ряда вот тяжелейшим временем. Все рассыпалось. Разоренная, разрываемая противоречиями страна истощена. Как поддержать новый режим и спасти свою независимость? Продовольствия нет, армии нет! Железные дороги не функционируют. Всюду заговоры против новой власти.

— Да, да, я помню,— согласился Лукомский.— Немцы захватили Польшу, Литву, Латвию, Белоруссию и значительную часть Великороссии. Украина — австро-венгерская колония. На Волге — чехословацкий мятеж. Действительно, просто удивительно, как уцелели большевики...

— Согласен. Удивительно,— кивнул головой Стогов,— но объяснимо. Троцкий прибыл на Волгу, когда пала Казань. Если говорить образно, у красных «почва была заражена паникой». Уже открывался путь на Нижний Новгород, а оттуда — на Москву. Но Троцкий смог вызвать из глубин России тысячи коммунистов. Да, они не владели оружием, но хотели победить, во что бы то ни стало. Они влили в загнивающую армию новые идеи, новые «соки».

— Николай Николаевич, идеи идеями, но война принадлежит профессионалам!

— Троцкому просто повезло. В то время на большевистском Восточном фронте находился полковник Вацетис.

— Это тот, что командовал дивизией латышских стрелков? — уточнил Лукомский.

— Совершенно точно, он. Это была в то время единственная боеспособная часть, сохранившаяся от старой армии.

— Почему? — не понял собеседник.

— Все просто. В дивизии были латышские батраки, рабочие, крестьяне-бедняки. Они ненавидели балтийских баронов. Вот эту ненависть использовала наша власть в войне с немцами. Латышские полки были лучшими в нашей прежней армии после пятнадцатого года. Так вот, после Февральского переворота они почти что все пошли за большевиками и в октябрьском перевороте сыграли большую роль. Шестого июля в восемнадцатом, в день мятежа левых эсеров, вообще были главной силой, разогнавшей этих политических авантюристов.

— А сейчас?

— Не знаю.

— Поговаривают, что Троцкий собирался сместить Вацетиса?

— Всякое говорят. Говорят, что он стал профессором советской Военной академии. Бог с ним! Мы все выбираем свой путь.

— А почему вас обласкал Троцкий?

— Ничего удивительного. Вы же знаете, Лев Давидович смог привлечь на сторону новой власти практически половину старших и высших офицеров Генерального штаба. И не только Генерального штаба. Я был в их числе. Его императорское величество своим отречением освободил нас от данной ему присяги. Хотелось чего-то нового, свежего. Но все обернулось насилием и кровью...

— Тем не менее...

— В то же время с ведома генерала Алексеева я активно участвовал в подпольной деятельности Национального центра и вместе с полковником Ступиным возглавлял Добровольческую армию Московского района.

— Чай, кофе, Николай Николаевич? — Лукомский вопросительно посмотрел на Стогова.

— Если не трудно, чай.

Лукомский подошел к чайному столу, положил в заварной чайник щепотку черного чая и залил ее кипятком из урчащего самовара. Подождав несколько минут, он налил чай в широкую, расписанную под китайских мастеров чашку и подал ее Стогову.

— Благодарю вас, генерал,— кивнул Николай Николаевич и продолжил:

— Потом из красного Генерального штаба меня перевели в государственный архив. Допрашивали в ЧК, отпустили. А в начале девятнадцатого года во время ареста руководителей Национально центра я бежал из Москвы. В ноябре с большим риском перешел линию фронта и явился к генералу Деникину. Был сразу же назначен начальником по созданию укрепленной позиции в районе Ростова. А двадцать девятого декабря стал начальником штаба Кубанской армии. После ее отступления на черноморское побережье в марте двадцатого с частью войск прибыл в Севастополь.

— Как вы себя чувствовали вблизи барона Врангеля?

— Никак. Мы занимались разными делами.

— Да, да, я знаю. Вы все рассказали, как на допросе в ЧК.

— Вы совершенно правы, господин генерал-майор. Точно также я говорил на допросе у чекистов. Только они про Национальный центр ничего не услышали. Потому и выпустили меня на волю, предъявить нечего. Кстати, господин генерал, среди них тоже есть люди разные. Есть и изверги, есть и высокие интеллектуалы.

— Да, Николай Николаевич, биография у вас, можно сказать, безупречная,— примирительно сказал Лукомский.— По словам барона Врангеля, подобно адмиралу Кедрову, вы, генерал, оказались на высоте положения во время эвакуации из Крыма в ноябре двадцатого.

— Тут, в Париже, ходит много суждений о том времени. Особенно среди тех, кто там, в Крыму, не был,— пожал плечами Стогов.— Но у меня создалось впечатление, что Петр Николаевич с первых дней своего правления в Крыму готовился его сдать.

— Я не совсем вас понимаю! — удивился Лукомский.— Барон Врангель...

— Я прибыл в Крым в марте. В конце мая был назначен комендантом Севастополя и командующим войсками тылового района. И, естественно, я был ознакомлен с секретным апрельским приказом, номер его не помню.

— Неважно,— отмахнулся собеседник.

— Так в том приказе было написано, что... могу быть не точен... «Соблюдая полную секретность, в кратчайший срок подготовить соответствующий тоннаж для перевозки в случае необходимости шестидесяти тысяч человек в Константинополь». Вот так-то! Это в апреле!

— Не знал, не знал об этом,— покачал головой Лукомский.

— Барон Врангель — личность, несомненно, выдающаяся, но одновременно неоднозначная и противоречивая. Я обязан ему за то, что он пригрел меня в Крыму. Но со многими его поступками в то время не согласен. Я предан Белому движению, но никогда не буду оправдывать те грабежи и насилие, которые наша армия творила в Крыму. При полном попустительстве Верховного главнокомандующего барона Врангеля. Тогда Крым был наводнен шайками голодных людей, которые жили на средства населения и грабили его. Паника была полная. Каждый мечтал только о том, чтобы побольше награбить и сесть на судно. Во главе гарнизона стояли лица старого режима. У них все сводилось к тому, чтобы отписаться начальству, они не могли справиться с наступившей разрухой. А барон, можно сказать, был отчасти позером.

— Что вы имеете в виду?

— Перед самой погрузкой на пароход генерал-лейтенант Врангель вышел из дверей гостиницы, одетый в серую офицерскую шинель с отличиями Корниловского полка. До этого он не снимал черную черкеску. За ним — его штаб, в том числе и я. Обходя фронт, генерал остановился перед атаманцами и обратился к ним со ставшими теперь историческими словами: «Орлы! Оставив последними Новочеркасск, последними оставляете теперь и русскую землю. Произошла катастрофа, в которой всегда ищут виновного. Но не я, и тем более не вы виновники этой катастрофы; виноваты в ней только они, наши союзники». И генерал прямо указал на группу военных представителей Англии, Франции и Италии, стоявших неподалеку от него. «Если бы они вовремя оказали требуемую от них помощь, мы уже освободили бы русскую землю от красной нечисти. Если они не сделали этого теперь, что стоило бы им не очень больших усилий, то в будущем, может быть, все усилия мира не спасут от красного ига. Мы же сделали все, что было в наших силах в кровавой борьбе за судьбу нашей родины... Теперь с Богом! Прощай, русская земля».

— Да, Николай Николаевич,— согласился Лукомский.— Барон явно хотел остаться в истории государства российского. Позерство Петру Николаевичу свойственно.

— А о противоречиях Врангеля с Великим князем Николаем Николаевичем я знаю. И буду на стороне последнего,— категорически произнес Стогов.

— Вот и отлично, Николай Николаевич. В эмиграции вы проживали в Земнуне, в Сербии, а затем переехали в Париж, где поступили рабочим на завод...

— Вы все знаете,— вспыхнул Стогов.— Зачем спрашиваете?

— Я хочу предложить вам сотрудничество при Великом князе Николае Николаевиче.

— Я согласен.

— А что с вашей семьей, господин генерал-лейтенант?

Стогов помрачнел.

— Ничего не знаю. Только одно известно, что в девятнадцатом в Москве расстреляли мою жену. За что? Я этого тоже не знаю. Она поехала в первопрестольную искать нашего сына. А я уже был в бегах... — Стогов обреченно махнул рукой.— О судьбе дочерей тоже ничего не известно.

1923 год. Город Белев, Тульская губерния

— Стогова Екатерина Николаевна, родились 21 октября 1895 года. Проживаете в городе Белеве на Монастырской улице в доме Василькова. Дворянка, дочь генерала. Девица. Беспартийная. До Белева проживали в Гельсинфорсе, в Петрограде при родителях? В мае 1917 года вы выехали в Москву и с октября 1919 года находитесь в Белеве. Вы не судимы?

— Зачем в который раз спрашиваете, если вам все известно? — устало спросила русоголовая барышня лет двадцати, одетая в темно-серое платье со стоячим воротником «под горло». Ее голубые глаза внимательно смотрели на следователя.

— Так положено,— категорически ответил уполномоченный отдела ОГПУ в городе Белеве Леша Киреев, двадцати лет от роду, румяный от природы. Имея за плечами четыре класса церковно-приходской школы, он был абсолютно уверен в своей правоте. Час назад эту правоту подтвердил его начальник, поручив ему впервые допрос классово чуждого элемента.— Я правильно изложил ваши данные? Где ваша сестра?

— Успокойтесь и не нервничайте, господин чекист.

— Гражданин...

— Гражданин. Не возражаю.

— Еще бы! Так что вы можете рассказать на мои вопросы?

— Моя сестра Надя уехала в Москву в среду на второй неделе после поста. Она намеревалась продать две ценные иконы, принадлежащие нам лично. Причем сестра намеревалась продать иконы именно в Москве, потому что там можно продать подороже. И пообщаться с сестрой Ольгой, чтобы попытаться узнать о судьбе арестованных мамы и нашей сестры Татьяны.

Надежда по почте прислала мне письмо, в котором сообщила, что свидание с Татьяной получится. Его обещали дать через неделю. Вчера, четырнадцатого марта, я получила второе письмо по почте, в коем она сообщила, что за иконы ей дали очень дешево. То есть только по одному миллиону. На обратном пути из Москвы она заедет в Тулу и остановится у наших знакомых — в семье Ускова Константина Михайловича. В Белев она приедет в пятницу шестнадцатого марта или во вторник.

— Назовите адрес Ускова.

— Обуховский переулок, дом номер семь. От сестры мы получили три письма. Причем два из них написаны на нашу квартиру, а одно — на квартиру наших соседей Веденских с передачей Надежде Николаевне. Без фамилии.

— А ваш отец?

— Во время германской войны мой отец генерал Николай Николаевич Стогов все время находился на фронте. Мы же, дети вместе с нашей мамой Екатериной Тихоновной проживали в Петрограде. С восемнадцатого года вся семья наша перебралась

в Москву, так как папа был назначен на службу в Москву. Кажется, во Всероссийский главный штаб в качестве начальника. Мы проживали на Смоленском бульваре в доме номер восемнадцать. В особняке. В Петрограде у нас осталась квартира с обстановкой. Мы ее не взяли в Москву, предполагая, что там мы будем жить временно. В этом же году папа был переведен в какой-то военный архив. В какой, не знаю. В конце восемнадцатого года мой отец был арестован.

— А вот об этом, Екатерина Николаевна, расскажите подробно.— Следователь Киреев оторвал от четвертушки газеты клочок бумаги, насыпал на него щепотку махорки, соорудил самокрутку и прикурил ее от спички. Затянулся, но тут же зашелся в сиплом кашле. Заметив, что допрашиваемая с удивлением и сочувствием смотрит на него, Алексей обреченно махнул рукой, вытер рукавом выступившие на глазах слезы и затушил самокрутку в массивной стеклянной пепельнице.

— Я не знаю, за что именно его арестовали, а равно не знаю, кто арестовал. Он сидел в Бутырке недели две, а потом был освобожден. Вторично мой отец был арестован, кажется, в начале девятнадцатого года. Причем, как в первый, так и во второй раз у нас в квартире были произведены обыски. Кем именно, я не знаю. После второго ареста отец снова был направлен в Бутырскую тюрьму, а потом в какой-то лагерь, откуда он иногда посещал нашу квартиру. Таким образом, он просидел в заключении месяцев пять. Припоминаю, что в девятнадцатом году, кажется, в августе месяце, мой брат Николай отправился за продуктами для больной сестры к знакомым Щепкиным, проживающим в Неопалимском переулке, откуда почему-то долго не возвращался. А потому за ним пошла мама, которая, как мы узнали приблизительно недели через две от вернувшегося из тюрьмы Николая, была арестована вместе с ним. После этого мама не вернулась. Сестра Татьяна ходила справляться о ней на Лубянку, но там ничего не говорили. В день ареста мамы папа был у нас дома, но после этого не приходил ни разу. После того, как расстреляли маму, мы, то есть сестры Татьяна, Надежда, Ольга, я и брат Николай, поехали к тетке, папиной сестре Лукерье в Белев под фамилией Санины. Это девичья фамилия мамы.

— Кто придумал смену фамилии? — Киреев пытливо смотрел на допрашиваемую.

Стогова пожала плечами и тихо ответила: — По чьей инициативе мы сменили фамилию, я не помню. То ли Татьяны, то ли нашего дяди. Не помню. У дяди под новой фамилией мы прожили до двадцать первого года. А после этого снова стали жить под фамилией Стоговы. Почему Таня решила вернуть фамилию, точно не знаю.

В конце двадцать второго года мой брат Николай ездил в Петроград и в Москву устраиваться учиться. Попутно он навел справки о папе.

— У кого?

— О нем удалось узнать от мужа моей сестры Тани Иванищева Герасима Дорофеевича, проживающего в настоящее время в Москве и служащего в Московском географическом обществе.

— Где живет?

— Точного адреса не знаю. Поясню, что приблизительно через неделю или две после ареста мамы один из наших знакомых Бениваленский Валентин Ефимович...

— Его адрес?!

— Не повышайте на меня голос. Мне и так трудно говорить. Он проживает в Москве, угол Смоленского бульвара и Пречистинки в большом доме в квартире номер сто или сто с чем-то. Бениваленский сказал, что папа советовал нам все распродать и передал от него восемь тысяч денег. С ним общалась сестра Надя. Валентин Ефимович рассказал, что встретил папу в концентрационном лагере под Петроградом. Папа оттуда сбежал и приблизительно с месяц проживал на станции Сходня у нашего родственника Крымова Дмитрия Васильевича.

— Под какой фамилией он жил?

— Не знаю.

— Откуда все это вам известно?

— Это рассказал Николаю сам Крымов. Он живет в настоящее время в городе Богородицке и служит учителем. С его слов папа со станции бежал в Крым к белым. Сестры между собой говорили, что он бежал в Константинополь.

— А они от кого это узнали?

— Не ведаю, ей-богу! После этого, вплоть до сообщения Иванищева, никаких сведений мы о папе не получали. Никаких весточек от него не было. С Крымовым мы не переписывались. Только Николай один раз с ним встретился. Не так давно от жены Крымова Лидии Владимировны мы через Николая действительно получили двести миллионов рублей. Но... по нынешним временам эта сумма — крохи.

1923 год. Город Париж

Генерал Лукомский внимательно смотрел на Стогова. И, когда молчаливая пауза затянулась, он произнес:

— Господин генерал, Николай Николаевич, не обижайтесь. Я лично вам верил и верю сейчас. Но приходится соблюдать этот формальный ритуал.

— Да все я понимаю,— отмахнулся Стогов.— Что вас еще интересует?

— Больше ничего. Только личное любопытство. Честно говоря, не знал, что вы — уроженец Белева. Казалось, что вы — москвич или петербуржец.

— Я — наследственный дворянин,— Стогов рассмеялся.— Господин генерал, вы не первый, кто так думал. Уж до чего проницателен генерал Брусилов... Преклоняюсь перед его полководческим гением!

— Я тоже,— Лукомский внимательно посмотрел на собеседника.— А вас не смущает, что он перешел на сторону большевиков и активно сотрудничает с ними?

— Я — идейный сторонник Белого движения, но знаю одно. Он — честный и порядочный человек. Для меня этого достаточно. Его поступки — дело его убеждений. И я его не осуждаю.

— Извините, Николай Николаевич, а за что вы в марте пятнадцатого получили офицерский орден Святого Георгия? Не всем его давали.

— Все просто, господин генерал,— улыбнулся Стогов,— за то, что «лично повел свой резерв в контратаку», когда германцы заняли высоту девятьсот девяносто на Козионовской позиции на Карпатах. После этого меня назначили генерал-квартирмейстером Восьмой армии.

— Надо жить настоящим, Николай Николаевич!

— Согласен. Будем трудиться.

P.S. Судьба генерал-майора Стогова общеизвестна. Он занимал руководящие должности в различных объединениях белой эмиграции. Сведений о его сотрудничестве с нацистами во время оккупации Франции нет. Скончался в 1959 году и похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев де Буа.

А вот о судьбе его семьи, оставшейся в России, после 1923 года достоверной информации нет. Следователь ОГПУ А. Киреев допрашивал также сестру Е. Н. Стоговой Надежду, но та ничего нового о своем отце сообщить не смогла. Судьбы брата Николая и старшей сестры Татьяны также не известны. А вот о Екатерине поговаривали, что она вышла замуж за того самого следователя ОГПУ Лешу Киреева. Его, якобы, за это уволили из ОГПУ. Их следы затерялись на бескрайних просторах России.

Анатолий Коновалов
(д. Хмелинец Елецкого района Липецкой области)

ЛИВЕНКА

Родился в семье лесника 6 октября 1946 года в селе Становое Становлянского района Липецкой области. Учился в Елецком техникуме железнодорожного транспорта (промышленно-гражданское строительство), Елецком педагогическом институте (физмат), Высшей партийной школе при ЦК КПСС (политолог).

Последнее трудовое пристанище — Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина, где работал помощником ректора по связям с общественностью и СМИ, доцентом кафедры журналистики, заведующим кабинетом истории университета. Член Союза российских писателей и Международной ассоциации писателей и публицистов. Избран действительным членом Петровской академии наук и искусств (г. Санкт-Петербург).

Автор 27 книг прозы и публицистики, учебных пособий для студентов факультетов журналистики вузов, лауреат литературных премий.

Почетный гражданин Становлянского района. Как писатель награжден медалью «Во славу Липецкой области».

До конца войны оставались считанные дни. И до Берлина, наверное, сотни километров не отмеришь. Взводу, в котором служил Михаил, было дано задание: провести подворный обход небольшой немецкой деревушки, убедиться, что в домах не засели фрицы и не обдали бы свинцовым градом, под которым могли оказаться в последние дни войны наши ребятушки. Такое нередко бывало в других населенных пунктах.К одному из домов и направились Михаил и его боевой друг Федор. Федор, подходя к кирпичному особняку, крытому красной черепицей, громко возмущался:

— Гады! Вот гады!..

Михаил, не замедляя шага, спросил не без удивления:

— Кого это ты так поливаешь?

Друг вроде бы и не слышал вопроса. Продолжал сыпать словами:

— И что им не хватало? Неужели от жира?

— Да кто тебе, Федяка, дорогу перебежал?

Тот чуть ли ни с обидой уколол вопросом:

— А то ты не знаешь?

— Конечно, не знаю, — улыбка так и не отлипла от лица Михаила.

— Ты прикидываешься или с детства головой обо что-то стукнутый? — казалось, злился Федор.

— Понимай, как хочешь. Только я вправду не знаю, чьи ты кости полоскаешь.

Федор даже приостановился.

— Фрицев! Кого же еще!? — передохнув, продолжил объяснять этому «чудаку

не от мира сего».— Ты посмотри, в каких они доминах живут. За каким таким хреном им нужно было наши деревни захватывать, жечь, людей свинцом косить? Ведь у нас что ни хата, то под соломенной крышей приютилась. В маленькие оконца избенки и белый свет с трудом рассмотреть удается. А тут...

Они подошли к дому. Без стука, но настороженно открыли массивную деревянную дверь. Держа на изготовке автоматы, протиснулись внутрь дома.

Им в грудь ударила упругая тишина. Почти одновременно солдаты увидели женщину лет сорока — сорока пяти, притиснутую к кожаному дивану и прижимающую к груди девочку лет четырнадцати — пятнадцати. Михаила не удивило, что в глазах женщины метался ужас и страх, скомканные в одно целое и готовые осколками вырваться из глаз. Ей и ей подобным немкам внушили, что русские — дикие звери, способные на что угодно. Подумал: «И что она так вылупилась?» Он же не дикарь какой-то из далекой Орловщины, а парень, которому чуть за двадцать перевалило. Пороху в окопах и в боях на немецких сельских и городских улицах понюхал до рвоты. Но остался, как его иногда называли солдаты, которые ему в отцы годятся, «желторотым» юнцом, рядовым солдатом-пехотинцем. К тому же однополчане считали его «чудаком не от мира сего». А все потому, что он так и не научился почти за три военных года в немцев, пусть даже и фрицев-фашистов, стрелять из автомата без содрогания в сердце, лишать их жизни на веки вечные. Люди все же они.

Федор — уроженец глухой деревушки из-под Ельца чуть ли ни ястребиным взглядом скользил по большой комнате, которая служила для хозяев, скорее всего, залом.

— Кто еще в доме есть? — уперся он колючим взглядом в женщину, а его вопрос больше походил на допрос.

Немка в ответ неопределенно замотала головой: толи не понимала, о чем ее Федор спрашивает, толи подавала знак — в доме, кроме их, никого нет, но Федор не унимался и добивался точного ответа:

— Где твой мужик, немчура?

Она молчала, а ее покрасневшие глаза, казалось, набухли так испугом, как набухает зрелая почка на вишне от весеннего неудержимо-упругого сока.

Федор, догадавшись, что в доме кроме этих горемык никого нет, начал по-хозяйски осматривать комнату. Кресла и диван обтянуты натуральной кожей, полированные столы дразнятся своим сверканием от солнечных лучей, заглянувших в огромные окна. В шкафах и стенках бокалы и различные стаканчики, видимо, из хрусталя, тарелки на дне с красивыми пейзажными рисунками. Стоял и огромный шкаф, набитый до отказа какими-то книгами. На одной из стен в красивых резных рамках выстроились в шеренгу портреты видных мужчин, среди них был один в военной форме офицера и веселый юноша, игравший на аккордеоне.

— Живут же, гады! — Федору не давала покоя мысль от увиденного. — Их бы в нашу хибару, где кроме стола и лавки хоть шаром покати... Вон из каких стаканов пьют, да на расписных тарелках жрут. А у нас на стол мечут чугуны с целой или толченой картошкой да необхватные алюминиевые или деревянные блюда с квашеной капустой или огурцами и помидорами, соленными в дубовых бочках...

Михаил стоял неподвижно, уставившись в дальний угол зала. Он не мог отлепить взгляд от гармошки и аккордеона, которые соседствовали на небольшом полированном столе. Почему-то в первую очередь его заинтересовал аккордеон. Михаил впервые увидел, что инструмент с искривленным грифом. Бросилось в глаза его покрытие из целлулоида, а на клапанной крышке красовался логотип «HOHNER».Совсем скромной, размером намного меньше была соседка аккордеона — гармошка.

— Не может быть!? Да это же... ливенка! — и его голова вот-вот собиралась одеревенеть от догадки.

Подошел с осторожностью к инструментам. Глаза не моргали.

— Точно, она родимая!— дышать ему становилось все больше с трудом, пот величиной чуть ли ни с горошины на лице высыпал.

Для Михаила казалось, что не существовало войны, этого дома, этого зала, женщины и девочки, чуть ли ни приклеенных к спинке дивана. Он тут же вспомнил деда Игната, который слыл на всю округу известным мастером — скрепщиком, делавшим гармоники в деревеньки Речищи близ Ливен.

— А почему, дед, тебя величают не просто мастером, так еще и скрепщиком? — в юном возрасте спросил любознательный Мишатка, во что бы то ни стало мечтавший научиться играть на гармошке.

Дед как-то загадочно-медлительно разгладил усы, бороду, похожую на широкую лопату, с удовольствием начал пояснять внуку:

— Нашу ливенку мастерят разные люди. Одни изготовляют клапана, другие — планки, третьи — меха, четвертые — корпуса, пятым тоже дел хватает. А я у них, знамо, хороших мастеров, те части покупаю. Потом инструмент не только собираю и настраиваю, но и отделываю его, сообразуясь со своим вкусом, а может и фантазией. Потому меня и таких, как я, в народе нарекли скрепщиками. А чтобы знали, кто из них сотворил гармонь, они оставляли свою метку на корпусе или где-то еще. Я на ремне, где расположены басы, вышиваю свое имя — Игнат Тюрин. Вот так-то, внучек...

Одну из гармоней дед Игнат подарил своему сыну Николаю, которого далеко за пределами деревни считали виртуозом в игре на ливенке.

Михаил приблизился к гармони и прочитал на ремне: «Игнат Тюрин». Ладони рук так вспотели, словно их в воду макнули. Взял гармошку с такой бережливостью, будто она, как и бокалы в стенке, из хрусталя была дедом сотворена. Растянул меха. Раздался звук, которому в комнате явно тесновато было. Он по душе и сердцу плугом прошелся, оставляя глубокий и ноющий след. У старшей немки вроде бы и ужас погас, слезой из глаз выкатился. Может, она вспомнила, как играл на этой гармошке ее муж или отец? Все возможно. Федор замер на месте. Зачем-то рот раскрыл и, не моргая, смотрел на Михаила. Видно, душой и сердцем тут же оказался в своей деревне, где парни и девчата до войны танцевали и плясали тоже под ливенку. А он словно по деревне вышагивал, держа грудь колесом, боевыми медалями позвякивая. И все девчата только в него свои истосковавшиеся взгляды впаивали.А Михаилу вроде бы из-за спины дед Игнат спокойно напоминал свой рассказ чуть ли не пятнадцатилетней давности.

— Наша ливенка, внучек, далекий-предалекий путь себе протоптала. Родственница ее из Германии к нам пожаловала. А первые немецкие гармошки стали ладить в Туле. Они особым характером отличались.

— Они, как люди, с характером, что ли? — перебил тогда деда уж очень любознательный не по годам Миша.

Игнат для него широкой улыбки не жалел.

— Характер, милок, у всех припасен — и у природы, и у скотины, а уж о гармошке и говорить нечего.

— Чудно ты, дед, гутаришь...

— Это ты понимай так, как тебе твой умишка нашептывает. А особенность тульских гармошек в том, что у них был разный тон звука при раздвижении и собирании мехов. По тульскому образцу решились открыть производство наши ливенские умельцы, но конструкцию гармони заметно переработали. Тон звука перестал зависеть от направления движения мехов и вообще они фактически создали новый оригинальный инструмент. Первоначально ливенка была одноголосой. То есть, при на-

жатии на клавишу открывался один клапан, и это приводило к возникновению одного звука. Позже появились двух, и даже трехголосые инструменты с различием по тонам. Вот чем, милок, наша красавица от первоначальной немецкой родственницы отличается.

Михаил перестал играть. У него в голове просквозила мысль: «А может аккордеон и наша ливенка — родственники? Вполне возможно...»

Федор громко выдохнул:

— Ну, ты, Мишк, и даешь. Тебе ни автомат в руках держать, а в атаку с гармошкой идти. Фашистов быстрее бы с родной земельки вытурили. Давно бы фрицу хендехох и капут скомандовали.

— Я то что? Вот мой отец ливенку заставлял и петь, и плакать, и вроде бы разговаривать с людьми. Когда он играл, то пальцы над голосами и басами, казалось, летали, невидимыми становились.

— Неужели лучше тебя играл? — не верил Федор словам Михаила.

— Я против него, как солдат рядом с генералом.

А Федора уже другая мысль голову теребила.

— И что дальше?

Михаил искренне удивился:

— Не понял тебя. Ты о чем меня спрашиваешь?

— Миш, не прикидывайся дураком.

— С чего это ты взял? — он пока так и не выпускал из рук гармошки.

Федор снимал взглядом мерки со своего боевого друга с ног до головы, но дольше всего его взгляд на голове тормозил. На немок ни один, ни другой внимания не обращали. Девочка, оторвавшись от груди матери, внимательно широко раскрытыми глазами рассматривала чужеземцев, не понимала ни одного их слова. Федор прервал недолгое свое молчание:

— Ты говоришь, что эта гармонь ваша?

— Да! Она моим дедом Игнатом сделана...

— Тогда свое к себе в дом и просится. Забирай гармошку, и пора отсюда ноги делать. Нам еще надо другие дома зачистить...

Михаил онемел на какое-то мгновение после таких слов друга, спросил, ничего не понимая:

— Как забрать?

— Молча! — и Федор поспешил объяснить непонятливому сослуживцу.— Неслучайно ваша ливенка тут оказалась. Так?

— И что из того?

— А то, чудная твоя башка, что эту гармошку, скорее всего, фриц, родственничек вот этих немок, захапал из дома твоего отца в сорок первом, когда зимой на орловщине хозяйничал.

Михаил из задумчивости выбраться пока так и не смог.

— Вполне возможно... — и тут же поспешил спросить. — А если эта гармошка в доме появилась задолго до войны?

— Хватит тебе чудить, Миша!..

— Я, Федь, чудить и не собирался. Ведь мой дед с конца прошлого века и до самой войны, знаешь, скольким ливенкам жизнь подарил?

— Откуда мне это ведать...

— Вот! — оживился Михаил. — Видишь, на портрете какой-то немчик на аккордеоне наяривает?

— И что из того?

— А может он или кто-то другой из этой семьи дедову гармонь купил. Как же я могу ее отнять у них?

— Молча! — не унимался Федор.— Они, гады, у нас столько жизней отняли, а ты свою же гармошку взять или не взять раздумываешь, сомневаешься,— он явно злился.

— Ни в чем, Федя, я не сомневаюсь. Только хочу одного, чтобы вот эти немки,— он указал пальцем и метнул взгляд на женщину и ее дочь, которые в спешке вновь втиснулись в спинку дивана с такой силой, с которой, казалось, хотели в нем раствориться,— знали на века вечные, что русским ничего чужого не надо. Пойдем отсюда...

— А гармонь так и не возьмешь?

— Нет! Пусть она им всегда о нас напоминает...

Он поставил гармонь на то место, с которого ее взял. Ласково, как малого ребенка, погладил по корпусу. В глазах у него что-то блеснуло. После чего Михаил стремительно направился к выходу. Федор в нерешительности постоял посреди зала. Поглядел на гармошку с аккордеоном, на немок. Зачем-то покачал головой. С какою-то остервенелостью махнул сверху вниз рукой и направился следом за Михаилом. Бурчал так, что и совсем глухой его бы услышал:

— Не зря тебя, Мишк, чудаком считают...

Андрей Фурсов
(г. Саратов)

ТУПИК ПОПАДАНЦЕВ

Родился и живет в Саратове. Член Союза журналистов России. Журналист, издатель журналов и газет. Публикуется в федеральной и местной прессе с 1984 года, работал редактором и ведущим на частных и государственных радиостанциях в 1994—1998 гг.

Не люблю я попаданцев. Вздорные и часто неадекватные ребята. Все. Как на подбор. Что-то с ними происходит в момент перемещения. Вот и этот, с вытаращенными глазами высунувшийся из безымянного тупика, наверняка не лучше. Осторожно трогает каменную кладку развалин, из которых вынырнул. Да настоящие они, настоящие. С тринадцатого что ли века остались. В семнадцатом городскую стену уже разбирать местные жители начали. Только эту руину крепости и оставили на память почему-то. Наверное, козни геопатогена. А с тех пор, как из нее попаданцы начали сквозь время прыгать, постарался я, чтобы пролом решеткой закрыли. Хотя туда из местных особенно никто и не заглядывает — тупик он и есть тупик. Современников эта нехитрая преграда почему-то останавливает, а вот с той стороны и лезут, и лезут...

Тем временем попаданец сквозь решетку протиснулся, озирается. На лице все эмоции сразу. Еще бы! Шел в комнату — попал в другую.

Ого, какие мы сообразительные! К киоску «Союзпечати» пошел. Газетки изучает, даты читает. Ну, добро пожаловать в 1965-й. Страна Советов уверенно движется вперед в развитой социализм. В честь близящегося полувекового юбилея Великого Октября трудящиеся страны засыпают в закрома Родины все, что собрали в битве за урожай. Уверенно идущие навстречу XXIII съезду КПСС, советские люди строят новую жизнь. У меня вообще все отлично, самые радужные планы на семейное счастье. В отпуск собрался. А этот приперся, пугать будет темным будущим... или светлым прошлым? Ну вот, увидел мою вывеску с синей буквой, вокруг которой вертится спутник. Побелел, оглянулся, зашагал. Постучался и замер: что там, за дверью? Я вылезаю из-за стеллажей и спешу на крыльцо клуба.

— Здравствуйте-здравствуйте,— киваю я.— Вы приезжий?

— Да-да,— отзывается гость и, сбиваясь, лопочет что-то насчет «отстал от поезда... вышел погулять» — в общем, сочиняет на ходу. Однако хорошо соображает, пытается подстроиться под эпоху. Таким попаданцам сознание обычно подсовывает содержание многочисленной лоточной макулатуры и почерпнутые из нее рецепты действий.

— Голодный наверняка? — проявляю я проницательность дальше.— Есть чай. Индийский. Тот самый, со слоном.

Он соглашается. Пока наливается кипяток в густую заварку, озирается с интересом:

— А что тут у вас?

— Тут у нас Дом культуры, дверь с той стороны. А мы — клуб любителей фантастики «Портал». Фантастическое название, да. Сейчас, знаете ли, модным стал этот жанр. Коллекционируем фантастику, устраиваем школьникам и студентам встречи с местными и московскими авторами. До столицы на электричке пара часов, писатели с удовольствием приезжают, рассказывают много интересного... Библиотека современная пока невелика, но мы и классику советскую и зарубежную собираем.

Попаданец расслабленно кивает, большими глотками пьет горячий чай, берет в руки только что изданный сборник «Фантастика-64» с автографом братьев Стругацких, с интересом листает.

— Ого, Стругацкие! — бормочет он.— Чего здесь только нет!

— Ну чего-то и нет,— говорю я деловито.— Мы находимся только в начале большого пути. Не все жанры представлены. Фэнтези нет. «Хроники Амбера» только в планах Желязны. Сергей Лукьяненко еще не родился. Про попаданцев пока никто не пишет.

Все-таки в неподходящий момент я это сказал. Книжка, которую Аркадий Натанович подписал на прошлой неделе и лично вручил мне, падает, чай обильно проливается на костюм гостя и на книжку.

— Что вы сказали?

— Из какого года? — интересуюсь я.

Гость делает несколько жадных глотков воздуха и выдавливает:

— Из 2015-го.

— Ого! — говорю я.— Ну и как там, яблони на Марсе? Цветут уже?

— Нн-нет... Там пока только роботы гуляют.

— Да вы присаживайтесь,— великодушно указываю гостю на кресло под зеленой лампой.— У нас еще в запасе четырнадцать минут.

— До чего?

— До закрытия портала. Послушайте, мне неловко это говорить, но вы очень некстати. Сегодня — день, когда открывается портал и потом целый месяц — тишина и покой... Через четверть часа он начнет закрываться, пульсировать, в него лучше не соваться... мало ли куда кривая выведет. Вы успеете вернуться назад. Я могу даже вам книжку с автографом Стругацкого на память подарить... все равно чаем залили. А он мне новую подпишет.

Гость вжимается в кресло и сдавленно спрашивает:

— Кто вы?

— Замдиректора Дома культуры. Иванов моя фамилия. Вас как в портал занесло?

Гость долго молчит, переваривая свое разоблачение. Потом смущенно признается:

— По нужде... большой... А там развилка... Ну я все сделал и забыл, откуда вошел.

— Мда, никакой торжественности. В прошлое — в заляпанных сандалиях...

Гость с испугом смотрит на обувь. Туфли чистые.

— Не вы первый,— поясняю я.— Но в основном так туда попадают все. Исключительно бегом, и, в основном, поворачивают налево, вместо того, чтобы вернуться. Думаю, была бы дама, повернула бы направо. Лично познакомилась бы с футуристами и поэтами Серебряного века.

Гость моргает и открывает рот, чтобы задать очередной вопрос, но я опережаю:

— Этот фрагмент древней крепостной стены на берегу Оки — так называемый перекресток времени. С шагом в пятьдесят лет. Вы из 2015-го попали в 1965, можно попасть в 1915-й, как раз в гости к Сологубу, молодому Маяковскому, Ахматовой. А я тут вроде сторожа самозваного. Как про портал в иное время узнал, так и начал сторожить. Встречаю гостя, чаем напою, наслушаюсь всякого и отправляю обратно...

— А если я не захочу? — возмущается попаданец.— Может быть, у меня другие планы!

— И какие? — вежливо интересуюсь, зная заранее ответ.

— О-ооо! Я расскажу о грядущих катастрофах и предупрежу их. Мы первыми прилетим на Луну! Поддержу реформы Косыгина и мы догоним и перегоним Америку! Расскажу о мобильной связи и компьютерах!

И он порывается залезть в карман и что-то продемонстрировать, но я решительным жестом останавливаю его — всякое повидал и послушал, меня трудно удивить артефактами ближайшего столетия.

— Тогда я вам дам трешку на электричку до Москвы и прямо сейчас езжайте на здоровье спасать Россию.

Попаданец снова в ступоре:

— Вы мне не верите? Зачем гоните меня?

— Вас как зовут?

— Семен Семенович.

— Эх, Семен Семенович! Я же вам сказал, что вы не первый попаданец. Поверьте, я очень хорошо знаю все эти ваши штучки.

Допустим, вы поедете в Москву изменять историю. Без знания сути этой самой истории. На основании чтива из популярных статей и макулатурных книжек, написанных неучами и нездоровыми людьми, которые продвигают свой взгляд на историю в меру своего ума и рассудка. Там вы попадетесь, и остаток жизни будете общаться с компетентными органами... или сразу с психиатрами.

— Почему сразу с ними? — шепчет попаданец.

Меня такой диалог всегда быстро утомляет, но роль надо играть до конца.

— Семен Семенович,— проникновенно говорю я,— Если вы со своими идеями и знаниями поедете в Москву во властные кабинеты, это кончится ничем в любом из трех случаев.

В первом вам просто не поверят, и свои оставшиеся дни вы проведете в психушке. Или в тюрьме. Например, за клевету на государственных деятелей или за покушение на них же. Были тут уже ходоки — рвались придушить то какого-то Меченого, то неведомого «алкаша Борьку». Хотя, такие «во всем виноватые» обычно работают кочегарами на паровозе, летящем к тупику, а о роли машинистов, проектировщиков, путеукладчиков и прочих все почему-то забывают. Да и пассажиры тоже бывают разные...

Во втором вам поверят, но ничего не случится. История — махина, движение которой изменить можно, стукнув в нужном месте в нужное время. Только почем вам-то знать это место и время? Я вот, например, в этом веке такого не знаю. Кому вы будете нужны в чужой для вас эпохе с преждевременными и о-о-очень поверхностными знаниями?

В третьем, допустим, вам поверят, СССР раньше американцев высадится на Луну. И что? История изменится не так уж и сильно. Про новый ход событий вы ничего не знаете. И снова — кому вы станете нужны со своими знаниями о несбывшемся будущем?

Гость моргает, учащенно дышит, и я пытаюсь предупредить его вопли о роли его личности в истории:

— Семен Семенович, возвращайтесь назад. Я не только вам добра желаю, но и себе. Именно поэтому я изобразил на вывеске символ, понятный вашим современникам, чтобы сразу шли ко мне и были отправлены восвояси. Нашему клубу совершенно не нужна слава прибежища шизофреников, нам не нужно внимание компетентных органов. Я хочу спокойно жить и работать, читать фантастику, беседовать с ее авто-

рами и поклонниками, присутствовать при рождении новых книг. Впереди — пара десятилетий интересной и спокойной жизни, которой я просто хочу наслаждаться. А завтра мы всей семьей вообще на курорт уезжаем. Зачем вы мне тут нужны? Я понятно говорю?

— Кто вы такой, чтобы мне...

— Я обычный человек,— делаю последнюю попытку успокоить возбужденного попаданца.— Родился во время войны. Здесь, на этой самой улице. Тяжелое детство, в общем, сами понимаете... Я в Москве учился в университете, там начитался умных книг, в том числе об истории. Знаю, что обычный человек может, а что нет. Потом распределился сюда, устроился в Дом культуры, мне выделили жилплощадь. Женился, ращу детей. И только попаданцы мешают спокойно жить...

— Вы не понимаете величие момента! — кричит Семен Семенович и начинает мне плакаться в жилетку. Рассказывать о тяжелой судьбе простого ИТРа в двадцать первом веке. Собрать бы членов нашего клуба послушать его плач. Сказали бы: «какой-то мрачный фантаст, несоветский».— Вдумайтесь только, скольких жертв избежала бы Россия, если бы меня пустили в Кремль с докладом. Это моя судьба! Я никуда не вернусь! Я изменю судьбу России!

Я смотрю на часы. Сейчас начнется трансформация. Ну что ж, дорогуша, ты сам к этому стремился. Диалоги с людьми в погонах и штатском по поводу странных субъектов, которые получают от меня трешку на проезд и напутствием «скатертью дорога», мне очень не нравятся. Особенно если долго копить на отдых в Гаграх.

— Послушайте, помните, я сказал о том, что надо знать, в какое место и когда стукнуть историю? Вы уверены, что это надо делать в 1965-м, а не раньше?

Семен Семенович на секунду задумывается и его осеняет:

— Я вас понял! Шаг портала пятьдесят лет! Вы предлагаете мне перенестись в 1915-й?! Как я сразу не догадался! Менять историю надо было тогда! Покажите мне путь! Я знаю, что сделать, чтобы...

Его глаза горят жаждой прямо сейчас отправиться громить большевиков, или наоборот, возглавить их организацию. Если человек хочет утонуть в страшном водовороте событий, где он даже не песчинка, а молекула, я всегда готов помочь...

Уже перед входом Семен Семенович вдруг спохватывается:

— А как же постулат причинности?

Нет, ну не зануда ли? Эксперт по попаданцам и путешественникам во времени... Только с таким багажом сумбура к монархам или революционерам в советники и записываться.

— Вы боитесь нечаянно убить своего дедушку? Не бойтесь. Вспомните Писание: «Что было — то и будет».

Кажется, он так и не понял сказанного. Ну, я искренне старался ему помочь.

Из тупика подул ветер. Конечно, ведь «тупика попаданцев» и не существовало в этот момент. А был большой светлый коридор. Впереди сиял Серебряный век, направо — век Интернета.

Не везет, так не везет. Я всегда ждал от попаданцев чего-то большего. Вот появится человек, с которым будет нескучно жить в прошлом и размышлять о будущем, об истории, ее гримасах и поворотах. Увы, меня окружает слишком мало по-настоящему интересных мне собеседников, да и то их большинство — местные фантасты. Здравомыслящего визитера удалось встретить только однажды. Этот явно не из таких. Час назад он бродил по моему будущему, и все мысли сводились к тому, что ему негде было справить нужду, а сейчас он в своем прошлом оперирует идеями вселенского масштаба... и такой же глупости.

— Семен Семенович, а чем вам не нравится менять настоящее, которое вы знаете лучше, чем прошлое? Уж там-то вы точно понимаете, куда нажать.

Он смотрит на меня диким взглядом.

— Ну хорошо,— примирительно киваю я,— Вы никогда не думали, что, попав в прошлое, можно не только мир спасать, но и просто жить? Комфортно жить и умело использовать свое тайное знание? Понимать, что ни черта не можешь изменить в истории... Или, напротив, страшиться своих возможностей... но сидеть тихо-тихо. И готовить к будущему своих детей.

Он дергается и почти кричит:

— Вы же сами говорили про трудное детство, про войну, так вот я иду, чтобы у вас никакой войны не было!

И этот романтик-книгочей бежит вперед, в прошлое. В 1915-й, спасать Россию. А на самом-то деле — сгинуть под колесницей времени, с наивной надеждой что-то сделать по-своему, когда все уже было исторически предопределено.

Впереди полыхает видение дома в викторианском стиле. Справа — все тот же город, с бетонными коробками и щетиной тарелок спутникового телевидения. Слева мерещится дом в тысячу этажей. Точно мерещится — в той стороне все надежно завалено грудой обломков, сквозь которые уже пробивается трава. Вспышка — и все. Сквозняк исчез. Портал снова закрыт на целый месяц. Попаданца больше нет, а я остался в теплом летнем вечере 1965-го года. Развалины старой крепости. Дыра в стене, проломанные ступени. Позади — газетный киоск старого городка, видевшего нашествия, набеги и даже зарождение русской цивилизации. Пожелтевшие и покосившиеся под грузом лет домики... Во дворах одних высятся старые голубятни, хотя скоро эта мода окончательно уйдет в историю. На крышах других уже топорщатся антенны — радиолюбители пока довольствуются «морзянкой», но мечтают об эпохе всепланетной видеосвязи. Отбрасывая длинные тени, по дорогам, еще не знающим асфальта, идут с работы душевные и немного наивные люди, которые говорят одно, подразумевают второе, думают третье и движутся по светлой дороге в грядущее, которой не видно конца. Мир, в котором я дома...

Я возвращаюсь в свой поскрипывающий половицами, еще долгие годы готовый простоять домик. В детской комнате гвалт — вот кому все равно, в каком времени жить.

— Опять попаданец? — констатирует жена.— И опять возвращаться в свое настоящее отказался?

Я киваю. Я устал. Не только сейчас, а вообще. Устал ежемесячно заниматься морализаторством и убеждать в очевидном шагающих через портал. Но кто-то должен это делать, чтобы поток безумцев из других времен не превысил критическую массу, когда на спокойную жизнь снова не будет надежды. Они не так уж безобидны. Мало ли кого и на что надоумят их рассказы...

В окошке слышится гул пролетающего самолета. Жена инстинктивно вжимает голову в плечи, перед ее глазами явно проносятся обрывки вбитых в детстве инструкций вроде «Поведение населения при угрозе гравитационного нападения противника».

— Трусишка,— смеюсь я над ней.— Боевые антигравилеты еще не изобрели.

А, может, и не изобретут, пока у этого тупика я вразумляю попаданцев?

Иерей Николай Толстиков
(г. Вологда)

Родился в 1958 году в городе Кадникове Вологодской области. После службы в армии работал в районной газете. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького в 1999 году (семинар Владимира Орлова) и Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. В настоящее время — настоятель возрождаемого храма священномученика Власия, епископа Севастийского. Публиковался в отечественных и зарубежных изданиях, лауреат литературных премий. Член Союза писателей России. «За сохранение традиций и чистоты русского языка в прозе» награжден медалью Василия Шукшина СП России.

МАЭСТРО

Посвящается Зинаиде Павловне Дементьевой

Нина Ивановна, спустя много-много лет, все-таки вернулась однажды в Ильинку. В храме она остановилась перед кануном, сжимая в руке пучек простеньких свечечек; зажигая и расставляя их, шептала имена, на мгновение воскрешая в памяти полузабытые лица давно ушедших.

Вошла сегодня в храм Нина Ивановна без опаски, не остерегаясь осуждающего чужого глаза, не как в далекой юности...

Тогда все ее еще звали просто Нинкой-Ниночкой. Она собиралась идти учиться в десятый класс, когда ее отца, подполковника, заместителя командира танковой части, из города в Подмосковье перевели в глухую северную глубинку. Нинка с мамой особо не отчаивались, собрались быстро: что поделать, судьба военная такая. Да и отца с войны четыре года ждали, вернулся совсем недавно.

Нинка теперь после уроков в новой школе — бывшем купеческом особняке в центре городка — домой не мчалась, как угорелая — не мелочь пузатая уже, а вышагивала, не торопясь, в окружении сверстников, форсисто задрав носик и помахивая портфельчиком в руке. Голову рослой Нинки украшала свернутая в тяжелую корону русая коса.

Ближе к околице ватага сверстников таяла. Дальше девчонке по полевой дороге вдоль жидкого перелеска до бараков воинской части предстояло бежать одной. Из мальчишек-одноклассников в провожатые пока никто не набивался, видимо, робея Нинкиного городского гонора и под стать ему характера.

Миновав околицу, Нинка прибавляла шаг, потом уж чуть ли не бежала. От заносчивой девчонки не оставалось и следа, мчалась как последняя трусишка. Еще бы — в продуваемом насквозь ветром редком перелеске начинала мелькать согбенная мужская фигура с длинными всклоченными космами волос на голове. Незнакомец, вы-

глядывая из-за стволов деревьев, передвигался по перелеску ничуть не медленнее Нинки, вынужденной перескакивать и обегать дорожные ухабы, заполненные водой. Девчонка, хоть и боялась попристальнее взглянуть в его сторону, все-таки успела рассмотреть его лицо с вытаращенными глазами и облепленное клочками седеющей щетины. Домой Нинка заскакивала — не помнила как...

Она стала брать провожатых парней: уговаривать их не пришлось — тряхнула косой, и тут же побежали наперебой. По перелеску теперь никто не метался, лишь раз мелькнула в стороне знакомая фигура и пропала.

Нинка вздрогнула и испуганно заозиралась.

— Яшки, что ли, боишься? — спросил один из провожатых кавалеров.— Так это наш дурачок, безобидный и добрый. Ничего худого не сделает.

И вправду Яшка к Нинке по-прежнему близко не подходил, только выглядывал ее, прячась, из-за углов, и Нинка скоро стала привыкать к такому странному вниманию.

Иногда и ей самой доводилось незаметно понаблюдать за своим нежданным «поклонником».

У Яшки было, видимо, что-то неладное с ногами: развернутыми в разные стороны ступнями он вздымал клубы пыли, неуклюже переваливаясь по подсушенной еще почти летним солнцем улице, но передвигался довольно быстро, наклонив вперед голову с нечесаной гривой волос. Было Яшке за тридцать, сильно старила его борода с нашлепками седины. На лице его, казалось, застыла навсегда блаженная улыбка, хотя большие черные глаза смотрели с печалью.

Выскакивали из подворотен брехучие псы, норовили ухватить Яшку за штанины; мальчишки-мелюзга, дразнясь, бежали следом за ним и пуляли камушками. Яшка, хоть бы что, скаля зубы, упрямо пер вперед...

Жил он в сторожке на краю погоста возле Ильинки: старик сторож потеснился, уступив на время убогому чуланчик, а тот так в нем и остался. Старушонки прихожанки Яшку, жалея, подкармливали, да и сам он не слонялся без дел, а их в приходском хозяйстве — пруд пруди.

Вот так же, жалеючи и чуть с насмешкою, однажды провожала взглядом Нинка бедолагу, несущегося куда-то по улице.

Нинка и сама спешила — на «осенний бал» в городковском доме культуры. В новом платьице, стесняясь накинутого на плечи старенького маминого пальто, она старательно обходила лужи, стараясь не запачкать туфли. Предстояли не какие-то школьные танцульки, а настоящий, первый в жизни, «взрослый» бал. К «дому культуры»», расквартировавшемуся в стенах церковного собора, она пришла одной из последних. Постояла в нерешительности перед входом в здание со сбитыми куполами, перешагнула порог, заметив проступающую сквозь побелку фреску со святым ликом над аркой входа.

Стены внутри собора, высокий свод тоже были наглухо забелены, но лики святых все равно проявлялись тут и там. Новые хозяева здания пытались их прикрыть кумачовыми полотнищами с наляпанными наспех в «духе времени» лозунгами.

Молодежь толпилась у дальней стены возле штабеля составленных друг на дружку длинных лавок для зрителей — кино показывать сегодня не собирались. На деревянном помосте сцены, устроенном в алтаре, резвились, выплясывая, девки в красных косынках из агитбригады; потом что-то, жутко фальшивя, попытался исполнить местный духовой оркестр.

И наконец... Заскучавшая Нинка даже растерялась, увидев на сцене... Яшку. В чистом, явно с чужого плеча, костюме, с аккуратно причесанными волосами и подстриженной бородкой, он неуклюже проковылял к роялю, громоздившемуся в углу сцены, сел на табуретку, все с прежней своей блаженной улыбкой вознял над клавиа-

турой руки с длинными пальцами и когда их опустил... Звуки вальса взметнулись и разлились под соборными сводами, по упраздненному властями Божьему храму закрутились в стремительном танце пары.

Нинку пригласил молодой красавец-лейтенант из отцовского гарнизона. Увлеченная танцем, она все время чувствовала на себе Яшкин взгляд, хотя, казалось, что за роялем он забыл обо всем на свете, без устали играя весь долгий вечер.

Все остались довольны: и танцоры, и любители, подперев плечом стенку, просто поглазеть. Только непонятным было Нинке: почему это в своем углу, что-то шепча, украдкой крестилась бабка-билетерша...

Яшка после того вечера куда-то пропал; Нинка забеспокоилась даже. Будто чего-то не стало хватать в этом маленьком городке. И ноги ее как-то сами собой принесли к ограде Ильинки, где в сторожке обитал Яшка. В храм она не зашла, побоялась: отличница, комсомолка — мало что накажут, но и еще за «свихнувшуюся» посчитают.

У ворот Нинке встретилась та старушка-билетерша из «дома культуры».

— Я уж, милая, подумала на тебя, что это наша Настенька воскресла! — воскликнула она, всматриваясь пристально Нинке в лицо.

— А кто она была?

— Дочка здешнего диакона.

Старушка поозиралась, взяла Нинку за руку и отвела на укромную лавочку, спрятанную в еще не облетевших кустах у ограды.

— Перед войной, в тридцать седьмом, их всех «забрали». Настенька-то от отца не отреклась — и ее тоже. И Яшкиного родителя, отца Игнатия, со старшими сыновьями. Яшке-то младшему, «заскребышку», особенный талант к музыке Господь дал. Парня даже в консерваторию в Петербург учиться взяли. А потом тоже — в тюрьму...— старушка заговорила еще тише.— И вот Яшка вернулся, то ли отпустили, то ли сбежал. Ноги обморозил. Прибег домой, а родных никого в живых нет. Всех! Он на колокольню взобрался и сиганул вниз. С горя. Грех смертный задумал совершить — самоубийство. Но жив остался. Господь безумием его наказал, только талант не отнял, оставил... А Настенька-то невестой его была обрученной. И ты — вылитая она!

— Где сейчас он... Яшка? — спросила растерянная и потрясенная старухиным рассказом Нинка.

— Лежит, вон, в сторожке едва живой... Он после каждого такого своего выступления болеет тяжко. Вот ведь судьба — памятью от прежней жизни один рояль у него остался, и в соборе, где отец настоятелем служил, играть для публики ему приходится. Страдает он, хоть и не в себе давно...

Нинка поднялась с лавочки и хотела уж пойти в сторожку проведать Яшку, но старушка удержала ее:

— Лучше тебе, девонька, его сейчас не видеть! Он еще хуже, чем есть...

Дома Нинку ожидал радостный, взволнованный отец:

— Собирайся, стрекоза, уезжаем отсюда! Меня переводят служить в Германию!..

Через пару дней немудреный семейный скарб был уложен в кузов грузовичка. Отец попрощался на плацу с танкистами, сел на переднее сидение открытого «виллиса» рядом с солдатом-водителем. Нинка и мать расположились позади. Миновав околицу городка, машины вывернули на «большак». И тут, у поворота, Нинка заметила знакомую косолапую фигурку, ковыляющую наперерез по полю. Яшка застыл на дорожной обочине, как вкопанный, и, когда мимо, набирая скорость, проезжали машины, так же, как и раньше, глядя на Нинку, блаженно улыбался и так же печальны были его глаза. Он поднял руку и прощально помахал. Робко, оглядываясь на мать, махнула ему рукой и Нинка...

...Нина Ивановна долго еще стояла у кануна, дожидаясь пока не погаснет огонек поминальной свечки. Что стало с тем бедолагой Яшкой из далекой ее юности, как окончил он дни свои? Теперь наверняка никто и не ведал. Сколько страдальцев в разные времена видел этот Ильинский храм — несть им числа.

ИЛЬИНКА

Она каждый вечер, незадолго до заката солнца, поднималась на крутой взлобок-толстик холма, нависший над обрывом, и, приставив согнутую лодочкой ладонь к глазам, смотрела неотрывно на змейку дороги, выползающую из леса. Перевалив речной брод, дорога петляла по лугу. Дотянув до подножия Ильинского холма, дорожные колеи отворачивали в сторону и скатывались опять в низину, тянулись теперь к другому холму, по пологим склонам которого карабкались рядами улочек невзрачные домишки Городка к белеющей на вершине громаде Богоявленского собора.

Путник, вышедший из леса, на этой дороге был виден издали. Путь в два десятка верст от железнодорожной станции проделывался теперь обычно пешком, без надежды на попутный транспорт: в военную пору и полудохлая клячонка, впряженная в телегу, была в редкость.

Еще незадолго до революции намеревались проложить через Городок «железку», но не на шутку обеспокоенный таким обстоятельством городской «голова» шустро скликал на совет местных купчишек: дескать, как бы по причине «прогрессу» не лишиться доходов! Компаньоны прикинули-покумекали, и на теплом приеме комиссия из путейских инженеров в дареных караваях «хлеб-соли» к своему изумлению обнаружила золотые червонцы. Взятки и тогда умели давать и брать. Инженеришки быстро сообразили что к чему: линию на карте по другому месту прочертили — и остался городок прежним тихим захолустьем. Купчики-то потом охватились, поняли, что дали маху — барыши у них все равно сошли на нет, бросились было по присутственным местам исправлять промашку, да поздно: поезд ушел.

Остались от тех незадачливых «отцов города» каменные особняки на центральной площади, отданные Советами под детдома и прочие казенные заведения, и устроенные купеческим радением два храма. Один — собор в центре Городка, а другой — далеко за околицей, на высоком холме, видимая со всех сторон Ильинка...

Бывшего настоятеля этого храма отца Андрея Щедрина и ждала уже немало лет матушка Антонина, выходя каждый вечер на взлобок холма над обрывом. Возвращался бы домой батюшка из далекого мордовского лагеря по той вьющейся внизу извилине полевой дороги...

Густели сумерки; матушка Антонина горестно вздыхала и, кутаясь в полушалок, уходила в домишко на краю погоста. Она шла вдоль по тропинке снаружи церковной ограды, а с внутренней стороны по мощеной каменной плиткой дорожке размеренно вышагивал часовой с винтовкой за плечом. Поправив на голове пилотку, солдат кивнул матушке, как старой знакомой, и приветливо улыбнулся. Солдатик «зеленый», видать, из недавно призванных; глядя на пожилую попадью, может, свою мать вспомнил...

Это в начале войны караульные сердито окрикивали и пугали, клацая оружейными затворами, пытавшихся приблизиться к ограде богомольцев. Белоснежный храм, сверкая крестами на куполах, издали манил, притягивал к себе.

Богоявленский собор в центре Городка постигла страшная участь — летний храм богоборцы развалили взрывом и разобрали на кирпич, а в зимнем, обляпанном снаружи и изнутри кумачовыми полотнищами лозунгов, обустроили «вертеп» — дом культуры.

Дошел было безжалостный черед поруганий и до Ильинки. «Черный воронок» глухой ночью увез настоятеля отца Андрея, местный хулиган и задира Сашка Лохан с активистами-комсомольцами сбросил со звонницы колокола... и вдруг точно одернул кто властно лиходеев. Участковый милиционер не позволил сбивать и выворачивать замки на дверях храма, сам ходил и проверял их сохранность. И даже сторож оставался при деле.

Матушке Антонине участковый предложил выселиться из поповского дома, стоящего внутри ограды, и матушка перебралась в крохотную хибарку к старушке-просфорнице в храмовой деревеньке, не ропща: все не одна-одинешенька.

Выглянув вечером из окна хибарки, Антонина заметила какие-то огоньки, медленно ползущие в сумерках по дороге из леса от станции. Вскоре, натужно поуркивая моторами, в гору друг за дружкой стали забираться «полуторки», груженые ящиками.

На одной из них приехало отделение солдат. Они споро принялись разгружать ящики с машин и таскать их в раскрытые настежь двери храма.

«Полуторки» приезжали еще несколько вечеров кряду, и так же солдатики шустро управлялись с грузом.

В поповском доме обосновалась охрана. По верху кирпичной ограды распутали колючую проволоку, и теперь денно и нощно стояли на посту часовые. О том, что было в тех ящиках, думали-гадали немногие жители деревеньки при погосте, и только к концу войны узналось, что хранились в подвалах Ильинки «энкеведешные» архивы из Ленинграда. Не было счастья, да несчастье помогло! Как зеницу ока оберегали чекисты Божий храм.

Дома в деревеньке вскоре опустели: жильцы их — кто прислуживал в храме, а кто и побирался — разбрелись по городковской родне.

Попадья и старушка-просфорница остались одни в домике-развалюхе. Обе дочери публично отказались от арестованного отца и уехали в дальние города. Так сделать их благословил сам отец Андрей: надеялся, что поповен после этого не тронут. «Благословил, стало быть, простил...» — вздыхала горестно Антонина.

Военной зимой навалилась голодуха: Антонине впору ложись бы да помирай, продавать или обменивать на хлеб было нечего: из поповского дома все выгребли активисты, да и если что осталось, то из-под охраны не возьмешь. Спасло то, что колхозная бригадирша, «партейная», но в детстве прихожанка храма, устроила Антонину в соседнее село на скотный двор коров доить. И хорошо, что не нашлись дураки и не донесли «куда надо», что супружницу «враждебного элемента» пригрела...

Конечно же, в согбенном, устало шагающем, одиноком путнике она узнала его издалека. Еще не веря, побежала навстречу по тропинке под гору, но на краю поникшего, с жухлой травой, луга, когда под ногами в дорожной колее затрещал первый ледок, остановилась в нерешительности. Показалось, что ошиблась: чужой человек тяжело и устало брел по дороге. Одет он был в истертый грязный ватник, на голову натянута солдатская ушанка.

Черты пожелтевшего, ссохшегося, в глубоких морщинах лица отталкивали застывшей суровостью; но слезящиеся глаза знакомо радостно распахнулись:

— Тонюшка!

Антонина, подхватив мужа под руку, помогла ему взойти на верх холма. Они стояли в обнимку, как в далекой молодости, у ворот церковной ограды. Отец Андрей то переводил взгляд на супружницу, то опять долго и неотрывно смотрел на блистающие в лучах заката кресты на куполах храма.

Он приоткрыл калитку, по мощеной камешником дорожке добрел до храмовой паперти и повалился ниц на ее плиты.

— Вернулся я... Слава Тебе, Господи, за все! — он гладил ладонями холодную поверхность плит, вытертую до блеска подошвами обуви богомольцев.

В домике просфорницы матушка Антонина, выудив ухватом из печи чугун с горячей водой, вымыла в тазу ноги мужу. Прикасаясь к культяшкам отмороженных пальцев на ступнях, вздыхала тяжко: «Как так можно-то?!», а он, прижав к ее плечу остриженную, в шрамах, голову, шептал:

— Я их, тех, простил...

Воскресным утром, прослышав о возвращении батюшки, народ повалил в храм. Кто, подходя к ограде, крестился истово на купола, а кто боязливо озирался по сторонам прежде чем торопливо прошмыгнуть под арку ворот.

Когда, возвещая о начале Божественной литургии, прозвучал возглас отца Андрея «Благословенно царство Отца и Сына и Святаго Духа!», храм был полон. Пришли люди не только из Городка, но из дальних сел и деревенек сюда добрались — повсюду по округе угрюмо высились порушенные поруганные храмы. Прихожане с жалостью взирали на стриженного священника с едва пробивающейся седой щетиной на впалых щеках: неся перед собой в вытянутых руках старинную, в окладе, книгу Евангелия, по солее батюшка ступал тяжело и трудно. Но служба шла и шла своим чередом.

Богомольцы исполнялись тихой молитвенной радостью. Горели, потрескивая, свечи, освещая святые лики на иконах и фресках, звонким речитативом откликались возгласам батюшки на ектениях старушки-певчие с клироса.

— Господу помолимся!

— Господи, помилуй!

Еще только-только затихла война; и все ждали возвращения домой своих солдат, и живых где-то в далекой Европе, и тех, кто пал на полях сражений...

После окончания службы из всего люда дольше всех не разбредались нищие. Дождались уж последних бабушек-богомолок, все еще торопливо крестились и протягивали к проходящим мимо грязные ковшики ладоней, гнусавя: «Подайте Христа-ради!».

Среди калек-побирушек толклись два чумазых, в изодранной одежонке, мальчугана. Один, белобрысый, с голубенькими наивными глазенками на бледном личике, не просил, выпевал жалобно тоненьким голосочком:

— Дяденьки и тетеньки! Подайте сиротке!

Другой паренек, чуть постарше, терся возле него и внимательно следил за передвижением участкового милиционера. Когда тот выходил из храма и тут, стоя на ступеньке паперти, сворачивал самокрутку и прикуривал, пацан негромко свистел и следом за голубоглазым дружком стремительно нырял в нишу под угловой башенкой ограды. Милиционер, дымя, подходил к воротам, всякий раз с подозрением оглядывал нищую компанию, хмыкал и шел обратно. Это взрослым убогим можно еще притулиться к Богу, но детишкам — нет, пусть они хоть беспризорники или детдомовцы, все равно властью заказано.

Милиционер скрывался в храме, и юные побирушки снова были тут как тут. Скоро остались они самыми последними: нищие, кто еле волоча ноги, а кто и вполне здоровой рысцой направились по дороге в Городок. Пацаны, видимо, добрались сюда со станции.

Отец Андрей вышел запирать калитку в ограде и увидел, что мальчишек «вытряхивает» почти взрослый парень-верзила. Зажал крепко под мышкой голову белобрысому и выворачивает вовсю у пацана карманы. Дружок, смуглый цыганенок, как петушок на верзилу наскакивает, да толку мало.

— Молодой человек, оставьте детей в покое! — прикрикнул священник.

Верзила злобно зыркнул из-под низко надвинутого козырька мятой кепки на отца Андрея, с презрительным видом пустив струйку слюны в щербину между зубами, пробурчал: «Погоди, дедок, встренемся еще!» и, отпустив пацана, пошагал прочь. Карманы он успел обчистить: ребятишки обескураженно хлюпали носами.

— Что, ребятки, пойдем к нам с матушкой в гости?! — предложил отец Андрей.

Пацаны, взъерошенные, настороженные, потянулись за батюшкой следом.

— Встречай, мать! Не одни сегодня трапезничать будем! — священник легонько за плечи подтолкнул парнишек к столу.

— Но сначала помолимся!

Батюшка негромко прочел молитву; ребятишки, переглядываясь, перекрестились.

На картошку с грибами они накинулись, осмелев, только за ушами затрещало. Между таким делом отцу Андрею удалось выведать, что юные гости беспризорничают на станции, что собирались махнуть на теплые «юга», но застряли пока. Белобрысенького звать Васька, чернявого — Ромка.

После еды и участливых слов ребята размякли, тут же и прикорнули на широкой лавке возле стены, привалясь друг к другу. Во сне вздрагивали, дергались. Стоило коту с печной лежанки на пол соскочить, и тут же Ромка мутные со сна глаза открыл и заозирался. Потом улыбнулся и опять заснул.

— Пусть у нас поживут, чем скитаться-то? Вместо внуков,— глядя на ребят, спросил супружницу отец Андрей.

Она молча кивнула в ответ. И оба в ту минуту с горечью вспомнили об обитавших в дальних городах дочерях, отрекшихся от родного отца...

Но не тут-то было! И дня не минуло, а уже забегал, засуетился, заугрожал Лохан. Величина — церковный староста! На войну Лохана по какой-то причине не мобилизовали, добровольцем идти он не возжелал — это не речуги в людных местах толкать. В какой-то конторке по заготовке съестных припасов просидел он тихой мышкой, но, когда война кончилась, осмелел, лихо залез государству в карман и попался. Вернувшиеся фронтовики к тыловой крысе снисхождения не имели, вытурили из партии. Но Лохана не «посадили». Для иного дела теперь он понадобился, в храм старостой соответствующие товарищи из КГБ его определили.

— Ты у меня будешь вот где! — совал он сухонький кулачок под нос отцу Андрею.— За каждым шагом следить буду, каждую копеечку учту — не затаишь!

Лохан бродил по храму во время службы, облаченный в вычищенный пиджачишко, лба никогда не крестил. По большим праздникам староста больше обретался возле свечного ящика, пристально наблюдая за работой продавцов.

Приезжий издалека на богомолье народ запросто мог в сутолоке бесцеремонно попихать локтями заносчивого мужичка, но свои местные взирали на него хоть и с насмешкой, но и с порядочной опаской. Разорял собор в Городке, здесь в Ильинке со звонницы колокола сбрасывал, и теперь что ему в голову взбредет, когда нежданно-негаданно его старостой тут поставили.

— Да тебя опять посадят, дурья башка! — Лохан привык не особо церемониться в разговорах с батюшкой.— Вот доложу куда надо, что ты юное поколение в религиозный дурман заманиваешь! Не я, так другие! Благодарить еще меня будешь!..

Не успел священник в ответ и рта открыть, как Лохан цепко сгреб парнишек за руки и поволок в Городок в детприемник:

— Не вам, попам, о молодежи заботиться, Советская власть на то есть!

Вернулся Лохан смущенный и злой: не довел ребят до детдома.

— Вырвались, сволочи, и убежали. Хмырь какой-то долговязый из-за угла под ноги мне бросился, вот их я и упустил.

Лохан в сердцах сплюнул, но закончил, как всегда, назидательно:

— А вот если бы эти пацаны сперли чего-нибудь из церквы, а?! Кто бы отвечал, кроме тебя, батько? То-то!.

Подошло время отцу Андрею в очередной раз вести «ругу» — взнос от прихода в епархиальное управление. Сверток затертых рублишек и трешников, редко — чер-

вонцев и впридачу пригорошню мелочи отец Андрей помещал в неприметный старенький саквояжик, с ним и пускался в дорогу. До станции он обычно добирался за попутье с кем-нибудь из односельчан, а там садился на проходящий поезд и — в Вологду.

И сейчас было все как обычно, только когда священник поднимался по ступенькам в тамбур вагона, столкнулся нос к носу с тем самым юнцом-верзилой, что выворачивал карманы у мальчишек. Юнец хмыкнул, неприязненно ухмыляясь, отвернулся. Впрочем, батюшка скоро забыл о нем, заняв свободное местечко и погружаясь в свои думки. А тут же за стенкой, в тамбуре, верзила прижал Ромку-цыганенка:

— Точно поп «башли» в своем чемодане возит?

Цыганенок кивнул: видел как складывал.

— А чего ж тогда не украл?.. Эх, вас, дураков, учить!..— верзила презрительно циркнул слюной в щербинку между зубов.— Так... Тогда ты, Васька, прикинься, что брюхо у тебя скрутило. Понял? — тряхнул он за плечо белобрысого.— А ты, Ромка, сюда попа вызывай! Что, сыкуны, затихарились: в детдом обратно охота? Больше выручать не буду. Ну?!

Верзила для пущей убедительности сунул Ваське под «дых»; мальчонка скрутился на полу. Ромка, испуганный, побежал за отцом Андреем.

— Батюшка, там нашему Ваське худо!

Священник в тамбуре склонился над скрюченным стонущим мальчишкой, и тут его ударил кастетом по затылку верзила. Ручку саквояжа отец Андрей, теряя сознание, все равно не выпустил. Верзила вырвать ее не смог и тогда еще раз ударил священника в висок.

— Валим! — скомандовал пацанам...

Но далеко удрать грабители не успели: кто-то, наверное, проводник, споткнулся о распростертое тело священника — у юных лиходеев не хватило силенок выбросить его из тамбура на насыпь. Голубчиков с поличным милиция сцапала на ближайшей же остановке: верзила набивал свои карманы деньгами из священнического саквояжа.

Отца Андрея схоронили без всякой огласки, тайком, не возле родной Ильинки, а неподалеку от остова заброшенного храма на окраине областного центра.

— Чтобы новым святым, чего доброго, вашего батьку не объявили! — ораторствовал по этому поводу перед ильинскими прихожанами Лохан и крутил неопределенно вознятым пальцем над своей головой.— Там они знают, что делают, раз запретили!.. А попу было говорено и не раз насчет пацанов: пригрел змеенышей — жди беды! Но жаль, конечно, его, хоть и никчемный человечишка! — вздыхал притворно Лохан.

На закрытом заседании суда матушка Антонина, глядя на понурые, перепуганные лица мальчишек, попросила судью простить их:

— Батюшка бы сам их простил...

Элина Рудая
(г. Симферополь)

ВЕНСКИЙ СУВЕНИР

Родилась и живет в Крыму. По профессии — инженер, работает в сфере телекоммуникаций. Пишет стихи и малую прозу, член Крымского союза журналистов этнических СМИ. Публиковалась в газетных и литературных изданиях Крыма. Автор сборника очерков «Записки крымской путешественницы» (2013 г).

Подходил к концу не только жаркий летний день, но и путешествие. За последнюю неделю за окнами экскурсионного автобуса промелькнули бывшие владения Австро-Венгерской империи: старинные улочки венгерских городов, ожерелье мостов в Будапеште над Дунаем, изумрудного цвета озеро Балатон, и, конечно, красавица Вена с ее великолепными замками и парковыми ансамблями. Все это еще хранило следы эпохи, когда империей правили Габсбурги, а ее столица жила под звуки бессмертной музыки Моцарта и Штрауса.

До начала обратного пути домой оставалось не больше трех часов, когда Аня и Света отправились в завершающий поход по магазинам и сувенирным лавкам Вены. Шоколад и конфеты с изображением Моцарта на обертке, марципановые фигурки, кофе, чай с портретом императрицы Сиси, магниты на холодильник (ну, как же без них!) — все это исправно отправлялось в сумки девушек.

— Вот, что еще не хватает сейчас для полного счастья, так это чашечки бодрящего кофе,— изрекла Светлана, оборачиваясь к подруге.

Отставание Аннушки на полшага явно демонстрировало усталость от пройденных дорог и груза не только сумок, но и впечатлений, полученных за все время путешествия. Девушка молча кивнула головой.

Их приютила летняя площадка одного из ресторанчиков Кольцевого бульвара, Рингштрассе. «Эх, гулять, так гулять!»,— решили они, уютно располагаясь в креслах за столиком. Кофейная карта, а следом за ней меню кондитерских изделий поражали своим разнообразием. Каждый десерт или кусочек торта с картинки очаровывал изысканным видом и словно шептал: «Возьми меня». В итоге девушки произнесли магическую фразу «Прощай, фигура!», и стол, словно скатерть-самобранка, оказался полностью заставлен лакомствами, количество которых явно превышало возможности поедания. Но подруги поняли это, когда было уже поздно. Обе прыснули от смеха!

Глоток за глотком ароматного напитка возвращал Анечку к жизни, а ложка за ложкой нежного десерта дорисовывала ее яркими красками — улыбка не сходила с лица.

— Жить, как говорится, хорошо... — начала произносить Света расхожую фразу и от удовольствия откинулась на спинку кресла. Только сейчас Аня, из-за спины подруги, поймала взгляд за соседним столом, и поняла, что они со Светланой являются объектом пристального внимания двух местных дам.

— А почему ты решила, что они местные?

— На столике у соседок стоят только стаканчики и две небольшие бутылочки с минеральной водой. К тому же, доносящиеся оттуда обрывки фраз звучат по-немецки,— пояснила Аня свои догадки.— А наше пиршество им явно не дает покоя!

И действительно, соседки с нескрываемым интересом изучали «русское застолье». А когда Светлана обернулась в их сторону, одна по-русски с небольшим акцентом спросила:

— Вкусно?

— Очень! — незамедлительно последовал ответ.

Женский смешок раздался за обоими столами.

— Ну, и ладно, пусть что хотят, то и думают. А мы сейчас сядем в автобус и уедем, и кто знает, когда снова здесь окажемся? — мечтательно произнесла Света, продолжая трапезу.

Минут через десять соседки-австрийки поднялись из-за стола и направились к выходу, продолжая посмеиваться над русскими «подругами». У Аннушки от неожиданности расширились глаза, и она быстро шепнула:

— Светка, смотри! У той, что с короткой стрижкой, на платье — дырка!

— Где? А...

С чопорным видом австрийки никак не вязалась по-предательски большая круглая дыра, которая расположилась на заднем полотнище чуть выше разреза. Первая мысль, которая посетила девушек, была добродушной — а вдруг дама только что порвала платье? Но, наблюдая за удаляющейся фигурой, и вместе с ней за дыркой, нитки вокруг которой когда-то успели обтрепаться, а теперь, от продолжительного сидения, примяться, они поняли, что это сквозное образование — «древнее». Света и Аня перестали сдерживать хохот.

Еще через несколько минут к выходу прошла пара — мужчина и женщина среднего возраста. Женщина с некоторым презрением бросила взгляд на русских девушек. Но когда она повернулась спиной и слегка тряхнула волосами, Аня со Светой снова «разинули рты»: застежка—молния наполовину была распорота и зияла очередной дырой!

— Смеется тот, кто смеется последним! — только и вымолвила Аннушка.

— А, по-моему, это для нас еще один венский сувенир,— подытожила Света.

Девушки, расплатившись с официантом, поспешили к автобусу.

Арарат Пашаян
(г. Брянск)

РАССКАЗЫ

Родился в 1951 году в Армении. Доктор химических наук, профессор. Заведующий кафедрой химии Брянского государственного инженерно-технологического университета. Автор более 200 научных трудов, трех монографий, 25 патентов. Пишет с юношеского возраста на армянском языке, предпочтительно эссе и рассказы, подавляющее большинство которых автобиографические. Последние годы пишет также на русском языке. Автор более 50 рассказов и эссе, которые опубликованы на страницах Проза.ру. Живет с семьей в городе Брянске.

ВШИВАЯ

Этот рассказ мною был написан на армянском языке в далеком 1987 году, когда мы все со своими мелкими (и не очень) проблемами и заботами «мирно и дружно» жили в стране, которая называлась СССР. Тогда я думал и писал на армянском языке.

Известно, что при переводе произведения многое теряется, хотя бы потому, что автор и переводчик мыслят на разных языках, обладая разной ментальностью.

Авторский перевод снимает перечисленные выше противоречия и разночтения, если автор-переводчик практически одинаково владеет двумя языками.

Идея перевести именно этот рассказ 27-летней давности укоренилась во мне не случайно.

В ходе моих жизненных наблюдений я неоднократно убеждался, что имеется некая неосознанная и неведомая связь между реальными событиями с фантазиями и воображениями на эту тему. Бывают же вещие сны?

Будучи неверующим человеком с устойчивыми атеистическими воззрениями, я с годами становился суеверным человеком, постоянно сомневающимся в том, имеется ли для каждого человека рок, судьба, предначертанная линия жизни или каждый живет сам по себе своей жизнью, содержание и исход которой не зависит ни от чего (Кого!), разве что от стечения обстоятельств?

Практически во всех моих рассказах и эссе повествование ведется от первого лица и, создавая образ главного героя, я исходил из собственных мироощущений и описывал события из моей жизни.

Из-за суеверия многие темы и сюжеты, созданные мной, до сих пор тихо и уныло дребезжат внутри, на душе, как плач угасающего камертона. Но я их так и не выпускаю на волю, ибо неоднократно убедился, что всякие мои мрачные, трагические воображения или фантазии во времени каким-то странным образом материализуются.

Содержание настоящего рассказа убедительно доказывает, что мое суеверие и мои страхи о фатальности бытия обоснованы...

В возрасте 60 лет в Лос-Анджелесе внезапно скончался эмигрант из Армении. Умер в полном одиночестве (его жена и трое дочерей отказались покинуть родину) и был похоронен на чужой земле по-американски — сдержанно и организованно.

Когда я узнал об этом грустном факте, решил развивать эту тему, написав рассказ, в котором Вдова покойника здесь, в Армении, устраивает похороны мужа без тела покойника, положив в гробу его кирзовые сапоги, ватную телогрейку и топор дровосека. Эти «реликвии» покойник хранил как память о его тяжелых ссыльных днях, когда, будучи «врагом народа», молодой армянин — репатриант из Сирии, оказавшись в Сибири, работал на лесоповале.

Совершив все положенные обряды поминания на годовщине «похорон», Вдова устанавливает надгробный гранитный камень-памятник с надписью:

«Памятник армянину, похороненному вдали от Родины».

Когда я стал подтачивать мелочи и создавать образы при изложении описанных событий, особенно когда соседи стали собственными силами сколачивать гроб для отсутствующего тела покойника (без свидетельства о смерти гробы не продавались), при описании мизансцены я для убедительности мысленно представлял двор частного дома моего близкого родственника. Это помогало мне более убедительно передать внутреннюю напряженность ситуации и трагикомичность происходящего, тем более, что я прекрасно знал этот двор, так как вырос там...

Рассказ получился очень трогательным и качественным. Еще некоторое время внутри меня дрожал нерв сострадания и сопереживания событиям, описанным мной.

И когда я практически полностью отошел и избавился от колдовского влияния атмосферы и настроения моего последнего рассказа, вдруг, как гром среди ясного неба, мне сообщают, что мой близкий родственник скоропостижно скончался, будучи в чужом городе...

Когда я вошел в его двор и обнаружил скорбящих девочек и вдову, которые, обнявшись в клубок, тихо стонали и тряслись, мне показалось, что присутствую на постановке спектакля, поставленного по мотивам моего последнего рассказа. Все совпадало. Окружающие соседи, отсутствие тело покойника и скорбящие родственники...

Было бы глупо искать причинно-следственную связь с тем, что писал в моем рассказе пару месяцев назад и с тем, что сейчас я наблюдал. Однако во мне постепенно возникало чувство вины за несовершенный грех, и я никак не смог избавиться от этого страха и чувства угрызения совести...

Прошло время. Я постепенно выходил из этого замороженного состояния. Внутри, как ранней весной, появились творческие ростки, на которых почки все вздувались, и, кажется, вот-вот взорвутся...

Однако страх суеверия не позволял развернуться и излагать то, что я задумал...

* * *

Я ее заметил сразу. Нельзя было оставаться равнодушным к ее испуганному и бесконечно печальному взгляду.

Она была одноклассницей моей дочери, которую я каждое утро сопровождал до школы и потом отправлялся на работу.

Не сказал бы, что она была красивой или привлекательной. Поражали ее скованные действия и поведение: беглый взгляд по сторонам в поисках воображаемого источника опасности или атаки врага.

А перед началом уроков, когда в коридоре на фоне громкого крика и детского гогота вокруг тебя, как в хороводе, бегают и шарахаются во все стороны возбужденные и суетливые школьники, она тихо, практически прижимаясь к стене, чтобы не занимать какое-либо пространство, неподвижно и молча стояла и дожидалась звонка.

Когда эта сумасшедшая толпа распределялась и рассасывалась по классам, а коридор постепенно опустел, она робко отрывалась от своего нулевого пространства и, оглядываясь по сторонам, беглым шагом стремилась к двери своего класса.

Столь сильно выраженный комплекс неполноценности и страх перед окружающей средой бросались в глаза, и это все в комплексе вызывало чувство сострадания. Было ясно, что с этой девочкой не все в порядке. У нее на душе кипели страсти, которые она старательно пыталась заглушить...

Я стал интересоваться. Кто она такая, как учится, из какой она семьи?

— Ее в классе называют «вшивая» и все избегают ее,— разъяснила моя жена, которая узнала эту информацию из уст нашей дочери, и продолжала,— во время санитарного обхода медсестра в ее волосах обнаружила вшей и об этом открыто сказала в присутствии всего класса, как бы предупреждая об опасности...

Теперь мне все стало ясно. Раненный и загнанный в угол звереныш.

Она была из многодетной и неблагополучной семьи, и может поэтому ее мать никак не прореагировала на вызовы администрации...

Кому знакомы детский садизм, неосознанная озлобленность и высокомерие, тот поймет, каким адским мучениям и невыносимым унижениям ежедневно подвергалась Вшивая,— героиня моего будущего рассказа.

Однажды утром я специально задержался с дочерью на перекрестке, чтобы помочь Вшивой вместе с нами переходить этот опасный участок дороги к школе.

Когда я подошел к ней и предложил свою руку, чтобы с одной стороны держать ее и перейти дорогу, она резко одернула руку и отпрыгнула от меня.

Я с дочерью перешел дорогу, но замедлил шаг и краем глаза следил, как будет Вшивая переходить дорогу.

Она робко подошла к краю тротуара, дождалась, когда подошла взрослая женщина и, прикрываясь за нею, быстро проскакала до противоположного тротуара.

Ее «великодушный» отказ моему предложению помочь ей я трактовал как осознание собственной опасности для окружающих...

Я был удручен и озабочен за психику Вшивой. Ведь столь глубокие и сильные страдания и переживания в восьмилетнем возрасте чреваты...

Я увлекся разбором и анализом причин столь резкого и неординарного поведения моей героини. И тогда я понял, что практически готов написать о ней рассказ.

Однако ожидаемый рассказ терял свою привлекательность, так как я никак не мог придумать убедительный, сильный и трогательный финал.

Но я спешил завершать рассказ, так как незавершенные темы и рассказы раздражают меня и мешают сосредоточиться на новых темах.

Наконец принял решение завершить рассказ тем, что Вшивую на этом перекрестке насмерть сбивает машина. А завершающая фраза рассказа была такая:

...И я медленно и печально замыкал похоронную процессию, размышляя и задавая себе вопрос: что это было? Несчастный случай или самоубийство?

Прошло время, за этот период я два раза успел побывать в командировках, глубоко вошел в производственные проблемы и полностью отошел от черных и грустных мыслей...

Однажды, вернувшись вечером с работы домой, заметил некоторую напряженность в поведении дочери.

— Папа, сегодня утром моя одноклассница погибла. Ее сбила машина,— сказала дочь и не смогла сдержать слезы.

— Вшивая? — тревожно спросил я.

— Откуда узнал? — изумленно, сквозь слезы спросила дочь.

...По словам водителя, девочка неожиданно вырвалась с тротуара и так мгновенно оказалась под колесами машины, что он даже не успел затормозить...

Впереди похоронной толпы, с напряженными лицами, с видом некоторого лживого торжества шли одноклассники Вшивой, держа в руках белые гвоздики.

А в самом конце процессии я носил свое грешное и бесконечно виноватое существо, задаваясь вопросом: «Что это было? Несчастный случай или самоубийство?»

БЕЗОТЦОВЩИНА

Вместо предисловия.

Кто следит за моим творчеством, знает, что все мои произведения (за редким исключением) изложены от первого лица и являются частью моей прожитой и пережитой жизни. Поэтому спешу сообщить, что в этом произведении все события выдуманы автором, и главный герой — собирательный образ юноши сегодняшних дней.

Автор уверен, что такая история могла случиться и практически имеет место на всех концах света ежедневно...

По данным статистики, в настоящее время каждый третий ребенок живет в неполной семье. Примерно столько же проживают с отчимами. То есть больше половины детей страдают в унизительных мучениях поиска причин, почему у них рядом нет отца, как у других детей из обеспеченных и полных семей?

В каждом отдельном случае, как говорит Л. Н. Толстой, эти дети «несчастны по-своему», но их объединяет схожесть переживаний и желание иметь ежедневно «доступного отца».

...Утомительные ожидания с зачеркиванием дней на календаре вот-вот закончатся, и он опять встретится с отцом.

По рассказам матери, отец ушел к другой женщине, когда ему не было и года, поэтому он не помнил и не знал, как это бывает, когда отец каждый день выходит из дома, прощаясь и обнимая детей, а вечером возвращается и остается спать вместе с семьей...

Он еще с раннего детства с неприкрытой завистью наблюдал за действиями своих друзей, когда в детсад за ними приезжали их отцы.

Сколько раз и во сне, и наяву он представлял сцену, как отец появляется на пороге и с какой гордостью и радостью он выбегает из комнаты и на глазах у всех своих друзей бросается в объятия отца. А отец его приподнимает и трясет над головой, а потом страстно целует его в щеки и в лоб...

... Они с отцом прогуливаются по улицам города, отец крепко держит его за руку, а он не в силах скрыть свое счастье, оглядывается по сторонам — все ли видят, что он гуляет с отцом? Какое красивое лицо у отца, как он доволен, что у него такой сын, которого он очень любит. Это видно по его счастливой улыбке. Какой он у него стройный и сильный. И не зря все друзья ему завидуют...

Эти кадры в замедленном исполнении, как в кино, почти ежедневно приходили во сне, и он, просыпаясь утром и окунувшись в реальную жизнь, с утра пораньше уже не в настроении и, как мама говорит, «капризный и невыносимый мальчик».

— Чего тебе не хватает? Что еще хочешь? Что я не так делаю? Почему ты с утра такой угрюмый и уже обиженный на всех и на весь мир?

Материнская агрессия всегда вводила его в ступор. Он еще более замыкался в себе и суровым взглядом исподлобья совсем расстраивал маму:

— Что с тобой происходит? Тебя к врачу, что ли, сводить?

Часто эти сцены заканчивались истерикой и плачем матери...

Он очень не хотел ее расстраивать, так как сильно ее любил. Именно поэтому он не осмеливался рассказывать ей о своих переживаниях, о преследующем его сне и о ночных кошмарах и переживаниях.

Он был уверен, что если поделится с матерью и расскажет ей, что его тревожит, она еще больше расстроится...

Каждый раз, говоря об отце, мать с озлобленной ноткой в голосе и чуть раздраженно, как бы стараясь быть сдержанной и сделав над собой усилие показаться равнодушной, дрожащим голосом говорила одно и то же:

— Как ты не понимаешь, что он предатель? Бросил нас совсем беспомощными и ушел к своей молодой любовнице. Понятно, кому нужна уставшая и неухоженная жена, которая целый день, как белка в колесе, крутится, варит, парит, стирает, гладит, в магазин бегает? А там у него под боком молодая и ухоженная змея...

И он себя ощущал безгранично несчастным и брошенным ребенком, которого родители не понимают.

— Почему именно я, почему именно мой отец? Неужели он на самом деле такой нехороший?

— Какой бы он ни был, я его очень люблю и хочу быть на него похожим, когда вырасту,— завершал он свои поиски истины.

Сколько раз он тайком, прячась за забором, следил за тем, как отец с этой «змеей» выходили из офиса и садились в машину.

Сколько он ни старался, ему не удавалось обнаружить в этой «змее» змеиное. Она была очень элегантной и красивой женщиной. Двигалась с достоинством и всегда улыбалась. Улыбка была ослепительно красивой.

Теперь-то, когда он вырос и понимает толк в женщинах (еще бы, ему же уже исполнилось 14 лет), он понимает отца.

Он хотел бы иметь именно такую жену, которая родила бы ему много детей...

Однажды он осторожно попробовал затронуть эту тему и признался матери, что он иногда следит за отцом и что она, эта «змея», не такая уж змея, как он ожидал.

— Понятно теперь, чьи гены в тебе бурлят. Яблоко от яблони недалеко падает. Как же мне дальше жить? Какая же я несчастная женщина. За что ты меня так сурово наказываешь, Господи? Ну пожалей меня...

И он зарекся больше этой темы не касаться, но постепенно начинал понимать, почему отец ушел от мамы...

Он очень любил свою маму и каждый раз, когда его общение с мамой заканчивалось слезами и маминой истерикой, он приходил в глубокое уныние и отчаяние. Ведь она же плачет из-за него.

В назначенный день и в назначенное время они встретились с отцом в ближайшем парке.

Отец был очень пунктуальным и ответственным человеком и никогда не опаздывал. Если и бывали непредвиденные обстоятельства, то заранее предупреждал.

— Ну, здравствуй, сынок! Как дела? Что мы такие невеселые? В наши-то годы? Тебе исполнилось 15 лет. Какое счастливое время. Мне бы твои годы.

— Отец! Ты бы как прожил свою жизнь, если бы тебе была предоставлена возможность начать все заново?

— Сынок, у тебя сегодня юбилей. Давай поговорим о тебе. Я тебе подарок принес. Вот получай,— ловко уходя от разговора, отец повернулся и достал сверток.— Тебе планшет. Надеюсь, я тебя не разочаровал, и подарок тебе по душе.

— Будешь послушным и хорошим мальчиком, хорошим студентом, на 20-летие обещаю машину подарить,— продолжал отец, пользуясь паузой.

— Отец, для меня самое большое счастье и самый неоценимый подарок — это быть с тобой. Общаться с тобой и говорить каждый день, каждый вечер. И утром, просыпаясь, с улыбкой тебе сказать: доброе утро, отец! И уходя в школу, обнять тебя и поцеловать в надежде, что вечером опять увидимся,— сказал он и, не сдержав эмоции, заплакал.

— Ну, ну, это уж совсем. Какой у нас день. Мы повзрослели. Нам 15 лет. А мы плачем,— сказал отец и обнял его голову.

Его пальцы вошли в его кучерявую шевелюру на затылке. Он гладил одной рукой его волосы, а другой вытирал его слезы...

— А это подарок от моей супруги. Тебе фирменные часы, чтобы ты ценил время и не тратил его бездарно. Последняя модель. Правда, подарок скромный, но важно внимание. Она тебе желает успехов и много счастливых и беззаботных дней.

Не зная, как среагировать, он стал рассматривать подарки, что несколько сняло напряжение момента.

— Отец, ты не обидишься, если я маме скажу, что часы тоже ты подарил?

— Сам понимаешь, чем это кончится,— продолжал он и почувствовал себя виноватым и немного предателем.

Отец смягчил ситуацию уместной паузой и, несколько подумав, сказал:

— Как хочешь. Тебе преодолевать все трудности общения с мамой и тебе выбирать, какую политику с ней вести, чтобы она меньше кричала и рыдала.

— Отец, ты все-таки не ответил на мой вопрос. Как бы ты прожил свою жизнь заново? — и не дав отцу шанс выбора, он продолжал,— Ну, конечно, не женился бы на маме. Какой смысл жениться, чтобы потом развестись? Начиная новую жизнь, надо учитывать старые ошибки и избегать их.

Отец несколько изумленно, но внимательно слушал монолог сына и понял, что сын повзрослел.

— Значит, мое появление в твоей жизни ошибка? Ведь так получается, отец!

— Сынок, ну что ты такое говоришь? Самым значительным событием в моей жизни я считаю твое появление. Ты же у меня единственный. Ты мой наследник,— старался угодить озлобленному сыну отец.

— Хочешь, переезжай жить к нам? Мы будем очень рады. Ты же взрослый мальчик. Решай сам.

— А как мама? Ведь для нее я тоже единственная опора, надежда и радость... Хотя наше с ней общение радостным трудно называть,— опустив голову и почти что шепотом сказал он.

— Отец, почему же так сложно все? Как будто у нас цугцванг в шахматах, когда любой ход ухудшает ситуацию. Если ты вернешься к нам, то будет плохо и тебе, и твоей жене. Если я перееду к вам, то будет плохо маме. Она этого не переживет, поэтому я этого никогда не сделаю, хотя очень хочу жить с тобой...

Наступила напряженная пауза, которую прервал сын:

— Отец, как нам быть? Как нам дальше жить? Ведь и мне, и тебе плохо друг без друга.

— Не знаю, сынок...

ГРУСТНАЯ ИСТОРИЯ ЛЮБВИ

Ереван. 1980—85 годы. Черемушки, аварийные дома на улице Алабяна. Старая дева Шакэ, уходя на пенсию и оставляя педагогическую деятельность, почему-то решила пожертвовать свою девственность престарелому контуженному и изрядно пьющему Мукучу (сокращенный вариант армянской имени Мкртич, что в переводе означает креститель).

Полагаю, что любая особа женского пола (девочка или женщина-девственница любого возраста) тщательно и с романтическими подробностями мечтает и в бессонные ночи воображает подробно в деталях свою первую брачную ночь.

Истории не известно, превратилась ли девственница Шакэ в женщину после того, как она стала жить с Мукучем, но, судя по частоте и содержанию доносившихся до

нашего слуха криков и проклятий, надо полагать, что медовый месяц Шакэ оказался не совсем медовым.

Случилось ли то долгожданное событие в жизни Шакэ, о которой каждая женщина мечтает, для нас, соседей, так и осталось тайной.

Скорее всего, Шакэ оставалась девой. Если даже эта супружеская пара ворковала бы как влюбленные голуби, то с трудом вериться, что контуженный Мукуч с трясущими руками и головой смог бы совершить такой «подвиг».

Остается загадкой, зачем надо было Шакэ приютить у себя брошенного и отвергнутого семьей Мукуча, если сразу бросается в глаза, что это тяжело больной человек.

Трудно анализировать и полностью расшифровать женскую психологию и выявить все причинно-следственные истоки и основы их действий.

Смогу лишь предположить, что навязчивая идея или мечта женщин быть замужем или иметь мужа, может проявиться в самых непредсказуемых исполнениях.

Не берусь с хронологической точностью утверждать, что они стали ругаться сразу после начала совместной жизни, так как о том, что у Шакэ имеется мужчина, мы, соседи, узнали тогда, когда до нас стали доноситься крики и шум ссоры и даже драки с «мордобоем» и криками о помощи...

Я в 35-летнем возрасте, ученый мужчина, получал мастер-класс по армянско-русскому мату, так как Мукуч ругался, применяя лексику славной Красной армии.

Надо отдать должное Шаке, которая не отставала от «мужа» и достойно «оборонялась», проявляя незаурядные знания редких и очень забавных проклятий, которые она выкрикивала в ответ сочной брани Мукуча.

С первых же дней, как мы заселялись в этот Черемушкинский дом, наши дружные соседи обработали непригодную землю напротив дома и, освободив землю от строительного мусора и убирая камни, превратили этот кусочек земли в райский уголок.

За 25 лет деревья в саду настолько выросли, что прямо перед нашим подъездом выросло до угрожающих размеров тутовое дерево, которое своими сладкими плодами стало причиной загрязнения входа в подъезд, прилипая к обуви и создавая определенные санитарные проблемы. Кроме этого, из-за громадных размеров этого тутового дерева квартиры первых двух этажей нашего подъезда, окна которых выходили во двор, оказались в тени, и поэтому этот гигант был спилен и прямо напротив подъезда образовался широкий пенек.

На этом пеньке в летние вечера, когда после зноя и ереванского палящего солнца наступали приятные и сладкие ереванские вечера, мы часто устраивали мужские посиделки.

Эти события совпали с появлением в моей семье сына, в связи с чем я часто проводил время во дворе, прогуливая нашего младенца.

И получилось так, что, сидя на пеньке и качая в коляске сына, мне часто приходилось беседовать с Мукучем, который практически всегда бывал в подпитии.

Как выяснилось из бесед, Мукуч был учителем математики и в какой-то период жизни работал в школе с моим отцом.

Очевидно, что все, что было связано с моим отцом, меня очень интересовало. Поэтому мы с Мукучем долго беседовали и всегда были рады встречам...

Ссоры и драки Шакэ с Мукучем становились все более ожесточенными.

Все чаще был слышен истошный крик Шакэ, когда после оскорбительных выкриков и проклятий Мукуч хлопал дверью и выходил во двор: Шакэ открывала дверь и громко, чтобы все соседи слушали, вслед за ним кричала:

— Чтоб ты сдох и перевернулся в гробу...

Или Мукучу некуда было уходить, или у него с Шакэ была какая-то странная «любовь», или их связывала какая-то странная страсть сожительства или сосуществования и, невзирая ни на что, они продолжали сожительствовать...

Мукуч трагически погиб. Его раздавила машина. Соседи говорили, что он был в состоянии алкогольного опьянения.

Горе, страдания, плач и траур, который устроила Шакэ, мы все восприняли как должное, как обряд или традицию. Так от души и самозабвенно каждая армянка должна оплакивать своего покойного мужа, вне зависимости от того, как они жили до того...

Прошло несколько месяцев.

Жизнь продолжалась и все были заняты своими мелкими и ежедневными заботами и вроде все забыли о том, что в жизни нашего двора был такой эпизод, когда мы лицезрели забавные и порой печальные и грустные сцены семейной ссоры Шакэ с Мукучем...

Однако в поведении Шакэ я стал наблюдать завидное постоянство — страстное и эмоциональное оплакивание Мукуча. Когда мы встречались во дворе, Шакэ бросалась на меня и, положив голову на мою грудь, страстно и энергично трясла меня своими вздохами и слезами, плача и заикаясь от волнения, выговаривала:

— Он тебя очень любил и высоко ценил. Дай я тебя обниму и представлю, что я сейчас обнимаю моего любимого Мукуча. Ты не можешь представить, мой дорогой, как мне не хватает его, как я его любила! Каждый раз, проходя мимо этого пенька, смотрю, и мне кажется, что он там сидит и беседует с тобой.

После некоторой паузы, она, отходя от меня, вытирая слезы и переводя дух, продолжала:

— Какая я была счастливая? Никто не может это представить! Какая пустота во мне сейчас. Боже мой, как болит душа. Как мне дальше жить?

Вначале я думал, что Шакэ несколько увлеклась и так глубоко и проникновенно вошла в свою роль, что в некотором смысле потеряла грани реальности, и что это скоро пройдет.

Эти сцены с неугасающей страстностью продолжались в течение года. Трудно сказать, как долго Шакэ продолжала бы мне доказывать о неповторимой красоте и романтичности своей любви к Мукучу, но после Спитакского землетрясения наш дом был признан аварийным, и все соседи разошлись по разным уголкам города Еревана, а потом и по всему свету...

В моих ностальгических путешествиях в прошлые воспоминания я часто вспоминаю с искренним сочувствием этих несчастных людей: Шакэ и Мукуча. Иногда мне кажется, что переживания и «горе» овдовевшей Шакэ, свидетелем которого я был в молодости, были искренны и естественны.

Возможно ли такое?

Не исключено, что в сознании Шакэ негативный кусочек скандального сосуществования с Мукучем сознательно или подсознательно был стерт из памяти, и Мукуч для нее остался образом того единственного, с которым она связала свою жизнь и кому она отдавалась в своей девственной чистоте...

А ведь всем женщинам хочется наяву, ну хотя бы во сне иметь реальный или выдуманный образ, и главное, уверенность в существовании единственного и желанного...

Единственное, что меня не убедило во всей этой истории, это заблуждение Шакэ о том, что она была очень счастлива с Мукучем.

На самом деле она стала счастливой после его смерти...

Тут мне приходят на память строки Севака (не дословно!):

Для определения
Возраста древесины
Ее надо срезать...

Как это жестоко и несправедливо. И самое обидное в том, что Шакэ как явление не исключение...

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Анатолий Аврутин
(г. Минск, Белоруссия)

НОВЫЕ СТИХИ

Анатолий Юрьевич Аврутин родился и живет в Минске. Окончил БГУ. Автор более двадцати поэтических сборников, изданных в России, Белоруссии, Германии и Канаде, двухтомника избранного «Времена», книги избранных произведений «Просветление». Лауреат Национальной литературной премии Беларуси и многих международных литературных премий, в т. ч. им. Э. Хемингуэя (Канада), «Литературный европеец» (Германия), им. К. Бальмонта (Австралия), им. С. Есенина, им. Б. Корнилова, им. А. Чехова, «Левша» им. Н. Лескова, им. В. Пикуля (все — Россия), им. Н. Гоголя «Триумф» (Украина)) и др. Действительный член Академии российской литературы, член-корреспондент Российской Академии поэзии и Петровской Академии наук и искусств, академик Международной литературно-художественной академии (Украина). Главный редактор журнала «Новая Немига литературная». Почетный член Союза писателей Белоруссии и Союза русскоязычных писателей Болгарии. Название «Поэт Анатолий Аврутин» в 2011 году присвоено звезде в созвездии Рака.

* * *

Валерию Хатюшину

Мы пришли в этот мир
Из холодных квартир,
Где под примус скворчала картошка,
Где за стенкою жил отставной конвоир,
Все приученный слушать сторожко.
Где динамик хрипел от темна до темна
И нигде его не выключали —
Вдруг внезапно объявят, что снова война
И по радио выступит Сталин?..
Этот круглый динамик меня одарил
Знаньем опер, столиц и героев.
Душу «Валенки» грели,

«Орленок» парил,
И танкистов-друзей было трое...
А Утесов хрипел нам про шар голубой,
Но мы знали — объявят тревогу,
И пойдем «на последний, решительный бой»,
Так что, «смело, товарищи, в ногу...»
А теперь ни динамиков нет, ни святынь...
И давно нет в быту керосина.
Телевизор посмотришь: «Нечистая, сгинь...»,
Где был дух, там одна Хиросима.
Слышу старых друзей голоса из-под плит —
Им так больно, что мир разворован!
И отрада одна — белый аист летит
Все же выше, чем каркает ворон...

* * *

Воды остыли, раскисли дороги.
Скоро, наверное, Праведный Суд.
Люди боятся — гневливые боги
Что еще страшного им принесут?

Болью и ложью истерзанный весь я,
Мучусь иным у грядущих Голгоф —
Что вознесется со мной в поднебесье,
Чем испугаю усталых богов?..

* * *

Когда подступает обид череда,
И мир покидают хорошие люди,
Я в миг роковой вспоминаю всегда,
Что лучше не будет...

И в небе напрасную птицу слежу,
И взгляд мне звезда обжигает всевластно.
Но я все о том же твержу и сужу —
Мол, все не напрасно...

Никем не отменится час роковой...
И слепо бредя по пузырчатой луже,
Шепчу еле слышно: «Гордись, что живой...
Бывает и хуже...»

Пусть целит судьба, чтоб ударить под дых,
И звезды тускнеют в неоновом свете,
Пусть ветер свистит в колокольнях пустых,
Он все-таки ветер...

* * *

Узколицая тень все металась по стареньким сходням,
И мерцал виновато давно догоревший костер...
А поближе к полуночи вышел отец мой в исподнем,
К безразличному небу худые ладони простер.

И чего он хотел?.. Лишь ступней необутой примятый,
Побуревший листочек все рвался лететь в никуда.
И ржавела трава... И клубился туман возле хаты...
Да в озябшем колодце звезду поглотила вода.

Затаилась луна... И ползла из косматого мрака
Золоченая нежить, чтоб снова ползти в никуда...
Вдалеке завывала простуженным басом собака,
Да надрывно гудели о чем-то своем провода.

Так отцова рука упиралась в ночные просторы,
Словно отодвигая подальше грядущую жуть,
Что от станции тихо отъехал грохочущий «скорый»,
Чтоб во тьме растворяясь, молитвенных слов не спугнуть...

И отец в небесах...
И нет счета все новым потерям.
И увядший букетик похож на взъерошенный ил...
Но о чем он молился в ночи, если в Бога не верил?..
Он тогда промолчал... Ну а я ничего не спросил...

* * *

Свеча горела...
Борис Пастернак

Дрожат небесные лучи
Меж тонких веток.
Судьбу с реальностью сличи —
И так, и этак...

Мерцает тихо вновь и вновь
Средь снегопада
Свеча-судьба, свеча-любовь,
Свеча-отрада.

И невозможно оторвать
Свой взор усталый,
Следя — струится благодать
Над снегом талым.

Все бренно... Ниточка слаба,
Но длят мгновенья
Свеча-печаль, свеча-судьба,
Свеча-прозренье.

Куда ни глянь, чего ни тронь —
В любовном стоне
Пусть тонет женская ладонь
В мужской ладони.

И пусть не меркнут в толще лет,
Средь лжи и смрада,
Свеча-закат, свеча-рассвет,
Свеча-отрада...

* * *

Шепоткам назло, глазам колючим,
Недругам, что ждут невдалеке,
Я пишу на русском, на могучем,
На роднящем души языке.

Я пишу... И слышится далече,
Сквозь глухую летопись времен,
Исполинский рокот русской сечи,
Звонниц серебристый перезвон.

И живот в бою отдав за друга,
Друг уходит в лучшие миры...
И по-русски просит пить пичуга,
И стучат по-русски топоры.

И рожден родного слова ради,
Будет чист прозренья чудный миг,
Как слезинка кроткого дитяти,
Что стекла на белый воротник...

* * *

Догорала заря...Сивер выл над змеистым обрывом,
Умерла земляника во чреве забытых полян...
А он шел, напевая... Он был озорным и счастливым...
— Как же звать тебя, ***милай***?.. И вторило эхо: «Иван...»

Он шагал через луг...Чертыхаясь — несжатой полоской,
Ну а дальше, разувшись, по руслу засохшей реки.
— И куда ты, Иване? — Туда, где красою неброской
Очарован, стекает косматый туман со стрехи...

— Так чего тут искать? Это ж в каждой деревне такое,
Это ж выбери тропку и просто бреди наугад.
И увидишь туман, что с утра зародясь в травостое,
Чуть позднее стекает со стрех цепенеющих хат...

Эх, какая земля! Как здесь все вековечно и странно!
Здесь густая живица в момент заживляет ладонь.

Здесь токует глухарь... И родится Иван от Ивана —
Подрастет и вражине промолвит: «Отчизну не тронь!»

Нараспашку душа... Да и двери не заперты на ночь.
Золотистая капля опять замерла на весу...
— Ты откуда, Иван? — Так автобус сломался, Иваныч,
Обещал ведь Ванюшке гостинца... В авоське несу...

* * *

«А я любил советскую страну...»
Геннадий Красников

Скорей не потому, а вопреки,
Что над страной моей погасло солнце,
Я вас люблю, родные старики,
Матросова люблю и краснодонцев.

О, сколько было строек и атак
В моей стране, исчезнувшей!.. Однако
Ее люблю, не глядя на ГУЛАГ
И несмотря на травлю Пастернака.

Теперь она отчетливей видна,
Там дух иной и истинность — иная,
Где радио хрипело допоздна,
Что широка страна моя родная.

Мне до сих пор ночами напролет,
Из памяти виденья доставая,
Русланова про «Валенки» поет
И три танкиста гонят самураев...

Там Сталинград еще не Волгоград,
Там «Тихий Дон», там песенное слово.
И в ноябре, как водится, парад —
Под первый снег... В каникулы... Седьмого...

Мне в детские видения слова
Впечатались, чтоб нынче повториться:
«Столица нашей Родины — Москва...»
Я там же... Не Москва моя столица...

Смахну слезу... На несколько минут
Прижмусь щекой к отцовскому портрету.
Седьмое ноября... У нас — салют...
Во славу той страны, которой нету.

* * *

«...что русский исход тяжелей, чем еврейский исход...»
Надежда Мирошниченко

А время кричало в пустом и безветренном поле,
Что русский исход тяжелей, чем еврейский исход.
И аист кружил... Он в полете не думал о воле —
Не думает вовсе о воле свободный народ!..

И что-то мешало идти и не думать о бренном,
И что-то велело укрыться в свое забытье.
А это Россия торопко струилась по венам,
В висках выбивая росистое имя свое.

И что-то гудело в далекой, не хоженой чаще,
Да так, что казалось — вот-вот и уже бурелом...
Но аист летящий, но аист о чем-то кричащий,
Взрезал беспросветность своим осторожным крылом.

И вроде светлело... Все больше являлось народу —
Следили за птицей, чубы к поднебесью задрав.
И вброд перешли они стылую черную воду,
Что в скользких обломках несла очертанья держав.

И даль содрогнулась... И что-то вдали заалело.
И плечи не гнулись под вечное: «Мать-перемать...»
А тело болело... Да в венах Россия гудела,
И в тромб собиралась, готовая сердце взорвать...

* * *

Чуть курчавится дым от воткнутой в салат папиросы,
Не идет разговор... И не пьется... И мысли не в лад.
Все ответы даны... Остаются все те же вопросы:
«Что же делать теперь?..» И, конечно же: «Кто виноват?»

Да, характер таков у смурного от жизни народа,
Все: «Авось, перебьемся... Авось, доживем до поры...»
Будут мед добывать, а себе не останется меда,
Воздвигают палаты, а хаты кривы и стары.

Угорая в чаду, что дарит позабытая вьюшка,
Все боятся чего-то и вечен тот давящий страх.
Но наутро из хаты — чуть свет! — выбегает девчушка,
И сама, как росинка, и солнце несет в волосах.

И ее узнают и деревья, и рыбы, и птахи,
И листок золоченый все тщится в ладошку слететь...
Крикнет: «Папа, гляди!..» И отцы забывают про страхи,
И шеломистый купол на Храме спешит золотеть.

Засочится смола вдоль недавно ошкуренных бревен,
Мужики пожалеют, что вечером слабо пилось...
— Кто виновен? — спроси. И ответят: «Никто не виновен...»
— А что делать-то нужно? — Так выживем, людцы... Авось...»

* * *

Время метаний... Основа основ.
Пусто и голо.
Вроде Микола стоит Лупсяков...
Як ты, Мікола?

Переступлю через снежный сумет,
Прошлое — рядом.
Толя Гречаников руку пожмет:
«Што з перакладам?..»

От недовольных супружниц тайком,
Ближе к вечерне,
С Мишей Стрельцовым пойдем с коньяком
К Хведару Черне.

Гришка Евсеев, Володя Марук:
«Вып`ем і годзе...»
По корректуре размашисто: ***«Ў друк!»*** —
Павлов Володя.

Небо нахмурилось, тени струя.
Стежечка в жите.
Где вы?.. В какие уплыли края?
Хлопцы, гукніце!..

А с поднебесья: «Ушедших — не тронь!..» —
Грозно и строго.
Толькі валошка казыча далонь...
Цемна... Нікога...

ПРОЩАНИЕ С АВГУСТОМ

Позднее светает... Уносят тепло
Смущенные аисты.
Пока что не осень, но время пришло
Прощания с августом.

Молоденькой прелью пропахший овраг
Грустит в одиночестве.
Приходит к нему только Ванька-дурак...
Растрепа... Без отчества...

Чадит костерок.
— Подходи, посидим —

Вот здесь, под березою...
Но Ванька питается духом грибным
И дымкою розовой.

— Эй, Ванька, чего это в душах свербит,
Вот елки зеленые!
Он лишь отмахнется и что-то бубнит
Свое, забубенное.

О чем ни спроси, Ванька врать не мастак:
«Не знаю... Не ведаю...»
Прощается с августом Ванька-дурак,
А мы тут с беседою.

Тридцатое августа... Голос далек.
Редеет дубравушка.
А истину знают лишь ванькин киек
Да вдовый журавушка.

Игорь Лукьянов
(г. Борисоглебск, Воронежская область)

Русский поэт. Наш многолетний автор. Лауреат Всероссийской литературной премии имени Н. С. Лескова. Член Союза писателей России с 1994 года.

* * *

Поэт не пишет
под чего изволите.
Ему плевать
на вкусы и мерила.
В ряду калашном
рыл самодовольных
Он, к чести,
завсегда — чужое рыло.
Куда он с ним суконным —
ведь не Пушкин...
Но он его
не мазал по кормушкам.
Есть у него свой ряд.
Своя дорога.
И Муза, что нема
без гласа Бога.

* * *

Для русского
Дороже дорогого
И Соловки,
И поле Куликово.
Там моря плеск,
А здесь равнины гуд.
Они, соединясь,
В душе живут
Тем подвигом
Монашеским и ратным,
Что не дает
Страну
Повергнуть в прах.

И нынче
В дни глобального разврата
Всяк русский сердцем
Воин и монах...

* * *

В районе трех больниц
Сиренят «неотложки»,
Спасая чью-то жизнь —
Дыхание и мысль.
Но как спасутся те,
Ограбленные ложью?
Те, для кого с враньем
Неведом компромисс?
Их ловкачи словес —
Лукавцы всех калибров
Сживают втихаря,
Сживают наяву.
Но крепок русский крест.
Его не опрокинуть.
Не сбить с пути народ.
Не сбить с пути Москву.
Пусть нации враги
Куражатся бесовски —
На дур и дураков
В стране лимита нет.
Но все же час грядет —
И свистнет кнут отцовский,
От слуг вселенской мглы
Спасая русский свет...

* * *

Душою общество скудеет
Все смыслы к «бабкам»
Сведены.
Ни детских фильмов,
ни комедий
На киностудиях страны.
Откуда люди те возьмутся,
Кто светлых струн не оборвал...
С пальбою, сексом и паскудством —
За сериалом сериал.
Скудеет общество, скудеет.
Сердца алчбою стеснены.
Ни детских фильмов,
ни комедий
На киностудиях страны...

* * *

В полях заснеженных калужских
Я службу нес под звездной стужей.
И до утра — связист полка —
Продрог — не скажешь, что слегка.
Потом был день. Простор слепящий.
Вдали лесные стыли чащи.
Гремели «МиГи» в вышине.
Я шел по снежной целине.
Хрипел, как лось, от той ходьбы
По воле Бога и судьбы...

* * *

Не попал под бревно, под цистерну,
Что свалились по душу мою,
Но зато угодил под систему,
Где вольготно жулью и ворью.
Распустились сыны беззакония...
Государство трещит по швам,
Казнокрад со свечой к иконе,
Словно в офис, проходит в храм...

* * *

Новорусские на Майами,
Ваших предков пороли дворяне,
А теперь вы с деньгой — хоть куда,
Скороспелые господа.

А всего-то — рвачи по натуре,
И резвитесь сегодня по дури,
Научились у Родины красть,
Глупо предав Советскую власть.

Наслаждайтесь — «гребцы» гедонизма.
Бьют в лицо океанские брызги.
Пляж златой. Голубой океан.
Челядь, падкая на шарман...

* * *

Словно с тихой лесной опушки,
Мне кукуют издалека
Станционные сестры — кукушки
Повоенного городка.
Где протезом скрипит калека —
Городской фронтовой инвалид.
В переулке — трофейная «эмка».
И на площади Сталин стоит.
Я ломал дорогие игрушки.
Все хотелось узнать, что внутри.

Паровозные слышу кукушки.
Привокзальные вижу дворы.
Годы мчатся, не зная дороги.
Чем туманнее путь, тем верней...
Воздух детства, как воздух эпохи
Благородных советских корней...

* * *

На Героев наложили вето —
Летчиков, танкистов, моряков.
Места не хватило для портретов
Прихоперья славных земляков.
Шум и гам от праздных ротозеев,
От разлива зрелищной бурды...
Выгнали Героев из музея.
Это худо. Это Знак беды.

ЯНВАРЬ — 2018

В канун Рождества
снег потаял везде.
И скоро ль
метели придут.
Река, словно в трансе —
По зимней воде
Сиротские льдины плывут.
И больно смотреть
На такой ледоход
Туда, где рождественским днем
Под солнцем искрится
Серебряный лед
И прорубь дымится на нем...

* * *

Жизнь порою — такая отрава.
Но постой,
вот маэстро придет.
Все, что было
мертво и коряво,
У него зазвучит, запоет,
Хоть на миг,
словно майские вишни,
Перекроют собой
«львиный ров».
Если ноты
расставит Всевышний
На пюпитры
засохших стволов...

* * *

Слышу музыки льющийся свет
По мотивам прожитых лет.
Дальний крик позабытых ночей;
Отблеск в окнах закатных лучей;
Череда облаков в синеве;
Первый снег на опавшей листве;
Пара женских чудесных колен
Вне застоя и перемен...

* * *

Направо Ост, налево Вест
От лесополосы.
Есть на груди нательный крест
И на руке — часы.
Норд впереди, Зюйд позади
Вдоль лесополосы.
Есть крест нательный на груди
И на руке часы.
Я шел. Иду. Готов идти
До смертной полосы.
Есть крест нательный на груди
И на руке часы.

* * *

И меди, и золота в кронах
Все меньше — грусти не грусти.
Готовится тихо природа
Свои испытанья пройти.
Над садом, над рощей за лугом
Такая стоит тишина,
Что спать припоздавшая муха
Звенит, словно в мире одна...

НА РЫБАЛКЕ

Осень. Речка. Не клюет.
Листьями шурша,
Подошел бездомный кот —
Горькая душа.
Жаль, что лето позади.
Может, повезет,
Может, клюнет. Подожди
Хоть немного, кот.
Поплавок пошел, пошел!
И плотвичка — есть!
Ну и славно, хорошо,
Коли есть, что есть.
Можно съесть и две, и пять...

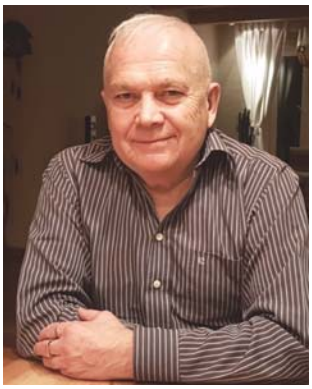
Холодно в лесу.
Хорошо бы повстречать
Рыжую лису.
Ту из сказки, чтобы с ней —
И еда, и кров.
Чем ты хуже, котофей,
Сказочных котов?

* * *

День солнечный, сухой, горячий.
И на реке — вдали и близ
По пляжам гогот жеребячий,
Возня и поросячий визг.
Уйдут жара и шум излишний.
Повеет с луга ветерок.
Река вздохнет, и я услышу
Воды счастливый говорок.

* * *

С полей в село вела дорога.
Ломились в душу
сквозь плетень:
Цветущий сад,
как у Ван Гога,
И, как у Врубеля,
сирень...



Николай Еремин
(г. Красноярск)

ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ

Еремин Николай Николаевич родился 26 июля 1943 года в городе Свободном Амурской области. Окончил Медицинский институт в Красноярске и Литературный институт им. А. М. Горького в Москве. Член СП СССР с 1981 г. и Союза российских писателей с 1991 г. Выпустил в свет Собрание сочинений в 6 томах.

ВЕРА

«Не верь, не верь поэту, дева,
Его своим ты не зови»
Федор Тютчев

Поверь, поверь поэту, дева,
Меня
Своим ты назови!

Не надо нам
В объятьях неба
Страшиться праведной любви...

И пусть помогут нам скорей
Ямб,
Амфибрахий и хорей,

Священной страсти не тая...
О,
Муза милая моя!

ГРУЗИЯ

Вино любви
И прегрешения...
Спасибо,
Солнечная Грузия,
За эту сладость предвкушения
И эту горечь послевкусия...
Которые
Всю жизнь со мной

В стране —
Увы, совсем иной...

СУПЕРЛУНИЕ

Е. А. М.

Месяц в обнимку с луной молодой
Ходит по небу нетвердой походкой...
Так же по морю ходили с тобой
Мы — нет, летели — над морем и лодкой...
Два суперангела — суперлуны
Супермерцанием освещены...
Я - чуть живой, да и ты — чуть жива...
В пене морской — облаков кружева...
Как наяву — сон-не сон, верь-не верь,
Было ли, нет ли — неважно теперь...

КАМНИ

Ах, до сих пор я забыть не могу...
А ведь давно позабыть бы пора мне,
Как
Для тебя
На морском берегу
Я собирал драгоценные камни...

Как
Подарил...
Чтобы ты — ну и ну! —
Бросила их в штормовую волну...

* * *

Куда ни глянь, повсюду —
И молнии, и гром...
И в очередь иуды
Целуются с Христом...

И все ж, открытый чуду,
Всем грешникам под стать,
Я грешного Иуду
Не стану целовать...

* * *

— И почему
На просторах прогресса
Я не имею, как все, мерседеса?
И не умею водить мерседес? —
Не отвечают
Ни Бог и ни Бес…

ФОРТЕПИАННАЯ ПЕСЕНКА

— Ты — диез, а я — бемоль...
Поиграть со мной изволь! —

Ты мне это говоришь —
А в душе такая тишь...

Нет, напрасно ты шалишь,
Как компьютерная мышь...

Что нам — воли алкоголь?
Вот в чем сахар и в чем соль:

Ты — бемоль, а я — бекар...
Для игры я очень стар...

Все, что было — все всерьез,
До корней седых волос...

Я — бекар, а ты — бемоль,
От игры меня уволь...

Ты — не ты... а я — не я...
Воля вольная моя...

* * *

Продолжительность жизни равна
Свету мысли
И скорости света...

И, конечно, не наша вина,
Что мы все
Забываем про это...

А когда вспоминаем —
Уже
Света нет ни вокруг, ни в душе...

* * *

Что было, сплыло и промчалось мимо,
Так сердцу мило
И неповторимо,

Что хочется заплакать, вспоминая...
Поскольку жизнь в душе
Уже иная...

* * *

Все чаще говорят в твоем дому,
Что ты, поэт,
Не нужен никому...

Уходят говорящие
В тюрьму,
Стихов не зная,

Все —
По одному...
Права нарушив тех,
Кто их судил:

Судья — макроцефал,
Судья — дебил...
Решетка и замок...

Ни там, ни тут
Стихов твоих свободных
Не прочтут...

Гордись, поэт!
В любые времена
Поэзия лишь избранным нужна...

И все ж — читай,
Не выбирая, вслух,
Всем, у кого рассудок не потух...

Кто жив еще...
И не покинул дом...
И может понимать, хоть и с трудом...

Елизавета Баранова (Весина)
(г. Тула)

НОВЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Родилась и живет в городе Туле. Кандидат технических наук, доцент. Работает в Тульском государственном университете на кафедре «Информационная безопасность». Стихотворения пишет с детства. Написано около четырехсот стихотворений пейзажной, любовной, философской, гражданской и духовной тематики. Автор трех сборников стихотворений и прозы. Подготовлены и находятся в издании еще два сборника стихотворений. Также пишет в жанре крупной поэзии — написана «Поэма о дожде». Увлекается написанием венков сонетов. Пишет прозу. Является автором романа «Гармонические колебания». Имеет публикации стихотворений в журналах и альманахах Тулы, Твери, Москвы, Московской области и Санкт-Петербурга. Победитель различных конкурсов стихотворений. Член Союза писателей России.

* * *

Взрыв! —
Когда тебя — и больше — нет...
Что скажет Родина в ответ
На то, что не был спет куплет
О самом главном —
О том, что будет,
Было бы?..
...Вот так — в предчувствии беды —
Непререкаемы мольбы
Любимой мамы...

Взрыв!
А может, это летний гром?
А может, ангелы кругом
Не потому, что нет «потом»,
А потому что
Тебя и Родину спасут,
И состоится сразу — тут —
Нет, не земной — небесный суд
Над малодушьем.

Взрыв!
Сирены голос — голос дня.
Как можно чью-то жизнь отнять?
Как страшно видеть, что война
Нужна кому-то,
Как дочь любимая, почти,
И гневно Родина кричит,
И скорбно Родина молчит
Всего — минуту.

Взрыв!
И снова море разлилось
Из слез и черных
                четных роз,
Но стихнут отзвуки угроз,
И злость,
          и ярость...
Но... нет — тебя,
Нет нужных слов,
И только юная любовь
И только чистая любовь
Твоя — осталась.

Взрыв!..

* * *

Палисад, где пионы цветут, —
И какая-то робкая тайна,
И какая-то мистика тут,
О которых забыть — не реально.

И какая-то тихая здесь
Невесомая грусть пустоцвета,
И так хочется рядом присесть
Возле тайны — неузнанной — этой,

И так хочется медленно ждать,
Может, тайна откроется
                или
Засверкают в иголках ежа
Прошлогодние искорки пыли.

Или кто-то придет —
А в руке —
Тот же запах и время — все то же,
Только время не будет никем
В руки поймано — так
                невозможно.

Уходя, ничего не сорви,

Отпусти приглянувшийся ветер.
...А сухие бороздки земли —
Как морщинки лица на портрете.

* * *

Мне кажется, все тот же соловей,
Все тот же куст сирени у балкона.
И только небо — малость — помрачней,
И небу я, как будто, незнакома.

Над каждой крышей — небо,
                но свое,
Оно дословно помнит, как когда-то
Здесь пела я, и с первым соловьем
Пел он,
        теперь
                ушедший
Безвозвратно.

Спустись поближе,
Небо, рассмотри,
А, впрочем, нет, — совсем не ради скуки —
Я поднимусь к тебе, на раз,
                два,
                три —
Взобравшись к старой яблоне на руки,

Всмотрись в глаза,
Они — почти что, те, —
В них прочитать — безгорестных — несложно,
Что я иду счастливой по судьбе,
И на него — поэтому — похожа.

Изображу руками тайный знак,
И сразу станет с прошлым больше сходства,
Спрошу у неба: «Помнишь?
А вот так?»
И небо мне, как в детстве, улыбнется.

* * *

Березовая розовая грусть,
Румяный лес под облаком заката.
Я вспоминать нечаянно возьмусь
Клочок земли в мелиссовых заплатах,

Густой чертополоший перегуд,
Тебя, мой друг, ушедшего вдоль неба,
Туда, где от забвенья берегут
Ветра, чья песня — лучшая — не спета,

И сонное дыхание лугов,
Которых я касалась головою,
И эта бесконечная любовь,
До сей поры не ставшая былою.

Березовый летящий солнце-клеш...
Ищи меня, пропавшую бесследно,
Пока своим терпеньем не вернешь
В то — и теперь не пройденное лето,

В ту на двоих отмеренную жизнь,
В те — только нами видимые дали,
Пока мы не поймем, как дорожим,
Тем, что для нас ветра наворковали,

Пока не станет все, как было там, —
Я по дорогам прошлого вернусь и
Мы не разделим больше пополам
Ни тайн берез,
ни их звенящий грусти.

Ахмет Ваулин
(г. Прокопьевск, Кемеровская область)

Родился в 1992 году в Кемеровской области. Публиковался в журналах: «Союз писателей» (Новокузнецк), «Современная литература России», «Российская литература», в приложении к журналу «Огни над Бией», в литературных альманахах «Спутник», «Форма слова», «Новый Енисейский литератор», «Сияние лиры», «Российский колокол», в конкурсных сборниках «На Енисейской волне — 2016», «Восторг души — 2017» .

ЗАЧЕМ ШУМИШЬ, ВОЛНА МОРСКАЯ...

Зачем шумишь, волна морская?
Куда зовешь, манишь меня?
Смотрю я, думы оставляя,
Как над тобой цветет заря.
Я думы тяжки в бездну кинул,
В пучину, в грохот бурных вод.
Фуражку лихо я надвинул,
Как настоящий мореход.
И грезы тихо подступают,
В недолгий сон введя слегка,
Тревожат ум и исчезают,
Как в летний полдень облака.
Полощет брег земли далекой
Неутомимая волна,
Где за туманной паволокой
Таится дивная страна.
Меня бы птицы там встречали,
Лаская песнею мечты,
И стаи бабочек порхали
Необычайной красоты.

ТЕРЗАЮТ ВОЛНЫ БРЕГ ДАЛЕКИЙ...

Терзают волны брег далекий
В порывах ветряной игры,
И океан таит глубокий
От нас незримые миры,

Где чудных рыб блистают краски,
Животных дивных где толпа
Там обитает без опаски
У исполинского столпа,
Сверкает что огнем рубина —
Сплетенье яркое ветвей.
Его коралл — горы вершина,
Иначе — остров средь морей.
Живые звезды многоцветны,
Лучисты на прибрежном дне,
А чудища, что не заметны
Таятся где-то в глубине.
Киты громадные проходят
Как темны тучи в небесах.
И кто ж еще незримо бродит
В морских загадочных лесах?

Константин Струков*
(г. Тула)

* * *

Идет война, без правил, без законов,
Как будто снова сорок первый год.
И минометов грозные аккорды
Играют беспорядочно, без нот.
Стреляют «Грады» по жилым кварталам,
И снова разрушение и смерть.
От этой бойни все давно устали,
Но вновь снарядов неуемный смерч.
Вражда всех захлестнула, как цунами.
Там что, АТО, террор? Все это бред!
Война, не только там, а рядом с нами,
И в наших душах оставляет след.
Мы молимся за упокой погибших,
За стойкость взрослых и за смех детей.
А на войне обрушенные крыши
И жалкие руины вместо стен.

И гибнут, гибнут женщины и дети,
Их счет уже за тысячи.
Война
Безостановочно идет
На чьи-то деньги,
Без правил. Но кому нужна она?
Нужна заокеанским заправилам,
Там сеют ложь в той дьявольской игре,
Где ставкой оказалась Украина,
Где гром артиллерийских батарей...

Идет война, без правил, без законов,
Вот гром орудий на мгновенье стих...
Там, где прошла зачистка, слышны стоны
Случайно оказавшихся в живых...

---

* Наш постоянный автор.

* * *

Нет, не понять мне этих русских новых,
Чьи офисы растут, как в поле лопухи.
Они за доллары предать своих готовы,
Чтоб после в храме умалять грехи.

Нет, не понять мне лоска показного,
Их отпрысков в богатых казино,
Когда они с улыбкой Казановы
Швыряют тыщи и сосут вино.

А перед входом в офис грязный нищий
Сидит, култышку завернув в тряпье.
Он в этом обществе изгой, он лишний,
И от отчаяния беспробудно пьет.

И как сумели эти воротилы
Надуть страну — понять я не берусь.
Им все дала судьба, других же обделила
И стала нищей праведная Русь.

* * *

Памяти В. Степанова

Последние дни уходящего года,
И листья последние календаря.
В последнем аккорде последняя нота,
Последние хлопоты декабря.
И слово меня роковое преследует:
«Последнее».
Знаю, за что ни возьмусь,
Все будет последним,
последним,
последним,
Последними будут и радость, и грусть.
Прощаемся с годом,
грустим, вспоминаем
И знаем, утерянное не вернуть.
Теряем друзей. Их нет уже с нами.
Теряем, и дальше неясен наш путь.
Теряем. Сквозь пальцы капают годы,
Сквозь пальцы
просачиваются в небытие.
И в зимнюю ночь, в разгул непогоды
Теряем мы что-то родное, свое.

И вот, год закончился. Без сожаленья
Приемлю, встречаю новую явь.
Но может быть год этот
станет последним ...

Сквозь слезы
меня с новым годом поздравь!

* * *

...И остави нам долги наши,
якоже и мы оставляем
должникам нашим.
Из молитвы.

Не привык жить в долг, не хочу.
Как долги наши тянутся долго!
Пусть уж лучше поставлю свечу,
Чтоб нигде не осталось дóлгов.

Не беру в долг ни злобу, ни страх,
А заклятую месть — тем паче.
Моя плата в словах и делах,
Я плачу — и не требую сдачи.

Но уйти от долгов не могу,
Их, незваных, наверно, не мало.
Знаю, что в неоплатном долгу
Пред отцом своим, перед мамой...

И отстукивают часы,
Что запущены свыше, и словно
Он, Всевышний, кладет на весы
Боль души в каждом деле и слове

И поступков изменчивый ход,
Тяжесть дня и бессонницу ночи
И грехов титанический гнет,
И весомость сегодняшних строчек.

* * *

Несостоявшийся поэт,
Несостоявшийся ученый.
Остались мне на склоне лет
Лишь лейтенантские погоны.

Не удалось мне быть отцом,
И мужем стал я нерадивым.
Не удалось построить дом,
И дерева не посадил я.

Пришла весна — и в яркий день
Сирени веточку сорвать бы.
Но нет.
Поломана сирень
Для чьей-то разудалой свадьбы...

* * *

Ходят, рыщут по помойкам,
И не знают, как прожить,
Терпят, переносят стойко
Жизнь унылую бомжи.
Где остались их квартиры?
В планах ветхого жилья,
На Седова иль на Мира,
В махинациях жулья?
Выгнали родные дети
Из квартир своих, как хлам.
Или угодили в сети
Проходимцам — господам.

Разбросав вокруг отбросы,
Ищут обувь или хлеб.
Им найти б себе обноски,
И пожить хотя б в тепле.
В жизни все у них отняли —
И достоинство, и дом.
Жить бы где-нибудь в подвале
И чуть-чуть забыться сном.
Может, семьи им приснятся,
Но зови их — не зови...
Души их хотят умчаться
В мир свободы и любви.

Павел Рославский
(г. Москва)

Родился и живет в Москве. Имеет высшее образование в области строительства. Работал архитектором-реставратором, дизайнером. В настоящее время занимается дизайном. Пишет стихи и малую прозу. Авторский сайт: https://roslavsky.ru

ЖИЗНЬ В ТЕНИ

В темноте так легко обмануться,
Полагая, что вам по пути,
Не заметив руки, промахнуться,
Напрягаясь, на голос идти.

В темноте так легко обмануться,
Полагая, что вам по пути,
И легонько руками коснуться,
Той руки, что лежит на груди.

ДАР

«Проявляется сюжет
Белый в черную полоску»,—
Ты тогда дала совет,
Разгадав мне жизнь по воску.

Несмотря на тень вокруг,
Говорила: «Дар от Бога,
Опиши мне свой недуг,
И, поверь, спасу любого».

Обещала деньги, власть,
Но сама — в грязи в подвале,
В нищете бы не пропасть,
Только платишь зазывале.

Я ушел под крик вослед:
«Будешь мучиться в сомненьях,
Проклят будешь на сто лет
И вернешься за прощеньем!».

Ольга Андреева
(г. Ростов-на-Дону)

СТИХОТВОРЕНИЯ

Андреева Ольга родилась на юге Украины. Автор нескольких поэтических сборников. Публиковалась в альманахах и журналах. Лауреат конкурса «45-я параллель» в 2013 и 2015 году. Дипломант Тютчевского конкурса 2013 года. Финалист Прокошинской премии в 2014 году. По профессии инженер-строитель. Занимается проектированием автомобильных дорог.

* * *

Кто так коротко выстриг газоны?
жалкий ежик трехдневной щетины
на ветру, виновато-зеленый,
схвачен инеем. Рву паутину,
никого и ни в чем не неволю —
даже можете зубы не чистить,
не иду в поводу у тревоги —
хватит поводов, только причины.

Время нежных цветов отпылало —
терпкий, пряный горчит палисадник,
желтый, синий, и жесткие стебли
не согнут непокорные шеи.
Мост уходит трехмерным лекалом
к горизонту, бесстрастным глиссандо
резкий ветер акации треплет —
так позволь себе все, что умеешь.

Мы так редко себя отпускаем
полетать над прощеной землею,
но на то и октябрь. Суетимся,
все надеемся — может, успеем.
Но молитвенник на аналое,
и гроза где-то ходит по краю,
обессилев. Прощаются птицы,
и уже распевается певчий.

Каждый лист подержать на ладони —
будто карты лежат вверх рубашкой,

будто ждешь там увидеть такое,
чего не было сроду в колоде.
Но с улыбкой фальшиво-парящей,
как ворона над аэродромом,
мне предложат — коньяк или кофе,
стылый чай, разговор о погоде.

Лишь октябрь — он не может иначе —
мокрой подписью, синей печатью
заверяет в туманах творожных
наше право на вдох и на выдох,
и в объятиях сумерек прячет
суеверно иные объятья —
в лицах дождь и листва, невозможность
быть друг другом — исчезнуть из виду.

* * *

Зимы — как не было. Наверно, страшный сон,
чистилище из пуганой подкорки.
Очнулся мир — истрепанный, босой,
прозрачный. Горький, взрослый, непокорный...
В весну — без проводов и тормозов.
Глаза огромны и остры ресницы.
Так трудно начинать с ее азов.
«Я видел все» — на бледных тонких лицах.

«Что видел ты — забудь, забудь, забудь...» —
ласкает луч, щекочет — «мы играем».
Фантомный след оставила на лбу
беда неровным воспаленным краем.
И нас слегка качает от зимы,
и лес ослаб, он на ветру бледнеет,
но дышит мартом. Первобытной тьмы
полны озера, побережья немы.

Сбежать ли от того, что наяву,
к тому, что — истина? Несложное заданье.
Я заварю волшебную траву
и в щелку подгляжу за мирозданьем.
Но там — все то же. Путаный прогноз
о том, что доллар дорожает к йене.
А значит, хватит грызть граниты грез
и заниматься йогой сновидений.

Ты помнишь эту церковь на холме?
Ты помнишь — возносилась и парила
в лучах и в молниях? Но, выйдя к ней во тьме,
не допусти дешевой эйфории.
Весна влечет сверх всяких вер и мер,
и назовет ее всяк сущий в мире мистик,

и, площадью в квадратный сантиметр —
живой детеныш, виноградный листик.

* * *

Мой городок игрушечный сожгли,
И в прошлое мне больше нет лазейки.
А. Ахматова.

Я родилась в игрушечном раю.
Порой он, правда, притворялся адом.
Там в голову беспечную мою
назойливо ввинтилось слово «надо»,
такое инородное. Реки
изгибы в балке прятались без счета,
казались высоки и далеки
цветные двухэтажные «хрущевки».

Я родилась поддерживать очаг
и Золушкой копаться в мелочах,
учиться чечевицу от гороха
хотя бы понаслышке отличать.
И да минует случай страховой
лоскутный свет — и ласковый, и ладный,
где с миром был надежный уговор
у детства — в каждой клеточке тетрадной.

Рука слегка в чернилах — это я
теряюсь от сложнейшего вопроса —
какого цвета спинка воробья?
И бантики в горошек держат косы.

Тут раньше было дерево. Оно
пило корнями, возносилось в небо,
листвой светилось и цвело весной,
в ликующей головке быль и небыль
сплетая в пряди, дождевой водой
промытые, змеилось сквозь тетрадки.
Теперь тут только крыши чередой
и дымоходы в шахматном порядке.

Мы гаснем долго, искрами во тьме —
вдруг занявшись и описав кривую,
немыслимую, сложную — взамен
луча, стрелы, мы проживаем всуе
и неумело... Но горим пока.
Как только отпущу свое начало —
я стану тенью в роговых очках,
как все, кто больше свет не излучает.

* * *

Пока не чудо, рукотворно —
как из лучей собрать звезду,
из кирпичей огнеупорных —
очаг, из блоков — виадук,

набросок вечности несмелый —
пока не спорится, плывет.
Папье-маше. Рисунок мелом.
И едок дым. И ломок лед.

Так много грезишь о свободе —
брось. На крыло — и вот летим.
Галлюцинации мелодий —
примета верного пути.

Полынный воздух электричек,
плетенье скошенной стерни.
У этой канители птичьей
есть тоже скомканные дни,

но ведь — летят. Покинуть Гамельн,
пока не вырастешь большой,
своими нежными мозгами,
своей стерильною душой.

ЛАСТОЧКЕ

Твой мир огромней моего,
стремительнее, необычней,
не зная слов — куда его
ты воплощаешь духом птичьим?
Не зная музыки — во что
ты проливаешь слезы, как ты
не задохнешься красотой,
ее простым и дерзким фактом?

Андрей Линник
(г. Харьков, Украина)

Родился в 1970 году в Харькове. Окончил Богословско-педагогические курсы при Харьковской духовной семинарии. Член Межрегионального союза писателей, Всеукраинского творческого союза «Конгресс литераторов Украины», Союза русских писателей Восточного Крыма, литобъединения авторов Донбасса «Стражи весны», Международного клуба православных литераторов «Омилия». Лауреат многих поэтических конкурсов. Автор книг «В начале пути» (Харьков, 2014), «Катарсис» (Харьков, 2017) и свыше 800 публикаций в периодических изданиях, сборниках и альманахах. В поэзии наиболее лаконичной и гармоничной формой считает сонет.

* * *

Дождик легкий осенний, как прописью беглой тетрадь,
Расчертил небо города в розово-серых просветах.
Я забыл дома зонт. И, от дождика силясь сбежать,
В переулках кружил, на окраине, видимо, где-то.
Извивался причудливо узких дорог лабиринт,
И старинных домов окна щурились подслеповато.
Клочья дымки белесой, как будто разорванный бинт,
Чуть заметно дрожали под сводами крыш угловатых.
Позапрошлого века здесь дух архаичный царил.
Может, время замедлило бег свой, а может быть, осень
Наиграла мотив этот, чтобы не слишком грустил.
Похоронным бюро под названием «Милости просим»
Жизнь порой обернется. Таинственный замкнутый круг.
Мегаполиса плен. Мегамаркеты, многоэтажки...
Урбанизма оковы. В унынье впадаешь. Но вдруг,
Чтоб совсем не «прокис», от судьбы получаешь поблажки.
И поддержка приходит, в туннеле виднеется свет.
Вот такая окраина, этот пейзаж архаичный...
И душой чуть оттаешь, и, светом незримым согрет,
Вдруг поймешь и поверишь, что есть где-то мир гармоничный.

МОНОЛОГ СОВЕСТИ

В путь последний идти, за душой ничего не имея,
Нелегко будет очень, коль в жизни своей, как Емеля
На печи, ожидал, что «по щучьему будет веленью».
Разве слушал меня, сделал что-нибудь сам для спасенья?

Я кричала тебе, достучаться до сердца пытаясь,
Но грешил ты с лукавством и думал: «А, после покаюсь...».
Только будет ли «после»? Свой век человеку неведом.
Так не трать это время, в мирских соревнуясь победах.

Побеждай свои страсти, борись! Не живи успокоясь.
Ты, наверно, забыл обо мне? А ведь я — твоя Совесть.

НОСТАЛЬГИЯ ЗИМНЕГО СНА
Сонет

Как будто в мед, увязли в бурый снег
Деревьев придорожных вереницы.
Над трассою поземка чуть клубится,
А в небе — солнца золотой ковчег.

Из города промерзшего побег
Автобус совершил — и лихо мчится.
А за окном мелькают сел границы.
И время будто замедляет бег.

И голова склоняется на грудь,
И веки тяжелеют незаметно...
Становится картинка многоцветной.

Я вижу то, что больше не вернуть:
Такой же путь, и зимний день прекрасный,
Но в той стране, погубленной напрасно.

ХВАЛА ВЕСНЕ!
Сонет

День ослепителен. Бежит по лужам Март —
Беспечный сорванец, от счастья ошалелый.
И формулы Зимы, начерченные мелом,
Он лихо стер с доски — мальчишеский азарт.

И неожиданно, как выстрелы петард,
Пробьются почки на деревьях обомлелых.
И юноша Апрель войдет походкой смелой,
Разложит чинно Май пасьянс зеленых карт.

Пока не включена еще духовка Лета,
Пустите в серость душ лучи любви и света!
Весне слагаю песнь, хоть миллионы раз

Всеоживляющая, дивная воспета.
Но ликованье пусть живет в строке сонета.
Хвала тебе, Весна, сегодня и сейчас!

КАТАРСИС
Сонет

Медвяный цвет июльского заката,
И вязкий зной, струящийся устало.
Весь день светило жарко припадало,
А ныне — стало долькою цуката.

Когда же ливня прозвучит токката?
«Вода — животворящее начало,
Сойди с небес, — земля в бреду стонала,—
Пусть грянут грома щедрые раскаты!»

Нисходит ночь, и, словно зову внемля,
Раскосый ливень орошает землю.
Гроза приносит радость очищенья,

Шагая тяжкой поступью надмирной.
Так и душа: грехами пусть томима,
Ей покаянье даст освобожденье.

ВНОВЬ ПРИШЛИ «ОКАЯННЫЕ ДНИ»
Сонет

Не стремился я сделать карьеру,
Чужд мне с детства помпезности шум.
Вот работаю нынче курьером —
На горбу бандероли ношу.

Был рожден я в советскую эру.
Да, «цепляли на уши лапшу»...
А теперь весь «в лапше», словно шут.
В море лжи не утратить бы веру!

Бунин прав — «окаянные дни».
И сейчас вновь настали они!
Порожденья ехидны во власти.

Кто отец всякой лжи — знаю я.
Не сломаться бы лишь, устоять...
И Господь отведет все напасти.

КТО СПАСЕТСЯ?
Сонет

Ларисе Ефремовой

Склоняю голову пред таинством весны
И радуюсь Господнему творенью.
Любуюсь расцветающей сиренью.
И в прошлое ушли зимы седые сны.

И чудится уже: на свете нет войны,
Болезни нет, предсмертного томленья
И смерти нет, а есть преображенье,
Где будем праведниками мы сопричтены.

Но так лишь кажется в денек погожий,
Наш мир земной с небесным так несхожи.
Лишь тот обрящет Рай, кто много возлюбил.

И мне дано понять в скорбей юдоли:
Спасется тот, кто жил по Божьей воле,
Кто веровал, терпел и Заповеди чтил.

* * *

Не чудо ль Божье каждая весна?
Мир обновляется, мир расцветает снова.
О чем-то с дубом шепчется сосна,
И гладь небес так светло-бирюзова.

В лесу сошел последний рыхлый снег,
Подснежников синеют ярко звезды.
И юных ветров над полями бег...
Поверь в Творца! Поверь, пока не поздно.

* * *

А я живу и радуюсь весне
И месяцу любимейшему — маю.
Еще совсем недавно падал снег,
И вот уже каштаны расцветают.

А я живу и радуюсь весне!
И о весне свои слагаю песни.
Наверно, в сердце обручился с ней,
Так утомившись от худых известий.

Душа болит, что ненавидят Русь,
Что правят бал нацисты в Украине...
Но — вновь весна! Спасителю молюсь:
«Благодарю!
Прости!..
И не отрини»...

* * *

Цветущий абрикос усыпан снегом весь —
Апрельский снегопад бывает раз в столетье.
Такую принесла нерадостную весть
Весна-печальница. И как не сожалеть ей
О том, что уходить холодная сестра
Не хочет, не спешит и не сдает позиций,
И снегопадом этим нагоняет страх,
И время повернуть и вспять пустить грозится.

Александр Тихонов
(г. Омск)

«Я РАСПАХНУЛ РАССВЕТНОЕ ОКНО...»

Родился в п. Большеречье Омской области. Живет в г. Омске. Стихотворения и проза публиковались в журналах «Наш современник», «Роман-газета», «Молодая гвардия» и др. Автор книги стихов «Облачный парус» (Омск, 2014), фантастических романов «Охота на зверя» (М, 2016) и «Синдром героя» (М, 2017), соавтор научно-популярной книги «Сила Сибири. История Омского края» (Омск, 2016). Лауреат Всероссийской литературной премии им. М. Ю. Лермонтова (2015), региональной литературной премии им. Ф. М. Достоевского (Омск, 2015).

* * *

Время спрессовано. Время становится мной.
Лязгнув засовами, дверь отпирает Всевышний.
Я — настоящее. Холод гудит за спиной.
Холод вселенский, космический. Страшный и лишний.

В будущем тоже сквозят над планетой ветра.
Скрыто грядущее. Мне не добраться до сути.
Время спрессовано. В сердце вжимается страх.
Можно бояться, за это никто не осудит...

«Было и не было», «будет — не будет» — потом
Стану гадать, повзрослев и печалясь все чаще.
Год девяностый, р.п. Большеречье, роддом.
Мир познаю и живу сам собой — настоящим.

* * *

Не касался младенец молочных грудей,
Но, казалось, что это — ненужная малость.
У соседей ни внуков теперь, ни детей.
Только старость осталась.

Поправляют очки. Часто смотрят в окно.
В продуктовый спускаются. Быта — избыток.
Все испытано было, что в жизни дано.
Все затерто, избито.

В полутемной квартире сердца их стучат
В ожиданье, что завтра рассвета не будет.
Лишь порой голоса не рожденных внучат
Среди ночи их будят.

* * *

За омуля копченого и только,
За рюмку водки, за глоток вина,
Бродячий музыкант, хрипатый Колька
Готов любую песню «сбацать» нам.

На продувном байкальском сквозняке,
Лицом помятым обратясь к прибою,
Чужие песни пел — и стал никем.
Чужие вина пил и брал с собою.

Давай скитальца пригласим за стол,
Чтоб музыкант вдруг начал улыбаться,
И, отстранив стакан — какой в нем толк? —
Вдруг предложил: «Свое вам, что ли, сбацать?».

* * *

В позабытом селе, где дворов — как зубов у старухи,
Бьется ветер в оконца пустой, обветшалой избы.
Этот ветер — солдат. Он кричит: «Неужели, все глухи!».
Только боль возвращенья ему никогда не избыть...

«Я вернулся. Вер-нул-ся! Ты слышишь? Ну, где же ты, мама?».
Но лишь пыльные, мутные стекла в ответ дребезжат.
А окно, как крестом, перехвачено сгнившею рамой,
И в молчанье глухом остается скитаться душа.

Будет ветер парить над домами и узкой тропою,
Удаляться в тайгу, для себя утешенье ища.
Ведь вернулся домой, смерть поправ, из последнего боя,
Потому, что он маме вернуться домой обещал.

* * *

1

Под плоским небом цвета хромакея
В пустом пространстве мечется душа.
А за окном распластана «Икея»,
А за другим — какой-нибудь «Ашан».

Трещит трамвай как старая дрезина,
Замученный до скрипа в тормозах.
А за окном мелькают магазины
Так часто, что уже рябит в глазах...

Я вновь и вновь читаю заголовки,
И мысли друг от друга устают.
Пройдусь пешком, усталый и неловкий,
Всей кожей ощущая неуют.

Лишь на ветру рекламная растяжка
Трепещет как надежда впереди.
«Все иллюзорно,— прочитаю тяжко,—
Есть только небо... Покупай в кредит».

2

За окраинным кладбищем — новенький спальный район.
Чтоб доехать до центра, за час до рассвета встаем.
Дышит гарью завод в слюдяное оконце мое.
Вечный город не спит и окраинам спать не дает.
И живые завидуют мертвым, лежащим вблизи.
И в тягучем безверье библейское что-то сквозит.
А у стен новостроек, из грунта пробившись едва,
Рвутся к небу цветы. Почему-то все время их два...

Нет же, стой! Погоди... Не части, я тебе расскажу,
Как, проснувшись средь ночи, по комнате долго хожу.
Я живу в самом центре, встаю без пятнадцати семь,
И завидовать мертвым не тянет. Не тянет совсем.
Но порой снится разное. В доме напротив окно
Вдруг зажглось. Может, там также крутят немое кино
И сосед просыпается, щурясь на свет ночника.
А района за кладбищем нет даже в планах пока.

3

В безликом шалмане, глотая противный напиток
(на ценнике значится «кофе», но это вранье),
Гляжу, как снаружи бредут, изнуренные бытом,
Промокшие люди и стадо «Газелей» снует.

Грохочут машины. Хохочут, вбегая, под крышу
Подростки, для коих все в жизни — беда не беда.
Они рассуждают, что «сталк», мол, сегодня не вышел,
О «баттлах» на «Версусе»... и о любви иногда.

И что вдруг разнылся, как мяч утопившая Таня?!
Я зонт отряхну и по лужам направлюсь к тебе.
Сквозь нудную морось, с дымящимся кофе в стакане
И буду тепло улыбаться всем встречным в толпе.

* * *

Я иду расставаться с тобой.
С неба сыплет противная морось.

Кто сказал, что мы сшиты судьбой
И отныне не выживем порознь?

Кто сказал, мол, уступки нужны,
Чтоб самим не распасться на части?..
Как мы были чисты и нежны,
Как хотелось нам общего счастья!

Старый чайник кипел на плите.
Стопки книг, запах кофе и пыли.
Дождь хлестал за окном, снег летел...
Боже мой, как мы счастливы были.

Кто сказал, что мы сшиты судьбой?
Я сказал. Не боюсь повториться.
Вроде, шел расставаться с тобой.
Оказалось — мириться.

* * *

Казалось, юность поросла быльем,
Но жажда чуда все куда-то манит.
С утра соседка вешает белье
И простыни — как паруса в тумане...

Усталости и лени вопреки
Гляжу в окно, в котором плещет лето.
Вновь умоляю: память, береги
Мальчишеское ощущенье это.

Я не хочу быть нудным ворчуном,
Размениваясь на дела и вещи.
Я распахну рассветное окно,
А там, в тумане,— паруса трепещут!

ПУБЛИЦИСТИКА
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Владимир Чисников
(г. Бровары, Киевская область, Украина)

ПРИКЛЮЧЕНИЯ АГЕНТА «БЛОНДИНКИ»

Родился в 1948 году г. Шахтерске Донецкой области, кандидат юридических наук, доцент, полковник милиции в отставке, ныне главный научный сотрудник ГНИИ МВД Украины, член Международной ассоциации историков права, Международной полицейской ассоциации (Украинская секция), участник ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС (1986). Автор, соавтор и редактор более 700 публикаций и печатных изданий по историко-правовой проблематике, один из ведущих специалистов по истории профессионального сыска. Более тридцати лет занимается исследованием темы «Лев Толстой под надзором тайной полиции». Участник Международных Толстовских чтений, Международных Толстовских конгрессов и Толстовских правовых чтений. Печатался во многих журналах.

Среди объектов, требующих пристального внимания тайной полиции царской России, фигурировал и Лев Николаевич Толстой. «Недреманное око» сначала III-го отделения Собственной его императорского величества канцелярии, а затем сразу трех полицейских ведомств — Тульского губернского жандармского управления, Московского охранного отдаления и Департамента полиции — держало его «под колпаком» на протяжении полувека и особенно пристально — последнее тридцатилетие. Тайная полиция периодически засылала своих агентов под видом посетителей, «искателей истины», просителей не только в московский дом Толстых, но и в Ясную Поляну. Лев Николаевич не давал покоя царской охранке даже после своей смерти.

«Блондинка» в Ясной Поляне

Не прошло и двух недель после похорон писателя, как начальник московского охранного отделения полковник П. П. Заварзин получил шифрованную телеграмму от директора Департамента полиции Н. П. Зуева. В ней предлагалось немедленно командировать двух опытных, толковых сотрудников в Ясную Поляну с поручением посетить могилу писателя и имение его ближайшего сподвижника В. Г. Черткова и

выяснить «характер сборищ, происходящих в Ясной Поляне и у Черткова». Начальник московской охранки посчитал, что для выполнения полученного поручения достаточно будет и одного толкового секретного сотрудника — недавно завербованного им агента по кличке «Блондинка».

В тот же день полковник телеграфировал столичному начальству: «Исполнено. Сведения могут быть дней через пять». И, хотя для «Блондинки» это было первое серьезное задание, Заварзин был уверен, что агент успешно справится с ним. Характеризуя его начальству, он писал, что «Блондинка», как литератор, «...безусловно правдив и весьма развит, имя же его пользуется некоторой известностью в литературных кругах Москвы, Киева и Одессы. Эти качества дают ему, при наличности желания с его стороны, полную возможность быть полезным сотрудником отделения».

В понедельник, 22 ноября 1910 года, «Блондинка» утренним московским поездом отправился в Ясную Поляну. Сбор информации он начал уже в пути: беседовал с кондукторами в вагонах, поговорил с жандармским унтер-офицером на станции Козлова Засека, расспрашивал возницу, добираясь на телеге в Ясную Поляну. «Толковые ответы, к которым можно отнестись с доверием,— писал впоследствии агент в своем донесении,— давал служащий в Тульском казначействе Василий Зябрик, гостивший в эти дни в Ясной Поляне, хозяин избы, где я остановилась,— Прохор Зябрик, уравновешенный и положительный мужик, а также очень разговорчивая, а потому ценная, его жена».

Заслуживающие внимания сведения, по словам секретного сотрудника, ему удалось почерпнуть «из живой перекрестной беседы» с яснополянскими бабами и ребятишками, а также крестьянами, собиравшимися в избе Прохора Зябрика.

Посетив могилу Толстого, «Блондинка» побывал в доме, где довольно продолжительно беседовал с лакеем, Т. А. Кузьминской (сестрой С. А. Толстой), а также племянницей писателя, «которая была очень любезна и словоохотлива во время осмотра толстовского дома». Расписываясь в книге посетителей, секретный сотрудник внимательно просмотрел ее, однако в записях за последние дни недели ему «не удалось заметить мало-мальски видных имен».

Имея из Москвы рекомендательное письмо, «Блондинка» посетил домашнего врача Толстых Д. П. Маковицкого, с которым беседовал дважды. Получив от доктора рекомендательное письмо, секретный сотрудник отправился в деревню Телятинки, к Черткову, где ему был оказан «теплый доверительный прием». Кроме Черткова он беседовал с его сыном, а также бывшим секретарем Толстого В. Ф. Булгаковым, который являлся «проверочной инстанцией услышанного от Черткова и его сына».

Чтобы охватить наблюдением наиболее обширный район, агент объехал почти все деревни, примыкающие к Ясной Поляне, побывал в сельце Ясенки, на хуторе дочери писателя Т. Л. Сухотиной-Толстой и возвратился в Москву.

Через два дня «Блондинка» представил своему шефу обширное, состоящее из трех разделов, агентурное сообщение, где очень подробно излагалась информация по всем интересующим охранку вопросам. «Могу констатировать,— отмечал агент,— что влияние идей Толстого и следы пропаганды чувствуются на каждом шагу, особенно среди деревенской молодежи».

Ввиду особой ценности добытых сведений, агентурное сообщение «Блондинки» было представлено лично министру внутренних дел П. А. Столыпину. Петр Аркадиевич, прочтя документ, обратил внимание на особенность стиля «Блондинки»: в некоторых местах автор сбивается и говорит о себе то в женском роде, соответственно псевдониму, то в мужском, согласно действительности.

Кто Вы, господин «Блондинка»?

После февральской революции 1917 года, когда стали доступны архивы Департамента полиции, удалось установить личность секретного сотрудника московской охранки, скрывавшегося под интригующей кличкой «Блондинка». Им оказался журналист, бывший сотрудник газеты «Киевская мысль», а затем «Русского слова» Иван Яковлевич Дриллих.

...Сохранившиеся материалы наблюдательного дела «Блондинки» дают возможность узнать о «падении» известного журналиста И. Я. Дриллиха и тех методах и тактических приемах агентурной работы царской политической полиции, которые применялись для вербовки секретных сотрудников.

Итак, в октябре 1910 года чиновниками московского «черного кабинета» было перлюстрировано письмо, отправленное из Москвы 9 октября в Киев литератору А. К. Закржевскому. Автор письма, в частности, писал своему корреспонденту: «...Вы удивитесь, когда узнаете, что произошло со мной за это время. Одессу я, к счастью, окончательно оставил и теперь пишу Вам из Москвы, где я уже вторую неделю. Выбросила меня из Одессы несчастная (счастливая) случайность. За старые грехи у меня теперь очень сложные счета с администрацией (подлежу ссылке в Томскую губернию). Если бы я не улизнул из Одессы вовремя, то теперь бы уже гулял по этапу в сии неприветливые страны. Выручил, однако, случай: как раз в тот момент, когда в Одессе пришли меня арестовать, я был в Петербурге и только потому теперь на свободе. Естественно, что у меня нет ни малейшего желания быть обывателем Томской губернии, а потому я и перешел на нелегальное положение. Думаю продержаться таким образом до тех пор, пока путем страшно сложных хлопот не удастся добиться отмены ссылки. Есть надежда, что это удастся. На первое время сохраняю связи с «Одесским листком», а там будет видно, что Бог даст. Адресуйте мне так: Москва, 9 почт. отд. до востребования. Владимиру Павловичу Матвееву».

Спустя несколько дней копия этого подозрительного письма лежала на столе директора Департамента полиции Н. П. Зуева, который наложил на нем резолюцию: «Выяснить его». Тотчас же указание установить автора письма были направлены начальникам Московского, Одесского и С.-Петербургского охранных отделений. И уже 14 ноября начальник московской охранки жандармский полковник П. П. Заварзин доложил Департаменту полиции, что «по документу на имя Владимира Павлова Матвеева проживал в Москве с 22 августа Иван Яковлев (Морицев) Дриллих, родился в 1879 году, журналист, лютеранин, который был обыскан и арестован».

На допросе в охранке нелегал «Матвеев» показал, что в действительности он Иван Яковлевич Дриллих, бывший сотрудник газеты «Киевская мысль». Скрываться от властей вынужден был из-за своей газетной статьи, которую цензура посчитала «крамольной». Решением Киевской судебной палатой он был присужден к заключению в крепости на один месяц. Однако, на его беду, он оказался австрийским подданным и, как опороченный по суду иностранец, не имеющий связи с отечеством, его по постановлению киевского, волынского и подольского генерал-губернатора подвергли ссылке в Томскую губернию. Чтобы избежать наказания, он вынужден был податься в бега и проживать в Москве по нелегальному паспорту.

Допрашивавший его опытный агентурист Заварзин, выслушав чистосердечную исповедь Дриллиха, поставил перед ним условие: или ссылка по этапу в Сибирь, или жизнь в Москве на положении секретного сотрудника. Иван Яковлевич, реально оценивая сложившиеся обстоятельства, прекрасно понимал, что в случае отказа сотрудничать с охранкой его ожидают в будущем не очень радужные перспективы, поэтому без особых колебаний выбрал последний вариант. В целях конспирации новоиспе-

ченному секретному сотруднику — мужчине, жгучему брюнету был присвоен нежный женский оперативный псевдоним «Блондинка»

Относительно кличек секретных сотрудников, то в жандармской Инструкции по ведению внутреннего наблюдения (1914 г.) указывалось: «По приеме секретного сотрудника, осведомителя или розыскного агента ему надлежит, в видах конспирации, присвоить определенный псевдоним (кличку), под которой он числится на протяжении всей своей службы в агентуре... Для кличек берутся короткие фамилии, имена и названия, причем воспрещается избирать клички, фамилии офицеров корпуса жандармов, равно начальствующих лиц какого бы то ни было ведомства и рекомендуется не брать кличек исключительно употребляемые имена («Иван», «Ваня», «Николай», «Коля», «Александр» и т.п). Не возбраняется именовать мужчин женскими именами и наоборот» (? 35).

18 октября 1910 года полковник Заварзин сообщил в столичный департамент, что «арестованный 14 октября Дриллих на основании чисто агентурных соображений из-под стражи освобожден».

Заметим, на сленге оперативников подобный прием привлечения к секретному сотрудничеству называется «вербовка на компре», т.е. на компрометирующих материалах. По мнению Департамента полиции, такой прием являлся «наименее надежным средством» приобретения агентуры, ибо лица, согласившиеся стать секретными сотрудниками под влиянием угроз, «...впоследствии, одумавшись, в большинстве случаев изменяют своим обещаниям». Поэтому охранникам рекомендовалось, что успех в приобретении агентуры может быть только «...в настойчивости, терпении, сдержанности, такте, осторожности, мягкости, осмотрительности, спокойной решительности, вдумчивости, в умении определять характер собеседника и подметить слабые и чувствительные его стороны, в умении расположить к себе человека и подчинить его своему влиянию, в отсутствии нервности, часто ведущей к форсированию».

Как показали дальнейшие события, Иван Яковлевич «не одумался» и «не изменил своих обещаний», данных охранке. Выйдя на свободу, он без особого труда устроился работать в популярную московскую либеральную газету «Русское слово», которая располагалась в доме «Товарищества Сытина» на Тверской. Так Дриллих-«Блондинка» становится заведующим петроградским отделом газеты.

Вскоре талантливый и популярный журналист появляется в лучших домах Москвы, где собирались писатели, журналисты, художники, актеры, а так же деятели нового вида искусства — кинематографа. В этот начальный период агентурной деятельности «Блондинки» его шеф, полковник Заварзин, докладывал столичному начальству: «...Даваемые Дриллихом сведения по общественному движению и левому крылу конституционно-демократической партии очень ценны, а в будущем это лицо обещает быть еще более полезным, так как ему, как литератору, доступнее многие общественные круги».

...Приемник Заварзина полковник А. П. Мартынов, возглавивший московскую охранку в 1912 году, в своих воспоминаниях посвятил несколько страниц И. Я. Дриллиху — одному из лучших своих секретных сотрудников. По его утверждению, Иван Яковлевич был «высокий, красивый брюнет с аккуратно подстриженной бородой». Бывший жандарм характеризовал его человеком очень развитым и интеллигентным, который интересовался не только одной политикой, но и хорошо разбирался во всех вопросах, относящихся к искусству, литературе, театру, прессе. В Москве он знал всех сколько-нибудь выдающихся общественных деятелей. Благодаря ему, Мартынов был прекрасно осведомлен не только о внутреннем распорядке в редакции газеты, о сильных и слабых сторонах наиболее видных ее сотрудников, о их взаимоотношени-

ях с издателем И. Д. Сытиным и редактором В. М. Дорошевичем, но и о всем том, что обсуждалось, критиковалось и решалось в коллективе редакции. По утверждению мемуариста, он отлично знал общественное настроение москвичей, поскольку оно находило отражение как в газетных репортажах, так и в материалах, выброшенных в редакторскую корзину. Ему были известны суждения, высказываемые на закрытых заседаниях кадетских деятелей, Военно-промышленного комитета, различных общественных группировок, а также настроения земских и городских деятелей и т.д.

Говоря о Дриллихе, бывший охранник Мартынов отмечал, что Иван Яковлевич был человеком «с определенным уклоном в сторону государственности» и своим положением в качестве секретного сотрудника вовсе не тяготился. Их деловые отношения «носили легкий и... приятный характер». Дриллих был замечательным собеседником, спокойным и воспитанным человеком, большим эрудитом и любителем поговорить не только исключительно на политические темы, поэтому его конспиративные свидания с «Блондинкой», как правило, затягивались. На конспиративную квартиру Иван Яковлевич приносил с собой «прекрасно написанные доклады», в которых предлагал вниманию начальства различные «предупредительные» меры к «обузданию» газетчиков или «негласному влиянию» на печать и т.п. Эти доклады почти без всяких поправок Мартынов отсылал в Департамент полиции. «Блондинка» был одним из наиболее высокооплачиваемых агентов Московского охранного отделения. Его ежемесячная зарплата составляла 150 рублей — деньги по тем временам немалые.*

Однако, грянула февральская революция 1917 года... В день отречения Николая II от власти полковник Мартынов, у которого на связи было восемь особо важных секретных сотрудников, предупредил их о грозящей опасности и приказал исчезнуть из города. Личные дела секретных агентов он изъял из своего сейфа и уничтожил.

В тот же день Иван Яковлевич пришел к редактору газеты и сказал, что ему для сбора материалов необходимо срочно ехать в Петроград, где происходят все главные революционные события. Следующим утром он уже был в столице, а оттуда поезд умчал его в Финляндию...

Казалось бы, факт сотрудничества «Блондинки» с Московским охранным отделением останется для широкой общественности тайной за семью печатями. Однако Дриллиху не повезло: во время разбора документов Департамента полиции на Гороховой, в Особом отделе было обнаружено его наблюдательное оперативное дело (12 страниц). Оно и поступило в распоряжение Комиссии по обеспечению нового строя, которая занималась расследованием деятельности охранных отделений. Так как обнаружить Дриллиха на территории России не удалось, на титульном листе его дела был поставлен штамп «Не разыскан».

В 1919 году член Комиссии по обеспечению нового строя С. Б. Членов издал книгу «Московская охранка и ее секретные сотрудники», где в качестве приложения был помещен список секретных сотрудников Московского охранного отделения, опубликованных Комиссией. Среди 115 сексотов под № 32 указывался: **Дриллих** Иван Яковлевич (кличка «Блондинка»). Далее сообщалось, что он сотрудник газет «Киевская мысль» и «Русского слова». Состоял на связи у начальника Московского охранного отделения полковника Мартынова. Вращался в прогрессивных кругах, главным образом, среди кадетов, давая точные сведения не только о их заседаниях на частных квартирах, но и работе и настроениях в комитете партии. От него поступала

* Для сравнения отметим, что армейский подпоручик после окончания военного училища, на первых порах службы в полку получал девяносто рублей, а командир роты, капитан,— сто двадцать.

информация о собраниях в редакциях газет «Русские ведомости» и «Эрмитаж», об отношении общественных деятелей к правительственной политике, к выборам в Государственную Думу.

Дриллих так же информировал охранку о проходивших в Москве всероссийских общественных съездах, о деятелях народного образования, о лекциях общества народных университетов (1911—1912 г.г.), о политических консультациях либералов и социал-демократов на совещаниях, созванных по инициативе фабриканта-прогрессиста А. И. Коновалова, о докладе одного из лидеров кадетской партии С. Н. Прокоповича в союзе городов (1914 г.), о поездке общественных деятелей за границу, о подготовительной работе к кооперативному съезду (1916 г.) и т.д.

В заключение уместно будет сказать, что, как отмечают историки, сопоставление донесений Дриллиха периода первой мировой войны с документами кадетской партии показало, что в угоду заказчикам информации из охранки, он намеренно преувеличивал степень оппозиционности кадетов, «...нередко сообщая недостоверные и просто фантастические сведения».

Борис Рябухин
(г. Москва)

О КИНОПОВЕСТИ ПИСАТЕЛЯ ИГОРЯ НЕХАМЕСА «БОРОДАТЫЕ БОГИ»

Наш постоянный автор. Член Союза писателей и член Союза журналистов.

Кто такие Бородатые Боги? Да все боги бородатые. И у Христа есть борода. Но на Острове Свободы для каждого кубинца это — облик Фиделя Кастро.

* * *

Читаем главный эпизод этой повести: «Всех стали рассаживать по автобусам. А Андрей вдруг почувствовал, как большая сильная ладонь легла на его голову и погладила. Андрей понял, что это был тот самый высокий сильный мужчина в костюме защитного цвета.

Он услышал приятный баритон: «Ола! Советские дети! Здоровья и счастья».

Андрей тогда не знал, что это был команданте, руководитель Республики Куба Фидель Кастро Рус, который специально приехал, отложив все государственные дела, чтобы лично встретить советских детей».

А праздник этот — со слезами на глазах.

Завязка действия: в районном центре Брянской области у супругов Наумовых, Валерия и Валентины, сын Андрюша, 10 лет, заболел от облучения во время рыбалки в день взрыва на Чернобыльской атомной электростанции 26 апреля 1986 года.

Не поверите, но мне, в то время обозревателю отдела русской литературы «Литературной газеты», за несколько недель до трагедии пришлось прочитать пришедшее в редакцию письмо, предупреждающее об несчастье. Написал его один из работников АЭС (куда только он не обращался до этого!) инженер Писарев. Я хорошо запомнил фамилию, потому что у меня был школьный друг Писарев. Специалист предупреждал, что накопившиеся недостатки в организации эксплуатации электростанции могут привести к трагедии, если не принять меры. Не верилось. Сколько напрасных кляуз приходило в газеты.

Не верилось жителям райцентра, в том числе и родителям мальчика Андрея, в нагрянувший ужас. Не верилось первое время и стране. Телевизор молчал.

И лишь только 14 мая 1986 года — спустя 20 дней: «Важное правительственное сообщение. Выступает Генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Сергеевич Горбачев».

Текст автора переходит на хронику: «Произошла авария на четвертом энергоблоке, радиация распространилась не только в зоне Чернобыльской аварии, но и задела ряд областей Российской Федерации, Белоруссии и Молдавии. Есть погибшие, раненые, тяжелобольные».

Драматизм действия расширяется. Реплики героев повествования вызывают сочувствие и возмущение:

«*Валентина Павловна (сквозь рыдания):* — Мы что, рабы какие-то? Почему нам так поздно сказали? Почему медицинскую помощь не оказали? Почему на нас наплевали? Ведь мы все ради детей живем!»

Врачи и родители отчаянно борются за детей доморощенными средствами. Пока эта махина страны преодолеет инерцию — принять действенные меры спасения народа от трагедии.

Не случайно автор начал с показа жизни на железной дороге: мелкое дело неудавшегося воровства чемодана тянулось долго и бестолково. А потом в сюжете повести эти средства сообщения и принятия мер потянулись на железнодорожных тормозах.

Отец Андрюши поехал сам за лекарствами и советами в Москву.

Но сказывались на спасении и наши грехи.

Вот через силу, чтобы не считали его инвалидом, мальчик отправился в школу на коляске. Но люди боялись от него заразиться, показывает умело автор: «Таечка хотела пожать руку Андрею, но идущая рядом с ней бабушка ловко выхватила у нее букет и передала девочке в другую руку, а сама схватила Таю за левую руку и потащила вперед. Она пробормотала что-то нечленораздельное, но Валерий распознал. Бабушка сказала: «Не трогай гнилушку, Тая! Все одно конец будет».

Валерий аккуратно поставил коляску с сыном и замер в напряжении: их здесь не ждали. Здесь были только здоровые дети».

Интересно выбрана в таком художественно-документальном повествовании и форма дневника матери. Уже 12 книжек записей. Так можно без изысков сказать просто и важно: «*25 ноября 1987 года Валентина Павловна (пишет):* «Позвонила мне сегодня Тамара и сообщила, что ЦК КПСС поручил Минздраву СССР начать работу по лечению пострадавших от Чернобыльской аварии. Необходимо взять на учет всех граждан из пострадавших областей России, Украины, Белоруссии и Молдавии, а особенно — детей».

Только еще раскачались. Организованная группа врачей появилась в доме Андрюши:

«Руководитель медицинской группы: «А знаете, почему ваш мальчик до сих пор... (*он сглотнул воздух, поняв, что может сказать лишнее, и вывернулся*) успешно противостоит болезни и склонен к выздоровлению? Лечение назначено на очень хорошем уровне. Я приятно удивлен». Хорошо, что отец в Москве нашел специализированную больницу и купил дорогие лекарства — золотые часы отдал.

Потом решили его устроить в Центральную московскую больницу, что у метро «Красногвардейская». Наконец, Министерство здравоохранения СССР: мать записалась на прием к министру: «Прием с четырнадцати часов. Мой номер третий. Спецочередь. Фамилия министра Чазов Евгений Иванович. Недавно назначен. Очень совестливый, доброжелательный человек».

Мать бьется за здоровье своего ребенка. Но не все одобряют. В доказательство дан в книге яркий эпизод с местным чинушей.

За хлопоты матери за жизнь сына выговорил бывший ее одноклассник, а теперь местный руководитель Баклажкин: «*Баклажкин продолжил:* «Тут нам в очередной раз из обкома партии позвонили. Вы все письма в разные инстанции пишете. Наш район по этому показателю считается неблагополучным. Я понимаю, что у вас в семье драма, ребенок на последнем издыхании, но это не дает вам право подводить район. Общественное нужно ставить выше личного. А вы даже в ЦК партии написали о том, что вашего сына плохо лечат и не могут излечить».

Благодаря своей настойчивости, она добилась того, что ей приходит письмо следующего содержания: «Уважаемая Валентина Павловна! Наконец-то нам удалось заключить соглашение с Республикой Куба на массовое излечение детей и некоторых взрослых, подвергнувшихся радиационному облучению. У нас состоялась коллегия Минздрава СССР, где персонально были утверждены дети первой группы. В марте 1990 года они вылетят на Кубу на лечение. Потерпите, пожалуйста, еще немного и вашего сына обязательно вылечат».

На втором листе письма была выписка из решения коллегии Минздрава. Там были указаны телефоны, куда обратиться, какие документы подготовить для выезда на Кубу.

Она замолкает, чтобы не расплакаться».

Или вот это прощание детей с родителями в аэропорту Шереметьево перед вылетом на Остров Свободы.

«Андрей: «Мама! Ты меня не бросаешь? Я живым вернусь обратно? Я сейчас вспомнил, как я сидел в комнате, смотрел телевизор, а двери в коридор и на кухню были приоткрыты. И как тебе тетя Тамара, мама Витюшечки, говорила, чтобы ты меня никуда не посылала. Мол, какой бы ни был, а все равно самое родное — сын. А если что и случится, то она с тобой вместе на могилы ходить будет. И говорила, что возле Витюшечки место есть. Мам! А если я умру, то тебе тело отдадут потом?

Лицо Валентины Павловны закаменело».

Такие сцены не могут не тронуть за душу, если она есть.

Хорошо, что автор выбрал хронику борьбы за здоровье одного мальчика. И в этой повести, как в капле росы отражается мир, видна судьба тысяч светящихся от радиации подранков.

Наконец, драматизм достигает апогея. Андрей приезжает в Гавану, на Кубу.

«Д*енис:* «Отряд «Несломленные»! Равняйсь! Смирно! (*Поворачивается в коляске к вожатому, нахлобучивает фуражку и левой рукой отдает честь*). Вожатый Евгений! Отряд «Несломленные» к поездке построен. В строю 137 человек. И плюс мы с Андреем».

В кубинском пионерском лагере в местечке Тарара разместился центр по лечению советских детей, пострадавших от чернобыльской аварии.

Панорамной экскурсией автор знакомит читатей с Кубой, отмечая самое главное:

«Эдуардо (посерьезнев): «Хочу сказать тебе, молодой советский друг, что Куба богата друзьями, у истоков нашей дружбы стоят пламенные борцы за свободу людей: Че Гевара, Хосе Марти и два наших брата-руководителя Фидель и Рауль Кастро. А вместе с ними их соратники».

Вот они — Бородатые Боги.

Не могу не сказать о буквально мифическом соприкосновении моей судьбы с излагаемой темой. В те трудные переломные годы в нашей стране я семьями дружил с супругами Жуковыми. Он — партийный деятель, она — врач. Они успешно организовали в 1992 году свой Центр восточной корейской медицины. Наталья Сергеевна Жукова возглавляет его до сих пор (после смерти мужа) со специалистами из КНДР, в том числе по лечению детей с ДЦП (детский церебральный паралич).

Виктор Петрович Жуков, бывший работник комсомола и партии, рассказывал мне о своей организационной работе на Кубе, показывал свое удостоверение, подписанное Фиделем Кастро. Он буквально был влюблен в этого героя двадцатого века.

Хотя в тот период времени отношения между нашими странами осложнились. Но доброе дело кубинских врачей было настоящим гуманитарным подвигом в мире. У

них были лекарства, методики и оборудование для лечения зараженных радиацией советских детей. А в это же время не хватало денег даже на полноценное питание кубинцев.

Из дневника матери Андрея узнаем, что 30 апреля 1990 года в лагерь Тарара приехал Чрезвычайный и Полномочный Посол Советского Союза в Республике Куба Юрий Владимирович Петров. Он прошел по корпусам, беседовал с ребятами. Рассказал о том, что положено начало одному из самых гуманных поступков, которые знает история. Эту идею Фиделя Кастро осуществляют кубинские врачи. Андрею пришлось возвращаться на Кубу на долечивание, чтобы победить болезнь. Все не так просто.

Мать его тогда получила письмо, написанное с орфографическими ошибками, но понятное для чтения:

«Уважаемая русская мать! К вам обращается Виолетта. Учу русский и знаю, как пишу. Я — психолог в детском центре Тарара. Здесь мы лечим советских детей. Вашего сына тоже. Он три раза рисовал рисунки по важным темам: «Какой я вижу маму», «Какой я вижу наш дом», «Во что я верю».

Опять самое главное сообщается текстом хроники:

«За период с 29 марта 1990 года по сегодняшний день Куба излечила 24471 больного, 20419 из которых — дети. Все они получили медицинскую помощь на Кубе, где им были бесплатно предоставлены все самые передовые достижения медицинской науки и где они получили самое искренне тепло кубинских врачей, психологов, медсестер, помощников-волонтеров, учителей и спортивных инструкторов.

Потом благодарная Россия списала с Кубы долги.

А вот как показывает автор благодарность Андрея кубинским врачам. Этот поступок — признание в любви:

«Он ходит вокруг здания и что-то ищет. Вдруг его лицо расплывается в счастливой улыбке. Мальчик увидел стремянку. Лестница тяжелая, но он самоотверженно, как и подобает боевому муравью, сначала подтаскивает лестницу по земле, а потом ему удается прислонить ее к стене. Окно в палату приоткрыто. Мальчик наступает на нижнюю ступеньку, чтобы подниматься вверх, но потом замирает. Оглядывается вокруг и видит красивую цветочную клумбу. С краю растет красивый пион. Андрей осторожно отламывает стебель, вставляет цветок за пазуху и медленно начинает подниматься.

Лестница заканчивается. Но рукой он может достать до подоконника. Андрей с величайшей осторожностью вытаскивает цветок и кладет его на подоконник. Все. Дело сделано!»

Казалось бы, кинофильм о такой мировой трагедии, как Чернобыль, должен показать ужас великих взрывов и разрушений.

Ведь эта беда — не на один день или год, а на сотни лет.

Ведь это гибель не только тысяч защитников и героев, а нескольких будущих поколений.

Но драматизм замысла киноповести Игоря Нехамеса «Бородатые Боги» не просто в гибели детей, а в смерти будущего, детей человечества. Это будущее — беззащитно из-за наших ошибок, халатности, некомпетентности (даже не знали сначала, чем гасить пылающую атомную электростанцию, и первые защитники применяли средства, разжигающие гибельную беду, а не гасящие ее).

Так что выбор темы о спасении облученных Чернобыльской бедой детей очень

ценен. Этим автор показывает, насколько губительна и долговечна для человечества Чернобыльская геенна.

Трагическая музыка сюжета требует строгого повествования — без изысков и украшательств, сухой речи правды, потому что речь идет о спасении жизни на земле. Автор — не просто писатель, поэт, журналист, он еще адвокат, и его знания законов права делают содержание поступков героев выверенными и справедливыми. Ведь не «скорую помощь» надо было вызвать к своему погибающему на глазах ребенку, а найти уникальную в мире методику лечения от этого ужаса, договориться и вывезти десятки тысяч зараженных людей на другой континент за десятки тысяч километров в дружественную нам страну — Кубу к врачам, подготовленным к подвигу милосердия.

Кубинские медики излечили и героя повести, мальчика Андрея, и всех остальных детей, проживавших в ряде областей РСФСР, Белоруссии, Украины и некоторых районах Молдавии. Ни одна страна в мире не сумела тогда обеспечить комплексное массовое спасение подвергшихся радиационному излучению людей. Только Республика Куба обеспечила реализацию этого грандиозного проекта. И лечили детей совершенно бесплатно.

Киноповесть «Бородатые Боги» стала памятным свидетельством совместного подвига кубинских медиков и советских детей, достойным символом дружбы между нашими народами.

Геннадий Маркин
(г. Щекино)

По сложившейся традиции в декабре месяце 2017 года члены редколлегии Всероссийского ордена Г. Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори» подвели итоги литературных публикаций в журнале за 2017 год и назвали имена лауреатов Всероссийской литературной премии «Левша» имени Н. С. Лескова за 2017 год. Одним из лауреатов премии в номинации «Поэзия» за цикл стихотворений «PERSONALIA» стал поэт Валерий Кулешов.

Заместитель главного редактора — зав.отделом прозы журнала Геннадий Маркин предлагает читателям публикацию, в которой высказывает свою точку зрения на творчество Валерия Кулешова, а также беседует с ним, о его стихах, жизненных перипетиях и, конечно же, о литературе.

ТУГИЕ УЗЛЫ ВАЛЕРИЯ КУЛЕШОВА

Во времени спутаны корни,
но каждый свое наберет,
что было — отчаянно помня,
что будет — узрев наперед...

(В. Кулешов, из стихотворения
«За каждую строчку — расплата...»)*

Творчество поэта Валерия Кулешова никак нельзя назвать веселым, легкомысленным или, хуже того, — одноразовым. Он пишет не на забаву дня, а потому его произведения тяжело понять, а еще тяжелее — вникнуть в философию автора.

Да, созданные им образы не каждый читатель сможет сходу расшифровать. Но тот, кому все-таки удается подобрать ключик к этому шифру, открывает для себя особый мир его творчества, глубину мыслей; и та глубина — бездонна! Глубина — космическая! Погружаясь в нее, открываешь для себя великую тайну, от которой — становится страшно. Страшно от того, что прикоснулся к таинству Вселенной, таинству Мироздания, таинству человеческого бытия и нового познания самого себя.

Воспряли разом голоса
неведомых людей,
во всеобъемлющих глазах
себя — я разглядел...
(из поэмы «Зов»)

* Здесь и далее в тексте будут приведены стихотворения В. Кулешова.

Разглядеть себя сложно, как и сложна борьба с самим собой. Борьба за очищение себя от скверны и разложения, а значит — за спасение себя от духовной, а вследствие этого,— и телесной погибели. И такая борьба — всегда страдание и боль. Страдание от пережитого ранее, боль от того, что еще предстоит пережить. Валерий Кулешов эту боль видит, он ее чувствует всем своим сердцем, она стонет в его душе, криком отзываясь в стихах:

Я вижу поле: на меже
топтанье темных толп,
людьми не пахнет, и уже
наметил прорву столб.

«Своим отпетым — помоги...»
Но всхлипывает топь:
пустые месят сапоги
былых хозяев плоть.

Я вижу небо: ни души
впредь не взойдет на круг,
меня, конечного, тушить
ввысь занесен каблук.

И грянул он. Под ним на спектр
рассыпав боль свою,
во мне исхода ищет свет:
я и в земле горю...

И горение это — не проходит бесследно. Жар и свет, идущие от него, направлены в будущее, согревая и высвечивая иные дни:

Я вижу время: от меня
оно берет отсчет,
моим огнем воспламенясь,
вконец концов течет.

Но не сойти ему на нет,
верша огневорот,
оно опять в тугом узле
меня — мне отдает.

Я вижу долю: на семи
мне полыхать ветрах.
Я поднимаюсь от земли
за совесть, не за страх.
(из поэмы «Зов»)

Чем-то тревожным веет от этих строк, чем-то — страшным. И хочется закрыть книгу, убрать ее в дальний ящик стола. Хочется, но что-то неведомое останавливает, какое-то магическое чувство вновь и вновь притягивает к поэме; и заново раскрываешь книгу, и вчитываешься, и вдумываешься в эти философские, пророческие слова.

И здесь необходимо привести стихотворение, явившееся как бы предтечей «Зова» (написано за несколько месяцев до начала работы над поэмой):

Похоже, шорохи беды
вновь за окном моим.
Ко мне, ко мне ее следы,
их бег неумолим.

Не совладав с собой, рывком
я распахну окно.
Что в эту ночь меня влекло,
что содрогнуло дом?

Шуршит тревожная листва,
высокий холод — зрим:
на землю падает звезда...
И свет, и мрак за ним.
(Стихотворение «Весть»)

Что же ты говоришь нам, поэт Валерий Кулешов? О чем предупреждаешь в своих стихах, куда зовешь? Что же принесет нам твоя падающая с неба звезда? Какие «огневороты»? Трудно узнать об этом читателю, почти невозможно, остается лишь догадываться.

В 1976 году Валерий Кулешов приступил к написанию своей знаковой поэмы, над которой работал четыре года с шестилетним перерывом. В общей сложности — десять лет! Не побоюсь сказать, что «Зов» — очень серьезное произведение, и свидетельство тому — его многоплановость, его глубина. Поэма несет в себе звучание вечных и, в то же время,— страшных тайн, к которым непременно, в той или иной степени, должно прикоснуться человечество. «Зов» — это голос из будущего, и хотя он уже нашел положительные отклики многих читателей, критиков и литературоведов, но, к сожалению, эта поэма еще не оценена по достоинству современниками.

Ничто не происходит вдруг
на почве болевой,
нам вечно двигать этот круг,
незримый, огневой.

Тем шире он, чем боль больней,
и, звездам в унисон,
вглубь нераспаханных полей
родимую несем.

Нам нашей боли не избыть,
власть круга не разнять.
Ловлю в тени слепой избы
хрип бледного коня.
(из поэмы «Зов»)

Задумался: а ведь все это мне знакомо... Вспомнил — это же Евангелие — «Откровение Святого Апостола Иоанна Богослова» (Апокалипсис). Это же там —

бледный конь, имя которому — Смерть! Это же там упала с неба звезда, имя которой — Полынь, что означает — ЧернобЫл. Это же в Чернобыле заросшие травой, почитай — нераспаханные, поля и пустые, почитай — слепые, избы...

Так что же хотел сказать Валерий Кулешов в этих строках? О чем предупредить нас?

Напомню, поэму «Зов» он закончил писать 11 марта 1986 года, а 26 апреля того же года — произошла авария на Чернобыльской АЭС. Что это — мистика? Или сбывшееся пророчество автора? Неужели ему удалось услышать Апокалипсис, а написанные в нем пророчества — изложить в поэтической форме: пережив в себе, и заново, но уже по-своему, их зашифровав?

Вопросов много. Я думаю, что точного ответа мы так и не узнаем. Сам Валерий Владимирович об этом не рассказывает — видимо, есть на то причины, а нам только и остается, что самим искать правильные ответы...

Удивительно, поэма «Зов», а правильнее было бы сказать — пророчество Валерия Кулешова, остроактуальна и сегодня. В мире вновь неспокойно: объявил войну терроризм, поднимает голову недобитый в сорок пятом году фашизм, нависла угроза ядерной войны. Сегодня руководители некоторых стран, да и простые люди тоже, словно ослепли. Они словно не видят, в какую пропасть хотят столкнуть себя и все человечество. Таким слепцам и посылает Валерий Кулешов свой «Зов».

Ничто за мной не пропадет,
другого боль пронзит,
созрев. Туда мы все идем,
куда нам совесть зрит.

Рассудят нас огонь и свет,
начало и конец.
В следах восставший горицвет
не растопчи, слепец.

Лишь зубы обломав, узнать,
восторг глотнув и грусть:
не развязать того узла,
что завязала Русь.

Один из читателей сказал следующее: «Не знаю, о чем эта поэма, но после ее прочтения я не спал всю ночь...». Согласен с ним. Я тоже не знаю, о чем в целом «Зов», но когда я его читаю, меня всегда охватывают какие-то тревожные предчувствия.

Впрочем, наверное, и не нужно задаваться вопросом: о чем «Зов»? Здесь, на мой взгляд, уместен другой вопрос: для чего эта поэма появилась на свет? Однозначно ответить сложно и на это, но понимаешь, что не только для того, чтобы наслаждаться ее прочтением. Уверен, все-таки для чего-то другого — большого, особенного, главного.

Да, тугие узлы завязал Валерий Кулешов — не развязать!..

Беседа Геннадия Маркина с Валерием Кулешовым:

— Валерий Владимирович, во-первых, от лица редколлегии журнала и от себя лично поздравляю тебя с присуждением звания лауреата литературной премии «Левша» имени Н. С. Лескова за 2017 год в номинации «Поэзия». Во-вторых, мне очень приятно, что именно ты, давний автор и друг нашего журнала, стал

лауреатом этой премии. В-третьих, хочу сообщить нашим читателям, что мы с тобой знакомы давно, относимся друг к другу по-дружески, а потому будем обращаться друг к другу на «ты». Валерий Владимирович, расскажи о себе.

— Спасибо за поздравление. И давай договоримся: дальше — без отчеств. По именам, добро?

— Давай без отчеств, нам так привычнее.

— Теперь — о себе. Правда, в нашем случае, Геннадий, твой собеседник если и заслуживает внимания, то, прежде всего, как стихотворец. Помнишь, у Маяковского: «Я — поэт. Этим и интересен...»

Так вот: первые пробы стихосложения — лет в восемь. Поэзией там, судя по всему, и не пахло, потому в памяти от этого опыта и не осталось ничего. Следующая попытка — в стержневом шестьдесят шестом: окончание школы, Липецкий тракторный завод, любовь, которая, как оказалось, на всю жизнь... Тут уже просматривалось что-то серьезное. Только я все равно большого значения тем стихам не придавал. И лишь шестьдесят девятый год — все перевернул. Но об этом — отдельный разговор.

— Хорошо, поговорим о другом. В первом номере журнала за 2012 год была опубликована твоя поэма «Зов», которая, по мнению большинства наших читателей, была лучшей поэтической публикацией за год. Однако, члены жюри тогда отдали предпочтение другому поэту. И вот теперь, спустя пять лет, за цикл стихотворений «Персоналия», ты удостоен звания лауреата. Скажи, пожалуйста, не обидно, что награда так долго искала своего «героя»?

— Да о чем ты, Гена?.. Предложив тогда эту вещь к публикации, я хотел, всего-навсего, лишний раз убедиться, что «Зов», спустя и четверть века, — звучит. Ни о чем другом я и не думал.

— Ну, и как — убедился?

— Вполне. И это ли не главное? А за премию, конечно, спасибо: и всему редакционному коллективу, и читателям журнала, с пониманием откликнувшимся на мои стихи.

— Знаю, Валера, что в 2016 году ты участвовал в ежегодном фестивале «Бунинские Озерки», который проходит у тебя на родине — в Становлянском районе Липецкой области. По его итогам твои стихи были напечатаны в столичном журнале «Юность». Расскажи об этом подробнее.

— Да что рассказывать... Удался фестиваль: и участниками его были люди интересные, и земляки мои гостей принимать умеют. Так что добрую дань памяти первого русского Нобелевского лауреата отдали. А для меня важным оказалось знакомство с главным редактором «Юности» Валерием Дударевым и другими членами редколлегии: Игорем Михайловым, Марианной Дударевой. Похоже, мы друг друга услышали и поняли.

— Это значит, что творческое сотрудничество с журналом «Юность» у тебя продолжается?

— Надеюсь, что да. Жду в ближайших номерах публикацию новой подборки стихотворений.

— Такое отрадно слышать. Но ведь это твое не первое знакомство со столичной литературной элитой. Ты знаком с ней уже давно, с той поры, когда был студентом Литературного института имени Горького. Расскажи об этом периоде своей жизни.

— Озадачил ты меня, Геннадий: очень не простой она была — та жизнь. Достаточно сказать, что учеба моя в Литинституте растянулась на целых тринадцать лет. Тут, как ни крути, все-таки придется вернуться в далекий шестьдесят девятый год.

— И что же случилось тогда?

— А произошла по-своему знаковая встреча. На старый Новый год случилось оказаться в одной интересной компании в писательском доме на Малой Грузинской. Помимо хозяина квартиры, Николая Марковича Микавы, были еще Отар Чиладзе — уже достаточно известный тогда поэт и прозаик, Георгий Садовников, в будущем — автор сценария к популярному и сегодня фильму «Большая перемена», ленинградский актер Владимир Рецептер, приехавший в Москву со своим нашумевшим моноспектаклем по «Гамлету». А также еще несколько литераторов и, странным образом, — мы с Сашкой Бухтояровым, студенты энергетического института. Вот тогда мне и пришлось впервые прочесть свои стихи перед профессионалами.

— И как, не боялся осрамиться?

— Мандраж, конечно, был, не без этого. Да только деваться мне было некуда: представили-то меня — как молодого поэта, на которого я в ту пору — ну, никак не тянул. К своему изумлению, немало добрых слов я в ответ услышал, что было, явно, незаслуженным авансом. Прозвучало впервые и это — «Литинститут». Так что случилось тогда пробуждение.

— Понятно. Но, насколько я знаю, поступил ты туда гораздо позже. Не отваживался: мол, куда мне, парню из провинции?

— Не в этом дело. Желание было огромное, как, впрочем, и понимание того, что идти мне в творческий вуз, в общем-то, не с чем. Важно другое: я стал писать стихи, продолжая по инерции учебу в технических вузах — в Москве, потом в Липецке. И лишь во время армейской службы твердо решил: после — лишь Литинститут. Что и произошло в семьдесят четвертом году.

— Как-то в разговоре ты заметил, что учеба твоя в Литинституте проходила сложно. Почему так? Почему пришлось его на время бросить?

— Коротко тут не ответишь. Но если выделить главное, то оно заключалось, прежде всего, в остром противоречии между ощущением своего потенциала и невозможностью на тот момент в достаточной мере его реализовать. Понимаешь, мне душу как бы распирало изнутри, а выхода — по-настоящему не было. Отсюда — теснота мест, где жил и работал.

Это много позже я понял, что то была не пространственная, а временная теснота. Во времени — вот где по-настоящему было тесно. Не помогал и алкоголь: ни количеством, ни качеством застолий. В том числе — и в известном уже тебе доме на Малой Грузинской...

— Значит, с именитыми на тот момент советскими поэтами и писателями, чайку попил?

— Было дело. Правда, больше с людьми «простыми», и если бы только чайку... Так что расставание с Литинститутом было неизбежным. И это несмотря на то, что к тому времени уже были написаны стихотворения, за которые мне не стыдно и сегодня: «Корни», «Весть», «Сумеречная баллада», «...когда же теплая прохлада...», явившееся прологом в «Зов». Не остановили и добрые отношения, которые, к взаимному удивлению, сложились с руководителем творческого семинара Сергеем Александровичем Поделковым. Позже понял и другое: *«За каждую строчку — расплата, // по полной — расплата судьбой...»*. Не обессудь, если и дальше буду ссылаться на собственные стихи. Так, думаю, убедительней.

— И что же тебя побудило вернуться в Литинститут? Ведь прошло ни мало, ни много, — семь лет после того, как ты его бросил?

— А как я его мог обойти, возвращаясь к себе? Если учеба в нем — часть пути? Об этом более точно в «Зове»:

Из точки вышли все пути,
а в точку по судьбе

нам суждено один пройти
путь: от себя — к себе.

Собственно, я и не бросал свою альма-матер: твердо знал, в отличие от всех моих близких и друзей, что так — расстался на время... Подтвердил это и серьезный разговор с Поделковым, который горячо одобрил мое стремление именно тогда вернуться, пусть и не в его семинар. В багаже у меня уже были такие стихотворения, как «Власть огня», «Услышу ветер — и заплачу...», «Любовь», «Няня», «Мне снилось — умирает мать...», «Гром», «Русь».

Возвращение же это, благодаря легендарному ректору «Лита» Владимиру Федоровичу Пименову, прошло удивительно просто, естественно, как-то даже по-домашнему тепло.

— Ты много лет отдал журналистике, работал в различных газетах, причем, не литературных, в комитете печати администрации Тульской области. Скажи, пожалуйста, журналистика, а тем более журналистское чиновничество, не мешало твоему поэтическому творчеству?

— В Литинституте среди студентов-заочников, а учился я именно на этом отделении, бытовало мнение, что газета — «сушит мозги». Так и говорили друзья-товарищи: беги из газеты! Не знаю, кому как, а мне журналистика не мешала. Скорее, даже помогала.

— Валерий, я знаю, что на эту тему ты разговоры вести не любишь, но не спросить об этом я не могу. А вопрос звучит так: «В чем особенность твоих стихотворений?» По моему мнению, она заключается в их загадочности, в какой-то зашифрованности. Чтобы понять твои стихотворения, читателю необходимо проявить определенные и усилия, и умения. Подскажи, пожалуйста, нашим читателям, где им искать тот самый заветный шифровальный ключ к твоим произведениям?

— Вот известное тебе стихотворение:

* * *

Лучшую песню оставишь ей,
чуда коснувшись прежде:
вновь на земле оттаявшей
всходит — надежда.

Знаю, что ты разглядел здесь весну. Все правильно. Однако, многие не видят и этого, не говоря уже о другом, более глубоком. Чья эта «песня»? Кто кому ее оставляет? Что это за «чудо»? Что за «надежда»? О чем, наконец, все это? На такие вопросы ответ находится не сразу. Отсюда — непонимание, даже — раздражение упомянутых читателей. А ведь все — очень просто: достаточно найти тот самый «ключик». Ключевое слово. В данном случае — несколько таких слов. Тогда все становится понятным: что это, в целом, — о жизни, о ее песне, даже если «поет» ее лирический герой. О том, что надежда, вопреки общепринятому, не умирает последней. Вообще — не умирает.

Вот так: на полутонах, на смысловых оттенках, пытаясь использовать все многозначие слова, дерзнув иногда приблизиться к его изначальному смыслу, я и стараюсь создавать образы своих стихотворений. Причем, все это делается — интуитивно.

Не знаю, прояснил я что-то, или, наоборот,— запутал. Но ведь, согласись, совсем не мое это дело — толковать свои стихи. Дай, Бог, чтобы удавалось их слагать.

— Возьмем твою поэму «Зов». Я лично в ней увидел зашифрованные сведения

о будущем, например, о Чернобыльской катастрофе, о развале страны. Даже расстрел из танков Белого дома увидел.

— Хочешь сказать, что подобрал ключик к «шифру»? (*смеется).*

— Да, мне повезло в этом отношении.

— Это ты так рассуждаешь уже после произошедших ключевых для страны событий, притягиваешь их к моим стихам, не более того.

Но если серьезно, то ничего не могу сказать о танках, однако образ пустых сапог (*«Пустые месят сапоги // былых хозяев плоть...»)* и меня самого, даже сегодня, обжигает. На Чернобыль же в «Зове» первым указал Владимир Дмитриевич Цыбин. Замечательный поэт, мудрый наставник, — он вообще меня понимал, как никто другой. Куда лучше, чем я сам. Безмерная благодарность и светлая память ему...

Скрывать не буду, предощущение большой беды (*«Ловлю в тени слепой избы // хрип бледного коня...»)* к завершению поэмы — только нарастало. А 26 апреля 1986 года — это уже удар. Веришь, волосы на голове поднялись. Того коня мне, увы, остановить не удалось...

— Но ведь все прекрасно понимают, что такое на пустом месте не придумаешь. Валерий, ответь, только честно: что это — мистика или пророчество?

— Не знаю, Геннадий. И давай не будем об этом. Ясно другое: «Зов» вместил в себя столько, что многое, по-настоящему, открывается лишь сегодня. Во всяком случае, для меня.

— Что ж, не хочешь говорить — не говори. Но что же тебя подвигло на написание такой многозначной поэмы, как «Зов»? Трудно ли было над ней работать?

— Хранится у меня интересная папочка в два пальца толщиной, тесемки на которой я завязал 11 марта 1986 года. Завязал — и больше не развязывал. А на донышке ее — листок, на котором расписана вся структура «Зова», как я увидел ее в ночь на 18 декабря 1983 года. И самое интересное, что все по этой структуре и выстроилось: и «Сны», и «Яви», и «связки» между ними — вплоть до числа строк. Как так получилось — не знаю. А папку — не развязываю: боюсь. А вдруг — и не было того листочка, вдруг все — привиделось мне, вдруг — не со мной это было?..

Слагался же «Зов» — по зернышку, по крупицам — в каком-то полутрансе. Я одного боялся: не угодить бы под машину, потому что вход в такое состояние происходил всегда неожиданно. И вернее всего это удавалось в автобусах по пути в Тулу и обратно (работал я тогда в многотиражке «За инженерные кадры» Политеха). Можно сказать, что «Зов» вытянут на маршруте «Щекино — Тула». Вот и суди: каково было для меня и моих близких это время длиной в два года и три месяца.

— Вернемся к перестройке, дальнейшему развалу страны, картины которых я увидел в «Зове». Некоторые клянут те времена, другие превозносят. Ты с кем — с первыми или со вторыми?

— Хочешь сказать: с «красными», или с «белыми»? С народом, Геннадий. Как бы громко это ни звучало. А он у нас — удивительный. И, поверь, чистых, светоносных людей — куда больше. Я это точно знаю. Так было, так есть, и так, уверен, будет. И доброго здравия тем, кто с нами, и светлая память тем, кто ушел.

А посему:

Что делать?..
Отчий край, — ответь.
И отзыв — вдалеке:
— Как прежде,
Песнь родную петь
на русском языке.

— У тебя есть стихи, в которых ты упоминаешь и о падающей с неба звезде, и о бледном коне, и о слепых домах, и о горящей мертвой воде. На мой взгляд, во всем твоем творчестве прослеживается Евангельская направленность. Как ты считаешь, можно ли твое творчество назвать христианским?

— Я его так никогда не определял. Хотя, если вспомнить «Голос»... Не знаю, со стороны — видней.

— А вообще, по твоему мнению, какая литература более соответствует христианским ценностям, современная или советская?

— Настоящая.

— То есть, в современной литературе христианские традиции сохранены?

— Если это подлинная, истая литература, созданная на русском языке, то христианство — везде. Впрочем, несет она в себе и голос иных, куда более древних верований. В том числе — язычества. *(«Мы — звездные корни...»).*

— А как ты оцениваешь современную поэзию, да и вообще современную литературу в целом?

— Если честно, то я ее плохо знаю. Так уж получилось по ряду причин. Из того же, с чем знаком, то большинство из написанного стихами мне просто не интересно. Вторичность, перепевы, отсутствие подлинных поэтических открытий... Много суеты, легкомыслия, чего я вообще не приемлю.

А ведь есть они — поэты. Не может их у нас не быть: родной язык не позволит, какое бы время на дворе ни стояло. Живут себе — вдали от столиц... Немного их, но они — есть. Просто их мало кто сегодня знает. Как до недавнего времени в липецких краях жила и творила Людмила Парщикова... К великому сожалению, нет ее с нами, но стихи — остались.

— А как же знаменитое пушкинское: «Поэзия должна быть глуповатой»?

— Но и здесь — о том же самом. О том, что поэзия не должна быть рассудочной, она есть то — что не из головы, а из сердца, не от разума, а от чувств, не столько от знания, сколько от интуиции. В самом верном случае — она исходит от пра-чувства и от пред-чувства одновременно, от их воссоединения. В итоге проявляется То, что стоит над чувством. Непонятно излагаю? Тогда так:

* * *

Боже,
заботу —
самую важную —
дай донести за остаток лет.
Я и живу,
покуда выхаживаю
в слове посеянный свет.

Но, заметь, все это — мои личные правила и законы. Потому об этом и говорю, никому ничего предлагать не собираясь.

— На твой взгляд, писатели продолжают оставаться «инженерами человеческих душ»?

— Я это определение не очень люблю. Думаю, писатель призван способствовать очищению.

— В феврале месяце 2017 года в Москве пройдет очередной съезд Союза писателей России. Что ты от него ждешь? (интервью готовилось в январе 2018 года.Авт.)

— Мало хорошего. И рад буду ошибиться.

— Что бы ты хотел пожелать нашим читателям?
— Многое... и своим — тоже. А можно стихи?
— Конечно, с удовольствием!..
— Тогда эти:

* * *

Махнув рукою на себя,
я песнь мою вспугнул...
(из поэмы «Зов»)

Все верно.
Снова жизнь — не жизнь,
а так — худой мешок...
Но коли посох цел — держись,
хватив на посошок.

Глядь, камень своротив с души,
нежданно пропоешь:
— Рукой напрасно не маши,
вдруг Ангела
вспугнешь.

— Спасибо, Валерий, за честную беседу и за прекрасные стихи. Творческих тебе успехов!

На фото: поэт Валерий Кулешов, зав.отделом прозы Г. Маркин и зав. редакцией журнала М. Баланюк во время церемонии вручения диплома лауреата литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

УМЕЙТЕ ЖИТЬ И УМЕЙТЕ ВИДЕТЬ
Интервью с поэтом и прозаиком Ефимом Гаммером

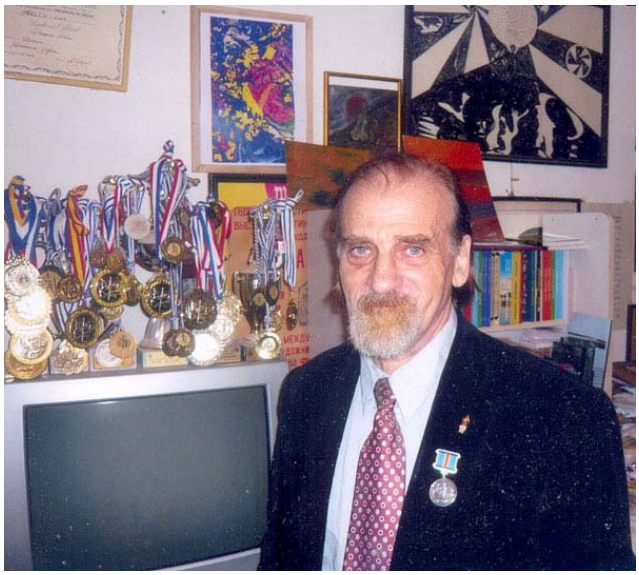
Ефим Гаммер (слева) в бою за звание чемпиона Иерусалима

— Ефим, вы, наверное, единственный в мире поэт, который еще и чемпион по боксу. Разве такое бывает?

— Да еще как бывает! Великий английский поэт Джордж Байрон, несмотря на хромоту, был отличным кулачным бойцом. А наш Пушкин? И Александр Сергеевич тоже увлекался этим видом спорта. Вот что вспоминает Вяземский-младший об уроках бокса, преподанных ему, тогда семилетнему мальчику, автором «Евгения Онегина»: «В 1827 году Пушкин учил меня боксировать по-английски, и я так пристрастился к этому упражнению, что на детских балах вызывал желающих и нежелающих боксировать». Не хуже Пушкина, полагаю, боксировал и Хемингуэй. А если заглянем в древние времена, то на олимпийском пьедестале почета увидим великого геометра Пифагора. Из его учения помним: «Пифагоровы штаны на все стороны равны». А то, что он олимпийский чемпион древности по боксу, узнаем с большим опозданием, только сейчас. Но лучше позже, чем никогда. Так что бокс совместим с творчеством, вернее, является его составляющей. Была бы охота совмещать. А для этого нужна не только работоспособность, но и сила воли, и, само собой, талант. Да, талант, как в искусстве.

— Когда вы осознали себя именно детским поэтом? Как это произошло?

— Еще в молодости. Казалось бы, взрослеем-взрослеем, получаем аттестат зрелости, потом диплом университета, женимся, а детство никуда не уходит. Оно в нас вросло, казалось бы, навечно. И проявляет себя раз за разом, если не в зеркале, когда корчишь рожи, которые уже в морщинах, так в строчках. К тому же с молодых лет, понимая, что творческий потолок каждого человека отнюдь не столь высок, как небесный, я создал для себя понятие «творческая спираль». Переходя, как бы по витку, от одного вида искусства к другому, поднимаешь свой творческий потолок намного выше, чем он был прежде. Особенно четко это прослеживается в моей литературной работе, в ее жанровом разнообразии: проза, стихи, юмор, сказочные и фантастические повести.



Ефим Гаммер у своих творческих и спортивных наград

— Чем вы мечтали заниматься в детстве?

— Вначале хотел стать астрономом, чтобы первым увидеть звездных пришельцев, которые спускаются на космическом корабле на Землю. А началось все с солнечного затмения. Солнечное затмение, обещанное в 1952 году по радио, мы увидели воочию точь-в-точь в указанный диктором день и час. Но предварительно, чтобы увидеть его во всей красе, коптили стеклышки, через которые доступно было смотреть на солнце. Невооруженными глазами на него не посмотришь, не то, что на звезды. К тому же можно ослепнуть и ничего приличного при этом не увидеть. Звезды совсем другое дело, да и не так далеки, как солнце. В особенности ночью, на балконе, если взобраться на табуретку.

Меня уже записали в первый класс. Мне уже купили букварь и родную речь. Мне уже при ознакомительном посещении учительница задала самый важный в жизни вопрос: — Кем ты хочешь быть, когда вырастешь?

До солнечного затмения я сказал бы: Иваном Царевичем, чтобы сразиться с Кащеем Бессмертным. А после солнечного затмения я сказал то, что было на уме у любого мальчишки нашего двора: — Астрономом.

Учительница ласково улыбнулась, приветствуя мое похвальное желание, и посоветовала хорошо учиться. Разумеется, я собирался хорошо учиться. И еще до 1 сентября 1952 года стал готовить себя в астрономы. Как только начинало смеркаться, выходил к окну, чтобы наблюдать за звездами. Это никому не мешало: мало ли чем занимается малец, главное, не шумит, не играет в войну и не бегает с деревянной саблей по квартире как оглашенный. Но однажды я припозднился. Взрослые собрались идти спать, а я двинул к окну.

— Куда тебя понесло? — спросил папа.

— Смотреть на звезды.

— А зачем тебе ножик?

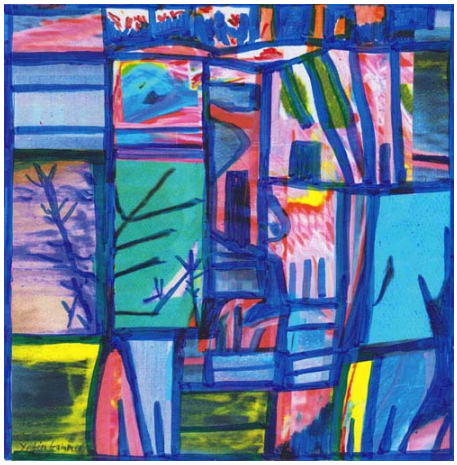
— Чтобы отковыривать звезды от неба.

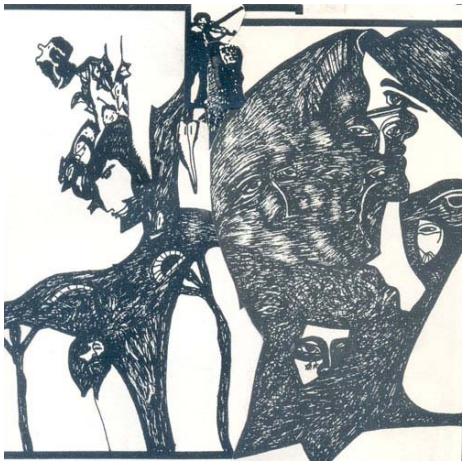
— Брось эти свои ночные забавки.

— А как я иначе стану астрономом?

— Ладно,— согласился папа.— Лучше становись астрономом, чем в советское время Иваном Царевичем. И помог мне придвинуть к подоконнику табуретку.

Я не совсем понял, что имел папа в виду, когда отсоветовал мне становиться Иваном Царевичем. И при чем здесь советское время? — тоже не понял. Но потом, когда смотрел на звезды, догадался: лучше быть детским писателем и сочинять сказки, чем самому жить в сказке. Почему? Это не секрет, охотно поделюсь: жить в сказке, как ни хоти, никак не получится, потому что жизнь — не сказка. А сочинять сказки можно и в реальной жизни, и они от этого будут не менее волшебными, если, конечно, есть фантазия и тяга к творчеству.





Картины Ефима Гаммера — рапитограф, фломастер-кисть, тушь

— Писали ли вы в детстве стихи или прозу? Случались ли у вас разочарования в своем творчестве? С чем они были связаны?

— Первое стихотворение я написал в 12 лет, сразу же, как нас оповестили о запуске первого искусственного спутника Земли. Это была такая эйфория, трудно передать. Представлялось, сегодня — спутник, завтра ракета, и летим на Марс, а там братья по разуму и Аэлита. Что делать? Надо записываться в космонавты. Я побежал в ДОСААФ, чтобы выяснить, где записывают в космонавты. Но мне объяснили, что могут записать только в группу подводного плавания с аквалангом, но еще не сейчас, а после шестнадцати лет. Ну и дела! В кино, где герои целуются, не пускают до 16 лет, в аквалангисты тоже. И самое поразительное, на газетную полосу тоже нельзя.

Стихотворению, как говорится, было далеко до Пушкинских образцов. Вот тут и могло наступить разочарование. Но я бросился в бокс, и мой творческий потенциал ушел в кулаки, не давая возможности расслабиться и впасть, как говорят взрослые люди, в депрессию. Наоборот, мои противники впадали в удрученное состояния, видя, как после боя судья поднимает мою руку в черной перчатке в знак победы. К пятнадцати годам я оброс чемпионскими титулами, и тут во мне проснулся поэтический импульс. С его помощью я и выдал маленькое стихотворение, которое и сегодня можно опубликовать в детском сборнике.

Так хочется кататься
На лыжах, на коньках,
С девчонкою промчаться,
Как ветер на катках.
Летим мы, как бесята,
Едва касаясь льда.
От счастья, что ты рядом
Кружится голова.

С тех пор стихи, а потом и проза стали составными в моей жизни. И где бы я ни был — в армии, на ринге, в арктическом плавании, журналистских розысках свидетелей взрыва тунгусского метеорита в Сибири, зарубежных поездках — они со мной. И мне не изменяют. А это — главная радость, затушевывающая любое разочарование, если оно и появлялось в прошлом, допустим, из-за того, что в Советском Союзе мне предлагали изменить фамилию на русский манер, добавив спасительное окончание «ов», чтобы можно было успешно печататься в советских журналах 60-70 годов. Я этого не делал, и не жалею до сих пор. Сегодня печатаюсь по всему миру, никак не изменяя фамилию. В Израиле, США, Франции, Канаде, Англии, Дании, Финляндии, Латвии, где жил до отъезда в Израиль, и по всей России — во многих литературных журналах от Москвы и Санкт-Петербурга до Урала, Сибири, Дальнего Востока. Картины мои выставляются в Израиле, США, Франции, Канаде, Германии. И кстати, никак мне не помешало сегодня, не изменяя фамилии на русский лад, войти во всемирное издание справочника КТО ЕСТЬ КТО, издающемуся в России.

— Какой совет вы можете дать юному поэту или писателю, который переживает период разочарования в себе самом? Что ему нужно сделать? И чего — не делать?

— Самый лучший совет — это не давать никаких советов. Литературное дарование, если оно есть, само проявит себя. И никуда не денешься, вырвет из разочарования, и будешь писать, как миленький. Но что писать? В этом и заложено «быть или не быть — вот в чем вопрос». Каким-то образом нужно себя подготовить к обретению таланта — Божьего дара — этому подарку судьбы. Представьте себе человека, которому ужасно хочется написать замечательную книжку, а он не знает о чем. А это происходит, если у него нет никакого жизненного материала, чтобы взять перо и вывести первую строку.

Отсюда — главное: умейте жить и умейте видеть. То, что отложится в вас, в будущем станет строительным материалом ваших произведений. И если сегодня вас не печатают, завтра, помните, наступает новый день. А утро вечера мудренее. Значит? Все верно. Завтра вас напечатают. Правда, если сегодня вы не били баклуши, а что-то стоящее написали.

Вопросы задавала Ольга Козэль

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ

Журнал выходит в электронном (см. стр. 2) и в бумажном виде. Последний издает на коммерческой основе Издательство Тульского госуниверситета. Поэтому для заказа нужного числа экз. следует обращаться к Барановой Елизавете Михайловне по e-mail: elisafine@yandex.ru. Редакция этими вопросами не занимается. По вопросам заказа альманаха «Ковчег» журнала «Приокские зори» обращаться к Шафрану Якову Наумовичу по e-mail: bonyans@yandex.ru

Достаточное число авторов согласились и с нашей традиционной, отчасти новой, редакционной политикой, суть которой состоит в следующем. Как и ранее, мы публикуем на сайте нашего журнала четыре номера в год — в последние дни каждого квартала. «Приокские зори» оставляют для себя статус всероссийского, а де-факто и международного издания. Поэтому для публикации единственным критерием отбора было и остается: талант автора, истинный — не «квасной»! — патриотизм и народолюбие, воспитанный в нас советской властью искренний интернационализм. На том и стоим.

По просьбе авторов, желающих самим отпечатать экз. журнала с их публикацией, редакция высылает им файл издательского оригинал-макета нужного номера с обложкой в цвете. Поскольку теперь даже в небольших городах хорошо развита сеть мини-типографий с печатью на «электронке» от одного экз., то здесь авторы с какими-либо трудностями не столкнутся. Это принятая ныне во всем мире практика печатания «по заказу». Мы здесь Америку не открываем...

Редколлегия журнала

БИБЛИОГРАФИЯ

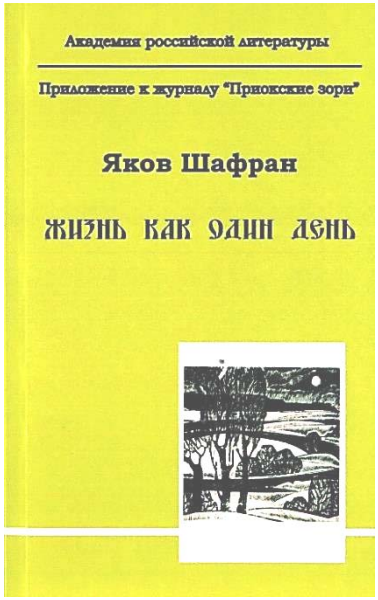
Уважаемые авторы! Начиная с № 3, 2008 журнала, введена регулярная рубрика библиографий вновь выходящих книг, изданных как в Туле, так и в других городах России. Непременным условием публикации в данной рубрике информации о вышедших в текущем квартале, соответствующем номеру журнала, книгах, как «авторских», так и различного рода сборниках и пр., ***является их своевременная доставка в редакцию «Приокских зорь»***. Кроме того, публикуется информация и о ранее изданных книгах, поступивших в редакцию.

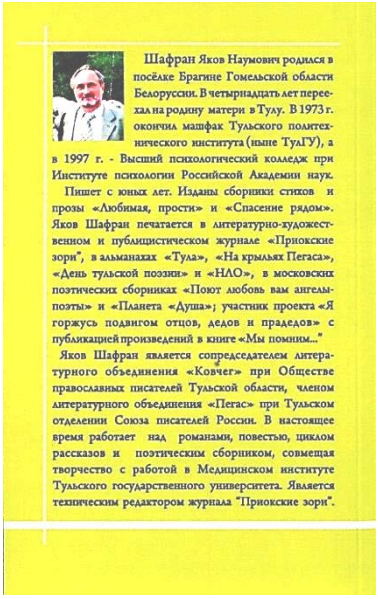
Уважаемые авторы! Не будьте безразличны к судьбе своих книг; помните, что публикация библиографии в журнале «Приокские зори» делает их известными не только в Туле, но и во многих других городах и регионах России. Не забудьте занести экземпляр в редакцию журнала или прислать по почте.

И еще раз приглашаем в «Библиотеку журнала «Приокские зори» — проставлением этого логотипа на титульном листе книги (вверху страницы) и в аннотации на оборотном листе. В этом случае вы вполне можете рассчитывать на появление в журнале отзыва, рецензии на вашу книгу. Возможна и внеочередная публикация отрывка из вашей книги.

Просьба обратить внимание на нижеследующие строки.

С начала III квартала 2011 года «стартовала» книгой Якова Шафрана «Жизнь как один день» новая серия книг в рамках «Библиотеки журнала «Приокские зори» — «Приложение к журналу «Приокские зори». Серия продолжающаяся, ее книги будут выходить в однотипном оформлении с обложкой «под журнал»:





Шафран Яков Наумович родился в посёлке Брагине Гомельской области Белоруссии. В четырнадцать лет переехал на родину матери в Тулу. В 1973 г. окончил машфак Тульского политехнического института (ныне ТулГУ), а в 1997 г. - Высший психологический колледж при Институте психологии Российской Академии наук.

Пишет с юных лет. Изданы сборники стихов и прозы «Любимая, прости» и «Спасение рядом». Яков Шафран печатается в литературно-художественном и публицистическом журнале «Приокские зори", в альманахах «Тула», «На крыльях Пегаса», «День тульской поэзии» и «НЛО», в московских поэтических сборниках «Поют любовь вам ангелы-поэты» и «Планета «Душа»; участник проекта «Я горжусь подвигом отцов, дедов и прадедов» с публикацией произведений в книге «Мы помним..."

Яков Шафран является сопредседателем литературного объединения «Ковчег» при Обществе православных писателей Тульской области, членом литературного объединения «Пегас» при Тульском отделении Союза писателей России. В настоящее время работает над романами, повестью, циклом рассказов и поэтическим сборником, совмещая творчество с работой в Медицинском институте Тульского государственного университета. Является техническим редактором журнала "Приокские зори".

Книги каждый автор издает сам на базе наиболее удобного ему издательства. К сожалению, журнал «Приокские зори» не имеет никакого государственного или частномеценатского финансирования, поэтому не обладает возможностью материально помочь авторам серийных книг.

Издание серии будет способствовать повышению престижа журнала, в чем его авторы, несомненно, заинтересованы.

Авторы же серийных книг получают следующие, несомненные, преимущества:

— это уже не «самиздат», которым, честно говоря, является подавляющее большинство современных малотиражных изданий;

— поскольку журнал выходит под эгидой Академии российской литературы, то и книги серии-приложения также имеют отношение к Академии;

— как правило, на каждую выходящую книгу серии в журнале «Приокские зори» публикуется рецензия или отзыв, *если автор об этом позаботится*;

— наиболее существенное: книги серии, наряду с публикациями в журнале, могут участвовать в конкурсе на присвоение звания лауреата всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, ежегодно присуждаемой — в четырех номинациях — за лучшие публикации в журнале «Приокские зори».

Редакция журнала по просьбе авторов, желающих издать свои книги в серии, высылает файлы и шрифты для однотипного оформления обложки (многие из авторов «Приокских зорь» уже их получили).

О намерении издать книгу в серии автор извещает редакцию. При необходимости редакция может затребовать для ознакомления сверстанный текст книги или отрывок из нее. По напечатании автор предоставляет в редакцию 2 экз.

На момент формирования содержания настоящего номера в редакцию журнала «Приокские зори» поступили следующие книги:

1. *Бийский Вестник*. Литературно-художественный, научный и историко-просветительский журнал (г. Бийск Алтайского края).— 2018.— № 1.

2. *Общеписательская* литературная газета.— 2018.— № 1.

3. *Северо-Муйские огни*.— 2017.— №№ 5(63), 6(64) (опубликованы произведения Якова Шафрана и Алексея Яшина).

4. *Владимир Сорокажердьев*. Березовый сад: новые стихи.— Мурманск: Дроздов-на-Мурмане, 2017.— 72 с.

5. *Сергей Лебедев*. Зерна жизни. Сб. избр. стихов и прозы / Предисл. А. А. Яшина.— Самара: Изд-во ООО «Инсама-пресс», 2017.— 304 с.

6. *Сергей Лебедев*. Легенды. Поэмы: Стихотворный сб. / Предисл. А. А. Яшина.— Самара: Изд-во ООО «Инсама-пресс», 2017.— 170 с., ил.

7. *Макаров Н. А.* Одной строкою козыряя. В 3-х кн. Кн. 1.— Тула: Изд-во «Промпилот», 2017.— 235 с.

8. *Макаров Н. А.* Пушкин и медики: хроника болезней и встреч с медиками. Изд. 5-е, дополн. и перераб.— Тула: Изд-во «Промпилот», 2017.— 149 с.

9. *Макаров Н. А.* Лев Николаевич Толстой и тульские медики. Изд. 3-е, испр. и дополн.— Тула: Изд-во «Промпилот», 2017.— 102 с.

10. *Макаров Н. А.* Тульские суворовцы: сб. статей.— Тула: Изд-во «Промпилот», 2017.— 272 с., ил.

11. *Трудовая* доблесть и слава земли тульской (авторы-составители Н. А. Макаров и Ю. И. Панов; Предисл. Героев социалистического труда С. Серебрякова и И. Щербина.— Тула: Изд-во «Промпилот», 2017.— 290 с. ил.

12. *Шафран Я. Н., Сенин С. В.* Души моей солнце: Музыкально-поэтический альбом.— Тула: «Полиграфинвест», 2017.— 48 с., ноты.

13. *Музыка лета*: Музыкально-поэтический альбом. Стихи тульских поэтов / Композитор Сергей Сенин.— Тула: «Полиграфинвест», 2017.— 52 с., ноты.

14. *Сенина Л. И.* Мне дано такое счастье: Музыкально-поэтический альбом / Композитор Сергей Сенин.— Тула: Изд-во ТулГУ, 2016.— 68 с., ноты.

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» вышли следующие книги:

1. *Сказки* пряничного города: Сб. произв. молодых авторов / Под ред. А. А. Яшина; составитель О. В. Чмыр.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2017.— 170 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

2. *Шафран Я. Н.* Человек человеку: Сб. рассказов / Предисл. А. Яшина и И. Карлова.— Тула: Изд-во «Папирус», 2016.— 216 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

3. *Яшин А. А.* Задушевные беседы об умозамещении: Роман-новеллино / Предисл. Л. В. Ханбекова.— Тула: Аквариус, 2017.— 343 с., ил. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» — Приложение к журналу «Приокские зори» вышли следующие книги:

1. *Николай Макаров*. Суворовцы земли тульской.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2017.— 286 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).

2. Валерий Виноградов. Истоки: Стихотворения и ноты.— Тула: ТППО, 2017.— 204 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).

3. *Роза Нарышкина*. Дыхание жизни: Рассказы 2006—2013 гг.— Тула: ТППО, 2017.— 180 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

С целью расширения круга авторов и привлечения читательской аудитории, повышения художественной значимости публикуемых в журнале произведений прозы, поэзии, драматургии, а равно усиления актуальности и информационной ценности публицистических материалов, редколлегия, начиная с 2008 года, вводит систему поощрения авторов лучших материалов, опубликованных в течение календарного года, заключающуюся в присвоении почетного звания «Лауреат литературной премии журнала «Приокские зори» «Левша» им. Н. С. Лескова».

Ежегодно лауреатами становятся четыре автора наиболее значимых произведений по разделам:

— проза, включая драматургию;

— поэзия;

— публицистика, включая историко-политическую;

— литературоведение, включая литературную критику, краеведение, этнографию и историографию.

Звания лауреата — по номинациям — удостаиваются авторы, опубликовавшие в течение года в журнале произведения, отличающиеся своей художественно-публицистической значимостью, следующие высоким традициям классической русской и советской литературы, вносящие весомый вклад в возрождение и развитие духовности и культуры России, сочетающие верность изначальной национальной русской идее и проверенный веками подлинный интернационализм народов России и ранее входивших в состав Российской империи и Советского Союза. Поощряются публикации молодых талантливых авторов, а также литераторов, входящих в неформальный актив журнала. В конкурсе также могут принимать участие авторы книг, изданных в серии «Приложение к журналу «Приокские зори» (см. выше). По положению о лауреатах последними не могут быть руководители журнала, то есть главный редактор и его заместители, руководители организаций-учредителей и меценаты, оказывающие материальную поддержку журналу. Место и страна проживания авторов роли не играет и не является каким-либо ограничением.

Звания лауреатов присваиваются коллегиальным решением редколлегии с учетом мнений читателей журнала. Читатели «Приокских зорь» приглашаются с представлением кандидатур; свое мнение они могут высказать письменно по обычной или электронной почте (не по телефону!) на имя главного редактора; адреса указаны на 2-й стр. журнала. Имена лауреатов с указанием номинированных произведений и фотографией автора публикуются в первом номере журнала следующего года издания; например, имена лауреатов 2017-го года объявлены в настоящем номере «Приокских зорь». Также имена лауреатов объявляются в литературных газетах. Лауреатам вручаются дипломы, лауреатские медали и удостоверения к ним, а также подарочное специальное издание «Левши» Н. С. Лескова. Премия имеет статус всероссийской.

Итак, уважаемые авторы и читатели: объявляется конкурс на 2018-й год, а от читателей и представителей заинтересованных общественных и иных организаций и предприятий мы ждем конкретных предложений по номинантам.

В добрый путь!

«НА ЛИРИЧЕСКОЙ ВОЛНЕ»

Как уже знают наши читатели, инфраструктура всероссийского ордена Г. Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори» пополнилась новым музыкально-поэтическим альманахом «На лирической волне». И вот 25 ноября в Туле, в Центре образования № 22, лицее искусств, как и объявлялось, состоялся концерт-презентация альманаха. В первый его выпуск вошли романсы и песни региональной общественной организации «Объединение тульских композиторов» на лирические стихи тульских авторов — членов писательских организаций России.

Предлагаем Вашему вниманию программу и фоторепортаж мероприятия.

Программа концерта-презентации:

— Песня о Тульском крае. Музыка В. Смирнова. Слова В. Липеца
— Любовь по-прежнему жива. Слова и музыка В. Липеца
– *исп. Заслуженный артист России Геннадий Шеверев*
— Тульская осень. Музыка С. Сенина. Слова В. Сапожникова
– *исп. Ольга Яськова*
— Песня о русском духе. Музыка А. Белоусова. Слова В. Сапожникова
– *исп. Евгений Хвостов*
Стихи *читает Владимир Сапожников*
— Свеча. Музыка И. Агибаловой. Слова В. Ходулина
– *исп. Вадим Бахарев*
— Я Вас люблю. Музыка И. Агибаловой. Слова Г. Винокуровой
– *исп. Ксения Данько*
Стихи *читает Изольда Агибалова*
— Цветы мне говорят – прощай... Музыка А. Шикалова. Слова С. Есенина
— Осенний вечер. Музыка С. Сенина. Слова О. Пантюхина
– *исп. Евгений Хвостов*
Стихи *читает Олег Пантюхин*
— Ливенский лес. Музыка Е. Карамушко. Слова Е. Сапроновой
— Соловей и роза. Музыка И. Мацневой. Слова А. Пушкина
– *исп. Ольга Яськова*
— В Белоусовском парке. Музыка М. Петуховой. Слова Таваны
— Снежинка за снежинкой. Музыка С. Сенина. Слова Я. Шафрана
– *исп. Мария Сенина*
Стихи *читает Яков Шафран*
— Блеск милых глаз. Слова и музыка Н. Галыгина
– *исп. Николай Галыгин*
— Позови. Музыка С. Сенина. Слова О. Нацаренус.
– *исп. Олеся Курбатова*
Стихи *читает Ольга Нацаренус*
Стихи читает *Людмила Сенина*
— Глаза прекрасно-голубые. Музыка С. Сенина. Слова Л. Сениной
– *исп. Олеся Курбатова*
Ведущая Людмила Сенина.
Звукооператор Игорь Брейкин.

С лева направо: Сергей Сенин, Ольга Яськова и Евгений Карамушко

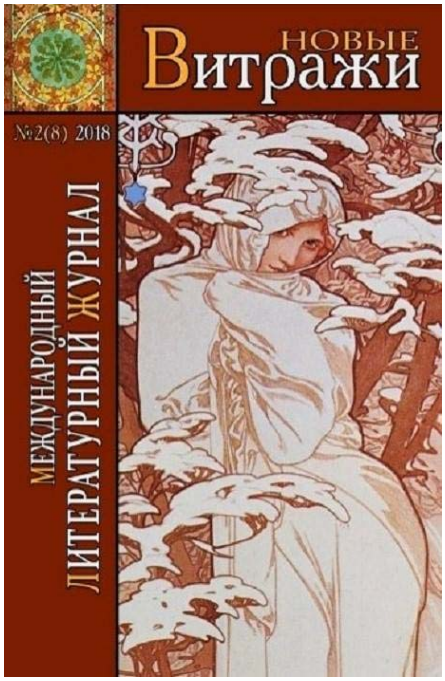
Перед началом концерта: Яков Шафран и Сергей Одиноков

Заслуженный артист России Геннадий Шеверёв

Исполнитель Ольга Яськова

НОВЫЕ ТВОРЧЕСКИЕ СВЯЗИ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

Наш журнал установил творческое взаимодействие с еще одним партнером Академии российской литературы — международным литературным журналом «Новые Витражи». В № 2, 2018 опубликованы стихи зам. гл. редактора «Приокских зорь» Шафрана Я. Н. и он включен в редколлегию; «НВ» приглашают членов редколлегии и авторов «Приокских зорь» к публикации своих произведений на своих страницах.



УДК 82 (059)
ББК 84 (82Рос=Рус)

Новые ВИТРАЖИ №2(8), 2018
Международный литературный журнал

Главный редактор
Эльмира ФАУСТОВА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
Марина ЧАЙКИНА
Евгений СКОБЛОВ
Юлия АРЕШЕВА
Хелью РЕБАНЕ
Людмила ПОПОВА
Яков ШАФРАН
Дмитрий НЕМЕЛЬШТЕЙН

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:
Леонид ЖУХОВИЦКИЙ
Арон ГААЛ (Венгрия)
Владимир ДЕЛЬБА
Андрей ЩЕРБАК-ЖУКОВ

Учредитель и издатель
РОО «Литературное сообщество Новые Витражи»

Мнение авторов не всегда совпадает с мнением редакции
Редакция оставляет за собой право на редактирование
авторских текстов

ПИ № ФС 77-70795
© РОО «Литературное сообщество
Новые Витражи», 2018
© Э. Фаустова, 2018

О НАС ПИШУТ

В журнале «Знамя» № 10, 2017 опубликована статья Ивана Старикова «Уважаемая товарищ...» о № 2, 2016 журнала «Приокские зори». Отправляем наших читателей к этой публикации, которая размещена и в Интернете в электронной версии вышеназванного журнала.

http://magazines.russ.ru/znamia/2017/10/uvazhaemaya-tovarish.html

В ответ на эту статью в редакцию «Приокских зорь» пришли отзывы неравнодушных людей. Предлагаем их Вашему вниманию.

Валерий Румянцев
(г. Сочи)

Родился в 1951 году в Оренбургской области в семье судьи. Среднюю школу окончил с золотой медалью. Учился в Куйбышевском авиационном институте, на юридическом факультете Северо-Осетинского госуниверситета. Окончив филологический факультет Воронежского государственного педагогического института, три года работал учителем, завучем в одной из школ Чечено-Ингушской АССР. После окончания Высших курсов КГБ СССР на протяжении тридцати лет служил в органах госбезопасности. Из органов ФСБ РФ уволился в звании полковника. Женат, имеет двоих детей и четверых внуков. Лирические и юмористические стихи, басни, эпиграммы, литературные пародии, лаконизмы; реалистические, сатирические и фантастические рассказы Валерия Румянцева печатались в 140 изданиях РФ и за рубежом (в том числе в 37 литературных журналах).

1. ТИРАЖИ И ВИРАЖИ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЖУРНАЛОВ
(по страницам Интернета и не только)

В своей статье «Литературные журналы переживают не лучшие времена» главный редактор «Роман-газеты» Юрий Козлов пишет: «...Да, у большинства литературных изданий — «Нового мира», «Москвы», «Знамени», «Юности», «Октября», «Роман-газеты», «Литературной России» — интереснейшая история и большие заслуги перед обществом».

Что ж, все верно. Вряд ли кто-нибудь всерьез станет с этим спорить. Но беда-то в том, что упомянутые редактором заслуги остались в далеком прошлом. А какие заслуги у этих изданий сегодня, или, хотя бы, за последние десять-двадцать лет? Кто-то, конечно, может посчитать заметным явлением то обстоятельство, что «Знамя» пять раз публиковало «шедевры» бывшего министра А. Улюкаева, а главный редактор «Нового мира» А. Василевский имеет склонность регулярно печатать стихи своей жены. (Ну как не порадеть родному человечку). Впрочем, читатели это заметили, но не отнесли прочитанное к ярким событиям в современной русской литературе.

Посмотрим на одно из главных «достижений» «ведущих» литературно-художественных журналов. Тираж «Знамени» в 1990 году — 1 млн. экз., в 2016 году — 2 тыс. экз. У «Дружбы народов» в 1989 году тираж 1 млн. 100 тыс. экз., в 2017 году — 1200 экз. Тираж «Нового мира» в 1990 году составлял 2 млн. 700 тыс. экз., в 2017 году — 2300 экз. У «Невы» в 1989 году 675 тыс. экз., в 2017 году — 1500 экз. Тираж «Октября» в 1989 году 380 тыс. экз., в 2016 году — 1 тыс. экз. «Юность» в 1989 году — 3 млн. 100 тыс. экз., в 2015 году — 6500 экз.

Эти цифры просто «кричат» о явном неблагополучии и в литературных журналах, и в стране.

Вернемся к вышеназванной статье Юрия Козлова. Он предлагает: «В «золотой» список должны (без обсуждения) быть включены «Новый мир», «Наш современник», «Знамя», «Москва», «Роман-газета», «Октябрь», «Юность», «Литературная газета», «Литературная Россия», «Нева», «Звезда», «Сибирские огни», «Волга»». И далее: «Правительство... принимает бессрочное решение ежегодно финансировать отдельной бюджетной строкой обязательную подписку на этот «пакет», как минимум, для пяти тысяч крупнейших российских библиотек и учебных заведений, где занимаются изучением современной литературы».

Возникает вопрос: почему без обсуждения? Только потому, что 30—50 лет назад в этих изданиях печатались лучшие произведения советских писателей? Аргумент, прямо скажем, малоубедительный. И почему правительство должно финансировать именно этот пакет? Потому что в «Нашем современнике» и в «Москве» печатал свою «поэзию» российский олигарх Михаил Гуцериев? Или потому, что в этих журналах (как, впрочем, и во многих других, не перечисленных выше) главные редакторы предпочитают печатать себя, друг друга, своих друзей, приятелей и т.п.?

Главные редакторы хотя бы почитали, что пишут об их журналах в Интернете. Вот всего один пример. «Недавно была в Москве. Стала свидетельницей того, как в одном из книжных магазинов выложили у входа пачку «толстых» литературных журналов (уже устаревших номеров), видимо, не проданных в свое время. Магазин таким образом «почистил» свои полки. К сожалению, и бесплатно эти журналы залежались: при мне ни один покупатель не взял из этой пачки ни одного экземпляра. Да и, судя по толщине пачки, ими мало кто из читателей заинтересовался. Стало очень обидно за современных литераторов!»

Правительству, безусловно, крайне необходимо финансировать издание литературных журналов, но редколлегиям предварительно в обязательном порядке надо изменить порочную практику отбора текстов для публикации.

В беседе с режиссером Эллой Аграновской главный редактор журнала «Знамя» С. Чупринин говорит о падении тиража своего журнала в 500 раз за последние 25 лет и называет три главных причины: «Общественная проблематика в значительной степени ушла в Интернет, в телевидение, в массовые издания. Далее, наряду с бумажной, у нас есть электронная версия, и тех, кто читает ее, гораздо больше, чем тех, кто берет в руки бумажный экземпляр. И третья причина, быть может, самая серьезная: ...Читать в России... стали несравнимо меньше, чем это было в годы нашей молодости».

С. Чупринин прав, но лишь отчасти. Главная причина одна: читать стали катастрофически меньше. Но Чупринин или боится до конца признаться в этой главной причине, или лукавит,— поэтому и стыдливо прикрывается вводными словами «быть может». В противном случае надо будет признать и свою бездарную политику в подборе текстов для публикации.

Открываем последний доступный на сегодняшний день номер журнала «Знамя» (№ 11 за 2017 г.). Берем первого (по содержанию журнала) поэта Андрея Пермякова и читаем его стихотворение, которое называется «Ельник»:

— Сам ты кукушка, а это — зигзица!
— Если кукует, значит, кукушка!
— А если зигзица — что ли зигует?
— Если зигзица — наверно, зимует.
— Нет, если зимует, значит лягушка!
А ногами в это время корягу
По тропке гонять.
А руками в это время брагу
Друг дружке передавать,
Не брагу, а магазинную брагу — Елаху.
Банка на куртке делает мокрый такой отпечаток.
Внезапного глухаря услышав, непременно ойкнуть со страху.
На двоих нам сильно девятый десяток.
Прах к праху.

И это стихи, которые должны быть на страницах «ведущего» литературного журнала?! Что это, художественный вкус редактора или что-то другое? (Прозаик Александр Карасев, видимо, так разгневался на главных редакторов, что свои заметки назвал «Преступление и предательство толстых литературных журналов в России»). А прочитав такую белиберду (назвать этот бред поэзией язык не поворачивается), смело можно предположить, что и проза в этом журнале, скорее всего, такая же «высокохудожественная».

Вот поэтому и «читать стали катастрофически меньше». В этом существенная заслуга и главных редакторов. Кстати, в Интернете можно найти немало отзывов и писателей, и читателей о главных редакторах. Есть такой Евгений Степанов, который известен как издатель и главный редактор литературных журналов «Дети Ра», «Футурум АРТ», «Зарубежные записки» и газеты «Литературные известия». Автор анонимной статьи «С миру по нитке» (не все такие смелые, как Александр Карасев) очень точно охарактеризовал этого редактора: «Евгений Степанов — странный персонаж в литературном пространстве, и то, что он делает,— тоже отдает какой-то художественной самодеятельностью».

Набрал в Интернете фразу «Почему не читают современные литературные журналы?» и получил от читателей сотни ответов. Давайте почитаем некоторые из них:

— «...потому что нет в этих журналах того, что актуально на сегодняшний день, нет голоса чести, достоинства и боли за то, что происходит... Часто думаю, а что бы сейчас сказал Высоцкий?.. Обывателя загоняют в потребительство или в церковь»;

— «Не читаю по нескольким причинам: сложно купить, боязнь потерять время на скучное чтение»;

— «В конце 80-х читала просто огромное количество. Не влезали в почтовый ящик. А недавно попробовала «Новый мир» — нет, не то совсем ощущение»;

— «Современная молодежь не умеет и не любит читать! Потому что читать-то особенно нечего: современная литература находится в глубоком упадке»;

— «Если происходит деградация общества, то деградирует и музыка, и кино, и литература (прочитал и выбросил),— что мы с успехом наблюдаем сейчас. Настоящие таланты пропадают, ведь у них нет ни раскрутки, ни покровителей, только огромное количество бездарных раздутых конкурентов, давящих своим большинством и рекламой»;

— «Беру журналы, естественно, в библиотеке (это такие дома, где дают книжки бесплатно домой читать, кто не знает)»;

— «И дело даже не в упадке литературно-журнальной традиции. По-моему, дело в самой литературе: она перестала быть рупором свежемыслия»;

— «Знаете, есть такой анекдот. Приезжает Победоносцев в какой-то провинциальный город, заходит в местную газетку, спрашивает главного редактора, о чем пишете, как живете? Выходит сухонький старичок и отвечает: «Кормимся, ваш высокородие!» Вот так и все сейчас»;

— «Краткость — с. т.! Плюс клипное мышление молодежи, интернет наскоками и жидкий мозг, который может загустеть на несколько секунд и снова... э-э, забыл, что хотел сказать...»;

— «До перестройки читала регулярно «Новый мир», «Иностранную литературу», «Октябрь» и т. д. Эти журналы были как луч света в нашей жизни, давали много пищи для ума, расширяли кругозор. Сейчас не читаю. Не нахожу для себя ничего интересного».

Может быть, последней читательнице порекомендовать журнал «Урал», чтобы она насладилась интересным чтением? Открываем № 11 за 2017 год, раздел «поэзия», Михаил Окунь. Главный редактор журнала просто обожает его печатать. Читаем первое стихотворение:

Нас ли стращать всякой ерундой
типа глаза, мать его, Батая?
У нас по весне такое вытаивает,
Бог ты мой!
В нашем многоканальном проходном дворе
двигаться можно только по карте.
И то, что еще дышало и двигалось в декабре,
Стало лиловым «подснежником» в марте.

Скорее всего М. Окунь, когда писал эти строки, просто задохнулся вдохновением.

Стихотворную подборку вышеуказанного поэта завершает такое «произведение»:

«Тебе не холодно?»
Спросила мама.
Мне этим холодом
Не холодно давно.

Как тут не вспомнить афоризм незабвенного В. С. Черномырдина «Раньше никогда такого не было и вдруг — опять!» Полагаю, что комментарии к этой «поэзии» излишни (не потому ли журнал «Урал» сегодня имеет мизерный тираж, хотя в 1991 году его тираж составлял около 2 млн. экз.?) А как хорошо было бы на этом месте увидеть настоящую поэзию! Например, прочитать Михаила Анищенко, ну хотя бы его стихотворение «Барыня»:

Боль запоздалая. Совесть невнятная.
Тьма над страною, но мысли темней.
Что же ты, Родина невероятная,
Переселяешься в область теней?
Не уходи, оставайся, пожалуйста,
Мерзни на холоде, мокни в дожди,
Падай и ври, притворяйся и жалуйся,
Только, пожалуйста, не уходи.
Родина милая! В страхе и ярости
Дай разобраться во всем самому...
Или и я обречен по ментальности
Вечно топить собачонку Муму?
Плещется речка и в утреннем мареве
Прямо ко мне чей-то голос летит:
«Надо убить не собаку, а барыню,
Ваня Тургенев поймет и простит».

Горько от того, что всевозможные пишущие «окуни» легко «причаливают» к редакциям литературных журналов, а такие талантливые поэты, как Михаил Анищенко, умирают в безвестности и нищете.

Нередко литераторы делятся в Интернете своими впечатлениями от общения с литературными чиновниками. Вот как описывает один молодой автор посещение редакции «Нового мира»: «Нарвался на невысокого стройного мужчину пенсионного возраста — редактора отдела прозы(?) Он устроил мне допрос: «Что последнее вы читали в нашем журнале?» Я не стал обижать его правдой (что читать там особо нечего), а ответил, что читал «разное», не назвав конкретного. Он зло бросил: «Вы нас не читаете — почему мы вас должны читать?!» и почти что кинул в меня рукопись».

Ну чем не сюжет для небольшого рассказа? Впрочем, эта тема заслуживает отдельного разговора.

2. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРЕМИИ В РОЛИ БИЖУТЕРИИ

Недавно сообщили, что премию «Русский Букер» за 2017 год получила Александра Николаенко за роман «Убить Бобрыкина. История одного убийства». И я подумал: неужели в куче написанных сегодня романов самое интересное — это убийство? Или, может быть, в современной России именно убийство есть основное содержание бытия? Ни служение Родине, ни любовь, ни дружба, ни... А именно убийство?

Я уже как-то читал книгу, отмеченную «Русским Букером»: в 2010 году Елена Колядина стала лауреатом с романом «Цветочный крест». Впечатление осталось жуткое: смесь графомании с робкой порнографией. Одним словом, — «афедрон». По-моему, автор не понимает, что временный союз с пошлостью оборачивается постоянной капитуляцией перед ней.

Если уж «Русский Букер» считается одной из главных в России литературных премий, то, по логике, в жюри должны входить лучшие мастера художественного слова. Интересно, а есть ли в жюри поэты? — подумал я. Все-таки поэты лучше чувствуют «вкус» художественного слова. Оказалось, что есть: поэт и критик из Петербурга Алексей Пурин, который работает заведующим отделом поэзии и по совместительству заведующим отделом критики литературно-художественного журнала «Звезда».

Прежде чем читать, скорее всего, длиннющий роман про убийство, решил познакомиться со стихами А. Пурина. Если стихи хороши, то и оценщик романа вряд ли

«промахнется». Прочитал в Интернете два десятка стихотворений — не зацепило. Ну как может вызвать восторг, например, стихотворение «Мероприятие»?

Офицерские сборы... Такой перегар
утром в актовый зал невозможно войти.
Все никак не начнут. Десять сорок. Кошмар!
Для чего приказали прибыть к девяти?
Кто бы пива принес?.. Поминутно майор
забегает какой-то, «сейчас,— говорит,—
начинаем...» Еще полчаса. В коридор,
осмелев, покурить выползаем. Горит,
раздирает!.. Намылились, кто понаглей,
озираясь, с вещами уже выходить...
Вдруг обратно всех гонят. «Полковник Палей
вам сейчас доведет...» Ничего доводить
он не может. Он тоже на сборы в Москву
только что улетел... И опять беготня.
Наконец на пятнадцать минут: «бу-бу-бу...»
Записали? Адью!.. И как не было дня.

Что тут сказать? Литературных высот можно достичь только в глубине мысли или чувства. А тут мыслями и чувствами и не пахнет. Видимо, А. Пурин считает, что поэзия — это та же проза, но только оформленная в столбик и периодически «сдобренная» ритмом и рифмами. Скорее всего, поэтому его и взяли в жюри, которое должно давать оценку прозаическим произведениям. И как тут не вспомнить А. Грибоедова: «А судьи кто?»

Если оценку в «Русском Букере» дают такие, как А. Пурин, то я пока не буду читать роман Александры Николаенко.

Да еще «масла в огонь» подливает литературный критик Сергей Морозов, который в своей статье «И все-таки ее нет» пишет: «...премировать текстовый продукт, который обычно попадает в шорт-листы, вряд ли представляется возможным. Он элементарно нечитабелен, то есть по сути своей не предполагает существование читателя».

И все-таки, для чего нужны литературные премии? Писатель Юрий Буйда прямо и откровенно ответил на этот вопрос: «Любому писателю приятно получать премии... Для нас литературные премии — это в первую очередь материальная помощь». Короче, там, где премии, там суета вокруг «мани-мани».

Газета «Частный корреспондент» поставила перед литературными критиками вопрос: «Насколько литературные премии отражают литературный процесс?» и получила ответы.

Сергей Беляков: «Отражают, но не вполне адекватно. Часто финалистами и даже лауреатами становятся откровенно слабые писатели».

Владимир Новиков: «Каков процесс, таковы и отражения. Аксиологический хаос, творческая отсталость литературы и практическое отсутствие содержательной философско-эстетической рефлексии в критике и в литературной прессе».

Ольга Новикова: «...уж очень редко имена премированных авторов совпадают с результатом отбора, которое производит время».

Другие литературные критики высказались примерно в этом же ключе. Ознакомление с «поэзией» всевозможных лауреатов в «ведущем» литературно-художественном журнале «Знамя» подтверждает выводы процитированных выше литературных критиков. Давайте почитаем вместе.

Андрей Поляков — лауреат премии «Москва-транзит», премии Андрея Белого, «Русской премии», премии имени Андрея Вознесенского «Парабола», (№ 1 за 2018 г.).

Красный Орфей
...как будто солнце утонуло
багровым зеркалом в реке
а тень Орфея головой качнула —
головой-луной в своей руке
И вдруг запела голова
голосом советского поэта
чтобы иными звездами стали слова
в ослепительной мгле интернета.

Это уже из серии «Остапа понесло». Так и хочется посоветовать А. Полякову: за собой надо присматривать. Читаем следующее стихотворение.

...интересный телесный скелет
девятнадцати прожитых лет
комсомолки в косынке военной
в позе лотоса антивоенной
ты заметил в Музее во сне
через зал прогремев на коне
как буддийский буденный какой-то —
вспоминай-то об этом порой-то!

То, что не выдерживает никакой критики, стремится стать эталоном. Можно писать все, что угодно, если, конечно, вас не читают.

Дмитрий Веденяпин — лауреат престижных литературных премий (о каких премиях идет речь, редакция стыдливо умалчивает), (№ 12 за 2017 г.).

Вера тут не в то да се,
А конкретно в то, что это
Наше, в смысле, наше все,
И надежды больше нету.
Перспектива не ясна.
Но когда беспечной птичкой
Расщебечется весна,
Я надеюсь по привычке.
Зарокочут соловьи,
Встанет ночь в дверном проеме.
Никого не будет в доме,
Кроме правды и любви.

Неоднократное лауреатство Д. Веденяпина редакция журнала попыталась преподнести читателям как охранную грамоту, но, в данном случае, охранная грамота оказалась филькиной. Подобные «стихи» лишь подтверждают слова Митрополита Калужского и Боровского Климента: «...нам сегодня не хватает Пушкиных и Достоевских. Не хватает писателей, за которыми пошел бы народ и стал созидать Русь Святую, которые учили бы добру, любви, верности».

Максим Матковский, лауреат премий «Активация Слова», «Дебют» и «Русской премии», (№ 12 за 2017 г.).

Я приехал в Москву,
а ты меня не встретила,
тогда я спустился в метро,
и пошел, и поехал, и поднялся,
и спустился, и спросил, и переспросил,
и приехал, но не туда, и вернулся,
но не туда, подземная Азия,
и какие-то люди в одеждах конца восьмидесятых,

и футбольные фанаты, и падлы, и падлы, и падлы.
много сволочей!
куда там мне надо было?
то ли на Достоевскую, то ли на Павелецкую,
я купил карту в ларьке и на карту посмотрел:
а там, ох, ох, ох!

Духовная пища все чаще встречается полуфабрикатом. Даже когда читаешь этот «шедевр» второй раз, — все равно смешно. А потом — очень грустно.

Василий Бородин — лауреат премий Андрея Белого и «Белла», (№ 7 за 2017 г.).

Приснились только что задворки
какого-то ларька в стене:
ночь, снег, и все едят похлебку —
собаки, люди, и ко мне
собака тычется в карманы,
а корма нету, только чай.
Я говорю ей без обмана,
как человеку: «видишь: чай»,
трясу у уха красной пачкой,
а рядом женщина молчит.
Летает пар, и дым горчит.

Толпы графоманов рвутся к славе. Они и не подозревают, что настоящая слава — это когда узнают в профиль.

Интересно, а какие стихи пишет зав. отделом поэзии «Знамени» Ольга Ермолаева, которая «рулит» поэзией в журнале аж с 1978 года? Прочитал в Интернете десяток ее стихотворений — и удивился: очень даже неплохие стихи.

Ознакомился также с отзывом о ней поэта Юрия Беликова, где есть такие слова: «Ермолаева же за время служения русской поэзии не опубликовала в «Знамени» ни одного своего стихотворения». Это, безусловно, вызывает уважение. А может быть, ей просто стыдно публиковаться рядом с графоманами, причем самой низкой пробы? Но почему такой отбор текстов? А может быть, Ольга Ермолаева и не решает, кого и что печатать в журнале? Вопросов много, и, прежде всего, к руководителю журнала С. Чупринину.

Бывший главный редактор «Литературной газеты» Юрий Поляков как-то прямо сказал: «Знаете, с чем, за редким исключением, во многом связан кризис нынешних журналов? С тем, что при советской власти журналами руководили крупные писатели. И даже очень крупные: Твардовский, Наровчатов, Катаев, Полевой... Сейчас же даже такими серьезными журналами, как «Новый мир» или «Знамя», руководят люди малоизвестные и непонятно что сделавшие в литературе».

Есть вопросы и к тем, кто определяет, кому давать ту или иную литературную премию. Вспоминается когда-то прочитанная фраза — «Каждый получает то, что заслуживает, по мнению того, кто на раздаче». Видимо, поэтому пальма первенства быстро сохнет. У нас в стране более шестидесяти литературных премий. А где шедевры? Вот уж действительно, больше всего наград раздается после мнимых побед.

В 2007 году в «Новых известиях» вышла статья Евгения Евтушенко «Веничка Ерофеев из Самары», в которой выдающийся поэт восторгается творчеством Михаила Анищенко: «Наконец-то пришел долгожданный большой русский поэт — лучший подарок читателям поэзии за последние лет тридцать, если не больше...»

А за последние тридцать лет жизни Михаил Всеволодович Анищенко не получил ни одной литературной премии.

Чудны дела твои, Господи!

ЗНАМЯ НА АВГИЕВОЙ КОНЮШНЕ

«Общее впечатление: глубокая провинциальность может начинаться рядом с границами Подмосковья, хотя дело не столько в географии, сколько в подходе — выходят же как срез региональной и действительно современной литературы журналы дефакто уже всероссийского охвата, например, «Волга» в Саратове».

В данном случае само слово «провинциальность» призвано сознательно указать «Приокским зорям» на их место в писательской среде, дабы не лезли в калашный ряд столичных эстетов и гурманов от литературы. При этом, само собой, журнал «Знамя» является несомненным образцом для обитателей гетто, длящегося во времени и пространстве Российской действительности не первое десятилетие.

Пытаясь найти хоть какие-то сведения об авторе статьи «Уважаемая товарищ», обнаружил еще две статьи, качество которых повергло меня в совершенное уныние, в том же «Знамени». Но речь не о них, а о том, отчего Иван Стариков выбрал номер «Приокских зорь», вышедший полтора года назад (№ 2 2016 года), а не более близкий к сегодняшнему дню? Что же так напрягло окололитературного призрака именно в данном номере? Есть у меня по этому поводу свои соображения, но делиться ими не буду, ибо это только предположения, из-за которых не хочу быть обвиненным в домыслах.

Уровень некоторых поэтов нашего журнала не столь высок, как хотелось бы, но оценивать его может только тот, кто сам достиг непререкаемого авторитета в поэзии, кто сам что-то смыслит в ней, имеет свое мнение без оглядки на «старших товарищей». Похоже, Иван Стариков поднимает свое неподкупное перо только на того, на кого укажут и только тогда, когда укажут. На чем основан его столичный снобизм — непонятно, ведь даже при внимательном прочтении его статей (трех) не обнаружилось устойчивой основательности в суждениях и аргументированной поддержки не совсем стройным мыслям.

Возвращаясь к нападению, для многих необъяснимому, на журнал «Приокские зори», вполне закономерно посмотреть: а что же творится на страницах журнала «Знамя», если он вот так, с чувством полнейшего превосходства, решил загнать за можай «скромных провинциалов»? Наверное, под его знаменем собираются такие гиганты, если не гении, что тульским «графоманам» только и остается, что внимать с трепетом. В этом же, десятом номере журнала «Знамя» собрались поэты, откуда только можно: Лондон, Москва, Питер, Львов, Улан-Удэ, испанская линия есть. Столичность обязывает.

Читаем:

что-то город мне приснился,
позабытый мной совсем.
я учился, я учился
в школе № 37.

я повязывал свой галстук,
я кроссовки надевал,
я урок родному классу
по немецкому срывал.
(Олег Дозморов)

Это ли не образец поэзии, до которого нам тянуться и тянуться? Интересно, как бы автор вышел из положения, если бы номер школы был, к примеру, 168? То, что автор ходил в школу не босиком,— замечательно, но при чем здесь урок немецкого языка, как он связан с кроссовками? Была бы интрига, если бы ребенок надевал чужой галстук, а так...

Подборка стихов Олега Дормозова дальше расцветает новыми находками:

шел трамвай четвертый номер,
на площадке кто-то помер,
кто-то, кто-то, может, я?
выходи искать меня.

После таких стихов, подозреваю, он нужен только журналу "Знамя".

Апофеозом творческих изысканий можно было бы назвать вот это:

Урал, Урал, упорный край державы,
упертый, страшный, твердолобый край
стал поэтической российской славы
почти что заповедник или рай.

(Запутался в склонениях и спряжениях), если бы не это:

Ути, яйцекладущие, кровососущие,
ути, невымирающие, вездесрущие,
абсолютно бездарные, вши, упыри,
ну-ка, нечисть, пред словом поэта замри!

Можно было после этого журнал поставить на положенное ему место в ряду желтой литературы и не возвращаться к нему, но врожденная любознательность гонит меня дальше по его страницам.

Остались ангелы в темных шалях,
книжки с ятями, воск и возгласы,
одеревенелый брежнев в каракуле,
мао цзэдун на карауле,
клара без карла, в том же ракурсе
первые идолы — белахмадули...

На старость с выспренних высот
Смотрю и до сих пор не верю,
Что и она, как все, пройдет,
И хлопнет гробовою дверью.
(Мария Игнатьева)

Такому ассорти позавидует любой кулинар. Игра букв оправдана при наличии смысла. Тяжелая жизнь позади, ежели в голове такая каша осталась. «Гробовая дверь» — несомненная находка для автора, впрочем, как домовая или машинная.

Дверь гроба и гробовая дверь — совершенно разные вещи, особенно в примерке к стихам. Опять же, возникает вопрос: с какой стороны старость захлопнет дверь и с какой стороны автор, если за всем этим наблюдает с каких-то высот? Хлопнет дверью старость — да и пошла себе, автор все равно далеко.

Придумаю себе корабль,
похожий на один из многих,
и поведу сквозь волны вод,
сквозь камни суш.
(Марина Курсанова)

После таких строк читать что-либо еще нет необходимости.

И голова моя безухо и безлапо
печалится и серфит по сети,
печальная, форсирует события и бьется в монитор,
и чаще ей мерещится вдруг, что
она — корабль,
с пробоиной в каком-нибудь отсеке
и никакой возможностью побега.

Туман в тебя проникнет и навек
Запрет тебя в свой сероватый воздух,
Но ты там был, тебя не удивить,
Ведь ты теряться в розовых березках....
(Баярма Занаева)

Скажите откровенно, разве не смешно читать такие выплески измученной души?

Смотрим, что такое туман. Атмосферное явление, скопление воды в воздухе, образованное мельчайшими частичками водяного пара. Надо бы автору с туманом и воздухом как-то разобраться, что к чему и в чем.

И это не все, чем мог бы быть одухотворен, прочти я внимательней все стихи, а о прозе даже и думать боюсь. Осталось узнать, кто редактор поэзии в журнале «Знамя»? — Ольга Ермолаева.

Первое, что попалось:

Барин, под самым солнцем, под облаком журавли
в чудовищном токе воздуха: как нить, как рваная сеть.

Так, все-таки нить или рваная сеть? Разницу ни за какие уши не вытянешь до нужного размера. Частичка «или» здесь определяющая.

Завершая статью, не буду говорить о соринках и бревнах, а предлагаю журналу «Знамя» расчистить собственные конюшни, и только тогда, чистыми и вкусно пахнущими, приходить в гости.

Алексей Молодцов,
г. Тула

Ирина Кедрова
(г. Москва)

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД РЕЦЕНЗИЕЙ

Член Союза писателей РФ и Академии российской литературы

Рецензия Ивана Старикова «Уважаемая товарищ» на второй номер журнала «Приокские зори» (2016 г.), напечатанная в 2017 г. в десятом номере журнала «Знамя», вызвала много откликов, и это означает, что она задела за живое авторов и читателей нашего журнала.

Прежде всего, удивляет тот факт, что автор рецензии взялся за журнальный номер, который увидел свет более года назад, хотя к октябрю этого года у рецензируемого журнала вышло уже два номера.

Журнал назван в рецензии провинциальным. Так ли это? Несомненно, он выпускается не в столице нашей Родины, а в провинциальном городе Туле. Это та провинция, в которой жил и творил величайший мастер слова — Л. Н. Толстой. Один этот факт придает городу значение литературного центра. В Туле также появились на свет В. А. Жуковский и В. В. Вересаев.

Творчество названных русских писателей, впрочем, как и других, «вкачивалось» в жителей Тулы и Тульской области, взращивало современных поэтов и прозаиков, приучало их к широте и ясности художественного взгляда. Журнал «Приокские зо-

ри» публикует на своих страницах не только тульских писателей. Конечно, им отдается предпочтение. Однако политика А. А. Яшина, главного редактора журнала, состоит в том, чтобы отразить в каждом номере современную литературу — тульскую, московскую, сибирскую, разных городов и весей нашего Отечества, а также публиковать произведения русских авторов, живущих в других странах, но не утративших любви к родному языку (Е. Гаммер, Н. Ципис, О. Янгол и др.).

Правильно ли это? У читателя журнала создается прочное понимание того, как и в каком направлении развивается современная российская литература. Более того, главный редактор постоянно предлагает дискуссии об особенностях современного литературного процесса и связи литературы с жизнью, например, такие успешно проведенные дискуссии, как дискуссия о Манифесте нового русского критического реализма» (2011), дискуссии «Что написано пером» (2012), «Герой нашего времени в оцифрованном человейнике» (2014) и др. Авторы журнала откликаются своим участием в дискуссиях, а также анализируют творчество писателей досоветского и советского времени (Н. С. Гумилев, М. Ю. Лермонтов, А. С. Пушкин, И. С. Шмелев и др.).

Кстати, в отличие от представленного здесь рецензента мы считаем, вполне уместным, говоря о писателе, вставить в журнал некоторые его произведения: стихи, рассказы, критические заметки, эссе. Книги-то с их произведениями изданы в огромном количестве, и в Интернете можно почитать, однако в таком случае может произойти разрыв между творчеством писателя и словами о его творчестве.

К тому же, это Иван Стариков отлично знаком с творчеством русских писателей. Да, журнал ориентируется не только на знатоков литературы, но и на современных читателей, среди которых, к сожалению, встречаются те, кто еще не открыл для себя творчество, например, Н. С. Гумилева. Прочтет такой читатель доброе эссе о поэте, прикоснется к фрагментам его творчества, представленным в журнале, и, возможно, появится у него желание узнать, кто же такой Гумилев, о чем писал, чем дышал, почему спустя почти 100 лет к нему обращаются любители и знатоки поэзии.

Мы специально остановились на некоторых направлениях содержания журнала «Приокские зори», чтобы читатель полно представлял себе значение этого издания в развитии современной отечественной литературы. А также понимал, почему этот журнал награжден орденом Г. Р. Державина, русского поэта и государственного деятеля XVIII в.— начала XIX в., а также медалями «300 лет М. В. Ломоносову», «К 190-летию Н. А. Некрасова», почему журнал поддерживает Академия Российской литературы.

Нашего рецензента интересует вопрос о том, что это за Академия, и кто присуждал указанные на обложке награды. Полагаем, при желании он мог бы и сам разобраться в этих вопросах, не стремясь к принижению ни наград, созданных общественными писательскими союзами, ни Академии — общественной организации, объединившей значительную группу писателей. Никто не отрицает преимущества государственных объединений и наград, однако неразумно умалять общественные инициативы только оттого, что ты с ними не знаком. В ходе чтения рецензии постоянно возникает вопрос о цели ее написания. Развенчать? Уничтожить? Убить? Выполнить чей-то заказ?

Можно ли дать полновесный анализ журнала по одному номеру? Есть ли у рецензента ответственность за последствия опубликованного слова? Что лежит в основе критического подхода к журналу или к произведению? Только выявление недостатков? Или показ недостатков с целью их исправления, но одновременно и достоинств?

Умеет ли наш рецензент видеть достоинства и способен ли он объективно оценить произведение, журнал, книгу? Наверное, в нем это есть, только не смог он нас в том убедить. Не получилось.

На каждое произведение есть свой читатель. Один предпочитает текст, в котором все — сплошная оригинальность: оригинальность «сидит» на оригинальности, прикрывая порой смысл произведения. До этого смысла надо «докопаться», и читатель именно в этом видит цель чтения. Другой в восторге от четкости и ясности сказанного, он опирается на совет одного из ведущих писателей XVIII в. А. П. Сумарокова: «Кто пишет, должен мысль прочистить наперед». Третий желает стать соавтором поэта или прозаика, и ему нравится недосказанность, сломанность ритма, поиск новых рифм, идей, значений, поскольку все это следует объяснить себе и другим.

Кто прав? И один, и другой, и третий.

Оттого и литература многообразна не только по содержанию, но и по стилю изложения, по манере письма. Тебе не понравилось — это не значит, что произведение не найдет своего читателя. Да и почему ты решил, что именно ты определяешь: произведение высокохудожественно или безыскусно, графомания это или уникальность.

Замечательное слово «графомания»: оно подойдет подо все, что тебе не понравилось, в чем ты не разобрался. Определение понятия «графомания» сводится к следующему: это психиатрический термин, означающий патологическое стремление, болезненную страсть к написанию текстов, которые не представляют культурной ценности, бесполезное сочинительство.

Приведенное определение требует ответа на ряд вопросов литературного и психиатрического содержания. Если это психиатрический термин, то только специалист психиатрии сможет в полной мере разобраться, наличествует ли патология в написании текстов, имеется ли здесь болезненная страсть.

Если говорить о нас — о литераторах, то насколько ты опытен и есть ли у тебя знания, позволяющие разобраться в культурной ценности текста. Полагаем: данный термин надо как можно реже и в достаточно обоснованной мере применять в рецензиях на художественные произведения.

Что же — не писать критические рецензии? Обязательно писать, только тщательно изучать рецензируемые тексты, продумывать цели и последствия критического слова, способы выражения критики.

Посредством разумной и обоснованной критики мы обучаем и воспитываем поэтов и прозаиков. Простите за введение педагогических терминов в литературное размышление, однако поймите: без продуманно организованного обучения и воспитания литераторов мы не создадим будущее нашей литературы. Такая критика подсказывает носителям художественного слова пути совершенствования и развития творчества.

Критические рецензии не должны «убивать» авторов, «уничтожать» их стремление выразиться. Они должны давать им информацию к размышлению, вводить их в мир самокритического отношения к своему творчеству. И для журнала критическая статья о нем в целом или об отдельном его номере должна явиться анализом творческой деятельности писательского коллектива, стимулом для его развития, а также открытия новых имен в литературе, новых тем, проблем и способов их раскрытия.

Елена Аверьянова
(г. Архангельск)

НЕТ ХУДА БЕЗ ДОБРА

Родилась в 1960 году в городе Вельске Архангельской области, по образованию экономист. В 1991 году окончила ВЗФИ (Архангельский филиал). С 1996 года занимается живописью в художественной студии Сверчкова А. С. при Архангельском музее изобразительных искусств города Архангельска. С 1998 года — участница различных выставок. 20 лет отработала бухгалтером в Дирекции по обслуживанию пассажиров на Северной железной дороге. С 2013 года вышла на заслуженный отдых и продолжает заниматься живописью.

В октябре этого года вышел в свет очередной номер журнала «Знамя». В рубрике «Наблюдатель» опубликована статья Ивана Старикова «Уважаемая товарищ...» — рецензия на второй номер журнала «Приокские зори» (Тула) за 2016 год.

«Рецензия — это же отзыв, критический разбор и литературная оценка публикациям в журнале»,— подумала я и, признаюсь, с тревогой села читать статью И. Старикова. Дело в том, что именно в № 1 и № 2 за 2016 год в журнале «Приокские зори» опубликованы мои небольшие автобиографические рассказы — первый и пока единственный мой опыт в литературе. Я ни на что не претендую, просто своими воспоминаниями я хотела отдать дань памяти моему папе — Шеру Борису Константиновичу, кинорежиссеру народной киностудии «Проба» Щекинского ПО «Азот». В декабре 2016 года, в год кино, ему исполнилось бы 90 лет, он прожил яркую, интересную, творческую жизнь. В городе Щекино Тульской области, где он работал и жил, его многие знают и по сей день помнят. В первую очередь я писала для моих родных, друзей, знакомых и просто для тех людей, которые с великим уважением все еще относятся к моему папе. Правда, у меня, живущей в Архангельске, была загвоздка, как и где опубликоваться, чтобы щекинцы могли прочитать и вспомнить его, а возможно и себя в то не так уж и далекое советское время.

В Интернете, в поисковике набрала: «Тульские литературные журналы», и в основной массе ответов на запрос Интернет выдал название журнала «Приокские зори». Почитала предложенную информацию, цитирую: «Журнал «Приокские зори» — ордена Г. Р. Державина литературно-художественный и публицистический журнал, основан в 2005 году, издается при организационной поддержке Академии российской литературы, Тульской писательской организации Союза писателей России и Тульского университета». Далее: «Первоначально журнал «Приокские зори», как межрегиональный, ориентировался на публикации авторов Тульской, Калужской, Орловской и Курской областей, но уже вскоре приобрел статус всероссийского, а де-факто и международного издания. С этого времени среди постоянных авторов журнала — литераторы России, Украины, Латвии, Китая, Германии, США, Израиля, Англии, Италии и других стран. Интерес к изданию проявили две крупнейшие библиотеки — Конгресса США и Сиэтла, пожелавшие иметь у себя номера журнала». После такой информации я немного спасовала: журнал такой солидный, именитые авторы, а тут я со своими воспоминаниями. Да будут ли со мной вообще редакторы разговаривать?

Но желание вспомнить о папе, добрейшей души человеке и незаурядной творческой личности, взяло надо мной верх, к тому же, очередная информация, прочитанная в Интернете, меня приободрила и вселила надежду, цитирую: «Редколлегия журнала «Приокские зори» трепетно относится к каждому авторскому слову, оставляя приоритет за пишущим. Рецензенты своим честным словом открывают новые таланты, поясняют, растолковывают, спорят, воздействуют на читателя. Они помогают и тем, кто только вступает в большую литературную жизнь, и тем, кто давно триумфально шествует по ней. Причем, делается это, не раня, не оскорбляя достоинств авторов. Рецензенты помнят о главных задачах — созидать и проявлять чуткость, ненавязчиво обучая и интеллигентно направляя в нужное русло. (Ольга Бугримова)».

Надо сказать, если коллектив журнал получил такую высокую, одобрительную оценку — это о чем-то говорит. Набравшись смелости и решительности, я отправила свои рассказы по электронной почте, которая была указана на сайте журнала. И вот я на страницах такого популярного журнала, о чем можно еще мечтать! Мои рассказы прочитаны, и прочитаны не только моими родными, друзьями, знакомыми, но и той замечательной аудиторией, которая следит за публикациями в журнале, да и за судьбой самого журнала. А больше всего меня порадовало то, что многие из моих знакомых стали постоянными читателями этого популярного журнала, некоторые делились со мной впечатлениями о прочитанном, о том, что много интересного и нового почерпнули со страниц журнала, открыли для себя заново Н. М. Рубцова, Н. С. Гумилева. Не это ли лучшая рецензия журналу?

Пользуясь случаем, хочется выразить свою признательность и благодарность профессиональному коллективу журнала за понимание, за их корректное отношение к авторам и за оказанную мне поддержку в публикации материала.

Рецензию Ивана Старикова на второй номер журнала «Приокские зори» за 2016 год я читала несколько раз, пытаясь найти литературную оценку публикациям, найти хотя бы что-то, что дало бы мне, делающей первые шаги в литературе, понять на своем примере и примере других опытных литераторов, правильность изложения своих мыслей, ведения сюжетных линий в своих рассказах. Ведь само слово «критика» означает «искусство разбирать и судить». «Искусство разбирать» в статье И. Старикова я не увидела, хотя очень хотела, а вот «судить» — это да,— это «жирной линией» от начала до конца по всей его рецензии. Я не специалист в вопросах рецензий и литературной критики, но в данном случае, думаю, что критика Ивана Старикова на второй номер журнала «Приокские зори» за 2016 год необоснованна, необъективна и шаблонна и, чтобы не быть голословной, постараюсь сделать небольшой анализ рецензии на примере отзыва на мои рассказы. Думаю, что я вправе так поступить, потому что я вытащила счастливый билет. Объясняю: мои литературные публикации в № 1 и № 2 за 2016 год данного журнала, как я уже говорила, первые и пока единственные в моей жизни, и надо же было такому случиться, что из всех номеров журнала, вышедших в свет за одиннадцать лет его существования, именно на второй номер за 2016 год сразу два московских издания публикуют рецензии. В журнале «Знамя» рецензия негативная, а в газете «День литературы» отзыв позитивный. Мой первый литературный опыт — и сразу такая удача: публикация в журнале и отзывы сразу в двух московских изданиях; такое везение не часто выпадает даже авторам со стажем, а мне, новичку в литературе, сразу повезло!

На страницах журнала «Знамя» в статье И. Старикова «Уважаемая товарищ», на мои рассказы такой отзыв, цитирую: «Раздел прозы открывается «Дворовыми зарисовками» Елены Аверьяновой, интересными в первую очередь самой Елене Аверьяновой и ее знакомым». Над такой формулировкой я долго размышляла, задавая себе вопросы: «Меня похвалили? Или меня раскритиковали? А может меня проигнорировали?» То, что меня проигнорировали, сразу «отмела», ведь автор хоть две строчки,

но пишет обо мне, значит, он читал мои рассказы и делал для себя какой-то вывод. Тогда думаю: критикует. Но ни замечаний, ни разбора, ни оценок я не увидела. Похвалой такой отзыв тоже не назовешь. Если отзыв не подкреплен доводами, весомыми доказательствами, анализом, то его вправе считать необоснованным. Иван Стариков пишет, что рассказы интересны мне и моим знакомым, и он прав, при написании рассказов я перед собой ставила именно эту цель,— написать так, чтобы было интересно читать моим знакомым, а заодно любому читателю журнала, но я не уверена, что рецензент именно это имел в виду. Когда рецензент выражает свою мысль так, что читатель не может сделать для себя правильного вывода, понять смысл критики, подчерпнуть для себя нужную информацию, значит, рецензия написана шаблонно, «дежурными» фразами, не раскрывая сути предмета.

На страницах газеты «День литературы» № 9 за 2016 год в рубрике «Форум» в статье, которая так и называется «Приокские зори», Тула, № 2 — 2016 Литературно-художественный и публицистический журнал», тоже есть отзыв на мои рассказы, цитирую: «Заслуживают внимания милые детские воспоминания Елены Аверьяновой, фантастический рассказ Ольги Карагодиной, произведения Виктора Хромова, Василия Бабушкина-Сибиряка и Ольги Несмеяновой». Эта рецензия по объему меньше, чем рецензия Старикова, но по мысли глубокая. Критик смог выразить свою мысль и сделать вывод так, что у меня, как у автора, не возникло размышлений, как на критику Старикова. Всего два слова «заслуживают внимания» — и мне становится понятно, что мой первый литературный опыт выдержал экзамен. Я оказалась в одном ряду с опытными авторами, такими, как Ольга Карагодина, Виктор Хромов, Василий Бабушкин-Сибиряк, Ольга Несмеянова, у которых за плечами солидный литературный стаж, многочисленные публикации, которые являются участниками и призерами конкурсов, дипломантами литературных премий.

Два отзыва, две рецензии, две оценки, два мнения на публикации в журнале. Что за этим стоит? А стоят два абсолютно разных подхода на прочтение рецензируемого материала. В принципе ничего необычного, так и должно быть. Но весь вопрос в том, как полученную информацию рецензенты преподносят читателю? В нашей жизни и так много негатива, раздражительности, грубости, поэтому хотелось, чтобы между рецензентом и автором возникал творческий, интеллигентный диалог, а не творческая перепалка. Хотелось бы после прочтения рецензии на журнал взять его в руки и углубиться в чтение, получая удовольствие от прочитанного, а не бежать к письменному столу и отвечать на безосновательную критику. Но, «нет худо без добра», если бы колесо фортуны не выбрало второй номер журнала, а Иван Стариков не написал бы свою критическую статью, то я, возможно, и не попробовала бы себя в такой области как литературный анализ.

Газете «День литературы» я хочу выразить свою благодарность за публикацию статьи о журнале «Приокские зори». Благодаря этому отзыву, я поняла, что не ошиблась в выборе журнала. Я не опустила руки, поверила в себя и продолжаю писать.

ОТВЕТ ПО СУЩЕСТВУ

В № 10 — 2017 журнала «Знамя» опубликована критическая статья Ивана Старикова «Уважаемая товарищ...», в которой автор старательно прошелся в том числе по поэтическому разделу наших «Приокских зорь». Он в частности пишет: *«К сожалению, если среди прозаического блока графомании немало, то стихи таковы почти все, притом она разнообразна: есть аляповатое наивное ремесленничество про при-*

роду, есть такое же про глаза и страсти, ну и, само собой, яростные агитки, чудовищно пошлые при этом». Лихо сказано! Что ж, разберем основные пункты.

И. Стариков, видимо, не привык утруждать себя убедительными доказательствами, он предпочитает навязывать читателю свои собственные, не вполне адекватные оценки. Любопытно, что в качестве иллюстраций он цитирует фрагменты, которые как раз получились у авторов удачными. Вот, например, ему очень не нравится поэма вашего покорного слуги «Песня о Гришке Отрепьеве». Стариков пишет: *«...(начало и конец этого эпоса в номер не поместились), видимо, в роли Лжедмитрия — «законченный урод» Хрущев».* Если вы, уважаемый критик, не читали начала и не знаете, чем поэма заканчивается, то будьте так любезны, оценивайте конкретно опубликованный отрывок и не делайте нелепых предположений. Приводится цитата: *«Дальше грянули Карибы. / На зловещей их волне / Перейти черту могли бы, / Быть бы ядерной войне».* Спрашивается, что в этом четверостишии неправильного? Искажается исторический факт? Неверно оценивается политическая обстановка 1962 года? Есть стилистические или, того хуже, технические погрешности? Вовсе нет. Но Старикову не нравится, а значит, написано плохо. Есть, есть такие люди, которые все подряд огульно охаивают.

О стихотворении Игоря Лукьянова. «*Лесенкой Маяковского он производит... такие строки: «Союз хулите / не на шутку. / Но кем он был — / вам не достичь. / — Чего ж вы врете, / проститутки! — / Кричит / сквозь мавзолей / Ильич...». Представляю себе этот зомби-апокалипсис».* Приведенные строки И. Лукьянова с поэтической точки зрения безупречны, а если уважаемый критик придерживается другой ориентации (политической, не подумайте плохого!), то это, как говорится, его трудности. Последнее же его замечание насчет зомби — это вообще из репертуара интернет-тролля. Чуть ниже только уровень гопника. Кто бы рассуждал после этого о «чудовищной пошлости»...

Досталось «на орехи» и Олегу Пантюхину: «*Олег Пантюхин сообщает следующее: «Когда разрывает тебя изнутри, / Поэзия руку протянет — живи!». Будем надеяться, теперь Олега не разорвет*». Здесь наш литературный критик опускается до банального хамства.

Стариков находит странными строки Анатолия Аврутина: *«И Орда одолела... Не нас — тех, кто следом пришел, / Тех, кто вытравил память из шариков гемоглобина».* Что ж тут странного, уважаемый? «Под другим именем о тебе сказка сказывается».

И, наконец: *«Единственное стихотворение Беллы Верниковой... никуда не годится, и дело даже* ***не в неверном ударении (или сбое размера — на выбор)*** (выделено мной — В.Р.)*: «И дальше строки не тебе, / а страсти выйти за пределы, / нацеленности на побег, / которая и мной владела».* Где тут «неверное ударение»? Где «сбой размера»? Здесь этого нет и быть не может, потому что мы в «Приокских зорях» не допускаем к публикации произведения с такими техническими недостатками. Получается одно из двух. Или Стариков плохо разбирается в стихосложении, что само по себе для критика плохо. Или же, наоборот, он разбирается в этом хорошо, что еще хуже. В последнем случае становится понятной сверхзадача стариковской статьи, «литературная ценность» которой так «закономерно стремится к нулю».

...Не так давно некоторыми, скажем так, критиками была предпринята довольно бесцеремонная попытка протащить в наш журнал статью подобного содержания и в ней основательно его же, журнал, облить помоями. Не вышло в дверь — сойдет и окно.

В целом же мы должны от души поблагодарить Ивана Старикова и журнал «Знамя». Если о нас пишут в таком враждебном и ругательном ключе, захлебываясь от злобы, значит, мы на правильном пути.

Владимир Резцов,
заведующий отделом поэзии «Приокских зорь»

ХОТЕЛА МОСЬКА СЛОНА УКУСИТЬ

Когда я узнал, что в десятом номере журнала «Знамя» вышла критическая статья литературного критика Ивана Старикова, в которой он рецензирует произведения, опубликованные во втором номере журнала «Приокские зори» за 2016 год, я обрадовался. «Наконец-то нашелся серьезный литературный критик, профессионал в своем деле, который на страницах именитого литературного издания дает оценку авторам нашего журнала»,— подумал я. А в том, что критик Иван Стариков профессионал в своем деле, я не сомневался — не может же авторитетный литературный журнал публиковать на своих страницах абы кого?! Нашел в Интернете статью, она называется «Уважаемая товарищ...» Приокские зори. Именно так, часть названия «Уважаемая товарищ» взята автором в кавычки. Поначалу немного удивило то, что к слову «товарищ» критик применил женский род — она, товарищ. Но не обратил на это особого внимания, бывают же, в конце концов, и некоторые женщины товарищами. Не скрою, читал с волнением. Ведь профессиональный, на мой взгляд, литературный критик в авторитетном литературном издании оценивает не только авторов нашего журнала, но и меня лично, как отвечающего в наших «Зорях» за прозу. Не могу передать словами свое разочарование, когда после неоднократного прочтения статьи я не увидел ни малейшего намека на литературную критику. Если об опубликованной в журнале поэзии Иван Стариков еще худо-бедно что-то смог вымолвить, то прозаические произведения он всего-навсего обозначил. Единственным прозаическим автором, о котором чуть больше других сказал Стариков, стал Игорь Карлов. По его, стариковскому, мнению произведение Игоря Карлова оказалось, как он пишет, цитирую: «*К несчастью, слишком многословным»*. Но почему оно многословно, и какое Старикову оно принесло несчастье, он умалчивает. Многословное произведение или не многословное — это, как говорится, вопрос спорный. Вот, пожалуй, и все о прозе.

Да! Слабовато! Хотелось бы от критика, да еще со страниц такого уважаемого журнала, каким является «Знамя», получить более подробную характеристику прозаическим произведениям, опубликованным в «Приокских зорях». Например, о том, как в целом он оценивает выраженные авторами в своих произведениях темы и сюжетные линии перипетий своих героев, объективно ли показаны характеры этих героев, показан ли их внутренний мир. Насколько правильно авторы выстраивают диалоги своих героев?! Но, видимо, с такими критериями, по которым литературное произведение оценивается именно как литературное, Стариков не знаком. А зачем вдаваться в такие подробности?! Легче взять и объявить, что вся поэзия и часть прозы в журнале «Приокские зори» — это никакая не литература, а графомания! Вот так-то! Ни много, ни мало! Главное сказать, да еще со страниц авторитетного литературного журнала! А из каких соображений критик исходил, выдавая такую оценку, он объяснять не стал. Или, может быть, все-таки — не сумел? Не хватило профессионализма?! А я то о нем — профессионал, профессионал! Ошибочка вышла!

Ехал я как-то в поезде и в дороге читал книгу одного из наших классиков, не буду называть его фамилию. Напротив меня сидел незнакомец с каким-то, как я успел заметить, странным блуждающим взглядом. Он то начинал внимательно всматриваться в обложку книги, которую я читал, то быстро отводил взгляд и смотрел куда-то в сторону, то начинал смотреть на проплывающий за окном пейзаж, и тут же устремлял взгляд к потолку, а затем вновь вглядывался в обложку книги. Наконец-то он высказал: этот автор, которого вы читаете, был сумасшедшим. На мой вопрос, почему он утверждает такое, незнакомец, немного помолчав, ответил: я это чувствую. Вероятнее всего, Стариков, когда читал журнал «Приокские зори», как тот мой попутчик, тоже чувствовал, что в нем опубликована не литература, а графомания, вот только на словах он это выразить не смог, какое-то у него изложение получилось

сумбурным. То он пишет, что ему не нравится в нашем журнале обложка, цитирую самого Старикова: «*Дизайн обложки последнего на момент обзора выпуска, как и всех остальных номеров, напоминает скупую книжную графику позднесоветских времен, с задней стороны гордо сообщается, что «за верное служение отечественной литературе и дальнейшее развитие ее традиций» журнал награжден орденом Державина, медалями Ломоносова и Некрасова».* Представляете? Литературный критик пишет, а именитый литературный журнал «Знамя» это печатает: *с задней стороны!?* Вместо того, чтобы написать: «*на четвертой стороне обложки*», он пишет — «*с задней стороны»* даже не обложки, в данном случае слово «обложки» в стариковском тексте отсутствует, а выходит дело — с задней стороны журнала?! Но это я так предполагаю, что журнала. Что же в действительности имел в виду критик Стариков, когда писал о задней стороне, я точно утверждать не берусь. Вот так-то! Вот графомания — так графомания! Видимо, не о той части стороны думал критик, когда сочинял свою статью. Затем Старикова начинают раздражать фамилии членов редколлегии нашего журнала, и он пишет, цитирую: «*В числе редколлегии названы, в том числе, председатель правления Союза писателей России Валерий Ганичев и проректор Литинститута Валентин Сорокин, также указано, что главный редактор Алексей Яшин — «член Правления Академии российской литературы».* А то, совершенно не боясь, что в определенных кругах может прослыть невеждой, признается, что ничего не слышал об Академии Российской литературы, цитирую самого Старикова: «*За последние годы появилось много новых удивительных академий, например, Международная академия философии хозяйства. Почему бы не быть Академии российской литературы заодно?»* Вот о Международной академии философии хозяйства литературный критик Иван Стариков знает, а об Академии российской литературы он слыхом не слыхивал! Надеюсь, что теперь, благодаря нашему журналу «Приокские зори», Стариков узнал о существовании такой академии. А дальше, видимо, вспомнив, для чего он все-таки взял в руки «Приокские зори», становится критиком и начинает рецензировать тексты, правда, как выяснилось, не совсем умело. Думаю, что было бы лучше, если бы критик Стариков свои критические оценки показал бы на пальцах, чем он их изложил письменно, было бы более понятно, но, к сожалению, для Старикова журнал «Знамя» всего лишь журнал, а не телевизор.

А завершает свою критическую оценку Иван Стариков совсем уж пессимистично, цитирую: *«Может быть, если бы журнал выходил раз в год при том же объеме (или полсотни страниц в квартал), а редакторский отбор стал бы жестче в несколько раз, не пришлось бы выискивать с лупой качественные тексты. Правда, наличие в составе редакции ряда имен авторов процитированных произведений подсказывает, что это вряд ли случится».* Вот так-то! Не верит критик в светлое будущее нашего журнала — впору для «Приокских зорь» похоронный марш заказывать! Вот только опять критик не точен. Не может подсказать нам, сиволапым, что же нам предпринять для улучшения ситуации, то ли один раз в год журнал издавать, то ли ужесточить редакторский отбор? *«Может быть»* — пишет он. Так и хочется продолжить: а может и не быть! Какие-то блуждающие мысли одолевали критика Старикова, когда он статью сочинял, никак он не мог определиться, что же он хочет написать: честную грамотную рецензию на журнальные произведения или облить наш журнал помоями? Чем-то его мысли схожи с блуждающим взглядом моего попутчика в поезде. Что-то подрастерялся немного критик на прославленном литературном поле журнала «Знамя».

Кстати, а что же именитый и авторитетнейший некогда литературный журнал «Знамя»? Он то как смог на своих страницах напечатать такого, мягко говоря, некомпетентного критика? Проворонили, наверное, знаменосцы? Это для меня остается загадкой.

Еще для меня остается большой загадкой, какую же цель в действительности преследовал Иван Стариков, критикуя произведения в журнале «Приокские зори»? С чего он вдруг заинтересовался нашим журналом? В нем он ни разу не публиковался, даже не присылал для публикации свои рукописи. Неужели он так сильно ратует за наш журнал, что решил нам помочь в выявлении литературных огрехов, которые мы иногда можем не заметить своими замыленными редакторскими взглядами? Или он ратует за поэтический альманах «Среда»? Вот как пишет о нем в своей статье сам Стариков, цитирую: *«Характерно, что в Туле выходит поэтический альманах «Среда» Владимира Пряхина (и книжная серия в виде приложения), большая часть стихотворений в котором, что называется, рядом не стояла с псевдопоэзией «Зорь». Но никого из авторов альманаха в журнале не видно»*. И это мне не понятно. Журнал «Приокские зори» и альманах «Среда» не конкуренты вовсе! У альманаха свои авторы, у нас — свои. Если авторы «Среды» желают опубликоваться в нашем журнале, то, как говорится, милости просим, была бы только литература хорошая. К тому же и журнал «Приокские зори» и альманах «Среда» — тульские, а Иван Стариков, насколько мне стало известно, живет не в Туле, и даже не в России! Почему он так сильно ополчился на журнал «Приокские зори», что решил прилюдно его обгадить?

Я полагаю, что Иван Стариков, когда писал о «Зорях», все-таки не находился под чьим-то злым воздействием на него извне. Все же, я думаю, он человек не глупый и прекрасно понимал, во что ввязывается, и не хотел своей некомпетентностью выставлять себя, а заодно и знаменитый журнал «Знамя» на всенародное посмешище. И уверен, что он совсем не хотел оказаться в роли Моськи, которая лаяла на слона, но так и не смогла его укусить.

Геннадий Маркин,
заместитель главного редактора,
завотделом прозы литературно-художественного
и публицистического журнала «Приокские зори»

V ТУЛЬСКИЙ ОБЛАСТНОЙ СЛЕТ МОЛОДЫХ ЛИТЕРАТОРОВ

17 декабря 2017 года в Тульском государственном музее оружия прошел V Тульский областной слет молодых литераторов.

Сначала в малом зале музея состоялось торжественное открытие слета. На нем выступили с приветствиями председатель Тульского регионального отделения Союза писателей России Н. А. Жуков, заместитель директора Тульского государственного музея оружия Е. И. Кусая, председатель Тульского областного отделения литературного фонда России В. Я. Маслов, председатель следственного управления СК по Тульской области Е. Н. Смирнова и другие.

Состоялось музыкальное приветствие к V слету, подготовленное композитором С. В. Сениным. Были исполнены музыкальные произведения прекрасными солистами Евгением Хвостовым и Марией Сениной.

Затем прошли заседания поэтической и прозаической секций слета, где было обсуждено творчество 26-ти молодых тульских литераторов.

В завершении слета в торжественной обстановке были вручены награды лучшим участникам. Победителем в номинации «Поэзия» стал Д. А. Нестеренко, в номинации «Проза» — В. В. Васильева.

Настоящими открытиями слета стали лауреаты дипломов I степени V слета О. Н. Гайдабрус, А. А. Нестеренко, М. М. Денисова, М. С. Сенина, Н. О. Егорова, Ю. Юмакс, К. П. Печенина, Е. С. Козлов.

К сожалению, к данному реальному событию в культурной жизни Тульского региона не проявили интереса местные телеканалы и радио.*

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА

19 декабря 2017 года на 81-м году жизни, после тяжелой продолжительной болезни, скончался член Союза писателей России, поэт, прозаик, лауреат литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, областной премии им. Л. Н. Толстого Николай Ильич Боев.

Николай Ильич Боев родился в 1937 году в селе Шукавка Воронежской области. После окончания семилетки приехал в Тульскую область и поступил в ремесленное училище. На машиностроительном заводе в городе Узловая проработал 15 лет слесарем, бригадиром, мастером, начальником участка, заместителем начальника цеха. Бригаде Николая Боева одной из первых в Тульской области было присвоено звание «Бригада коммунистического труда».

Награждался Почетной грамотой ЦК ВЛКСМ, правительственной медалью. Работал на радио, в редакции районной газеты, социологом в научно-исследовательском институте. Одновременно Николай Боев учился в вечерней школе, вечернем техникуме, а в 1967 году закончил Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.

Первые стихи Николая Боева были опубликованы в заводской многотиражке. Затем он публиковался в центральных газетах и журналах России. Подборки его стихов печатали сборники «Ровесник», «Слово о подвиге», «Родники народные».

Первый сборник стихов Н. И. Боева «Утренняя земля» вышел в Туле в 1971 году. А в следующем году вышла книга для детей «Встал художник спозаранку».

В последующие годы Н. И. Боев публиковался в альманахах «Поэзия», «Вдохновение», в коллективных сборниках городов Москвы, Тулы, Воронежа, Эртиль Воро-

* Журнал «Приокские зори» давал информацию о предстоящем мероприятии на своих страницах и электронных ресурсах, и публикует сообщение о его проведении.

нежской области. Он издал целый ряд сборников стихов и прозы, которые нашли своего многочисленного читателя. Николай Ильич — победитель различных литературных конкурсов поэзии.

До последнего времени Николай Ильич оставался активным членом нашей писательской организации. Память о нем навсегда останется в наших сердцах.

Правление Тульского отделения
Союза писателей России.

ВЕЧЕР «ДАВАЙ ПРОЙДЕМ ПО ГОРОДУ ЛЮБИМОМУ»

5 декабря 2017 года в Городском концертном зале г. Тулы с большим успехом прошел юбилейный авторский вечер «Давай пройдем по городу любимому» поэта Валерия Ходулина.

ЯРОСЛАВ СМЕЛЯКОВ НА ТУЛЬСКОЙ ЗЕМЛЕ

К 105-летию со дня рождения Я. Смелякова (1913—1972)

С Тульской землей знаменитого поэта Ярослава Смелякова свела непростая и во многом трагичная судьба. В 1946 году его освободили из заключения, но в Москву вернуться не разрешили. Смелякова направили в Сталиногорск (ныне Новомосковск) в нашей Тульской области.

Кем только не пришлось трудиться вдали от родины корифею русской поэзии! Сначала Ярослав устроился работать на шахте в поселке Донском, затем стал помощником заведующего банно-прачечным комбинатом! Но талантливый поэт ни на минуту не прекращал творческую деятельность. «Ни дня без строчки!» — это о нем, о его трудолюбии и способности творить в самых неожиданных местах и условиях. Смеляков был настолько литературно плодовит, что успевал сотрудничать сразу в двух газетах — «Сталиногорская правда» и «Московская кочегарка», где выходили его заметки и стихи.

Не чурался знаменитый поэт и местных литераторов. Главный редактор «Сталиногорской правды» Константин Иванович Разин принял опального поэта в штат редакции, что существенно улучшило его жизненные условия и подняло авторитет у местной власти. А когда сталиногорский поэт Степан Поздняков приютил его в своей комнате, то быт Ярослава и вовсе «устаканился». Правда, жили они в тесноте, да не в обиде: койку Ярослава отделял от хозяев большой самодельный шифоньер. По ночам

Смеляков сочинял стихи, а утром читал их Позднякову. Изредка и неохотно по настойчивым просьбам друга Смеляков рассказывал о своей жизни в немецких и советских лагерях, признавался, что его очень беспокоила разлука с матерью, ее страдания и лишения.

«А что до меня самого,— писал он в письме на родину,— то это все ерунда, были бы чернила, да то, что этими чернилами можно писать, ведь моим истинным увлечением всегда были и будут одни стихи, и хорошее стихотворение делает меня счастливым вопреки всему остальному».

По счастью, возможность записывать стихи в лагерях у Смелякова была. Несмотря на тяжелые обстоятельства, он сочиняет светлые стихи о матери, полные патриотизма строки о Родине, о воевавших солдатах, о прекрасных русских женщинах. Из этих стихотворений, сочиненных на тульской земле, особенно известны «Вот опять ты мне вспомнилась, мама», «Земля», «Кремлевские ели», «Милые красавицы России», «Манон Леско».

Смеляков приходил на спектакли городского народного театра, писал о них в местной газете. Он руководил литобъединением, участвовал в вечерах поэзии, организуемых Поздняковым во Дворце культуры. Стихи Смелякова начинают печатать толстые московские журналы «Знамя», «Новый мир». Так, можно сказать, тульская земля, родина многих известных поэтов, дала Ярославу Васильевичу Смелякову вторую жизнь. Московские друзья хлопочут за него, и вскоре ему разрешают вернуться в Москву.

Если говорить о биографии известного поэта, то родился он в городе Луцке Волынской губернии в простой рабочей семье, но уже тогда будущий поэт стал писать стихи о родной земле и красоте природы:

«Я родился в уездном городке и до сих пор с любовью вспоминаю
убогий домик, выстроенный с краю проулка, выходившего к реке.
Мне голос детства памятен и слышен. Хранятся смутно в памяти моей
гуденье липы и цветенье вишен, торговцев крик и ржанье лошадей».

Свои первые стихи он сочинил в десять лет. Ярослав помещал их в стенгазетах, читал на занятиях литературного кружка, поэтических вечерах в Доме печати. Значительное влияние на его раннее творчество оказала поэзия Владимира Маяковского, на выступлениях которого он несколько раз бывал.

Другим его кумиром был поэт Михаил Светлов, с которым его свел случай. Ярослав принес стихотворение «Баллада о числах» в молодежный журнал «Рост», но случайно перепутал дверь и оказался прямо в кабинете главного редактора журнала «Октябрь» Светлова. И тот, неожиданно для начинающего поэта, принял стихотворение в печать. Спустя небольшое время Смелякова, закончившего курс машинных наборщиков, направили в типографию Полиграфиздата. Буквально на третий день работы к нему в набор случайно попали страницы «Октября» с его стихотворением.

Вместе с ним литобъединение посещали тогда начинающие, а впоследствии именитые поэты Сергей Михалков, Лев Ошанин, Маргарита Алигер. С Маргаритой Ярослава связывали нежные чувства. Молодые люди были влюблены, встречались, гуляли по Москве, читали друг другу стихи. Во время одного из свиданий Ярослав подарил Маргарите серебряное кольцо и полушутя сказал: «Пока будешь носить кольцо, у меня все будет хорошо».

Сначала у Ярослава действительно все складывалось замечательно. Он знакомится с известным поэтом Эдуардом Багрицким, который печатает его стихи в журнале «Новый мир». В Госиздате художественной литературы у Смелякова выходит первая значительная книга «Работа и любовь», которую он сам набирал в типографии. Название книги довольно точно отражает содержание его творчества того периода. Уже

тогда лейтмотивом его произведений можно считать четверостишие из стихотворения «Любовь»:

«Я набираю и слышу в качанье истертых станков, как с каждой минутою ближе твоя и моя любовь».

Несмотря на то, что в годы его юности к слову «романтизм» относились несколько презрительно, Ярослав и его друзья по перу сами были романтиками, не сознавая этого. На общем фоне его стихи выделяются особым лиризмом, искренностью и мастерством. В 1934 году его принимают в Союз писателей. Поэт увлечен пафосом социалистического строительства, а советские идеалы стали его мировоззрением.

Ярослав дружил с двумя талантливыми молодыми поэтами Павлом Васильевым и Борисом Корниловым. Все три поэта хоть и были «вполне советскими», но вождям заказных славословий не сочиняли. В их творчестве ощущалась внутренняя свобода, присущая настоящим поэтам. Неудивительно, что вскоре их начали травить в газетах, причиной чего лишь формально была борьба с богемным образом жизни за «чистоту нравов» и трезвость. Смеляков предвидел это:

«Я был тогда сутулым, угрюмым, хоть мне в игре пока еще везло, уже тогда предчувствия и думы избороздили юное чело».

14 июня 1934 года сразу в четырех авторитетных газетах — «Правде», «Известиях», «Литературной газете» и «Литературном Ленинграде» вышла первая часть обширной статьи М. Горького «Литературные забавы», в которой приводится письмо некоего «партийца», а фактически доносчика:

«Несомненны чуждые влияния на самую талантливую часть молодежи. Конкретно: на характеристике молодого поэта Яр. Смелякова все более и более отражаются личные качества поэта Павла Васильева. Нет ничего грязнее этого осколка буржуазно-литературной богемы. Политически (это не ново знающим творчество Павла Васильева) это враг...».

Здесь доносчик имеет в виду брошюру лирики «Счастье», которая вышла у Смелякова. Слова о якобы «анархо-богемском духе» его творчества стали причиной первого ареста поэта.

«Отсидка» Смелякова оказалась не очень долгой. Он ударно работал в тюрьме, был бригадиром, его выпустили досрочно в начале 1937 года и перевели на правах воспитанника в трудовую коммуну НКВД. Здесь издавалась газета «Коммунар» (люди постарше хорошо помнят, что и в нашей области много десятилетий выходила областная газета с таким же названием, в которой ее корреспондентом пришлось поработать и мне). Вскоре после своего приезда Смеляков стал ее ответственным секретарем. Спустя много лет, вспоминая свою работу в трудовой коммуне, Смеляков писал в стихотворении «Машенька»:

«А я в те дни, не требуя поблажки, вертясь, как черт, с блокнотом и пером, работал в заводской многотиражке ответственным ее секретарем».

Этой очаровательной Машеньке (Марии Мамоновой) посвящены строки из стихотворения «Майский вечер»:

«Чего ж, сероглазая, ты смеешься? Неужто опять над любовью моей?

То глянешь украдкой. То отвернешься. То щуришься из-под широких бровей»...

Память о чувстве к Марии Мамоновой осталась у Смелякова на всю жизнь: о своих чувствах убеленный сединами поэт писал:

«Я Машеньку и ныне вспоминаю на склоне лет, в другом краю страны. Любил ли я ее? Теперь не знаю,— мы были все в ту пору влюблены».

Мария Мамонова — не единственное сердечное увлечение Смелякова. В 1939 году в «Молодой гвардии» было опубликовано его стихотворение «Лирическое отступление», посвященное Валентине Аркадьевне Макаровой. По словам старожилов,

происходила она из семьи донских казаков и внешностью напоминала знаменитую актрису Тамару Макарову. Обращенное к этой женщине «Лирическое отступление» отличается особой нежностью и глубиной чувства, бережным отношением к возлюбленной, несмотря на то, что она не отвечает с той же силой.

Перед войной молодой поэт плодотворно работает. Он пишет цикл «Крымские стихи», его произведения выходят в свет в «Молодой гвардии», «Литературной газете», «Красной нови», журнале «30 дней». Из его лучших произведений 1940—1941 годов наиболее известны «Если я заболею, к врачам обращаться не стану» и «Хорошая девочка Лида».

В 1948 году выходит в свет его книга «Кремлевские ели», куда включены стихи, написанные до и после войны. В «Литературной газете» появляется критическая статья, где высказывается мнение, что сборник «Кремлевские ели» лишь внешне оптимистичен, а по сути стихи Смелякова «всегда о смерти». Вновь начинается его травля. Вскоре Смелякова по доносу арестовывают и осуждают.

Несправедливое заключение поэт отбывает в приполярной Инте, где работает на добыче доломита. Поэзия снова помогла ему выстоять. В лагере в стихотворении «Мы не рабы» Смеляков писал:

«Как же случилось, что я, запевала-поэт, стал — погляди на меня — бессловесным рабом? Не в чужеземном пределе, а в отчем краю, не на плантациях дальних, а в нашей стране, в грязной одежде раба на разводе стою, номер раба у меня на согбенной спине».

По-видимому, до конца жизни Смеляков так и не нашел полностью удовлетворяющего его ответа на этот вопрос, что было одной из причин внутреннего трагизма, заметного в его облике. В ссылке Смеляков сочинил первую часть поэмы «Строгая любовь» о делах и чувствах, нежных и не очень, его ровесников, учившихся в школе. До 1956 года поэт оставался в Заполярье. Спустя десятилетие он писал в стихотворении «Воробышек» о влетевшей к нему в окно птичке, ставшей предвестницей освобождения:

«До Двадцатого до съезда жили мы по простоте — безо всякого отъезда в дальнем городе Инте».

После XX съезда КПСС Смелякова полностью освободили. Вернувшись в Москву, на квартире первой жены Ярослав Васильевич читает друзьям по перу первую часть поэмы «Строгая любовь», и в том же 1956 году она выходит из печати отдельной книгой. К сожалению, поэма так и осталась незавершенной. Смеляков ограничился лишь набросками второй части.

После освобождения жизнь Смелякова внешне складывается вполне благополучно. Он вновь восстановлен в Союзе писателей, руководит отделением поэтов, ведет раздел поэзии в журнале «Дружба народов». Любовь к поэзии, к искусству, сочеталась у талантливого поэта с любовью к природе, к людям, к животным. В его двухкомнатной квартире в Москве и на даче в Переделкино жили две собаки-дворняжки, а в последний год жизни поэт подобрал на улице беспородного щенка. Трогательные, дышащие любовью и состраданием стихи Смеляков написал о домашних любимцах и других «братьях меньших»: «Воробышек», «Ягненок», «Собака», «Собачьи морды», «Недопесок»...

Жене Татьяне поэт посвятил несколько стихотворений, самое красивое среди которых «Зимняя ночь»: о возвращении из гостей по заснеженным ночным улицам Ленинграда с любимой, которая в снежных «блестках похожа на русскую зиму-зиму». Стихотворение заканчивается словами:

«*И с тебя я снимаю снежинки, как Пушкин снимал соболей».*

Такое сравнение не случайно. Смеляков очень почитал великого русского поэта,

написал о нем немало стихов, поверял свои произведения по нему, очень болезненно переживал его смерть на дуэли, по советской традиции осуждая за это царизм и виня Наталью Николаевну Пушкину. О жене великого поэта Смеляков в 1959 году написал резкое стихотворение «Натали», представление о котором дает последнее четверостишие:

«Мы не забыли и сегодня, что для тебя, дитя балов, был мелкий шепот старой сводни важнее пушкинских стихов».

Спустя годы Смеляков понял, что был не прав, когда с таким осуждением и неуважением писал о Наталье Николаевне, и сочинил «Извинение перед Натали», прося ее позабыть прежнее стихотворение, как при жизни она смогла «забыть великого поэта — любовь и горе всей земли». Таков был характер неистового Смелякова. Однако его поэзия иногда была красноречивее его самого. Так, в стихотворении о Красной площади, где по ощущениям автора «и сейчас еще воздух насыщен электричеством ленинских слов», есть глубокое и для тех времен очень нетривиальное по внутреннему содержанию четверостишие, которое могло бы стать самостоятельным произведением:

«Над клубящейся пылью Вселенной, над путями величья и зла, как десницу, Василий Блаженный тихо поднял свои купола».

В 1950—1960-е годы Смеляков много пишет, переводит с разных языков народов СССР и социалистических стран сочинения национальных поэтов. Его лучшие стихи выделяются на общем фоне зрелостью и обобщенностью чувств, чистотой и благородством тона, мужской смелостью и приглушенным трагизмом. Одна за другой издаются и переиздаются книги Смелякова: однотомники и двухтомники избранных стихотворений (1957, 1961, 1964, 1967, 1970), «Строгая любовь» (1957, 1967), «Работа и любовь» (1960, 1963), «Разговор о главном» (1959), «Золотой запас» (1962), «Хорошая девочка Лида» (1963), «Милые красавицы России» (1966), «Роза Таджикистана» (1966), «Товарищ комсомол» (1968), «Молодые люди. Комсомольская поэма» (1968). В 1968 году Смеляков был удостоен Государственной премии СССР за книгу «День России», ставшую явлением в советской поэзии. Книга эта потом неоднократно переиздавалась.

Писал Смеляков и стихи, публиковать которые в то время было невозможно: «Три витязя» о репрессированных друзьях-поэтах. Характерно отношение Смелякова к прошлому своей Родины, выраженное в афористичной «Надписи на «Истории России» Соловьева»:

«*История не терпит суесловья, трудна ее народная стезя.*

Ее страницы, залитые кровью, нельзя любить безумною любовью и не любить без памяти нельзя».

В последние 10—15 лет своей жизни Смеляков — признанный, маститый поэт, любимый читателями. Он выступает на радио, в телевизионных передачах, гораздо больше других советских литераторов ездит по стране, бывает в зарубежных командировках, встречается с молодыми поэтами России и других республик, многие из которых с благодарностью вспоминают его строгую, но всегда доброжелательную и справедливую критику. Начинающим литераторам он помогает публиковаться, отечески опекает их, никогда не унижая достоинства. Ярослава Васильевича уважают за стоический характер, принципиальность, доброту, юмор.

Здоровье Смелякова, подорванное в лагерях, резко ухудшилось в конце 1960-х годов. В стихотворении «Сердце» он писал, размышляя над словами Генриха Гейне: «Если мир треснет, трещина пройдет через сердце поэта»:

«*Мир был разъят и обесчещен, земля крутилась тяжело.*

Ах, сколько их, тех самых трещин по сердцу самому прошло!»

До последних дней жизни он продолжал писать хорошие стихи, встречаться с молодыми литераторами, творчество которых курировал, с друзьями. Поэт немного не дожил до своего 60-летия и скончался 27 ноября 1972 года. После смерти Смелякова вышли в свет его книги «Мое поколение» (1973), «Служба времени» (1975), собрание сочинений в трех томах (1977—1978) и другие издания. Во второй половине 1980-х годов стали печататься и его стихотворения, которые раньше не пропустила бы цензура.

Ярослав Смеляков был крупным русским поэтом, но не гениальным мыслителем и провидцем. Словно подводя итог своему творчеству, незадолго до смерти он написал:

«Что делать? Я не гениален, нет у меня избытка сил, но все ж на главной магистрали с понятьем собственным служил».

Критик В. В. Дементьев так оценивал творчество Смелякова: «Его лучшие строфы написаны на высокогорном уровне». «Он часть нашей жизни и часть нас самих»,— отмечал эмигрант Н. М. Коржавин. Несколько десятков стихотворений Смелякова, даже по мнению критиков его творчества, прочно вошли в сокровищницу русской поэзии. Это стихи о вечном: о состояниях человеческой души, о любви к женщине, к матери, к Родине, к животным, к природе, о труде и подвигах ради этой любви.

И в заключение, еще один интересный момент, связывающий маститого поэта с тульским краем: одно время Ярослав Смеляков был редактором альманаха «День поэзии», который теперь ежегодно издается и в нашей области.

Валерий Маслов,
лауреат литературной премии
им. Ярослава Смелякова

НОВОСТИ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИНФОРМИРУЕТ

****

Уважаемые друзья, коллеги!

14 декабря 2017 года в Бунинском зале Библиотеки № 12 им. И. А. Бунина ГБУК города Москвы «ЦБС ЦАО» состоялось общее собрание Академии российской литературы (московское отделение), посвященное итогам творческой деятельности в 2017 году.

В ходе собрания состоялось избрание нового президента Академии. Леонид Ва-

сильевич ХАНБЕКОВ выступил с обзором деятельности Академии в 2017 году, поблагодарил литераторов за совместную работу и внес на рассмотрение кандидатуру известного российского писателя, поэта и публициста, члена МГО СП России Игоря НЕХАМЕСА*. Единогласным решением Игорь НЕХАМЕС избран президентом Академии российской литературы, а Леонид Васильевич ХАНБЕКОВ (по состоянию здоровья) — Почетным президентом Академии.

Игорь НЕХАМЕС поблагодарил участников собрания и выступил с программным сообщением о перспективах развития и совершенствования деятельности Академии на предстоящий период.

Итоги работы организационного отдела в уходящем году подвел Евгений СКОБЛОВ, по общим вопросам творческой деятельности выступили Михаил МОРОЗОВ, Петр ГУЛДЕДАВА, Хелью РЕБАНЕ, Ахмет САТТАР. Также состоялось награждение Почетной грамотой Академии за достигнутые успехи в творческой и общественной деятельности. В числе награжденных члены Академии: Нина ПОПОВА, Елена ЩЕРБАКОВА, Валентина ГОНЧАРОВА (г. Геленджик), Елена СТЕПАНОВА, Ольга КАРАГОДИНА, Хелью РЕБАНЕ, Александр ТАРАСОВ, Евгений СКОБЛОВ, Яков ШАФРАН (г. Тула). Всем участникам собрания были вручены специальные знаки Академии российской литературы. После окончания собрания члены Академии передали в дар библиотеке свои книги.

Правление Академии РЛ выражает глубокую благодарность и признательность заведующему библиотекой им. И. А. Бунина Елене Владимировне НИКОЛЬСКОЙ и руководителю Бунинского зала библиотеки Татьяне Сергеевне БОГОЯВЛЕНСКОЙ за содействие и помощь в организации проведения собрания.

Автор фото — Ольга КАРАГОДИНА

****

Орготдел Академии РЛ

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ СООБЩАЕТ

****

Уважаемые друзья, коллеги!

В адрес Академии РЛ поступили сообщения от коллектива журнала «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ», осуществляющего свою творческую и организаторскую деятельность в составе Академии российской литературы.

---

* Игорь Нехамес — член Московской городской организации Союза писателей РФ, член Союза журналистов России и Москвы, лауреат многих премий, в том числе дважды лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

****

Дорогой Игорь Маврович!

Коллектив редколлегии журнала «Приокские зори», членом которой Вы являетесь, сердечно поздравляет Вас с избранием Президентом Академии российской литературы. Надеемся, что содружество Академии и журнала «Приокские зори», выходящего под эгидой Академии, будет постоянно крепнуть.

От имени руководства журнала дружески Ваш А. А. Яшин.

****

Редакция и редколлегия журнала «Приокские зори», выходящего под эгидой Академии российской литературы, сердечно благодарит Леонида Васильевича Ханбекова за дружеское многолетнее сотрудничество Академии и журнала. Надеемся на дальнейшее сотрудничество.

Редакция журнала «Приокские зори».

****

Орготдел Академии РЛ

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ СООБЩАЕТ

****

14 декабря 2017 состоялось собрание организационного отдела АРЛ, в рамках которого выступил его руководитель Скоблов Евгений Маркович.

Основные вопросы:

— о трудностях АРЛ;

— об уплате взносов;

— о дисциплине членов АРЛ;

— корректировке списков членов АРЛ;

— уточнении данных по выданным удостоверениям;

— о работе с партнерами АРЛ: альманах «СЛОВО» (г. Геленджик), журнал «Бийский вестник» (г. Бийск), журнал «Приокские зори» (г. Тула), альманах «Ковчег» журнала «Приокские зори» (г. Тула), альманах «Донская Сотня» (г. Каменоломни);

— о дружественных изданиях: российско-болгарский альманах «Содружество», новый литературный международный журнал «Новые Витражи», «Общеписательская литературная газета», МГО СПР газета «Московский литератор»;

— о проведении книжных выставок в Москве и за рубежом;

— о работе группы АРЛ в интернете.

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПРЕДСТАВЛЯЕТ

****

Уважаемые друзья, коллеги!

Предлагаем вашему вниманию выступление президента Академии российской литературы Игоря НЕХАМЕСА на общем собрании академии 14 декабря 2017 года в библиотеке им. И.А. Бунина.

https://www.youtube.com/watch?v=kNPwDfASvv8&feature=youtu.be

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПРЕДСТАВЛЯЕТ

****

Уважаемые друзья, коллеги!

Предлагаем вашему вниманию обзор № 4/2017

Литературно-художественного и публицистического журнала

«ПРИОКСКИЕ ЗОРИ» (г. Тула)

Главный редактор — Алексей ЯШИН

Правление Академии поздравляет коллектив журнала и авторов с новым изданием и желает дальнейших творческих успехов!

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИНФОРМИРУЕТ

****

Уважаемые друзья, коллеги!

Представляем информацию от редакции литературно-художественного и публицистического журнала «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ» (г. Тула)

****

Информационное письмо «Приокских зорь» № 11 от 16 декабря 2017-го года

Уважаемые читатели и авторы «Приокских зорь»!

Редакция журнала поздравляет Вас с наступающим Новым годом и 95-летием со дня образования Союза Советских Социалистических Республик (30.12.1922 г.) и желает Вам дальнейшего плодотворного сотрудничества с «Приокскими зорями». Мы — это Вы, а Вы — это мы, то есть только Вашими талантами будет и далее прирастать известность нашего журнала.

№ 4, 2017 «ПЗ» выйдет по графику 30.12. Прилагаем содержание журнала и его обложку. Желающие могут заказать экз-ры номера, написав Елизавете Михайловне Барановой по эл. почте elisafine@yandex.ru Большое спасибо тем из Вас, кто присылает экземпляры журнала в редакцию. Мы их, в свою очередь, рассылаем по ведущим литературным учреждениям страны. Это поднимает престиж журнала, где Вы публикуетесь. Многие заказывают журнал по указанному адресу. Чтобы Вам не тратиться на двойную пересылку (из Тулы Вам, от Вас в редакцию), проще всего при заказе журнала делать приписку в заказе: N-ое кол. экз. передать Яшину. Кто желает напечатать экз-ры журнала у себя, мы можем бесплатно выслать файл оригинал-макета. Для этого нужно сообщить на адрес priok.zori@mail.ru Вашу просьбу.

С уважением, редакция журнала «Приокские зори»

****

Орготдел Академии РЛ

Ольга Карагодина в Академия российской литературы

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПРЕДСТАВЛЯЕТ

****

Уважаемые друзья, коллеги!

Творческая встреча Ирины Кедровой, прозаика и драматурга, члена Союза писателей России, с читателями состоялась в Доме-музее К. С. Станиславского. Автор тепло и дружески рассказала о знаменитом Онегинском зале и о сотрудниках музея, в котором собрались участники встречи, об истоках и направлениях своего творчества.

Затем была представлена драматическая композиция по роману Ирины Кедровой «Войной украденная юность». Композиция и роман посвящены девушкам-бойцам противовоздушной обороны Москвы, защищавшим Москву в годы Великой Отечественной войны, москвичам, пережившим лихолетье, и городу, который выдержал натиск жестокого врага и выстоял благодаря своим защитникам.

Автор композиции Ирина Кедрова на основе документальных материалов, воспоминаний защитников Москвы, исторических фактов, описала тяжелую и героическую жизнь москвичей, уделив особое внимание девушкам-бойцам МПВО.

Актриса и режиссер Театра-лаборатории «Диалог» Антонина Дружинина превратила прозаический текст в драматическое произведение, обогатив его ролями дочери защитницы Москвы, медсестры, участницы ночного патруля, грузчицы, всех тех, о ком рассказывалось в композиции, а также фотографиями, плакатами, музыкальными произведениями.

Моноспектакль сопровождали: плакаты «Родина-мать зовет» (И. М. Тоидзе), «Будь героем» (В. Б. Корецкий), «Отстоим Москву!» (Н. Н. Жуков, В. С. Климашин), музыкальные произведения: «Хорошо на Московском просторе» (В. М. Гусев, Т. Н. Хренников), «Священная война» (В. И. Лебедев-Кумач, А. В. Александров), «Дорогая моя столица» (М. С. Лисянский, С. И. Агранян, И. О. Дунаевский), «Ах, какая будет тишина» (Л. П. Дербенев, А. Я. Эшпай).

Создатели композиции утверждают: сегодня каждый красноармеец, каждый партизан, боец противовоздушной обороны, работник тыла, сотрудник госпиталя – каждый, кто принимал участие в приближении Великой Победы,— герой! Это спектакль-память и глубокая благодарность поколениям, отстоявшим независимость Отечества.

Отзывы о творческой встрече и моноспектакле:

«С пожеланиями дальнейших творческих успехов» (З. Фомина, член Союза писателей РФ, секция драматургии ЦДЛ).

«До слез... До мурашек... Талантливо бесконечно!» (О. Берникова, художник, дизайнер, педагог, член Союза художников РФ).

«Дорогая Ирина Николаевна, огромное спасибо за встречу с Вами, за возможность прикоснуться к Вашей необыкновенно глубокой и нежной душе!» (Н. Полковникова, педагог).

«Исполнение великолепное, захватывающее! Большое спасибо за Ваш талант!». «Замечательно по содержанию и исполнению!».

«Спасибо за творчество, которое заставляет много думать о жизни!». «Благодарю за прекрасные произведения!».

«Спасибо автору и исполнителю за то, что дали еще раз понять, почувствовать и испытать чувство гордости за Россию!»

В № 1, 2018 г. газеты размещена заметка об общем собрании Академии российской литературы (см. предыдущий материал «Академия российской литературы информирует»).

http://www.m-s-p-s.ru/data/2018/01-18/01-18/2_OLG_198.pdf

В том же номере дана информация о Клубе лауреатов «Левши», с предложением создания которого выступила редакция журнала «Приокские зори».

http://www.m-s-p-s.ru/data/2018/01-18/01-18/23_OLG_198.pdf

НАМ ПИШУТ

Уважаемый Алексей Афанасьевич! С Новым 2018 годом!

Желаю Вам, всем Вашим близким бодрости и истинного счастья, а Вам и замечательному коллективу «Приокских зорь» еще и творческого вдохновения, душевных сил, единомышленников и интересных, по настоящему талантливых авторов, чтобы сохранять высокий художественный уровень издания.

Уходящий год, да и приближающийся, для меня был очень насыщенным (а для Вас тем более). После награждения Верховным Советом КНДР правительственным серебряным орденом Дружбы, корейцы провели презентации по всем восьми моим книгам, приурочив их знаменательным датам, которых немало и которые продолжаются в декабре и январе, а затем снова с апреля. Изданы по Пакистану две моих толстых книги, которые уже частично переведены на английский язык. Форум прошел в Исламабаде, а Академии Икбала в Карачи (одна из книг «Поэт — всевидящее око» посвящена 140-летию этого классика восточной литературы). Прошли презентации так же в посольстве (с награждением) и в московских библиотеках. В Непале издали четыре книги переводов прозы и поэзии, в которых я соавтор (перевела 10 поэтов и несколько прозаиков). Вышла в Непале и книга-интервью, где я литературный редактор. Издала 2 сборника своей студии, в издательстве книга по Тайваню. Так что весь год участвовала в Международных научных и творческих конференциях и форумах. 20 декабря прошел съезд ЛДПР, на котором выдвинули кандидатуру ВВЖ в президенты, и он произнес речь на два часа. В январе будут несколько конференций, в том числе Общественной палаты по установке монумента заживо сожженным во время немецкой оккупации, так как монументы Хатынь и Бабий яр теперь не российские. Уже несколько лет публикуем статьи в «Правде» по этой теме, а возглавляет эту нелегкую миссию поэт и публицист В. А. Фомичев. Вообще, дел сверх головы. Никак не соберусь послать новое Резцову и Шафрану (передайте им новогодние поздравления). Вообще, в «ПЗ» должны быть мои статьи, которые собирались печатать, посвященные Есенину, Л. Толстому, рецензия на книгу бывшего иранского посла о Л. Н. Толстом, которую издали к Тегеранской литературной конференции с участием Владимира Толстого. Так же циклы лирики и гражданской поэзии и поэмы, посвященные Маяковскому, Державину, Гагарину, которые уже частично вошли в конкурсные сборники. Постараюсь прислать новое после каникул (весьма условных).

Еще раз, дорогой Алексей Афанасьевич, всех благ Вам и коллегам и долголетия «Приокским зорям».

С искренним уважением Людмила и Геннадий Авдеевы.

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ!

Памятная Медаль ЦК КПРФ «100 лет Великой Октябрьской Социалистической Революции»

Редакция и редколлегия всероссийского ордена Г. Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори» поздравляет своих активных сотрудников с наградой Памятной Медалью ЦК КПРФ «100 лет Великой Октябрьской Социалистической Революции», которой они удостоены за патриотическую направленность своих произведений. Награждены: М. Г. Баланюк — зав. редакцией, Е. М. Баранова (Весина) — секретарь редакции, В. Г. Демидов — редактор, Г. Н. Маркин — зам. главного редактора, зав. отделом прозы, В. В. Резцов — зав. отделом поэзии, Я. Н. Шафран — зам. главного редактора, ответственный секретарь и А. А. Яшин — главный редактор.

Писатель Николай Иванов в четверг избран новым Председателем Союза писателей России

МОСКВА, 15 февраля. /ТАСС/. Писатель Николай Иванов в четверг избран новым председателем Союза писателей России большинством голосов на XV съезде организации. Председатель избирается сроком на пять лет.

С 1994 года пост председателя Союза занимал писатель, доктор исторических наук Валерий Ганичев.

На голосование были представлены два кандидата — депутат Сергей Шаргунов и Николай Иванов. По данным счетной комиссии, всего голосовало 164 делегата из 166, Иванов набрал 132 голоса.

Николай Иванов родился в 1956 году. Он закончил факультет журналистики Львовского высшего военно-политического училища. В 1981 году был направлен в Афганистан. Награжден орденом «За службу Родине в ВС СССР» III степени, медалью «За отвагу», знаком ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть».

В 1985 году назначен корреспондентом журнала «Советский воин», через семь лет стал его главным редактором. Он является секретарем правления Союза писателей России.

Иванов — автор 20 книг.

Подробнее на ТАСС: http://tass.ru/kultura/4962380

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

Литературно-художественный и публицистический журнал

Редакторы: А. А. Яшин, В. В. Резцов, Я. Н. Шафран, В. Г. Демидов
Корректоры: А. А. Яшин, В. Г. Демидов
Компьютерный набор: авторы
Компьютерная верстка и изготовление
оригинал-макета: С. В. Никитин

16+

В соответствии со ст. 27 Закона РФ «О средствах массовой информации» и Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», журнал предназначен для читателей старше 16 лет.

Журнал выходит в заказном тираже
с правом авторов на печатание ими бумажных экземпляров
ЛР № 020300 от 12.02.1997 г.

Дата выхода в свет 31.03.2018
Формат 70×108/16. Печ. л. 21,00
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж по заказам, не более 999 экз.
Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в Издательстве Тульского государственного университета.
Адрес Издательства: 300012, г. Тула, проспект Ленина, 92,
тел. (4872)35-36-20

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Наш журнал, как и большинство современных российских изданий, не имеет твердой финансовой базы. Издается он исключительно заботой и энергией редакционной коллегии. Кроме того, мы с самого начала издания журнала отвергли практику (порочную в своей основе) взимания оплаты публикаций с авторов.

Единственно, чем вы можете посильно помочь редколлегии,— это снять с нее финансовую заботу по первоначальному компьютерному набору текстов ваших произведений. Понятно, что литератор любит писать «от руки», в лучшем случае — на пишущей машинке. Но, полагаем мы, все же задача компьютерного набора решаема каждым из вас: наверняка, у каждого есть родственники, знакомые, друзья, владеющие компьютерной грамотностью. Наконец, сейчас широко развита сеть наборных услуг, вполне приемлемых по цене оплаты. В конце концов, каждый может позаботиться о судьбе своего детища — своего произведения.

Поэтому просьба предоставлять свои произведения в компьютерном наборе: CD-RW с файлом текста и 2 экземпляра распечатки. Набирать текст шрифтом Times New Roman Cir, размер 14 через 1,5 (компьютерных) интервала.

Обязательно приложите свое черно-белое или цветное фото и краткую биографическую справку.

Желательно все скомпоновать по образцу публикаций в «Приокских зорях». Просьба не присылать материалы «на выбор», а только то, что Вы хотите видеть опубликованным в одном номере журнала. Все материалы представляются в редакцию по «бумажной» почте: 300025, Тула, а/я 920, Яшину А. А. По электронной почте материалы высылать: прозу, включая публицистику и пр., по адресу: markingennady@yandex.ru — зав. отделом прозы Геннадию Николаевичу Маркину; поэзию — по адресу: sensei419@yandex.ru — зав. отделом поэзии Владимиру Вадимовичу Резцову.

Заказ экз. журнала — по адресу: elisafine@yandex.ru

С признательностью — редколлегия журнала.

ВРУЧЕНИЕ ЗНАКОВ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ «ЛЕВША» ИМ. Н. С. ЛЕСКОВА ЛАУРЕАТАМ 2017-ГО ГОДА

На фото: на общем собрании Тульского отделения Союза писателей России 23 декабря 2017 года в Тульской областной универсальной научной библиотеке зам. главного редактора «Приокских зорь» Г. Н. Маркин, зав. редакцией М. Г. Баланюк и председатель правления Тульского регионального отделения Союза писателей России Н. А. Жуков вручают Валерию Кулешову наградные знаки премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

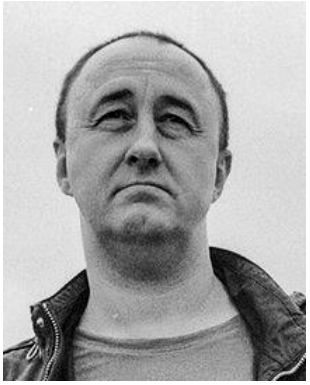
На фото: на Дне литератора Курской области в Курской областной научной библиотеке им. Н. Н. Асеева председатель правления Курского регионального отделения Союза писателей России Николай Иванович Гребнев вручает Ольге и Наталье Артемовым знаки премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЛАУРЕАТОВ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ «ЛЕВША» ИМ. Н. С. ЛЕСКОВА ЗА ЛУЧШИЕ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ» ЗА 2017 ГОД

Виталий Яковлевич Кузнецов — в жанре прозы. Удостоен звания лауреата за публикацию рассказов в № 2, 2017 «ПЗ» и за активное участие во всероссийском литературном процессе. Живет и работает в городе Северомуйске, Бурятия. Член Европейского конгресса литераторов, учредитель и главный редактор литературного журнала «Северо-Муйские огни».

Валерий Владимирович Кулешов — в жанре поэзии. Удостоен звания лауреата за публикацию подборки стихотворений Personalia в № 1, 2017 «ПЗ». Живет и работает в городе Щекино Тульской области. Член Союза писателей России и Союза журналистов СССР (1990). В 1987 году окончил Литературный институт им. А. М. Горького Союза писателей СССР (семинары С. А. Поделкова и В. Д. Цыбина).

Ольга Викторовна и Наталья Викторовна Артемовы — удостоены звания лауреата за публикацию серии очерков «Герои, которых мы знаем» в № 2, 2017 года «ПЗ». Живут и работают в поселке Медвенка Курской области. Члены Союза писателей России, лауреаты и призеры многих областных и всероссийских литературных конкурсов.



Вадимир Вадимович Трусов — в жанре литературоведения. Удостоен звания лауреата за публикацию литературоведческих очерков в №№ 2—4, 2017 «ПЗ» и за активное участие во всероссийском литературном процессе. Живет и работает в городе Мончегорске Мурманской области. Член Союза писателей России. Работал в промышленности и на телевидении, сейчас занимается литературно-концертной деятельностью.